

Я.Р. ВИННИКОВ

ХОЗЯЙСТВО
КУЛЬТУРА И БЫТ
СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Я.Р. ВИННИКОВ

ХОЗЯЙСТВО,
КУЛЬТУРА И БЫТ
СЕЛЬСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

В книге сообщается много интересного о жизни, культуре, быте туркменского народа, приводятся важные сведения о географии и экономике республики.

Страницы книги расскажут читателю о закономерностях социалистических преобразований в хозяйстве, материальной и духовной культуре туркмен, семейном и общественном быте.

Автор подробно описывает народные обычаи — свадьбы, торжества при рождении ребенка и др.

Книга богато иллюстрирована. Она будет полезна этнографам, историкам, экономистам, специалистам сельского хозяйства, партийным работникам, преподавателям и студентам гуманитарных и экономических факультетов, а также широкому кругу читателей.

Ответственный редактор

Н. А. КИСЛЯКОВ

Яков Романович Винников

**Хозяйство, культура и быт
сельского населения Туркменской ССР**

Редактор издательства Л. С. Кручинина
Технический редактор Э. Л. Кунина

Сдано в набор 10/VII 1968 г.
Подписано к печати 5/III 1969 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1. Усл. печ. л. 20,5.
Уч.-изд. л. 20,3. Тираж 2000 экз. Т-03853.
Тип. зак. № 848. Цена 1 р. 49 к.

Издательство «Наука».
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ВВЕДЕНИЕ

50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции туркменский народ вместе со всеми народами многонационального Советского Союза торжественно отметил огромными успехами, достигнутыми во всех отраслях народного хозяйства и культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

За годы Советской власти Туркменистан из отсталой национальной окраины царской России превратился в социалистическую республику с высокоразвитой промышленностью, крупным многоотраслевым механизированным сельским хозяйством.

До победы Великого Октября территория расселения туркмен была разделена между царской Россией (Закаспийская область Туркестанского генерал-губернаторства, где обитало 43,2% от общей численности туркменского населения), Хивинским (до 29,8%) и Бухарским (27%)¹ ханствами.

Туркмены жили обособленными родоплеменными группами (более 30 племен и несколько сот их подразделений), постоянно враждовавшими между собой. Вследствие этого, а также из-за господства патриархально-феодалных отношений и крайней экономической и культурной отсталости у них не сложилось политической и экономической общности. Постоянные феодальные войны между Ираном, Хивой, Бухарой и межплеменные набеги самих туркмен, организовывавшиеся феодально-племенной знатью, опустошали страну и обрекали трудовые массы туркмен на нищету и страдания.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в истории человечества — эпоху крушения капитализма и феодализма и утверждения нового, советского социалистического строя. С первых дней своего существования Советская власть провозгласила политику мира и дружбы, равенство и суверенность всех народов России, сплотивая их под знаменем пролетарского интернационализма.

¹ «История Туркменской ССР», т. II. Ашхабад, 1957, стр. 249.

В результате победы Октябрьской социалистической революции и неуклонного проведения в жизнь политики Коммунистической партии по национальному вопросу туркменский народ с помощью братских народов СССР совершил исторический скачок от патриархально-феодального строя к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Он в октябре 1924 г. при национально-государственном размежевании Средней Азии воссоединился в едином национальном государстве — Туркменской ССР. «Проведение размежевания, — говорил М. И. Калинин, — не является актом, продиктованным свыше и надуманным в условиях кабинетной работы, оно сделалось отражением действительных чаяний и ожиданий трудовых народов, населяющих Советский Восток»². Образование Туркменской ССР и создание Коммунистической партии Туркменистана оказали огромное влияние на всестороннее развитие народного хозяйства республики, на консолидацию туркменского народа, формирование туркменской социалистической нации.

Важнейшее значение в жизни туркменского народа, как и других прежде отсталых народов России, имели решения X и XII съездов РКП(б) по национальному вопросу. Так, X съезд партии определил задачу партии — «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке...»³

Практическое осуществление этой программы проявилось в социалистической реконструкции народного хозяйства, в индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и культурном строительстве. За годы Советской власти Туркменистан прошел большой и славный путь развития. Из отсталой окраины царской России он благодаря героическому труду населения республики и огромной помощи братских народов превратился в передовую социалистическую индустриально-колхозную республику, в одну из основных хлопководческих, каракулеводческих и шелководческих баз СССР. В советском Туркменистане созданы такие важнейшие отрасли промышленности, как

² «Туркменская искра», 13 ноября 1924 г.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1953, стр. 559.

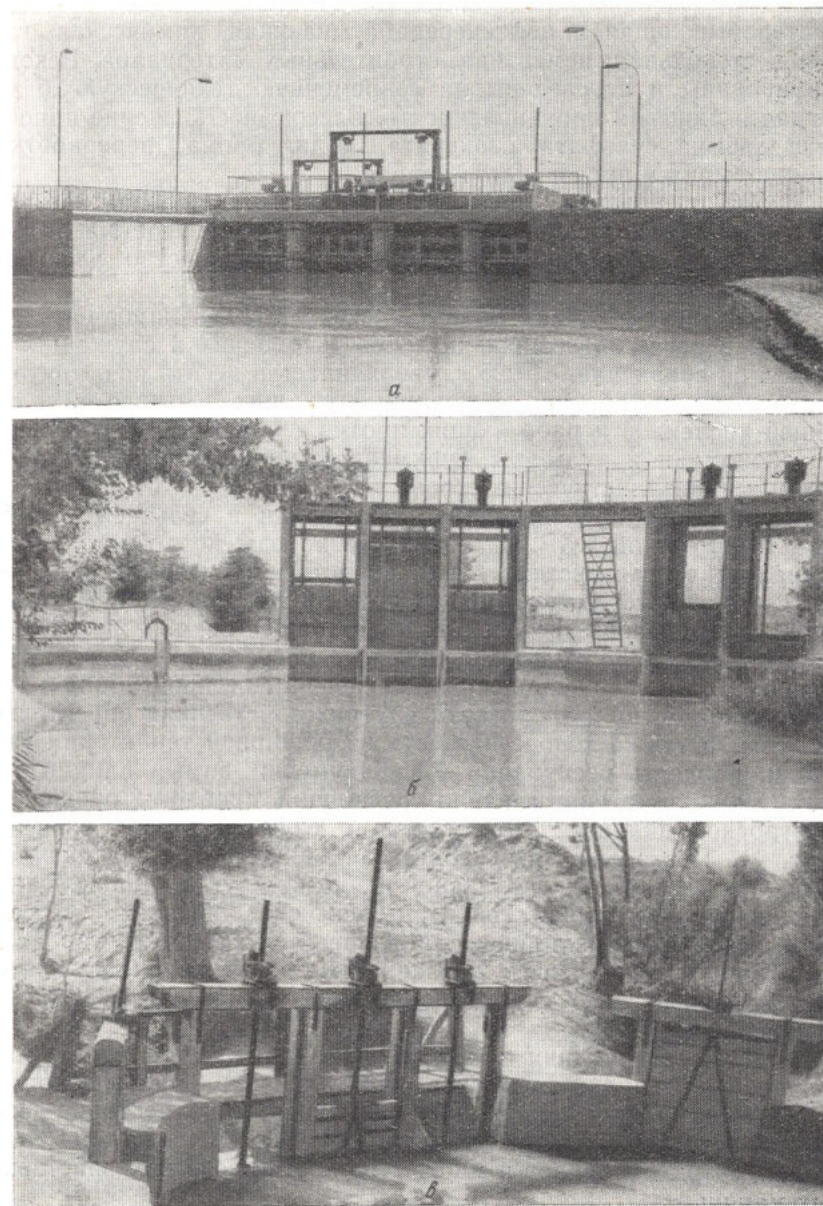

Рис. 1. Ирригационные сооружения:

а — шлюзы Северного Каракумского канала; б — регулятор канала в Туркмен-кала; в — регулятор канала в колхозе им. Жданова Керкинского района

нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая, химическая, газовая, стекольная, цементная, строительных материалов. Реконструированы и переведены на современную техническую базу легкая и пищевая промышленности. Всесоюзное значение приобрела добыча сульфата, озокерита, йода, брома, переработка хлопка-сырца и производство ковров.

В 1967 г. валовая продукция всей промышленности республики возросла по сравнению с 1913 г. в 33 раза. Добыча нефти за этот период увеличилась в 92 раза, производство электроэнергии в 629 раз⁴.

В результате бурного развития всех отраслей народного хозяйства и роста экономики численность рабочих и служащих в 1967 г. по сравнению с 1925 г. увеличилась в десять раз, притом число женщин-работниц и женщин-служащих достигло 42% от общей численности работающих против 7% в 1925 г.⁵ По уровню экономики и культуры Туркменистан превзошел ряд зарубежных капиталистических стран.

Крупнейшие преобразования произошли в сельском хозяйстве Туркменской ССР. В результате победы колхозного строя социалистическая система стала единственной формой ведения сельского хозяйства, развивающегося на базе высокой механизации и передовой агротехники. В настоящее время в республике действует около 3200 км крупных магистральных и межхозяйственных каналов, оснащенных инженерными ирригационными сооружениями, широко развита внутрихозяйственная оросительная сеть, а также колодезная сеть на обширной территории пастбищ. Гордость республики — Каракумский, самый длинный в мире, 800-километровый, канал, решивший проблему орошения Мургабской долины, Тедженского и Копет-Дагского оазисов (рис. 1). Построены также Бассага-Керкинский, Карабекаульский, Советябский, Ташсакинский и многие другие каналы, Ташкепринское, Колхозбентское, Сары-Язынское, первое и второе Тедженское водохранилища. Заканчивается строительство второй очереди крупнейшего Хаузханского водохранилища. Работает Дарьялыкский, Озерный коллекторы и многие другие ирригационные объекты.

Колхозы республики также проделали большую работу по укрупнению поливных участков, капитальной планировке полей и по строительству мелкой ирригационной и коллекторно-дренажной сети. На полях республики работают десятки тысяч тракторов, сотни комбайнов и множество других сельскохозяйственных машин.

Современная техника, используемая в сельском хозяйстве,

⁴ «Туркменистан за годы Советской власти». Ашхабад, 1967, стр. 27; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

⁵ Там же, стр. 93, 96; «Туркменская искра», 4 декабря 1968 г.

дальнейшее развитие орошения позволили существенно расширить посевные площади, поднять урожайность и увеличить производство сельскохозяйственной продукции, особенно ее ведущей отрасли — хлопководства. Так, производство хлопка-сырца за советские годы увеличилось по сравнению с 1913 г. более чем в 10 раз, мяса по сравнению с 1940 г. в 2,2 раза, шерсти — в 2,9 раза, каракуля — в 2,9 раза, шелковичных коконов — в 1,9 раза⁶. Огромная роль в достижении этих успехов принадлежит специалистам сельского и водного хозяйства, а также тысячам отличных мастеров хлопководства и животноводства, из числа которых более двухсот человек удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

За годы Советской власти в Туркменистане осуществлена подлинная культурная революция, важнейшим итогом которой явилась ликвидация такого социального зла, как неграмотность. В дореволюционной Туркмении лишь 7 человек на 1000 жителей владели элементарной грамотностью. Советский Туркменистан — это страна сплошной грамотности, с тысячами школ, с десятками средних специальных и высших учебных заведений. В 1967/68 г. в республике работало 5 вузов, 29 техникумов и других специальных учебных заведений, 1570 общеобразовательных школ. Количество школ по сравнению с 1914 г. возросло в 27 раз, численность учащихся — в 82 раза, а число учителей — в 81 раз⁷.

Республиканская Академия наук имеет в своем составе 58 научных учреждений, в том числе 24 научно-исследовательских института и их филиала, 15 научных и опытных станций. Несоизмеримо выросли и кадры научных работников. На 1 октября 1967 г. в научных учреждениях республики работало 3060 сотрудников, в том числе 45 докторов и 844 кандидата наук. В настоящее время среди докторов и кандидатов туркмены составляют 63%⁸. За годы Советской власти выросли и многочисленные национальные кадры специалистов с высшим и средним образованием в различных отраслях народного хозяйства и культуры республики, расцвела наука, литература и искусство.

Создана широкая сеть лечебных и лечебно-профилактических, а также культурно-просветительных учреждений. Большую роль в культурной жизни населения играют печать и радио. В результате огромных социально-экономических преобразований в корне изменился весь уклад жизни, быт и мировоззрение людей. Если раньше их отношения между собой определялись законами шарията, догмами корана и социальным положением,

⁶ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 27; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

⁷ Там же, стр. 119—122.

⁸ Там же, стр. 129—130.

то теперь они строятся на принципах социализма, дружбы и равенства. Иным стал характер труда колхозников. В колхозах и совхозах развивается соревнование за коммунистические отношения к труду, в котором участвуют десятки тысяч колхозников и рабочих совхозов.

В Туркменской ССР значительно увеличилась численность населения. Если в 1926 г. здесь насчитывалось 998 тыс. человек, то в 1959 г. было уже 1516 тыс. человек, а на 1 января 1967 г. население республики достигло 1966 тыс. человек⁹.

По данным Всесоюзной переписи 1959 г., из общей численности населения в сельских местностях живет 815,6 тыс. и в городах 700,8 тыс. человек. Среднегодовой прирост населения (естественный прирост и миграция) в 1959—1965 гг. 56 тысяч человек. Мужчины составляют 48,1%, женщины 51,9% всего населения. Детей до 16 лет, по данным переписи, в 1959 г. было 39,2%, людей трудоспособного возраста (мужчины — 16—59 лет, женщины — 16—54) — 50,7%, лиц старших возрастов 10,1%. Самодеятельного населения в 1959 г. насчитывалось среди мужчин 47,7%, среди женщин 32,2%; 48,6% его было занято в сельском хозяйстве, 26,7% — в промышленности и на транспорте¹⁰. Естественное движение населения республики за последние десятилетия характеризуется высокой рождаемостью и низкой, все снижающейся смертностью. Естественный прирост с 17,4 в среднем на 1 тыс. человек в 1940 г. возрос до 31,8 в 1967 г.

Средняя плотность населения 3,8 человека на 1 км². В зависимости от историко-экономических и природных факторов плотность населения в Туркменской ССР сильно варьирует. Наиболее густо заселены долины Аму-Дарьи, Мургаба, Теджена и районы Копет-Дага, т. е. территории с развитым поливным земледелием. Здесь на 1 км² приходится 60—100 человек, в пределах культурной зоны других районов республики плотность населения составляет 25—50 человек, в зоне освоения новых земель Каракумского канала — 5—10 человек, а в районах интенсивно используемых пастбищных территорий Каракумов — 1—3 человека, в остальных местах — менее 1 человека на 1 км². Крупнейшие города: Ашхабад — 238 тыс., Чарджоу — 88 тыс., Мары — 59 тыс., Ташауз — 60 тыс., Красноводск — 49 тыс., Небит-Даг — 49 тыс. жителей (все на 1967 г.).

Большие изменения произошли и в отношении национального состава населения. Так, общая численность туркмен, составляющих основное население республики, с 1926 по 1959 г., несмотря на эмиграцию зажиточных слоев местного населения за пределы страны, особенно в период борьбы с басмачеством, уве-

личилась на 28,3%, узбеков — на 19,3%, каракалпаков на 66,6%, татар — в шесть раз, русских и украинцев — более чем в три раза.

Среди небольших по численности народностей, живущих в Туркменистане, следует назвать азербайджанцев, армян, белуджей, курдов и корейцев. Многонациональны все учебные заведения республики. Все национальности и народности живут единой, дружной семьей.

* * *

Всестороннее этнографическое исследование закономерностей социалистического преобразования хозяйства, условий труда и производственного быта, происходящих ныне этнических и культурно-бытовых процессов представляет большой научный и практический интерес. Однако в прошлые годы этнографическое изучение этих вопросов велось, как правило, на материалах отдельных колхозов, а иногда районов.

Это и побудило нас взять на себя задачу рассмотрения социалистических преобразований хозяйства, культуры и быта сельского населения Туркменской ССР в целом.

В настоящей работе сделана попытка осветить и выявить сущность новых прогрессивных явлений, наиболее характерных для современного производственного, общественного и домашнего быта сельского населения Туркменской республики в целом. Особое внимание уделяется выяснению путей преобразований и факторов, оказавших влияние на развитие этих процессов в отдельные исторические периоды социалистического строительства.

Предметом исследования были следующие вопросы:

1. Родоплеменной и национальный состав населения Туркменистана во второй половине XIX — начале XX в., расселение туркменских племен и других народов, а также современные этнические процессы.

2. Исследование аграрных отношений и хозяйственной жизни туркмен до победы Великого Октября, особенно коренных изменений в производственном быте и общественной жизни трудящихся масс колхозной деревни в связи с социалистическим преобразованием сельского хозяйства, кооперативного и колхозного строительства, развития общественного хозяйства колхозов и совхозов республики.

3. Изучение материальной культуры туркмен и пути ее преобразований.

4. Изучение семьи, ее численности, культурного уровня, участия трудоспособных членов в производстве и в общественной жизни.

5. Всестороннее историко-этнографическое исследование опыта социалистического строительства, обусловившего победу куль-

⁹ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 24.

¹⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР». М., 1963, стр. 11, 44—45, 50.

турной революции в Туркменистане. Культурная революция, являющаяся составной частью сложного процесса строительства социализма, на всех этапах своего развития несла повышение культурного уровня трудящихся масс, обновление их быта и изменения сознания людей.

Все это В. И. Ленин рассматривал как факторы общественного развития¹¹. Эти факторы, как отмечалось на XXIII съезде КПСС, в настоящее время приобрели еще большую актуальность.

«Настала пора,— говорил с трибуны XXIII съезда КПСС Ш. Р. Рашидов,— глубоко изучить и обобщить всемирно-исторический опыт решения национального вопроса в СССР, всесторонне исследовать объективные процессы расцвета и сближения наций, развития и взаимообогащения культур братских народов и национальных языков в условиях строительства социализма и коммунизма»¹².

Наконец, изучение и обобщение форм и методов социалистического преобразования хозяйства, культуры и быта сельского населения Советского Туркменистана имеют большое практическое значение для народов зарубежного Востока, как для тех, которые уже освободились от колониальной зависимости, так и для тех, которые вступили на путь борьбы за ликвидацию колониального гнета. Невиданные в истории изменения в культуре и в быту, в общественной жизни туркменского народа — убедительный пример наиболее правильного пути быстрой ликвидации патриархально-феодальной отсталости, возрождения и успешного развития экономики и национальной культуры.

В данной работе нет возможности охватить все важные и актуальные вопросы исследуемой темы. Мы рассматриваем только основные, наиболее интересные, с нашей точки зрения, вопросы, связанные с социалистическими преобразованиями и развитием наиболее прогрессивных явлений в период социализма и развернутого строительства коммунизма. Для показа отдельных сторон жизни туркмен в их историческом развитии основному изложению современного материала предшествует краткий экскурс в более раннее время — с первой половины XIX в.

Задача этнографического изучения процесса социалистического преобразования хозяйства, производственного и домашнего быта, материальной и духовной культуры, семейной и общественной жизни сельских жителей Туркменистана — очень актуальна и вместе с тем очень трудна, поскольку все происшедшие и происходящие изменения, рост и утверждение нового, прогрессивного и постепенное отмирание старого приходилось наблюдать и изучать в ходе непрерывного развития, а не в сложившейся уже форме. Трудность эта усугублялась еще и тем, что

процессы изменения производственного и домашнего быта, культуры, общественных и семейных отношений в разных колхозах, районах и областях проходили с разной степенью интенсивности, к тому же в зависимости от местных условий различны и сами факторы, ускоряющие или, наоборот, замедляющие процессы развития или внедрения в быт нового.

Книга написана в основном на материале, непосредственно собранном автором в процессе полевых работ Туркменского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии Академии наук СССР в 1957, 1958, 1960, 1963, 1965 и 1968 гг., проводимых главным образом в бассейне Средней Аму-Дарьи, в наименее изученной области. Каждое пребывание автора в туркменских селениях в течение двух-трех месяцев позволило собрать значительный этнографический материал по всем темам данной работы.

Ценный материал был получен при сплошном историко-этнографическом обследовании всей земледельческой территории долины Средней Аму-Дарьи, большей части Мургабского, Тедженского оазисов и частично районов Копет-Дага. Нами было проведено также стационарное этнографическое изучение колхозов им. Жданова и «Коммунизм» Керкинского района, им. Халтурина и им. Жданова Чарджоуского района, «Москва» Дейнауского района, «Москва» Саятского района, «Тезе-ел» Байрам-Алийского района, «Зарпчи» Марыйского района и «Победа» Иолотанского района. Наконец, проверены и дополнены накопленные нами за 17 лет (1925—1941 гг.) работы в Туркменской ССР материалы проведения земельно-водной реформы, землеустройства, кооперативно-колхозного строительства. Проверка всех этих материалов и сбор этнографических данных проводились нами во время названных экспедиционных работ во многих районах Туркменистана, и в частности в зоне 800-километрового Каракумского канала и в районах Копет-Дага, включая Кизыл-Арватский и Кара-Калинский районы. Кроме того, был собран необходимый материал в колхозах с туркмено-узбекским населением Каракульского и Алатского районов Бухарской области Узбекистана.

Сбор этнографического материала проводился путем наблюдения общественного и производственного быта туркмен в колхозных поселках, на полевых станах, на животноводческих фермах, в чабанских бригадах южных Каракумов, сельских культурно-бытовых, медицинских учреждениях, а также домашней жизни рядовых колхозников, руководящих колхозных кадров и сельской интеллигенции.

Среди наших информаторов были не только отдельные колхозники и руководители колхозного и сельского актива, но и целые группы людей пожилого возраста, хранившие воспоминания о давних временах. Они сообщали интересные сведения об

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 256; т. 30, стр. 22.

¹² «Правда», 31 марта 1966 г.

истории формирования и расселения родоплеменных и этнических групп, об их социально-экономических отношениях, о жизни, быте и культуре в дореволюционные и в доколхозные годы, о классовой борьбе, о событиях, связанных с процессами социалистического переустройства сельского хозяйства, культурного строительства, об изменениях в семейно-брачных отношениях, воспитании детей, в производственной, общественной и культурной жизни сельского населения. При этом сообщения одних информаторов всегда проверялись, уточнялись и дополнялись свидетельствами других сведущих лиц. Пользуясь методом ретроспективного изучения, мы многие описания форм быта, характерные для дореволюционного прошлого и утраченные в периоды бурных исторических событий или исчезнувшие в результате социально-экономических изменений, восстанавливали в ряде случаев по рассказам информаторов, помнивших о них.

В процессе полевых этнографических работ в 12 колхозных селениях долины Средней Аму-Дарьи по аэрофотоснимкам сделана сплошная дешифровка типов жилища и хозяйственно-производственных сооружений, а в колхозах им. Жданова и им. Халтурина было проведено подворное обследование 548 семей (дворов) колхозников. Наконец, ценный документальный материал представляют многочисленные зарисовки и фотографии предметов материальной культуры и быта сельских жителей Туркменистана.

По истории туркмен и Туркменистана имеется довольно большое количество источников, ей также посвящена обширная литература как дореволюционных, так и советских авторов.

Одним из наиболее ранних и важных источников по истории и этнографии туркмен, сложения их племенных организаций и объединений являются сочинения Абульгази¹³, а также работы арабских и персидских историков, опубликованные в сборнике «Материалы по истории туркмен и Туркмении»¹⁴.

Среди работ дореволюционных авторов следует назвать использованные нами труды, которые мы условно разбиваем на три группы. Первая — это крайне небольшая по количеству литература, принадлежащая перу путешественников, посетивших Туркмению до ее присоединения к России. В числе этих работ наиболее важными следует назвать книги А. Дженкинсона, Н. Н. Муравьева, Н. Ханькова, Г. С. Карелина, Г. И. Данилевского, М. Н. Галкина¹⁵. В этих книгах содержатся хотя и отрывочные, но интересные этнографические сведения о родоплеменном составе туркмен, их численности, расселении, занятиях, социально-экономическом положении, нравах и обычаях. Особый интерес представляют описания Г. И. Данилевского и Н. Ханькова, посвященные характеристике Хивинского и Бухарского ханств, где авторы анализируют положение в них туркмен, их взаимоотношения с соседними народами.

Относительно меньшее значение для нас имеют работы А. Борнс, К. Бодэ, А. Вамбери и др.¹⁶ Работа с этими источниками требует большой осторожности и критического подхода.

Вторая группа работ — это литература, относящаяся к периоду от присоединения Туркмении к России (1873—1884 гг.) и до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Среди работ этой группы примечательны описания М. Алиханова, Н. Г. Петрусевича, И. Ибрагимова, П. М. Лессара и др.¹⁷, посвященные главным образом военно-стратегическим задачам. В них с различной полнотой и достоверностью дана географическая характеристика края, родоплеменное деление туркмен, их занятия, быт, нравы, социальные отношения. Другая, более значительная часть литературы о туркменах, относимая нами к этой же второй группе, принадлежит перу чиновников русской (частично гражданской, а главным образом военной) администрации, находившейся в Туркмении после ее присоединения, общественных деятелей и ученых (книги А. И. Княшко, А. Ломакина, М. В. Грулева, Ф. А. Михайлова, К. М. Федорова, В. В. Руסיнова и др.)¹⁸.

1820 годах, ч. I. М., 1822; Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; Г. С. Карелин. Путешествие по Каспийскому морю. «Зап. РГО по общей географии», т. X. СПб., 1883; Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. «Зап. РГО», т. V, 1851; М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1867 и 1869.

¹⁶ А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. 3. М., 1849; К. Бодэ. О туркменских поколениях и гокланах. «Зап. РГО», т. II, 1847; он же. Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря. СПб., 1856; А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М., 1867.

¹⁷ М. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883; Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии. «Зап. Кавк. отд. РГО», кн. XI, вып. I, СПб., 1880; И. Ибрагимов. Некоторые заметки о хивинских туркменах и киргизах. «Военный сборник», т. 98, № 9, СПб., 1874; П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения (земли сарыков и салоров). СПб., 1885; он же. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. «Изв. РГО», т. XX, 1884.

¹⁸ А. И. Княшко. Военный обзор Закаспийской области. Асхабад, 1896; А. Ломакин. Обычное право туркмен (адат). Асхабад, 1897; М. В. Грулев. Некоторые географико-статистические данные, относящиеся к участку Аму-Дарьи между Чарджуем и Патта-Гиссаром. «Изв. Туркестанского отдела РГО», т. 2, вып. I. Ташкент, 1900; Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900; К. М. Федо-

¹³ Абуль-Гази Богадур-хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Асхабад, 1897; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази хана Хивинского. М. — Л., 1958.

¹⁴ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М. — Л., 1939; т. II, 1938.

¹⁵ А. Дженкинсон. Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг. В кн.: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» Л., 1938; Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и

Их работы в области этнографии тесно связаны с задачами освоения присоединенного края. Типична в этом отношении книга А. И. Кияшко, написанная на основе официальных данных, извлеченных из дел военного штаба, канцелярии начальника Закаспийской области, а также из докладов офицерского состава. Автор довольно подробно описывает положение и границы области, физико-географические данные, родоплеменное деление и расселение туркмен, пригодность их к военной службе. В его книге перечислены пути сообщения, водные источники, колодцы и т. д. Другой автор, К. М. Федоров, основываясь на опубликованных работах А. И. Кияшко, А. Ломакина, Ф. А. Михайлова и других, а также на личных наблюдениях, сделанных в течение 12-летнего пребывания в Туркмении, написал книгу, характеризующую хозяйственно-политическую обстановку в Закаспийской области в свете оправдания проводимой здесь колониальной политики. Наконец, в работе В. В. Русинова находим значительный фактический и довольно ценный материал, характеризующий родоплеменное деление и земельно-водные отношения у туркмен Мургаба и Копет-Дага. К использованию его данных следует подходить осторожно, чтобы не подпасть под влияние ошибочного толкования существа туркменской (текинской) водно-земельной общины. Отождествляя родовые подразделения с земельной общиной, автор допустил серьезную ошибку, поставив между ними знак равенства. Земельно-водная община туркмен, как это будет показано в главе II, — это территориальная, точнее соседская земельно-водная община; по своей социально-экономической форме она представляла организацию с характерными классовыми противоречиями, которые Русиновым не замечены, не выявлена им и эксплуататорская роль байства, духовенства, родоплеменной знати. Работы этой группы, несмотря на серьезные недостатки, привлекаются нами в порядке сравнения.

Третью группу литературы можно характеризовать такими сводными по истории Средней Азии, в частности по Туркмении, изданиями, как работы Н. Н. Гродекова, К. К. Пален, В. И. Масальского, Д. Н. Логофет, Н. А. Аристова¹⁹. В книге каждого из них обобщен различный по содержанию и характеру этнографический материал, заимствованный из работ других авторов, допускавших нередко серьезные неточности и искажения,

ров. Закаспийская область. Ее прошлое и современное. Асхабад, 1901; В. В. Русинов. Водно-земельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918.

¹⁹ Н. Н. Гродеков. Война в Туркмении в 1880—1881 гг., т. I—III. СПб., 1883; К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1913; Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 2. СПб., 1911; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности. «Живая старина», вып. 3, 4. СПб., 1896.

особенно в отношении родоплеменного и социального состава туркмен. Но наряду с этим их работы содержат немало оригинальных и ценных сведений, характеризующих хозяйственную жизнь, отдельные стороны материальной культуры и быта туркмен. Среди этих работ наибольший интерес представляет труд Н. А. Аристова, основанный на широком привлечении этнографических данных, исторических и антропологических материалов. Эта работа явилась в свое время крупным вкладом в изучение этнической истории тюркских племен и народов Средней Азии, в том числе и некоторых туркменских племен, и потому во многих отношениях не утратила своей ценности и в настоящее время.

После Октябрьской революции началось более интенсивное и глубокое этнографическое изучение этнического состава, культуры и быта туркмен. В первое десятилетие Советской власти в Туркменистане литература по истории и этнографии туркмен обогатилась такими важными работами, как труды В. В. Бартольда²⁰, А. А. Семенова²¹, И. П. Магидовича²², Ага Каррыева, В. Г. Мошковой, А. Н. Насонова, А. Ю. Якубовского²³, основанными на изучении первоисточников — рукописных документов, актов, служебных записок, архивных и полевых материалов, народных преданий и поэтому представляющие значительный научный интерес.

Особенно следует остановиться на труде одного из первых советских авторов, Г. И. Карпова²⁴, исследовавшего этнический состав туркмен, историю формирования и расселения многих родоплеменных групп, культуру и быт, обряды и обычаи и т. д. Его работы по истории и этнографии туркмен явились крупным вкладом в науку, во многих отношениях не утратили своей ценности и занимают важное место в современных историко-этнографических исследованиях. Большой интерес представляют

²⁰ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963.

²¹ А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства. Ташкент, 1929; и др.

²² И. П. Магидович. Материалы комиссии по районированию Средней Азии. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I. Бухара — Ташкент, 1926.

²³ Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Насонов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.

²⁴ Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк, 1925; он же. Туркмены (материалы к истории туркменских племен). «Туркменоведение», 1927, № 4; он же. Туркмения и туркмены. «Туркменоведение», 1929, № 10, 11; он же. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад, 1940; он же. О туркменах эсенхановского юрта. «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1946, № 3—4; он же. Этнический состав туркмен (дисс., рукопись, Б-ка им. М. Горького, МГУ, 1942); и другие публикации.

также труды С. П. Толстова²⁵, В. Г. Мошковой²⁶, Г. Е. Маркова²⁷, А. А. Рослякова²⁸, Ю. Э. Брегеля²⁹ и др.

Серьезными исследованиями, посвященными социально-экономическим и аграрным отношениям туркмен дореволюционного периода, являются труды М. А. Немченко³⁰, Гаипа Непесова³¹, Ф. К. Максимовича³², Н. А. Кислякова³³ и др. Их работы различны по характеру, но содержат немало ценных сведений, привлеченных нами в порядке сравнений и аналогий.

Существенное значение для истории и этнографии туркмен имеют работы Карашхан-оглы Иомудского³⁴, К. Мухамедбердыева³⁵, Б. П. Пальвановой³⁶, К. Г. Алиевой³⁷ и др.

Обширны и разнохарактерны по своему содержанию работы Г. П. Васильевой³⁸, основанные главным образом на поле-

вом материале. Среди них особый интерес представляют прежде всего труды, посвященные изучению родоплеменного и этнического состава населения и его расселения, этнических процессов, социалистического преобразования культуры, быта и некоторых других вопросов истории и этнографии туркмен Юго-Западного и Северного Туркменистана.

Большую ценность для нас представляют этнографические данные о туркменах юго-восточного побережья Каспийского моря, туркменах-салырах, йомутах, имеющиеся в работах А. Джикиева³⁹.

Немалый интерес представляют работы К. Овезбердыева, посвященные этнографическому изучению туркмен-сарыков, семье и семейным отношениям туркмен Мургаба и Теджена⁴⁰. Важны и ценны для нас работы Ш. Аннаклычева, посвященные изучению формирования рабочего класса и социалистическому преобразованию культуры и быта рабочих⁴¹.

Большой научный интерес вызывают работы А. Оразова, характеризующие расселение, этнический состав прибалханских туркмен, их хозяйство, материальную культуру, быт и т. д.⁴²

Обстоятельные сведения об этнографии туркмен-мурчали содержит работа М. Д. Овезова⁴³, а по вопросу генезиса и типах поселений туркмен работа В. А. Левиной⁴⁴.

стана». «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XLVIII (48). М.—Л., 1961; она же. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VII. Ашхабад, 1963; она же. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. «Сов. этнография», 1964, № 6; и др.

³⁹ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961; он же. Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров. М., 1964; он же. К истории расселения туркмен-салыров в XVI—начале XX в. «Исследования по этнографии туркмен». Ашхабад, 1965; и др.

⁴⁰ К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI. Ашхабад, 1962; он же. Современная семья и семейные отношения у туркмен Мургабского и Тедженского оазисов. М., 1964; и др.

⁴¹ Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага. Ашхабад, 1961; он же. Роль промышленных центров в процессе сближения национальностей. «Сов. этнография», 1964, № 6; и др.

⁴² А. Оразов. Расселение и этнический состав прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX века. «Вестник МГУ». Серия ист. наук, 1961, № 6; он же. Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в Северо-Западной Туркмении в конце XIX—начале XX века. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI. Ашхабад, 1962; он же. Поселения и жилища прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX века. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VII. Ашхабад, 1963; и др.

⁴³ М. Д. Овезов. Туркмены мурчали. «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», т. IX. Ашхабад, 1959.

⁴⁴ В. А. Левина. К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии). «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», т. IX. Ашхабад, 1959.

²⁵ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; он же. Города гузов. Историко-этнографический очерк. «Сов. этнография», 1947, № 3; он же. Древний Хорезм. М., 1948; и др.

²⁶ В. Г. Мошкова. Племенные «голи» в туркменских коврах. «Сов. этнография», 1946, № 1; она же. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. II. Ташкент, 1950; и др.

²⁷ А. А. Росляков. Туркмены и огузы. «Уч. зап. Туркменского гос. ун-та», вып. 3. Ашхабад, 1955; он же. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956; и др.

²⁸ Г. Е. Марков. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961; он же. К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. «Сов. этнография», 1953, № 4; и др.

²⁹ Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961.

³⁰ М. А. Немченко. Динамика туркменского крестьянского хозяйства. Полторацк (Асхабад), 1926.

³¹ Г. Непесов. Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917—1936 гг.). Ашхабад, 1950.

³² Ф. К. Максимович. Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960.

³³ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX века. М.—Л., 1962.

³⁴ Карашхан-оглы Иомудский. Очерки туркменского быта. «Туркменоведение», 1928, № 9; и др.

³⁵ К. Мухамедбердыев. О формировании туркменской социалистической нации. «Труды Туркменского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС», т. I. Ашхабад, 1955.

³⁶ Б. П. Пальванова. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин-туркменок. Ашхабад, 1957.

³⁷ К. Г. Алиева. Женщины Советского Туркменистана. Ашхабад, 1950.

³⁸ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. М.—Л., 1954; она же. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952; она же. Работы туркменского отряда в 1954—1956 гг. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959; она же. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казах-

Заслуживают внимания и положительной оценки публикации, написанные в основном на полевых исследованиях К. Нурмухамедова⁴⁵, А. Н. Пиркулиевой⁴⁶, К. Ниязклычева⁴⁷, К. Атаева⁴⁸. В их публикациях находим довольно полное, оригинальное и правильное описание формирования отдельных групп туркмен, тех или иных сторон их хозяйственных занятий, культуры и быта в прошлое и настоящее время.

Наконец, следует особо отметить такие теоретического и практического значения работы, как статью В. К. Гарданова, Б. О. Долгих и Т. А. Жданко «Основные направления этнических процессов у народов СССР»⁴⁹, статью Т. А. Жданко «Ленинская национальная политика на новом историческом этапе»⁵⁰ и статью Т. Ф. Аристовой и Г. П. Васильевой «Об этнических процессах на территории Южной Туркмении»⁵¹. Важными обобщающими трудами по истории туркмен явились коллективный труд «История Туркменской ССР»⁵² и «Народы Средней Азии и Казахстана»⁵³, где последовательно освещаются история, хозяйственная жизнь, культура и быт туркмен с древнейших времен до наших дней.

В дополнение к полевым и литературным материалам автор изучил и использовал относящиеся по тематике к настоящей работе неопубликованные документы из Центрального государственного архива Туркменской ССР (далее — ЦГА ТССР), Чарджоуского и Марыйского областных архивов, Чарджоуского городского архива, а также архива Чарджоуского областного Комитета Коммунистической партии Туркменистана, архива Туркменского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС, ЦГА Узбекской ССР, архива Академии наук в Ленинграде. В перечисленных архивохранилищах содержится обширный материал по интересующим

нас темам. Наряду с этим были использованы данные официальных отчетов и докладов Министерства сельского хозяйства Туркменской ССР, Чарджоуского и Марыйского областных управлений сельского хозяйства, Чарджоуского областного статистического управления, а также многих колхозов, сельских и районных Советов Туркменской ССР. Были изучены также экспонаты Музея краеведения и Музея изобразительных искусств Туркменской ССР и коллекции Государственного музея этнографии народов СССР.

При сборе материалов большую помощь автору оказали председатели колхозов и сельсоветов, работники партийных и советских районных, областных и республиканских организаций, а также сотрудники Института этнографии Академии наук СССР и Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР.

⁴⁵ К. Нурмухамедов. Из истории формирования туркменского населения Ахала. «Изв. АН Туркм. ССР». Серия общ. наук, 1960, № 6.

⁴⁶ А. Н. Пиркулиева. Народно-декоративное искусство туркмен Средней Аму-Дарьи конца XIX — начала XX в. «Изв. АН Туркм. ССР». Серия, общ. наук; и др.

⁴⁷ К. Н. Ниязклычев. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX — начала XX века. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии», т. VII. Ашхабад, 1963.

⁴⁸ К. Атаев. Из истории туркменского населения Атека. «Изв. АН Туркм. ССР», 1965, № 6.

⁴⁹ В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. «Сов. этнография», 1961, № 4.

⁵⁰ Т. А. Жданко. Ленинская национальная политика на новом историческом этапе. «Сов. этнография», 1960, № 2.

⁵¹ Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических процессах на территории Южной Туркмении. «Сов. этнография», 1964, № 5.

⁵² «История Туркменской ССР», т. I—II. Ашхабад, 1957.

⁵³ «Народы Средней Азии и Казахстана». «Народы мира. Этнографические очерки», т. I. М., 1962; т. II. М., 1963.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

РОДОПЛЕМЕННОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
НАСЕЛЕНИЯ ТУРКМЕНИСТАНА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Население Туркменистана в досоветское время отличалось пестротой этнического и родоплеменного состава. Это объясняется тем, что расселение туркмен на данной территории происходило в весьма сложных исторических условиях. Господство патриархально-феодалных отношений, частые захватнические походы соседних государств — Ирана, Хивы, Бухары и Афганистана, постоянная межплеменная вражда оказали большое влияние не только на расселение, но и на весь ход этнического развития туркмен. Сохранение вплоть до 20-х годов XX в. патриархально-родовых пережитков в общественном строе туркменского народа способствовало обособленности отдельных этнических групп. Дробность родоплеменного состава туркмен поддерживалась политикой хивинских и бухарских правителей, которые натравливали одну группу на другую.

¹ Этническая характеристика населения дается в сжатом изложении. Дополнительно см.: Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР». Серия этногр., т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 1—110, карта; он же. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. «Труды Ин-та этнографии», т. XXI. М., 1954; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. (Историко-этнографический очерк). «Труды Ин-та этнографии»; она же. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области ТССР. «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана». «Труды Ин-та этнографии», т. XLVIII. М.—Л., 1961; Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961; А. Джикнев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. (Историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961; он же. К истории расселения туркмен-салыров в XVI — начале XX в. «Исследования по этнографии туркмен». Ашхабад, 1965; Ф. К. Максимович. Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960; Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен. Полторацк, 1925.

Истории расселения туркмен посвящено много исследований². Все эти работы, как и материалы наших полевых исследований, показывают, что для туркмен в прошлом характерны частые массовые переселения, но в то же время устойчивое сохранение родоплеменной структуры и строгое соблюдение принципа родоплеменной принадлежности при расселении на новых местах.

Этническая история туркмен сложна. Их этногенез восходит к племенным союзам автохтонного населения арало-каспийских степей, тюркизация которого происходила еще в древности, но главным этническим элементом в их составе были огузские племена, часть которых, по свидетельству Тахира Мервези, еще в конце X в. стала именоваться туркменами. Передвижение сельджукских тюрков-огузов из присырдарьинских областей на обширную территорию Туркмении и последовавшее смещение их с местным населением привели к завершению в основных чертах формирования туркменской народности³. По Гардизи, туркмены уже в IX в. обитали в районе Серахса, Несы, Феразы, Баверды, Балхан и Дихистана, в Хорасане и на обширной территории Мангышлака⁴, а в XII в. и в округе Гургена⁵. По В. В. Бартольд, туркмены в XIII—XVI вв. уже занимали обширную территорию современного Туркменистана⁶. О расселении ряда туркменских племен в XV—XVI вв. на п-ове Мангышлак, в предгорьях Балхан, по берегам Сарыкамыш, Узбоя и Аму-Дарьи сообщает хивинский историк XVII в. Абульгази⁷. Сведения о туркменах содержится и в хрониках хивинских историков XIX в. Муниса и его преемника Агехи⁸. Ценнейшие материалы для изучения истории переселения туркмен в земледельческие оазисы дали исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции,

² «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М.—Л., 1939; т. II, 1938 (далее — МИТТ); «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.» Ашхабад, 1954; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1—2. Ашхабад, 1957; Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены. «Туркменоведение», Ашхабад, 1929; № 10—11; он же. Этнический состав туркмен. Канд. дисс. МГУ, 1942; В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 547—626; Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены в XIX веке. М., 1961; см. также указанные выше сочинения Г. Е. Маркова, Я. Р. Винникова, Г. П. Васильевой.

³ «Народы Средней Азии и Казахстана». I. Серия «Народы мира», М., 1962, стр. 84.

⁴ Гардизи. Зейн-ал-Ахбар. МИТТ, т. I, стр. 229—230; Абу-л-Фазля Бейхаки. Тарах-и-Бейхаки. МИТТ, т. I, стр. 237; Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джехан-наме. МИТТ, т. I, стр. 349.

⁵ Инша. Сборник официальных документов. МИТТ, т. I, стр. 314; Якут. Китаб му'джам-ал-булдан. МИТТ, т. I, стр. 420.

⁶ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 584—627.

⁷ Абульгази. Родословное древо тюрков, перев. Г. С. Саблукова. Казань, 1906, стр. 183—186.

⁸ Муниси Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 323—475.

результаты которых опубликованы в трудах С. П. Толстова и других участников экспедиции⁹.

Туркмены часто меняли свое местожительство. Для этого было много причин. В результате многолетних исследований было установлено, что передвижению туркмен способствовало, в частности, закрытие каналов, питавших Дарьярлык, — в XVII в. был прекращен приток воды в Сарыкамыш. Громадные земельные территории на берегах этого озера были заброшены туркменскими племенами уже тогда же, в XVII в.

Немаловажной причиной, вызвавшей переселение туркмен, например в долину Средней Аму-Дарьи, были и политико-экономические события XVI—XVII вв. Это прежде всего завоевание и поселение в Среднеазиатском междуречье кочевых и полукочевых дашты-кипчакских узбеков в XVI в. и создание Хивинского и Бухарского ханств¹⁰. Узбеки постепенно оседали в оазисах и занимали лучшие орошаемые земли, вытесняя туркменские племена.

Большие изменения в географии расселения туркмен вызвала борьба между феодальными государствами — Ираном, Хивой и Бухарой — не только за господство над земельными оазисами, но и за подчинение всей Средней Азии.

Существенное влияние на расселение туркмен оказали и опустошительные набеги калмыков, затем казахов, а особенно нашествие в 30—40-х годах XVIII в. крупнейшего иранского феодала Надира, ставшего в 1736 г. шахом Ирана. Спасаясь от грабежа и истребления, туркменские племена, обитавшие в долине Средней Аму-Дарьи, оставляли освоенные территории и уходили в низовья Аму-Дарьи, Узоя и в глубь Каракумов, по направлению к Балхану и Мангышлаку¹¹. В 1747 г., после смерти Надир-шаха, почти все туркменские племена вернулись в долину Средней Аму-Дарьи на прежние места обитания¹².

Изменения в составе и расселении туркменских племен происходили также и в результате постоянной вражды между крупными племенными группировками. Политическая раздробленность туркменских племен тормозила развитие процесса национальной консолидации, приводила к обособленности жителей долины Средней Аму-Дарьи, входившей в состав Бухарского ханства, населения Нижней Аму-Дарьи, находившейся в составе Хивинского ханства, а также жителей других историко-этнографических областей (Мургаба, Теджена, Копет-Дага).

⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 297—316; «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения». М., 1960, стр. 199—201, 347.

¹⁰ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 172—173.

¹¹ Мухаммед К а з и м. Надир-намэ или Китаб-и-Надир. МИТТ, т. II, стр. 158 и 159.

¹² «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 246; Мухаммед К а з и м. Указ. соч., стр. 179—180.

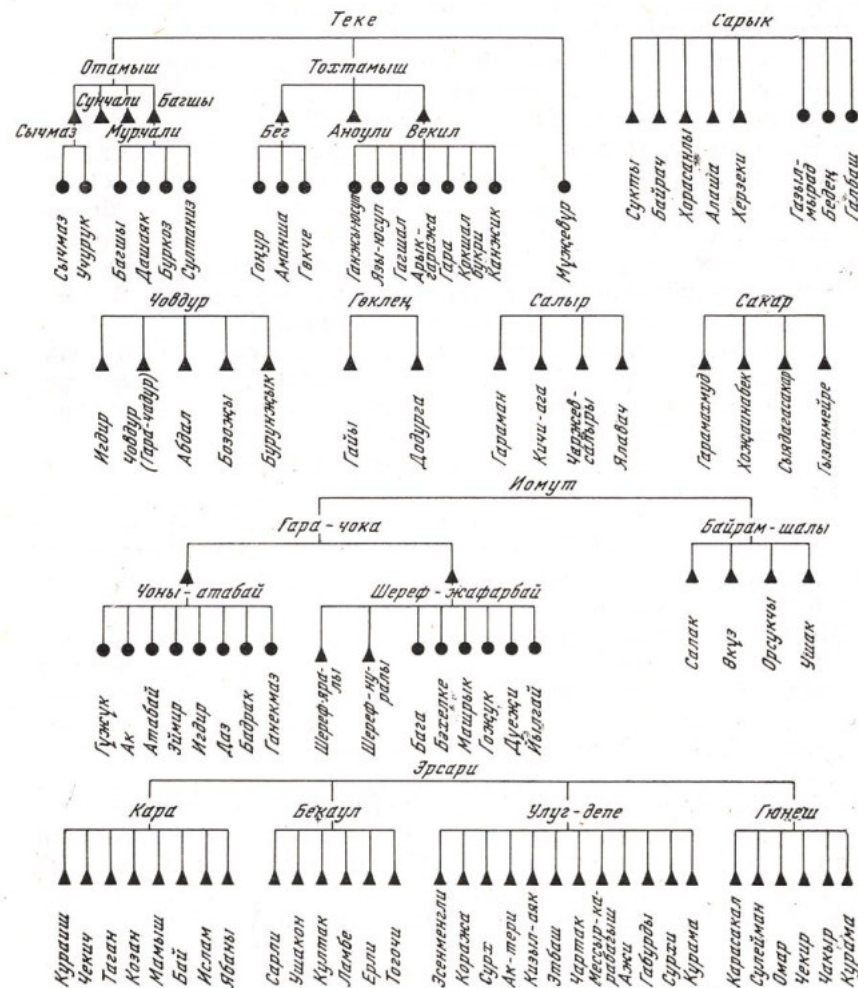

Рис. 2. Структура родоплеменного деления туркмен-теке, сарык, човдур, гоклен, салыр, сакар, йомут, эрсари

Пестрота населения Туркменистана определялась и тем, что у туркмен вплоть до советского времени устойчиво сохранялась сложная родоплеменная структура, при этом отдельные родовые и племенные подразделения имели свои особенности в культуре и быту. Туркмены делились на несколько племен (*тайпа*, *ил*), среди которых различались такие крупные, как *салыры*, *теке*, *эрсари*, *йомуты*, *сарыки*, *човдуры*, *гоклены*, *сакары*, *баяты* и множество более мелких. Племена в свою очередь расчленились

на группы (*уруг, тире*) и далее на более мелкие подразделения (*лакам, ковум, куде*)¹³.

В то же время почти все обследованные нами родоплеменные группы туркмен и узбеков на Средней Аму-Дарье, в Мургабском и Тедженском оазисах, частично в районе Копет-Дага, в Сумбаре и Чандыре сохраняли разветвленную и сложную родоплеменную структуру. Некоторые группы дробились и теряли свою обособленность, их части вливались в более крупные или образовывали новые подразделения в составе других тире или племен. Принадлежность отдельных родоплеменных групп туркмен к тому или иному объединению и даже мелких подразделений к более крупным не была постоянной и неизменной.

Приводимые на рис. 2 структуры племен отражают в большинстве случаев территориальные объединения, возникшие в силу определенных социально-политических и хозяйственно-экономических условий из различных этнических групп.

Подобного рода племена вполне закономерно входят в структуру родоплеменного деления туркмен, так как с распадом родового строя уже на протяжении многих веков не кровнородственные союзы, а именно такие этнически смешанные объединения, возникавшие под влиянием различных внешних факторов, определяли ход этнического развития туркменского народа.

Многие локальные группы туркмен, состоявшие из различных этнических элементов, сложились в период продвижения туркмен в южные земледельческие оазисы. Это переселение приобрело массовый характер в XVII в. и продолжалось и в первой половине XVIII в. В этот период эрсаринцы, сакары, салыры и другие более мелкие племена расселились в бассейне Средней Аму-Дарьи, *текинцы* — в Ахале и Мургабе, *йомуты, емрели, човдуры* — в Хорезме. Водворяясь на новых местах, они оттеснили часть местного полукочечевого и земледельческого населения на соседние территории. Так, значительная часть тюркоязычного и ираноязычного населения из бассейна Средней Аму-Дарьи с приходом туркмен ушла в Афганистан. Оставшиеся ассимилировались, приобретая со временем общие черты в культуре и быту с туркменскими этническими группами, в среде которых они находились.

Та или иная группа туркмен или небольшое племя селились вдоль одного или нескольких проведенных своими силами арыков, либо расчищенных старых. И арыки, и населенные пункты (кишлаки) назывались по имени жившего там племени или подразделения¹⁴.

¹³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, Ашхабад, 1957, стр. 8; «Народы Средней Азии и Казахстана». Серия «Народы мира», II, М., 1963, стр. 18.

¹⁴ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 73, л. 10; И. П. Магидович. Территория и население Бухары и Хорезма. «Материалы по районированию Средней Азии», ч. I. Бухара — Ташкент, 1926, стр. 241.

В силу этого расселение туркмен в XIX — начале XX в., как и в предшествующие два-три столетия, соответствовало основным звеньям их родоплеменной структуры. Топонимика служит одним из надежнейших источников, помогающих выяснить пути расселения наиболее крупных племенных объединений туркмен.

* * *

Историческая литература и архивные материалы не содержат указаний на то, какие туркменские племена пришли позже и какие раньше в земледельческие оазисы. Свои этнографические исследования мы долгое время вели в бассейне Средней Аму-Дарьи, с этого оазиса и начнем рассмотрение вопроса о расселении туркмен. Кстати, именно здесь локализовалось одно из крупнейших туркменских племен — салыры, которое играло большую роль в политической и экономической жизни туркмен.

Племя салыр называют одним из основных туркменских племен в своих родословных туркмен и Махмуд Кашгарский (XI в.), и Рашид-эд-Дин (XIV в.), и Абульгази Богадур-хан (XVII в.). Так называемые внешние салыры в XVI—XVII вв. стояли во главе обширного племенного объединения. В их состав входили тогда эрсаринцы, текинцы, сарыки, йомуты¹⁵. До недавнего времени салыры сохраняли предания об их общем происхождении с эрсаринцами, текинцами, сарыками, човдурами и йомутами, что подтверждается и выводами В. В. Бартольда, сделанными на основе письменных источников о брачно-племенных связях «внешних салыров»¹⁶, и А. Джикиева на основании исследования этногенеза туркмен-салыров¹⁷.

О том, что салыры были в XVI в. крупным племенем, свидетельствуют приводимые Абульгази сведения о размерах дани: хорасанские салыры и салыры на Мангышлаке платили по 16 000 овец, а теке, сарыки и йомуты все вместе — только 8000 овец¹⁸.

Салыры в этот период разделялись на «внешних» и «внутренних». Те и другие жили на Мангышлаке, восточном побережье Каспийского моря, в районе Балхан и в других пунктах на пути к Хорезму¹⁹.

¹⁵ Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 35; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 103; Я. Р. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области..., стр. 22—42.

¹⁶ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 593, 594.

¹⁷ А. Джикиев. Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров. М., 1964, стр. 1—8.

¹⁸ Абульгази. Родословное древо тюрков, стр. 186; В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 597—598.

¹⁹ В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. Зап. Вост. отд. РГО, т. XV, вып. 2 и 3. СПб., 1904, стр. 208; он же. Очерки истории туркменского народа, стр. 593—594; «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 181.

В XVI — начале XVII в. салыры, как и другие туркменские племена, занимавшие территорию к западу от Хорезма, вынуждены были из-за пересыхания Узбоя и Сарыкамышского озера покинуть эту территорию и уйти на юг и юго-восток, в сельскохозяйственные оазисы. Отдельные группы салыров ушли тогда в Хорасан²⁰, большая же их часть перекочевала в пределы Хорезма и вошла в подданство Хивинского ханства²¹. О пребывании салыров в Хиве есть древнее свидетельство Мухаммеда Казима²². Еще в середине XVIII в. они играли значительную роль в Хорезме²³.

В середине XVII в., в период феодальных междоусобиц, в частности во время правления Хивинским ханством Абульгази Богадур-хана, большая часть салыров и некоторые другие племена туркмен передвинулись вверх по Аму-Дарье в пределы Бухарского ханства. Воспользовавшись хозяйственным упадком и политической слабостью Бухарского ханства²⁴, туркменские племена, потеснив местное население, расселились по среднему течению Аму-Дарьи.

Оставшиеся в Хиве салыры в середине XVIII в. также откочевали в пределы Бухарского ханства²⁵.

По свидетельству Муниса и Агехи, салыры Чарджуя в 1769 г. принимали участие в походе Баба-бека из Бухары на Хиву и Хазарасп²⁶.

О пребывании в начале XIX в. салыров и других туркменских племен в приамударьинских районах Бухарского ханства сообщает Мир Абдуль-Керим Бухарский²⁷.

По данным П. П. Иванова, туркмены из племен эрсари, сарык, салыр занимали западные и юго-западные окраины Бухарского ханства. Туркменами же было заселено все пространство между Чарджуем и долиной Мургаба²⁸.

Основываясь на фольклорных данных, Г. И. Карпов и П. Б. Арбеков установили, что эмир бухарский, завоевав в начале XIX в. Мургаб, часть Хорасана и Афганистана, переселил большую группу салыров в районы Мургаба и Серахса²⁹. О пре-

бывании здесь салыров имеются сведения и в работах Н. Веселовского, Е. Е. Штейнберга и А. Джикиева³⁰.

В начале XX в. подразделения салыров занимали территорию по обоим берегам Аму-Дарьи, от Даяхатын Дейнаульского района на севере до Ходжа-кала (ныне Октябрьское) Чарджоуского района. Небольшие подразделения салыров жили в кишлаках Заргар, Куланчи, Учбаш, Эшекчи Чарджоуского района, Эгри-Ягыр Ходжамбасского района. Кроме того, три крупных подразделения салыров (*киги-ага, гараман, яловач*) после вытеснения их сарыками с Мургаба заняли почти всю территорию Серахского района.

Данные сплошного историко-этнографического обследования населения долины Средней Аму-Дарьи подтвердили родство живших здесь салыров с салырами Серахса. Более того, можно не сомневаться и в родстве приамударьинских и серахских салыров с салырами, которые, как известно по историческим источникам, в XVI—XVII вв. обитали в пределах Балхан и Узбоя.

Салыры, жившие в XVII—XIX вв. в бассейне Средней Аму-Дарьи, на территории Бухарского ханства (Чарджуйское бекство — ныне Чарджоуский, Дейнаульский и Фарабский районы — и Керкинское бекство — ныне Ходжамбасский и Керкинский районы) разбросаны среди других туркменских племен и *узбеков*, утратили племенное единство. Экономические и политические условия, в которых они находились в Бухарском ханстве, способствовали интенсивному смешению их с другими племенами туркмен и узбеками.

Племенное и национальное самосознание, единство языка, многие черты культуры и быта подтверждают общность происхождения девяти подразделений салыров: *крачли, яйчили, эрдели, араки, куланчи, эшекчи, еди-уруг, эгри и ягыр*. В преданиях и рассказах информаторов из среды салыров все эти подразделения связываются с именем Салыра, а местом, откуда прибыли их предки, называются Балханы, присарыкамышская дельта, Узбой, Хорезм. Наиболее древним из этих подразделений Абульгази считает *йаджи* (*йаджи*)³¹. Происхождение шести подразделений — *хандакли, копекли, меркит, акчик, газарчи и мугол* — информаторы не без основания связывают с дроблением племенных подразделений салыров и включением в их состав аборигенного тюркоязычного земледельческого населения, жившего в долине Средней Аму-Дарьи до прихода сюда салыров и других туркменских племен.

³⁰ Н. Веселовский. Очерки истории Хивинского ханства. СПб., 1877, стр. 306; Е. Л. Штейнберг. Очерки по истории Туркмении. М.—Л., 1934, стр. 9—27; и др.; А. Джикиев. К истории расселения туркмен-салыров... стр. 17—23.

³¹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази..., стр. 74.

²⁰ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 596—597.

²¹ Г. И. Карпов и П. Б. Арбеков. Салыры (салоры). «Туркменоведение», 1930, № 6—7, стр. 26.

²² Мухаммед К а з и м. Указ. соч., стр. 167.

²³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, стр. 426.

²⁴ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 9.

²⁵ Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 37—39; А. Джикиев. Этнографические данные по этногенезу туркмен-салыров, стр. 5.

²⁶ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль, стр. 352.

²⁷ Мир Абдуль-Керим Бухарский. История Средней Азии. МИТТ, т. II, стр. 202.

²⁸ П. П. Иванов. Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958, стр. 118.

²⁹ Г. И. Карпов и П. Б. Арбеков. Салыры (салоры), стр. 26—27.

Последняя, шестнадцатая, обособленная группа салыров — *дейнави*, — по мнению информаторов, которое разделяем и мы, образовалась в первой половине XIX в. из представителей различных подразделений туркмен и узбеков, живших в кишлаке Дейнау (небольшое базарное местечко) и занимавшихся земледелием, ремеслом и торговлей.

Длительное соседство, а в ряде случаев и совместное водопользование обусловили смешение различных компонентов как аборигенного, так и пришлого туркменского населения. Рассредоточенный характер расселения почти всех подразделений салыров среди туркмен (*баят, хыдыр-эли, арабачи, чандыр, эрсари*) и среди узбекского населения усилил процесс ассимиляции крупными более мелких иноплеменных и инонациональных групп населения. За пределами республики значительное число салыров обитало в оазисе современных Бухарской и Самаркандской областей Узбекской ССР. Потомки этих салыров в настоящее время уже слились с узбеками. Салыры живут в Иране, Афганистане.

Многочисленным и сильным туркменским племенем были также эрсари. По свидетельству Абульгази, эрсаринцы в XVI—начале XVII в. обитали в окрестностях Балханских гор и на среднем Узбое, где они жили вперемежку с салырами и входили в состав «внешних» салыров³². В соответствии со своей численностью, по свидетельству Абульгази, они платили властителю Хорезма Суфиян-хану такого же размера дань, как и салыры, — 16 000 баранов³³.

В начале XVII в. значительная группа эрсаринцев откочевала к Ургенчу и Везиру — на Дарьялык, который в то время был обводнен. Вместе с эрсари сюда перекочевали салыры и представители других туркменских племен. Приток туркмен в пределы Хорезма происходил и при Исфендияр-хане (1623—1643 гг.), который привлекал родоплеменную знать эрсари и салыров к управлению страной и сбору налогов³⁴. Но сложившаяся в последующие годы, т. е. при Абульгазе-хане (1643—1663 гг.), политическая обстановка, когда туркмены были лишены земли и воды, вынудила эрсари, как и другие группы туркмен, покинуть Хорезм³⁵. Большинство эрсаринцев откочевало по долине Аму-Дарьи в районы ее среднего течения³⁶. Другая группа эрсаринцев вернулась в пределы Балханских степей. Но вскоре снова

начала продвигаться на юг по предгорьям Копет-Дага и долине Мургаба, а к середине XVIII в. и эта группа эрсари уже укрепилась в долине Средней Аму-Дарьи³⁷.

Как видно из сообщений Мухаммеда Казима, Мир Абдуль-Керима Бухарского и других историков, эрсаринцы, ранее других прибывшие на Среднюю Аму-Дарью, занимали здесь обширную территорию — почти от Чарджоу (а точнее, от кишлака Чекич, ныне Саятский район) на севере до современной границы с Афганистаном на юге³⁸. Среди эрсаринцев небольшими компактными группами здесь жили туркмены *каркын, саятли, агар, олам, мукры, хараб* и др.

Согласно народным преданиям, эрсаринцы и пришедшие с ними на Среднюю Аму-Дарью другие небольшие племена туркмен восстанавливали здесь старую ирригационную систему или строили новые обводнительные каналы³⁹. Каждое племенное подразделение (*тире*) и многие мелкие группы (*куде*) имели свой особый арык, обычно бравший начало непосредственно из Аму-Дарьи.

Как уже говорилось выше, после гибели Надир-шаха эрсаринцы вместе с другими уходившими с нами на запад туркменскими племенами вернулись в долину Средней Аму-Дарьи. Расселяясь здесь, как и в свой первый приход, они вызвали перемещение местного населения. Чагатайские и некоторые другие племена были вытеснены ими в пределы Афганистана. Занимавшая северо-западную часть современного Керкинского района довольно значительная этническая группа *курама*, позднее присоединившаяся к эрсаринцам, вынуждена была в большинстве переселиться на правый берег Аму-Дарьи. Туркмены-чандыр и частично агары ушли в Сакар и Дейнау.

И до ухода в северо-западные районы и после возвращения эрсари на Средней Аму-Дарье играли активную политическую роль. Насчитывая в своем составе около 100 тыс. кибиток⁴⁰, они в XVIII в. занимали полунезависимое положение в Бухарском ханстве.

В конце XVIII в. отдельные группы эрсаринцев со Средней Аму-Дарьи вместе с сарыками и теке были переселены в Мургабский оазис, которым овладел тогда бухарский эмир Шах Мурад.

³² А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази..., стр. 76—77 и 103.

³³ Абульгази. Родословное древо тюрков, стр. 184; «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана», VIII—XIX вв., стр. 184—185.

³⁴ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 219, 223; Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль, стр. 326.

³⁵ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 229—230.

³⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 14.

³⁷ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 236; А. А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 112.

³⁸ Мухаммед Казим. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 156, 189—191; Мир Абдуль-Керим Бухарский. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 202; Мирза Мухаммед Таги-хан. Насих-ут-таварих. МИТТ, т. II, стр. 236; Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль, МИТТ, т. II, стр. 324, 421, 469; и др.

³⁹ А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 112; «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 236.

⁴⁰ «Атлас к путешествию в Туркмению и в Хиву гвардейского генштаба капитана Николая Муравьева». М., 1822, л. 13.

Позже часть эрсаринцев вернулась на места основного расселения своих соплеменников — в долину Средней Аму-Дарьи. Некоторые же небольшие группы эрсаринцев остались в Мургабском оазисе, на территории современных Байрам-Алийского и Туркмен-Калинского районов.

Эрсаринцы с давних времен делились на четыре крупные объединения: кара, бекаул, улуг-тепе и гюнеш, каждое из которых Абульгази называл народом или племенем⁴¹.

Тщательное изучение структуры этого племени позволило нам составить его генеалогическую схему, относящуюся к концу XIX — началу XX в. Согласно этой схеме, в составе эрсаринцев насчитывается свыше 600 различных по численности подразделений. При сопоставлении нашей схемы со схемой, составленной Г. И. Карповым⁴², и списком Комиссии по районированию Средней Азии⁴³ обнаруживаются существенные расхождения, особенно в отношении мелких подразделений иноплеменного происхождения.

Крупными группами иноплеменного и инонационального происхождения среди улуг-тепе и гюнеш являются подразделения курама, происхождение которых народные предания связывают с исконным земледельческим тюркским и отчасти ираноязычным населением, вытесненным эрсаринцами на правый берег Аму-Дарьи. Представители курама, как и некоторые другие небольшие этнические группы, жившие в долине Средней Аму-Дарьи, с целью самосохранения стали причислять свои подразделения к эрсаринским. Надо полагать, с той же целью в состав эрсаринцев вошли и такие мелкие этнические группы, как *машпаяли, ишанлар, шихлар, ушак, мангышлалы, сунджы, саятли, сурх, авган, джунат, калмакли* и др. Их происхождение недостаточно выяснено.

У эрсари и обитавших с ними по соседству других этнических групп с течением времени выработался общий тип хозяйства, определяемый одинаковыми условиями землевладения и водопользования. Между ними существовали тесные экономические связи. Все это привело к глубоким взаимовлияниям в языке, культуре и быте. Это один из многих примеров, подтверждающих мнение историков и этнографов о том, что в результате близкого соседства в течение многих десятилетий мелкие иноплеменные подразделения сливаются с крупными.

Группы ургенчи и *чаршанги* — потомки древних хорезмийцев⁴⁴, — по преданиям и некоторым литературным данным, в XVIII в. переселились в южные районы Средней Аму-Дарьи из

Ургенча⁴⁵. Живя долгое время в окружении эрсаринцев и находясь в зависимости от их родоплеменной знати, они восприняли их культуру и быт и сами причисляли себя к эрсаринцам.

Расселение туркмен-салыр, эрсари и всех других туркменских племен показано на карте (рис. 3).

Среди крупных туркменских племен, обитавших на Средней Аму-Дарье, после салыров и эрсари следует назвать сакар, составлявших в начале XX в. значительную часть населения Чарджуйского бекства.

Абульгази родоначальником сакаров называет Кабаджика — одного из дальних потомков Салыр-Казана⁴⁶. По данным М. Н. Галкина, сакары, как салыры, эрсаринцы и несколько других племен, происходят от Сеюн-хана⁴⁷.

Нам представляются правильными данные Г. И. Карпова, из которых следует, что сакары входили в эсенхановский союз туркменских племен, занимавших в XVI—XVII вв. обширную территорию от низовьев Аму-Дарьи до восточного побережья Каспийского моря⁴⁸. Не вызывают также сомнений сведения о появлении сакаров на Средней Аму-Дарье не позже конца XVII — первой половины XVIII в. Прямым подтверждением этого может служить довольно густая сеть древних арыков, носящих названия большинства их племенных подразделений, а также построенная в XVII — начале XVIII в. крепость Сакар. О туркменах-сакарах, обитавших в окрестностях Старого Чарджуя в 1822 г. и имевших свою крепость, сообщают и хивинские историки⁴⁹. А. Борнс, посетивший Чарджуй в 1831 г., отметил в числе обитавших здесь туркмен 2000 семей сакаров⁵⁰. По сведениям Н. Г. Петрусевича, туркменское племя сакар, в числе 3 тыс. кибиток, обитало по левому берегу Аму-Дарьи в 25 км выше Чарджуя⁵¹.

Сакары в середине XVIII в. представляли собой обособленную племенную группу, состоявшую из четырех крупных подразделений: *хаджаинабек, гарамахмут, сыядагсакар и гызанмейре* (см. рис. 2). Каждое из них расчленилось на более мелкие группы. Расселены они были компактно на юго-западе современ-

⁴⁵ Там же, стр. 240; Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 176, 179.

⁴⁶ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 70, 73, 74.

⁴⁷ М. Н. Галкин. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1869, стр. 5.

⁴⁸ Г. И. Карпов. О туркменах Эсенхановского юрта. «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1946, № 3-4. Ашхабад, стр. 21.

⁴⁹ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 422, 524.

⁵⁰ А. Борнс. Путешествие в Бухару, ч. III. М., 1849, стр. 349.

⁵¹ Н. Г. Петрусеви ч. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоек) и северными окраинами Персии. «Зап. Кавк. отд. РГО», т. XI, вып. 1. Тифлис, 1880, стр. 3.

⁴¹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 76.

⁴² Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен, стр. 1, табл. 2; он же. Этнический состав туркмен, стр. 64—67.

⁴³ И. П. Магидович. Указ. соч., стр. 240.

⁴⁴ Там же, стр. 269.

ного Чарджоуского района и в северо-западной части Саятского района.

Изучение структуры и генеалогии этого племени привело нас к выводу, что находившиеся в его составе подразделения *чагатай*, *кенегес*, *кутчили* и *хорасанли* имеют иное, чем сакары, происхождение.

Чагатаи, кенегесы и кутчилинцы, как показывают историко-этнографические данные, имеют общее происхождение с одноименными узбекскими племенами, обитавшими в XVIII—XIX вв., по сведениям И. П. Магидовича, на территории современных Кашка-Дарьинской, Бухарской и Самаркандской областей⁵².

Заслуживают внимания рассказы представителей старшего поколения отдельных групп чагатайцев, которые связывают происхождение своих предков с теми чагатайскими подразделениями, которые были вытеснены в Афганистан туркменами-эрсаринцами при их расселении в долине Средней Аму-Дарьи.

По мнению Н. Г. Малицкого, которое подтверждается исследованием Б. Х. Кармышевой⁵³, а отчасти и нашими полевыми этнографическими данными, все аборигенное тюркское и иранское по языку население юго-запада Мавераннахра в противоположность *дашти-кипчакским узбекам* стали называть себя «чагатайским народом». Каково бы ни было происхождение термина «чагатай» и каково бы ни было его значение в других местностях (в частности, в Пакистане и северо-западной Индии), в изучаемой области в 20-х годах XX в. это название, как справедливо считает Б. Х. Кармышева, являлось эквивалентом термина «сарт», который здесь не бытовал⁵⁴.

Группа хорасанли, по преданиям, связана своим происхождением с туркменским населением Хорасана, а группа кутчи (кутчили) — с одноименной узбекской группой, издавна обитавшей в бассейне Кашка-Дарьи.

Иноплеменные подразделения, жившие среди сакаров, благодаря тесным экономическим связям, усвоению языка и сближению культур постепенно сливались с сакарами.

Однако это положение не распространяется на хыдыр-эли (хызр). По свидетельству Абульгази, туркмены племени хыдыр-эли в XVI в. обитали по Аму-Дарье от Топ-Кара до Кара-Кечит⁵⁵; они занимались земледелием и платили Хиве дань зерном⁵⁶. В. В. Бартольд, основываясь на сообщении Абульгази,

утверждает, что от Пишгаха до места Кара-кечит жило племя *адаклы-хызыр*, составляя, очевидно, часть племени хыдыр-эли, жившего, вероятно, около крепости Адак, у места выхода Узбоя из Сарыкамышской впадины⁵⁷. С. П. Толстов отождествляет Адак с развалинами Ак-кала, расположенными у возвышенности Бетентау, к востоку от Сарыкамышы в низовьях ирригационной системы Дарьялыка⁵⁸. Название Пишгах, как было выяснено В. В. Бартольдом, носили колодцы на расстоянии одного большого перехода от Кунь-Ургенча, к югу от речного русла; к этим колодцам подходили колодцы Куртыш (место), где жил Хызр, от которого получило имя племя хыдыр-эли⁵⁹. В XVII в. хыдыр-элинцы, как и некоторые другие племена туркмен, переселились в Хорезм, а уже в XVIII в. большая их часть оточевала в пределах Средней Аму-Дарьи и Бухарский оазис⁶⁰.

Г. П. Васильева на основании своих полевых исследований справедливо связывает происхождение чарджоуских хыдыр-элинцев с хыдыр-эли, о которых сообщает Абульгази⁶¹. Результаты нашего этнографического изучения истории формирования и расселения хыдыр-эли на Средней Аму-Дарье полностью подтверждают эти выводы Г. П. Васильевой. За длительный период жизни в пределах Бухарского ханства хыдыр-элинцы, особенно те, которые обитали на территории Чарджоуского бекства (ныне Чарджоуский, Фарабский и Дейнауский районы), восприняли узбекскую культуру, вследствие чего многие хыдыр-элинцы во второй половине XIX — начале XX в. причисляли себя то к узбекам, то к туркменам. В настоящее время потомки хыдыр-эли в названных районах считают себя туркменами, а живущие в Бухарской области сливаются с узбеками.

Одно из древнейших туркменских племен — баяты. Оно упомянуто Махмудом Кашгарским среди туркменских племен XI в., названо в списке Рашид-эд-Дина XIV в. и в родословной туркмен Абульгази XVII в.⁶² По свидетельству этих историков, племя баят (*баяут*) входило в огузско-туркменский союз племен.

⁵⁷ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 595, 596.

⁵⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 313—314.

⁵⁹ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 595—596.

⁶⁰ Муниси Агехи. Фирдаус-уль-Икбал. МИТТ, т. II, стр. 351; В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. «Труды Ин-та истории и археологии Узбекской ССР», т. II. Ташкент, 1950, стр. 140.

⁶¹ Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской области Туркменской ССР и в Бухарской области Узбекской ССР. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXVI, 1957, стр. 127, 131.

⁶² Махмуд Кашгарский. Диван-лугат-ат-тюрк. МИТТ, т. I. М.—Л., 1939, стр. 309; Рашид-ад-Дин. Джамии ат-таварих. МИТТ, т. I, стр. 495; Абульгази Богадур-хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Ашхабад, 1897, стр. 34.

⁵² И. П. Магидович. Указ. соч., кн. I, стр. 262—268.

⁵³ Б. Х. Кармышева. К истории формирования населения южных районов Узбекистана и Таджикистана. «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 96—98; Н. Г. Малицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана, ч. I. Ташкент — Самарканд, 1929, стр. 63.

⁵⁴ Б. Х. Кармышева. Указ. соч., стр. 97.

⁵⁵ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 75.

⁵⁶ Муниси Агехи. Фирдаус-уль-Икбал. МИТТ, т. II, стр. 324—325.

Баяты жили вместе с кайи, но район их обитания в древних хрониках не назван. По данным Г. И. Карпова, основная масса племени баят в XIII—XIV вв. обитала в районах Средней Аму-Дарьи и в северо-восточных районах Ирана⁶³. О пребывании туркмен-баят в Хорасане в середине XVIII в. свидетельствует Мухаммед Казим⁶⁴. В это время они жили и в приамударьинских районах Бухарского ханства⁶⁵. В 20-е годы XIX в. они жили в Наразыме и Каракуле⁶⁶. Более подробные данные о расселении баятов в районах среднего течения Аму-Дарьи имеются в материалах Комиссии по районированию Средней Азии⁶⁷, а также на составленной нами по этнографическим данным карте расселения всех туркменских племен (см. рис. 3).

Расселенные на Средней Аму-Дарье небольшие племенные группы арабачи, човдур, эски, каркын, как можно заключить, основываясь на сообщениях Абульгази, кратких упоминаниях о них в трудах этнографов⁶⁸ и рассказах наших информаторов⁶⁹, появились здесь вместе с салырами и эрсаринцами или вслед за ними. Они являются потомками тех племенных групп, предки которых в XVI—XVII вв. обитали в прибалханских степях, на побережьях Узоя и Сарыкамыш. Во второй половине XVIII в. они вместе с другими туркменскими племенами откочевали в Хорезм, а затем передвинулись на Среднюю Аму-Дарью. Здесь они расселились в соседстве с другими племенными подразделениями туркмен.

При этнографическом изучении йомутов и *дуюджи* нами было установлено, что они появились на Средней Аму-Дарье в начале XVIII в. Хивинский хан переселил тогда на южную границу с Бухарским ханством небольшую группу туркмен (*некеров*) с семьями для наблюдения за движением бухарских и иранских военизированных отрядов и своевременного извещения об этом. В дальнейшем эти хивинские пограничные жители, которых называли караул, попав в подчинение Бухары, были переселены на

юго-запад Чарджоуского бекства. Здесь им были предоставлены для освоения целинные земли, расположенные в низовьях ирригационной сети нынешнего Чарджоуского района.

По рассказам лиц старшего поколения, йомуты и *дуюджи* до недавнего прошлого держали тесную связь со своими сородичами, жившими в Хорезмском оазисе. Эти группы на Средней Аму-Дарье в досоветское время обособленно, сохраняли эндогамию и некоторые специфические черты культуры и быта.

На территории современных Чарджоуского, Фарабского и Дейнауского районов жили небольшие локальные группы туркменского племени *алили* (*ала-эли*). Это потомки *алилинцев*, входивших в XVI в. в объединение *уч-или*⁷⁰, их сородичи жили в Атеке и в северо-восточных районах Туркменистана. Лица старшего поколения, относящие себя к потомкам этого племени, объясняют их переселение на Среднюю Аму-Дарью притеснениями со стороны йомутов и текинцев.

Немногочисленная группа туркмен-чандыр, по сведениям А. Л. Куна, — ответвление туркмен-йомутов⁷¹, а по данным Гиршфельда и Галкина, — это отдельное племя, родственное туркменам-гоклен⁷². Г. И. Карпов, называя чандыров в числе населения, частью причислявшего себя к туркменам, а частью к узбекам, указывал, что этнографическая принадлежность их неизвестна⁷³. По свидетельству стариков, чандырцы являются потомками тех туркмен, предки которых жили на юго-западе Туркмении, в долинах рек Сумбар, Чандыр и Гурген. В народных преданиях происхождение чандыр связывается с именем Гоклен Сердар-баба. По рассказам, предки современных чандырских групп Средней Аму-Дарьи покинули в первой половине XVIII в. места прежнего обитания из-за постоянных грабительских набегов йомутов и иранцев. Здесь, в пределах Чарджуйского бекства, а частью в Каракульском оазисе, пришельцы, расселяясь небольшими племенными подразделениями, строили ирригационную сеть и осваивали новые земли с помощью местного населения, которое в дальнейшем с ними слилось. Поскольку эти группы пришли в места своего современного обитания в основном из Чандырской долины, их окружающее население и сами они позже стали называть себя «чандырли, чандыр», прежние названия племенных подразделений постепенно утрачивались.

⁶³ Г. И. Карпов. Историко-этнографические материалы по Туркмении и Ирану. «Изв. Туркменского филиала АН СССР», 1945, № 3—4, стр. 57.
⁶⁴ Мухаммед Казим. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 168.
⁶⁵ Мирза Мухаммед Таги-хан. Насих-ут-таварих. МИТТ, т. II, стр. 241.
⁶⁶ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 190.
⁶⁷ И. П. Магидович. Указ. соч., стр. 77—83, 235—243, 284—288.
⁶⁸ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 75; «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана...», стр. 184; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. 3 и 4. СПб., 1896, стр. 417; Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 46, 176; и др.

⁶⁹ Полевые записи автора 1957 г.: № 27 — от Якишназара Якиммуратова, 79 лет, из колхоза им. Андреева Дейнауского района; № 97 — от Розы-баба Туйгунова, 76 лет, из колхоза им. Куйбышева Чарджоуского района; № 121 — от Халмурад-баба, 98 лет, из селения Каркын Саятского района.

⁷⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 76; В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 595; Г. И. Карпов. К истории туркмен ала-эли. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 146—149.

⁷¹ А. Л. Кун. От Хивы до Кунграда. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. IV. СПб., 1876, стр. 210.
⁷² Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1903, стр. 66.
⁷³ Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены. «Туркменоведение», 1929, № 10-11. стр. 39.

Не менее сложно и неясно происхождение обособленных групп туркмен *хатаб* и *мукры*. Г. И. Карпов, называя их племенами, включил их в структуру племени *гоклен*⁷⁴, а в других, более поздних работах они включены как родовые группы племени *курама-олам*⁷⁵. По исследованию С. П. Толстова и Н. Брюлловой-Шаскольской, *хатаб* и *мукры* — крупные отделы туркмен-*гоклен*⁷⁶, а *гоклены йомутского происхождения*⁷⁷.

Термин «хатаб», как свидетельствуют народные предания, получил свое бытование с момента прибытия в южные районы Средней Аму-Дарьи небольшой группы *гоклен*. В легенде рассказывается о том, что в последний день пути этой группы или сразу же после ее прибытия жена *аксакала* (старшего) этой группы, находясь в верблюжьем седле (основные его части по-туркменски называются *хатаб*), родила мальчика. Позже эту группу туркмен местное население стало называть «хатабли, хатаб», свои же прежние названия племенных подразделений они постепенно забыли.

Исторически время переселения на Среднюю Аму-Дарью предков *хатаб*, по рассказам одних стариков, совпадает с походом *Надир-шаха* в Бухару и Хиву (первая половина XVIII в.), который сопровождался массовым передвижением туркменских племен⁷⁸, а по рассказам других — с пятым походом *Аллакули-хана* Хивы на Хорасан и переселением *гокленов* в начале XIX в. с *Сумбара* в Хиву⁷⁹. По единодушному мнению стариков-хатабцев, жившие здесь эрсаринцы и мукринцы разрешили их предкам поселиться в двух местах и занять узкую полосу земли, непосредственно примыкавшую к пескам и находящуюся в низовье орошаемой зоны. Для орошения своих земель хатабы строили новые арыки, беря воду непосредственно из Аму-Дарьи. В тех случаях, когда их арык проходил по пахотной земле эрсаринцев или мукринцев, хатабцы платили дань.

В непосредственном соседстве с туркменами эрсари и хатаб в южных районах Средней Аму-Дарьи обитали такие небольшие по численности населения обособленные группы, как *мукры*, *курама*, *олам*, *элеч*, *несемли*, *аймакли*, *камакчи*. Происхождение каждой этой группы сложно и пока, к сожалению, недостаточно выяснено. Наибольший интерес из них представляют груп-

пы *мукры*, *курама*, *олам*. В историко-этнографической литературе *мукри* (*мукры*) как народ впервые упомянут в рассказе *Феофилакта Симокатты* об *аварах*. По *Феофилакту*, *авары*, преследуемые народом *каи*, переселились в страну *Сари* (у *Марвази* — *Шари*), обитатели которой ушли в страну туркмен, туркмены — в восточную часть страны *гузов*; *гузы* — в страну *печенегов*, к *Армянскому морю*⁸⁰. *Сари* (*Шари*) С. П. Толстов справедливо ассоциирует с туркменскими племенами, некогда входившими в *салырский союз*, *сарык* и *эрсари*⁸¹. Г. И. Карпов в одной и той же работе определяет группу *мукры* то как одно из мелких племен туркмен *чарджоуской группы районов*, то как род, близкий к хатабам, то как смешанную группу в составе небольшого племени *курама-олам*, образовавшуюся вокруг *аланского ядра*⁸². По исследованию С. П. Толстова и Н. Брюлловой-Шаскольской, *мукры* наряду с *каи*, *додурга* и хатаб составляют крупный отдел племени *гоклен*⁸³, *гоклены*, как уже отмечалось, по явно ошибочным данным Н. Брюлловой-Шаскольской, *йомутского происхождения*.

Нами были обследованы *гоклены Кара-Калинского района* и все три локальные группы *мукры южных районов Средней Аму-Дарьи*, ареал каждой из них показан на рис. 3. Общая численность мукринцев по переписи 1926 г. — немногим более 2,3 тыс. человек⁸⁴.

По поводу происхождения туркмен-мукры нами зафиксированы две совершенно несовпадающие одна с другой легенды. Одна группа информаторов из числа жителей колхоза им. *Ленина Таш-Рабатского сельсовета Чаршангинского района* и колхоза «Коммунизм» *Хатабского сельсовета Керкинского района*: 69-летний *Артык Аланов*, 65-летний *Мерет Ташев*, 79-летний *Рахман Раимов*, 68-летний *Тоус Илгаев* и др. свидетельствовала, что их предки имеют общее с *гокленами* происхождение и около 300 лет тому назад переселились на занимаемую территорию из *Сумбара*, *Гюргена*, откуда были вытеснены туркменами-йомутами. Более того, названные информаторы ближайшими своими соплеменниками называют соседей хатабцев. Хатабцы же общность происхождения с мукры отрицают.

По другой довольно широко бытующей легенде, предки мукры, как и *курама*, *олам*, жили в южных районах Средней Аму-Дарьи несколько столетий до прихода сюда эрсаринцев и других групп туркмен. По рассказам многих стариков, эрсаринцы, воспользовавшись ослаблением ханской власти в Бухаре и

⁷⁴ Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен, стр. 4, табл. VI.

⁷⁵ С. П. Толстов. Города гузов. Историко-этнографические этюды. «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 82; Н. Брюллова-Шаскольская. Племенной и родовой состав туркмен. «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 4, стр. 88, 92.

⁷⁶ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 82.

⁷⁷ Н. Брюллова-Шаскольская. Указ. соч., стр. 92.

⁷⁸ Мирза Мехди-хан. Астрабадский Тарих-и-Надири. МИТТ, т. II, стр. 140—146.

⁷⁹ Мунис и Агехи. Ряз-уд-довле. МИТТ, т. II, стр. 466—471.

⁸⁰ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 81, 82.

⁸¹ Там же, стр. 82.

⁸² Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 178.

⁸³ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 82. Н. Брюллова-Шаскольская. Указ. соч., стр. 92.

⁸⁴ Архив Академии наук СССР в Ленинграде, ф. 135, оп. 3, д. 125.

бесконечными междоусобными феодальными войнами, вытеснили в Афганистан или сильно потеснили не только мукринцев, но и кураминцев, оламцев и других аборигенных жителей. Их освоенные территории распределили между своими племенными подразделениями. Все эти свидетельства, как и некоторые собранные нами этнографические данные по их материальной культуре, дают основание считать мукринцев аборигенным населением, по-видимому, имевшим этногенетическую связь с упомянутым в исследовании С. П. Толстова народом мукры⁸⁵.

При сопоставлении генеалогических преданий мукры, хатаб и гокленов выясняется, что в них нет никаких данных об общности нет и никаких общих черт в их материальной культуре.

Как уже отмечалось, Г. И. Карпов обособленные в прошлом группы курама и олам считал одним племенным подразделением смешанного происхождения, по исследованию Н. Брюлловой-Шаскольской, йомутского происхождения⁸⁶, а по А. Н. Кононову, основывавшемуся на сообщении Абульгази, оламы представляют отдельный род племени *олам-ургенчи*⁸⁷.

По единодушному утверждению многих информаторов, курама и олам — две этнографические группы. В составе каждой из них можно выявить, с одной стороны, потомков аборигенного, искони жившего в южных районах Средней Аму-Дарьи тюркского и иранского по языку населения, и с другой — потомков — выходцев из различных туркменских племен, например, саятли, коפקли, кутчили, ургенчи, хорасанли, калмакли и др., а в составе олам — *аран, курт, каралар*. В дальнейшем кураминцы, живя в соседстве с эрсаринцами, усвоив их особенности языка и культуры, стали причислять себя к эрсаринцам, и это дало им право вместо уплаты Бухарскому ханству в больших размерах хераджа платить врач, но об этом пойдет речь во второй главе данной работы. В результате все представители подразделений курама утратили свои особенности и уже в первые десятилетия советского периода мало чем отличались от окружающего населения эрсаринцев, в настоящее же время полностью слились с ним.

Что же касается упоминавшейся обособленной группы олам, то это, по всей вероятности, потомки тех тюркских народностей и племен, которые обитали на Средней Аму-Дарье до прихода сюда эрсаринцев и других относительно крупных туркменских племен. У представителей олам устойчиво сохранялось не только сознание своего особого от соседей происхождения, но и диалект, по исследованию Х. Базыева, отличается своеобразными особенностями от других диалектов и говоров туркменского

языка⁸⁸. Отметим, что своеобразие оламского диалекта объясняется тем, что в его словарный состав вошли многие слова из персидско-таджикского языка, что явилось следствием вхождения в состав оламов ираноязычных племен, исстари проживавших в районе обитания оламов, а также длительных этнокультурных связей с ними. Прослеживались также некоторые особенности в быту и материальной культуре, в частности в костюме женщины.

Большой интерес представляет расселение на Средней Аму-Дарье группы агар. По Абульгази, агары происходят от уйгура Эркильходжи. В XVI—XVII вв. они обитали на Мангышлаке и в предгорьях Балхан⁸⁹. По сведениям Н. А. Аристов, агары, как и арабачи, — это подразделения племени баят и являются потомками Гасан-хана⁹⁰. В устных преданиях, передаваемых из поколения в поколение среди потомков агар, закреплены две версии об их происхождении. По одной из них они являются потомками тех агаров, которые 350—400 лет назад жили на Мангышлаке и в долине Узбоя. В других преданиях их происхождение связывается с обособленной группой агаров, являвшихся исконными земледельцами Наразыма. Постепенный смыв почвы водами Аму-Дарьи заставил их, как и представителей других племен, переселиться на левый берег Аму-Дарьи, в среду своих сородичей, а отчасти в район Каракуля. Небольшие группы агаров обитали в прошлом в кишлаках Буюн-Узун (совр. Дейнауский район), Учбаш (совр. Чарджоуский район), Саят (совр. Саятский район) и Кизыл-Аяк (совр. Керкинский район).

В преданиях, сложившихся о группе *ходжайли*, говорится, что их предки узбекского происхождения. Однако Мунис, называя эту группу *ходжа-эли*, совершенно справедливо утверждает, что это один из тех 14 туркменских родов, которые в середине XVII в. Абульгази-хан присоединил к четырем тупе узбекских мангытов. Когда эта группа появилась на Средней Аму-Дарье, достоверных сведений не имеется. О пребывании их здесь в начале XIX в. косвенно свидетельствует Мунис, сообщая, что емерлинцы под начальством Алла Назара-бегахдыра из рода *ходжа-эли* напали на бухарский караван и разграбили его⁹¹.

Как воинственную группу населения характеризуют *ходжейлинцев* и их предания. В преданиях рассказывается, что они жили в Хорезме, в местности *Ходжайли* (по Мунису — округ *Ходжа-эли*). После завоевания Хивы Бухарой они были расселены мелкими группами в Хиве, а большая часть их была пере-

⁸⁵ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 81.

⁸⁶ Н. Брюллова-Шаскольская. Указ. соч., стр. 91.

⁸⁷ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 74.

⁸⁸ Х. Базыев. Оламский диалект туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1965, стр. 3.

⁸⁹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 68 и 74.

⁹⁰ Обзор Закаспийской области за 1882—1890 гг. СПб., 1892, стр. 19; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе..., стр. 417.

⁹¹ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 328, 355, 356.

селена в пределы Чарджуйского бекства. Здесь они не пожелали размещаться мелкими группами среди туркменских и узбекских племен, а, расположившись в юго-западных окрестностях Чарджуя, вместе с местным безземельным населением занялись освоением пустовавших тугайных земель, для орошения которых с большими трудностями проложили новые арыки. Эти народные предания о формировании обособленной группы ходжейли близ Старого Чарджуя совпадают с историческими сведениями, приводимыми В. В. Бартольд, о том, что бухарский хан Убейдулла в середине XVI в., овладев Хорезмом, увел оттуда узбеков⁹². Видимо, среди них были и туркмены-ходжейли, образовавшие долгое время существовавшую свою обособленную племенную группу.

Не менее сложными в этническом отношении являются и небольшие по численности обособленные группы *уа*, *саятли*, *бужакли* и *несемли*. В древних исторических трудах не содержится даже отрывочных данных об их формировании и расселении. Сведения же Г. А. Карпова, И. П. Магидовича, Е. Л. Штейнберга⁹³, как и сообщения информаторов, разноречивы.

Наши изыскания, основанные главным образом на полевых этнографических материалах, показывают, что все эти группы образовались на базе местного оседлого земледельческого населения, которое было потеснено пришедшими в приамударьинские районы салырами, эрсари, сакарами и некоторыми другими туркменскими племенами. В каждую из этих групп вошли представители разных туркменских и узбекских племен.

Происхождение и история расселения группы *уа* из-за отсутствия сведений в исторических источниках остаются пока неизвестными. Можно допустить, что *уа* — потомки легендарного Ава, третьего сына Тенгиз-хана, внука Огуз-хана⁹⁴. По народным преданиям, эта группа туркмен является одним из подразделений племени баят. Такое представление сложилось, видимо, потому, что территория расселения *уа* (южнее Буюн-Узуна Дейнауского района) вплотную примыкала к землям баятов. Возникшие между ними и прочно укрепившиеся тесные экономические и культурные связи и привели к слиянию *уа* с баятами.

Группы *ата*, *ходжа* и *ших* связывают свое происхождение с именем пророка Мухаммеда. Это было отмечено и Фелькерзамом⁹⁵. У туркмен повсеместно эти племена считались священными и представителей их называли «эвляд». Большая часть

туркменского духовенства выходила из их среды⁹⁶. Предки этих племен пришли на Среднюю Аму-Дарью, в Хивинский оазис, а некоторая часть — в районы Копет-Дага и Мургаба из юго-западной Туркмении (Гюргена — Кизыл-Арвата)⁹⁷. Наши этнографические исследования убеждают в том, что действительно атинцы Средней Аму-Дарьи, Дарган-Ата, Хорезма и побережья Каспийского моря имеют общее происхождение, о чем свидетельствуют названия их подразделений и общие черты материальной культуры и быта. Небольшие группы эвлядских племен жили в Дейнау, Фарабе, Саяте, Дарган-Ата, Серахсе, Каахке, Кизыл-Арвате, на побережье Каспийского моря и в районах Северного Туркменистана (см. карту, рис. 3).

К племенам нетуркменского происхождения принадлежат аймаки⁹⁸, обитавшие к северу от Кугитан-Тау, и камакчи, жившие к западу от Келифа. Очевидно, эти группы сложились в XVIII в. из представителей различных кочевых племен смешанного происхождения, обитавших тогда на юго-востоке Средней Аму-Дарьи. По сообщению наших информаторов старшего поколения, в досоветское время аймаки и камакчи поддерживали постоянные связи со своими сородичами, обитавшими в пределах Афганистана. Сами аймаки и камакчи причисляли свои группы к эрсаринцам.

В историко-этнографической литературе часто упоминаются группы *нарызымлы*⁹⁹ и *битыкли*¹⁰⁰ в качестве подразделений туркменских племен. Однако во время наших полевых этнографических исследований мы вполне убедились в справедливости утверждения Мухаммеда Казима и Агехи о том, что *нарызымлы* и *битыкли* не этнические, а географические названия¹⁰¹.

* * *

В Северном Туркменистане этнический состав населения также был довольно сложным. О сложности его писали многие исследователи¹⁰². Сложность и пестрота родоплеменного и националь-

⁹² «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 8.

⁹⁷ Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, ч. I, М., 1822, стр. 51; Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 432—433.

⁹⁸ Мирза Мехди-хан Астрабадский. Тарих-и-Надири. МИТТ, т. II, стр. 125.

⁹⁹ Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 179.

¹⁰⁰ Г. И. Карпов. Туркмены и туркмены, стр. 39, 40.

¹⁰¹ Мухаммед Казим. Надир-намэ. МИТТ, т. II, стр. 190; Мунис и Агехи. Фирдус-Уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 422.

¹⁰² А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази; Н. Гродеков. Хивинский поход 1873 г. СПб., 1888; В. Лобачевский. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. Ташкент, 1912; Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое опи-

⁹² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 597.

⁹³ Г. И. Карпов. Этнический состав туркмен, стр. 177, 179; И. П. Магидович. Указ. соч., стр. 213—214, 262, 270 и др.; Е. Штейнберг. Очерки по истории Туркмении, стр. 11.

⁹⁴ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Соч. Абу-л-Гази, стр. 51, 52, 54.

⁹⁵ А. Фелькерзам. Старинные ковры Средней Азии. «Старые годы», октябрь — декабрь 1914. СПб., стр. 93.

ного состава населения этого края явилась следствием политических событий, связанных с историей формирования и дальнейшим существованием на этой территории Хивинского ханства. Большие изменения в этническом составе и перемещение родоплеменных групп вызвала междоусобная борьба туркменских племен, разжигание которой входило в политику хивинских ханов.

По данным Г. Е. Маркова, занимавшегося изучением истории хорезмских туркмен, формирование туркменского населения на этой территории происходило на протяжении XVII — второй половины XIX в., а передвижение отдельных групп туркмен не прекращалось вплоть до Великой Октябрьской революции¹⁰³. Полевыми исследованиями Г. П. Васильевой установлено, что расселение отдельных групп туркмен закончилось лишь в первые годы коллективизации¹⁰⁴.

Литературные данные о родоплеменном составе туркмен Хорезма и численности отдельных племен разноречивы. Большой интерес представляют материалы Комиссии по районированию Туркестанской АССР. Приведем указанную в них численность хозяйств наиболее крупных племен: йомутов — свыше 5000, човдуров — 1155, карадашлы — 1025, емрели — 730, гокленов — 216¹⁰⁵.

Всесоюзной переписью населения 1926 г. в Северном Туркменистане было зарегистрировано 78 тыс. туркмен¹⁰⁶.

Преобладающую по численности племенную группу туркмен здесь составляли йомуты, их подразделения: *салак, окуз, орсукучы, ушак, гужук, машрык, бага и бехелке* (см. рис. 2).

В XIX — начале XX в. йомуты были расселены вдоль каналов: Хан-яб, Кушбеги, Шамурат, Ёсаул-Баши, в низовье Палван-яба и Газавата, в районе Тахта, а также близ озер к северу от русла Лаудана¹⁰⁷.

Наиболее крупными компактными группами йомуты жили на территории современных Тахтинского, Куны-Ургенчского и Тельмановского районов. Небольшие группы йомутов обитали к северо-западу от современных поселков Ленинск, Ильяли и в некоторых других местах. Значительная группа йомутов несколько столетий жила в Западной Туркмении, занимая территорию

современных Кизыл-Атрекского, Казанджикского, Красноводского районов и часть Кизыл-Арватского района.

Емрели переселились в Северный Туркменистан в конце XVIII в. из Атека (ныне Каахкинский район) и заняли первоначально территорию вдоль канала Аман-Кули, затем Музкумгана и Ак-Сарая. Во второй половине XIX в. емрелинцы, по данным Г. П. Васильевой, жили в Ак-Тепе, к северо-западу от Ильялы, обрабатывая орошаемые земли в низовьях каналов Шават и Ата-яб¹⁰⁸.

Туркмены-човдур с подразделениями *игдир, гара-човдур, абдал, бозожы, бурунжык* с давних времен, вероятно, еще до прихода кочевых узбеков в Хорезм, занимали местность Порсы, ныне современный Калининский и северо-западную и западную часть Тельмановского районов. Човдуры занимались здесь земледелием и отгонным скотоводством. Другая их часть в начале XIX в. все еще обитала в Мангышлакских степях, но в последующие годы, особенно после присоединения Хорезма к России, переселилась в местность Порсы к своим сородичам. Все подразделения човдур вместе с йомутами в XVIII — начале XIX в. принимали активное участие в политической жизни Хивинского ханства¹⁰⁹.

Карадашлы были переселены в Хорезм в 20-х годах XIX в. хивинским ханом из районов Копет-Дага¹¹⁰. Они расселились здесь двумя компактными группами вдоль южного рукава канала Шамурат, в урочищах Уз и Кизыл-Такир (северо-восточная часть Ильялинского района)¹¹¹.

Гоклены расселились в Северном Туркменистане в первой половине XIX в., заняв местность Булдумсаза (современный Куны-Ургенчский район). Несколько позже они получили земли в урочище Кизыл-Такир и по каналу Шамурат¹¹².

Дуеджи жили компактной группой к востоку от Ильялы, а чандыр — в трех местах Ильялинского района.

Небольшими группами среди туркменских племен в Хорезме были расселены эвлядские племена — *ших* и *меджеур*. Так, туркмены-ших жили в двух местах в совр. Куны-Ургенчском районе, на северо-западе Ленинского района, на юго-западе Ильялинского района, на севере Ташаузского района и на востоке Тахтин-

сание Хивинского оазиса; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации; Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961; Г. П. Васильева. Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области ТССР.

¹⁰³ Г. Е. Марков. Очерк истории формирования северных туркмен, стр. 143.

¹⁰⁴ Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 24—25.

¹⁰⁵ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 3, л. 139.

¹⁰⁶ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVI. М., 1928, стр. 20.

¹⁰⁷ Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 26—27; И. П. Магидович. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2. Хорезм, стр. 103—104.

¹⁰⁸ Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 28.

¹⁰⁹ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», стр. 273—275; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 108, 109; Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 28, 29.

¹¹⁰ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбал. МИТТ, т. II, стр. 393 и 623.

¹¹¹ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева. Опыт историко-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН Туркменской ССР», 1957, № 2; Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 29.

¹¹² Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 30.

ского района. Туркмены-меджеур составляли компактную группу лишь вблизи Газавата.

Туркмены-агары жили небольшой компактной группой по соседству с узбеками к юго-западу от Ильялы.

* * *

Юг Туркмении — северные склоны Копет-Дага (Ахал), Мургабский и Тедженский оазисы — на протяжении многих веков вплоть до присоединения Туркмении к России служил ареной военных столкновений враждовавших соседних государств — Ирана, Хивы и Бухары. Поэтому родоплеменной состав населения здесь часто и существенно изменялся, особенно в период, предшествовавший проникновению сюда текинцев.

До расселения в Ахале и на Мургабе (XVIII в.) текинцы в основной своей массе обитали в Балханских степях, частично в Хорезме¹¹³ и на Аму-Дарье¹¹⁴. Продвижение текинцев на юг — в Ахал и Мургабский оазис — происходило на протяжении более 100 лет. Ведя непрерывную войну, они постепенно захватывали все новые земледельческие территории. Сначала они заняли Кизыл-Арват, затем Бами, Беурме, Арчман, вытеснив оттуда иранских феодалов и ассимилировав впоследствии аборигенное ираноязычное население¹¹⁵.

После занятия крепости Дурун и прилегающей земледельческой зоны между текинцами и другими туркменскими племенами — емерели, йомутами, карадашлы, алили (ала-эли) — возникла длительная и ожесточенная борьба за водные источники и пахотные земли. В результате текинцы к началу XIX в. полностью завоевали предгорную территорию от Кизыл-Арвата до Ашхабада и Анау¹¹⁶. Несколько позже текинцы заняли Гяурс, Баба-Дурмаз и Каушут.

Тедженский оазис был заселен текинцами еще в первой половине XVIII в.¹¹⁷

¹¹³ Мирза Мехди-хан Астрабадский. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 143.

¹¹⁴ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 352.

¹¹⁵ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана...», стр. 282 — 283; Ф. К. Максимович. Социально-экономический строй туркмен накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960, стр. 11—13.

¹¹⁶ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана...», стр. 283; К. Нурмухамедов. Из истории формирования туркменского населения Ахала. «Изв. АН Туркменской ССР», серия общ. наук, 1960, № 6, стр. 78—80; Мирза Мухаммед Таги-хан. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 207, 273; Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 359.

¹¹⁷ Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 391; Ф. К. Максимович. Указ. соч., стр. 13.

Мургабский оазис с его плодородными землями и городом Мервом, издавна представлявшим собой крупный торговый центр, расположенный на большом торговом пути, был в течение многих столетий, как уже отмечалось, объектом постоянной борьбы между Хивой, Бухарой и Ираном, а в ряде случаев и между крупными туркменскими племенами. Эта постоянная борьба оказывала существенное влияние на родоплеменной и национальный состав населения этой местности и на его расселение. Во второй половине XVIII в. здесь жили¹¹⁸ персы, курды, арабы, узбеки и туркменские племена — эрсари, човдур, емрели, сарыки, текинцы, салыры и др. Но уже в конце XVIII — начале XIX в. здесь преобладало туркменское население, состоявшее в основном из текинцев, сарыков, салыров и частично эрсаринцев. Ираноязычные племена были в большинстве вытеснены в пределы Хорасана, а оставшаяся часть ассимилирована туркменами. В дальнейшем численность туркменских племен здесь увеличивалась благодаря приходу сюда сородичей из других мест Туркмении¹¹⁹.

По данным генерала Павлова и Петрусевича, численность текинцев в Мургабском оазисе во второй половине XIX в. достигала 45 тыс. кибиток, а в Ахале — до 30 тыс. кибиток¹²⁰. Ф. К. Максимович приводит следующие сведения о численности туркмен в Закаспийской области на тот же период: по данным Вамбери — 60 тыс. кибиток, по данным Борнса — 40 тыс. и по данным Карелина — 45 тыс. кибиток¹²¹. Более точные цифры дала перепись населения 1897 г. По материалам этой переписи, текинцев в Мургабе насчитывалось 20 тыс. хозяйств, в Теджене и Каахке — около 7 тыс. и в Ахале — немногим более 9 тыс. хозяйств. Сарыков в Мургабе было зарегистрировано 3,1 тыс. хозяйств, а салыров в Серахсе — 2,1 тыс. хозяйств¹²².

На протяжении XIX в. во время упорной борьбы за овладение Мургабским оазисом между Хивой, Бухарой и Ираном туркмены при столкновении двух враждующих сторон нередко искали защиты у третьей стороны. Так, в 1822 г. мервские туркмены откололись от Бухары и добровольно подчинились Хиве¹²³. Отмечены случаи, когда некоторые туркменские племена вступали в союз с хивинскими, бухарскими или иранскими

¹¹⁸ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана...», стр. 278. Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, стр. 371, 379 и др.

¹¹⁹ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана...», стр. 281—282; М. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1883, стр. 8—9.

¹²⁰ «Россия и Туркмения в XIX в.». Сб. док. Ашхабад, 1946, стр. 105—106.

¹²¹ Ф. К. Максимович. Указ. соч., стр. 15—16.

¹²² «Материалы Всероссийских переписей 1920 г.», ч. I. вып. I. Поселенные итоги Туркменской области. Ташкент, 1922, стр. 14 и приложение, стр. 4—16.

¹²³ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, стр. 620.

войсками и вместе с ними боролись против родственных им туркменских племен, например, текинцы против йомутов, а затем против сарыков и салыров¹²⁴. Не прекращалась межплеменная борьба этих и других туркменских племен за землю, воду, пастбища и колодцы¹²⁵.

Испытывая феодальный гнет и тяжелое бремя чужеземных завоевателей, туркмены много раз поднимали восстания. В 1800 г. восстали против угнетателей мервские сарыки и теке, в 1801 г. — керкинские эрсаринцы, гоклены и йомуты Гургена, теке Теджена, салыры Серахса. В 1804 г. было восстание емрели и йомутов в Хивинском ханстве, в 1807 г. мервские текинцы подняли восстание против иранских феодалов. В 1821—1822 гг. они вели ожесточенную борьбу против власти эмира бухарского. Но наиболее длительным (с 1842 по 1855 г.) было восстание текинцев, сарыков и салыров юго-восточного Туркменистана против власти хивинских ханов. В 1855 г. эти племена туркмен разбили в районе Серахса хивинскую армию. В последующие два-три года текинцы нанесли поражение иранским войскам под Кары-кала и Мервом. Вскоре после этой победы текинцы вытеснили сарыков из Мервского оазиса в Иолотань и Пенде, расположенные выше по р. Мургаб¹²⁶.

Освобожденную от сарыков территорию (в современных границах Марыйского, Мургабского, Сакар-Чагинского районов и северо-западной части Байрам-Алийского района), а также Тедженский оазис и предгорья Копет-Дага текинцы разделили по жребью между своими основными группировками: *отамыш* и *тохтамыш*, каждая из которых делилась на более мелкие группы — тире и уруг (см. рис. 2).

Левобережная территория рек Мургаб и Теджен досталась отамышским подразделениям — *сычмаз* и *бахши*, а правобережная — *тохтамышским* — *бек* и *вокил*.

Надежным источником, позволяющим восстановить расселение отдельных групп текинцев, являются названия старых оросительных каналов. Как и у туркменских племен на Средней Аму-Дарье — эрсари, сакар и др., здесь тоже каждому арыку обычно присваивалось название племенной группы, которая его строила.

На Мургабе среди подразделений текинцев разместились туркмены-меджеур, а в низовье Серахской ирригационной системы в XIX в. расположились компактной группой туркмены-ата.

Предгорья Копет-Дага были разделены между подразделениями отамыш и тохтамыш следующим образом. Территорию от Кызыл-Арвата до источника Беурме и далее от аула Дурун до Яраджа, от восточных окраин Геок-Тепе до аула Бабараб и от

аулов Кипчак и Геокча до Гяурса занимали подразделения тохтамыш. Земли и водные источники, расположенные между Беурме и Бахарденом, от аула Яраджа до Геок-Тепе и от Безмеина до аулов Кипчак и Геокча находились во владении подразделений отамыш¹²⁷.

Сарыки, вытесненные текинцами в середине XIX в. из центральной и северной частей Мургабского оазиса, передвинулись в верховья р. Мургаб. Обитавших здесь салыров они вынудили откочевать на правобережье Теджена (современный Серахский район)¹²⁸.

Алили (ала-эли) еще в XVII в. перекочевали из низовьев Узбоя в Ахал и Атек. В середине XVIII в. они обитали в районе Несы, Дуруна и Атека¹²⁹. Оттуда большая часть их была переселена хивинскими властями в Хорезм — в низовья канала Клыч-Нияз-бая¹³⁰. Но во второй половине XIX в. алилинцы стали постепенно возвращаться в Атек (современный Каахкинский район), где и осели среди своих сородичей. В Атеке, кроме алили, жили текинцы и немногочисленные группы эвлядских племен — *ходжа*, *ших* и *махтум*.

* * *

В юго-западной части Туркменистана значительную территорию долины Сумбара и Чандыра в течение многих веков занимали туркмены-гоклен. На северо-востоке по соседству с ними обитали *туркмены-нохурли*, история формирования и расселения которых с достаточной полнотой освещены в труде Г. П. Васильевой¹³¹. Она установила, что подразделения нохурли занимали северные склоны Копет-Дага в пределах современного Бахарденского района и верхнюю часть долины Сумбара — от аула Тутлы-кала до Койне-Касыра.

Туркмены-мурчали, по данным полевых исследований Д. М. Овезова, с незапамятных времен и до присоединения Закаспия к России жили в ауле Мурча (ныне Бахарденский район), имея свою крепость. В конце XIX в. мурчалинцы образовали в верховье долины Сумбара еще два поселения — Дэв-кала и Дайне¹³².

По соседству с мурчали жили *туркмены-сунчали*.

¹²⁷ К. Нурмухамедов. Из истории формирования туркменского населения Ахала, стр. 76 и 81.

¹²⁸ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области, стр. 6; Ф. К. Максимович. Указ. соч., стр. 22—24.

¹²⁹ Искандер Мунши. Тарих-и-алаям-ара-и-Аббаси. МИТТ, т. II, стр. 92, 99; Мирза Мехди-хан Астрабадский. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 121, 127.

¹³⁰ Мунис и Агехи. Рияз-уд-довле. МИТТ, т. II, стр. 457—458.

¹³¹ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 82—105.

¹³² Д. М. Овезов. Туркмены мурчали. «Труды Южно-Туркменской археоло-

¹²⁴ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской обл., стр. 5, 6.

¹²⁵ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана...», стр. 318, 321.

¹²⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 14—15.

Юго-восточное побережье Каспийского моря в XIX — начале XX в., как установлено полевыми исследованиями Ата Джикиева, занимали туркменские племена *огурджали*, *ших*, *ходжа*, *сеид*, *човдур*, которые были расселены следующим образом.

Огурджали жили в Карши (на юго-западе от залива Кара-Богаз-Гол), в Каинлы (северо-западнее Красноводска), в Кызыл-Су (на Красноводской косе), на Челекене, о. Айдаке (Огурчинском), частично в Чикишляре, Гасан-Кули и Кумуш-Тепе¹³³. Туркмены-ших занимали Кули-Маяк на южном побережье залива Кара-Богаз-Гол (северо-западнее Омчалы), аулы Киялы и Аваз (западнее Красноводска), Бендсен¹³⁴ (в современном Бахарденском районе). Мелкими группами по несколько хозяйств они жили по всей Туркмении.

Туркмены-ходжа обитали на территории, расположенной к северу от Кули-Маяка, а также в селениях Ходжа-кала, Кары-кала и к юго-востоку от Каушута. Мелкими группами они встречались на Средней Аму-Дарье.

Туркмены-сеид жили на южном побережье залива Кара-Богаз-Гол по соседству с племенами *ших* и *огурджали*.

Човдуры занимали обширную территорию по западному, северному и северо-западному побережью залива Кара-Богаз-Гол.

Почти все туркменские племена и их многочисленные подразделения в ходе своего исторического развития и особенно в периоды многократных массовых передвижений и переселений включали в свой состав различные этнические компоненты, часто не только тюркоязычного, но и ираноязычного происхождения.

Помимо отдельных прямых свидетельств, отмеченных выше, на это указывают названия таких племенных подразделений, как *тат* (*татлар*)¹³⁵, *гурт*, *авган*, *кенегес*, *чагатай*, *газаклар*, *гуллар*, *галмаклар*, *кыпчак*, аймаклы, *карамугол*, *кутчили*, *саятти*, *мангышлалы*, *хорасанлы* и многие другие.

гической комплексной экспедиции» (далее — «Труды ЮТАКЭ»), т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 147—150.

¹³³ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 41—42.

¹³⁴ К. Атаев. Некоторые данные по этнографии туркмен-шихов. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII. Ашхабад, 1963, стр. 71—74.

¹³⁵ Термином «тат» («гатлар») туркмены называли присоединившиеся к ним группы населения нетуркменского или смешанного этнического происхождения. Так, туркмены-теке Копет-Дага, Теджена и Мургаба, йомуты, емрели и човдуры Ташаузской группы районов называли татами все туркмен-

В родоплеменных названиях туркмен встречаются одни и те же этнонимы в различных племенных подразделениях и одинаковые этнонимы с соседними народами — казахами, каракалпаками, узбеками, киргизами. Например, род под названием *тана* имеется у текинцев, йомутов, эрсари и казахов; *саят* (*саятли*) — у сарыков, эрсари, у узбеков; *барак* — у йомутов, гоклен, эрсари, нуратинских туркмен, казахов, киргизов; *джаныбек* и *едыуруг* — у салыров, казахов, киргизов. Такие названия подразделений, как *кенегес*, *чагатай*, *кутчили* — у сакаров, каракалпаков и узбеков, *татлар*, *калмакли*, *ушак*, *ших*, *абдал* — у йомутов, човдур и эрсари, указывают на участие в сложении туркменских племен местного аборигенного тюрко- или ираноязычного населения, а также обитавших с ними по соседству узбеков и других народов, попадавших в пределы Туркмении в связи с различными политическими событиями¹³⁶.

Среди нетуркменского населения, обитавшего на территории Туркменистана в конце XIX — начале XX в., наиболее многочисленными были узбеки. Они, как и туркмены, неоднородны по своему этническому составу.

В недалеком прошлом узбеки Туркмении делились на две обособленные группы. В первую из них входило узбекское население, жившее в Чарджуйском бекстве на территории современного сельсовета Буйрабаб, в Талхан-Базаре, Кармыше и некоторых соседних с ними кишлаках. По народным преданиям, эти узбеки живут здесь испокон веков, они не знают родоплеменного деления и связывают свое происхождение с тюркоязычным и отчасти ираноязычным аборигенным населением, занимавшимся здесь земледелием задолго до прихода на Аму-Дарью кочевых узбеков, т. е. до XVI в.

Вторую группу составляли жители остальных узбекских кишлаков Чарджоуского, Дейнауского и Ходжамбасского районов.

ское население Средней Аму-Дарьи, считая, что в его составе много элементов нетуркменского происхождения. На этом же основании туркмены сакар, алилы, арабачи, ата и многие эрсарины Средней Аму-Дарьи называют татами салыров, баят, хыдыр-эли и некоторые другие группы. Такое употребление туркменами термина «тат», убедительно доказано в трудах Б. В. Миллера «Таты, их расселение и говоры» (Баку, 1929, стр. 38—39) и В. В. Бартольда «Таджики» (Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 101, 103—105). По исследованиям С. П. Толстова, тюрки называли татами общины оседлых данников (по туркменской терминологии: гул — нечистокровных), которые занимали положение, близкое к кабальным рабам, составляя низший слой населения (С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 265). Кроме потомков аборигенного оседлого земледельческого населения туркмены относят к татам бывших рабов (военнопленных) и всех родившихся от рабынь.

¹³⁶ Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. М., 1964, стр. 2—3; она же. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 87; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 12 и 13.

Свое происхождение они связывают с кочевыми племенами узбеков *конграт, кара-конграт, мангыт, каучин, айнлы и киикчи*. Их расселение отражено на нашей этнографической карте (рис. 3).

Кочевые узбеки, вторгшиеся в XVI в. как завоеватели в пределы Средней Азии, в частности на Среднюю Аму-Дарью, расселились племенными группами, занимая чаще всего земли, уже освоенные жившим здесь земледельческим населением. Узбекские кочевники постепенно сблизились с местным населением Мавераннахра, в первую очередь с издавна жившими здесь кочевниками и полукочевыми племенами тюркскими по языку. В дальнейшем, когда кочевники в силу экономических причин стали массами оседать на землю и переходить к занятию земледелием, процесс ассимиляции их с оседлым населением стал проходить более интенсивно, и узбеки-переселенцы из Дашти-Кипчака вошли в конечном счете в состав формировавшейся на несколько столетий раньше среднеазиатской тюркоязычной народности, передав ей свое название «узбек»¹³⁷.

В процессе сплошного этнографического обследования мест обитания узбеков выявлено, что в настоящее время лишь старшее поколение помнит былую родоплеменную принадлежность. Все они называют себя *ёзбек, или езбеклар*.

Пользуясь сведениями информаторов и изучая названия старых арыков и кишлаков, мы смогли выявить следующие племенные группы узбеков: конграт, кара-конграт, *балгалы, канжигалы, вахтамгалы, айтамгалы, казахлар, кортокой, маркуш, каучин, айнлы, киикчи, сайли, мангыт, калмак*.

Некоторым своеобразием среди узбекского населения отличаются узбеки-конграт и кара-конграт в юго-восточной части Чаршангинского района. Они имеют своеобразные по виду, планировке и внутреннему убранству жилища, отличные от туркменского типа юрты (рис. 4), своеобразной формы женские головные уборы и др.

В туркменских районах Хивинского ханства численность узбеков, по данным И. П. Магидовича, достигала 38,7 тыс. человек¹³⁸, а по Всесоюзной переписи населения 1926 г. на этой территории узбеков насчитывалось 42,7 тыс. человек¹³⁹. По данным Г. П. Васильевой¹⁴⁰, они были расселены главным образом на территории современного Ташаузского района, в окрестностях Куны-Ургенча, южнее Ленинска, в Ильялы, а также на западе и юго-западе от него, в пос. Гор-Чага Тельмановского района и небольшими вкраплениями среди йомутов в пределах современных Калининского и Тахтинского районов.

Из остальных народов тюркской языковой группы, живших на территории Туркменистана в начале XX в., следует назвать казахов, *каракалпаков, татар и уйгуров*.

Казахи жили отдельными аулами или вместе с туркменами-йомутами в пределах современных Куны-Ургенчского, Калининского, Тахтинского и Ташаузского районов. Небольшие группы их были в Западной Туркмении, на севере Красноводского района, а также в Уч-Аджи, Равнине и Чамчаклы.

Каракалпаки занимали небольшую территорию в северо-восточной части современного Куны-Ургенчского района, где они составляли компактную группу. Кроме того, отдельные хозяйства каракалпаков встречались в туркменских кишлаках, расположенных вдоль границы с основной территорией расселения каракалпаков в Хорезме.

Татары обычно жили в городах и населенных пунктах городского типа, составляя там небольшой процент населения.

Уйгуры локализовались в одном небольшом поселке Таранчи современного Байрам-Алийского района.

Ираноязычные народы в пределах Туркменистана были представлены *курдами и персами (ирами)*.

Курдскими поселениями были Фирюза, Багир, Вановское и Маныш на территории современного Ашхабадского района, а также Гермаб и Солюклы в Геок-Тепинском районе. Отдельные курдские семьи встречались и в туркменских аулах современных Ашхабадского, Геок-Тепинского и Каахкинского районов, а также в городах Ашхабад, Байрам-Али и Мары. Одно курдское селение было на Челекене.

Персы (ираны) жили небольшими группами в Фирюзе, Каахке, в нескольких кишлаках на Средней Аму-Дарье и в Хорезме. Они встречались и среди городского населения Ашхабада, Мары и Байрам-Али. Персов приамударьинских районов нередко называли кулларами. Большинство их является потомками иранского населения, переселенного завоевателями в пределы Бухарского или Хивинского ханств¹⁴¹. Остальная часть этого населения — это рабы, получившие освобождение после присоединения Средней Азии к России.

На территории Чечен-и-Бит, а также Ташкепри и Кала-и-Мор (в современном Тахта-Базарском районе) жили *джемишды*¹⁴², а чуть севернее Байрам-Али — *белуджи*.

На Средней Аму-Дарье были небольшие группы *арабов*. Несомненно, это потомки арабских завоевателей VII—VIII вв. Старшее поколение арабов еще сохраняет память о своей национальной принадлежности и выделяет своих сородичей из

¹³⁷ «История Узбекской ССР», т. I, кн. I. Ташкент, 1955, стр. 392.

¹³⁸ И. П. Магидович. Указ. соч., стр. 102.

¹³⁹ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVI, стр. 21.

¹⁴⁰ Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 31—32.

¹⁴¹ Мир Абдуль-Керим Бухарский. Указ. соч. МИТТ, т. II, стр. 200.

¹⁴² «Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Поселенные итоги Туркменской области», стр. 5, 33.

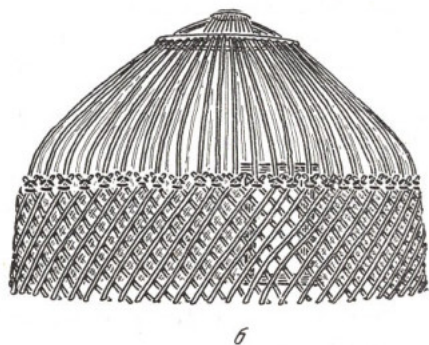
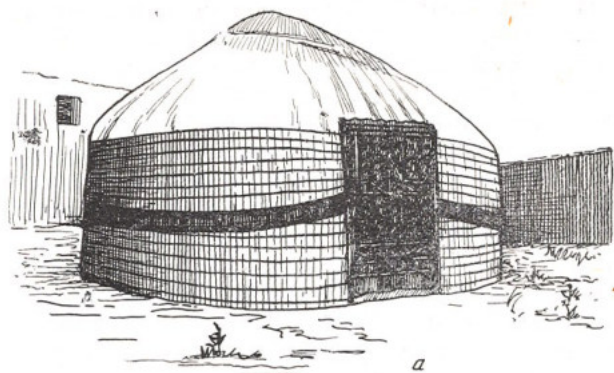

Рис. 4. Основные типы туркменской юрты:

а — йомутов Северного Туркменистана; б — остов юрты; в — човдулов Северного Туркменистана;

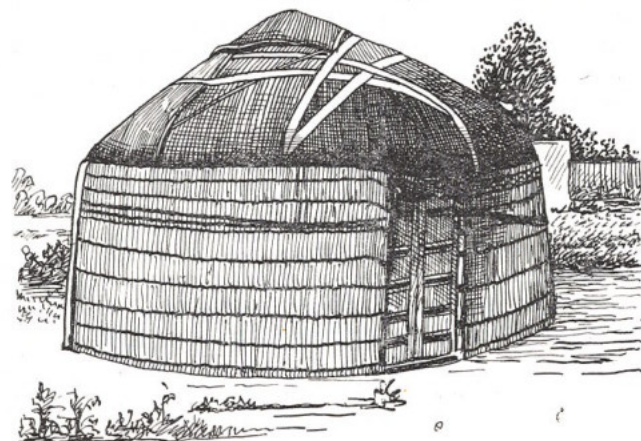
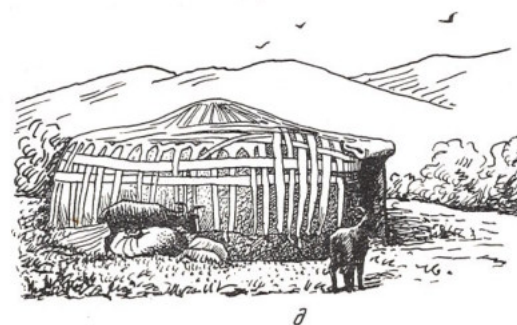
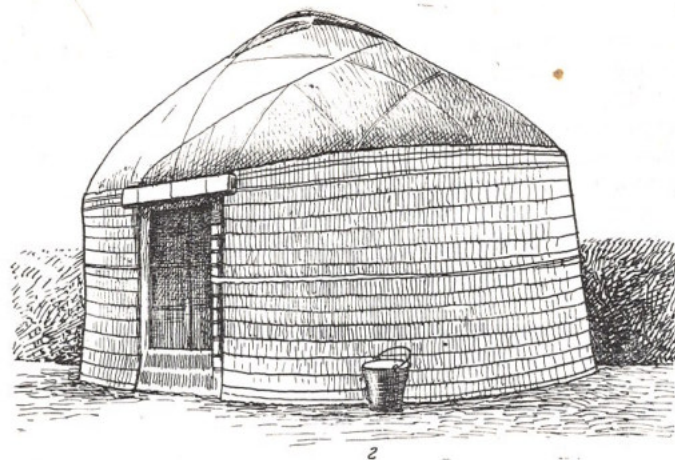

Рис. 4 (Окончание)

г — текинцев Мургаба; д — узбеков-конградов Чаршангинского района; е — эрсаринцев Средней Аму-Дарьи

окружающего, преимущественно узбекского, населения. Собранные нами этнографические материалы по каждой группе арабов Средней Аму-Дарьи позволяют заключить, что по разговорному языку, культуре и быту они близки или к узбекам, или к туркменам, с которыми они и консолидируются.

После присоединения Средней Азии к России в Туркмении стали расти русские и украинские поселения. В конце XIX — начале XX в. на территории современного Ашхабадского района русскими селениями были: Вановское, Куропаткино, Комаровское, Нефтоновское, Обручовское, Реберговское, Романовское и Яблоновское; в Геок-Тепинском районе — Верхне- и Нижне-Скобелевское, Солюклы, Михайловка, Свободное и Никольское; в Тахта-Базарском районе — Алексеевское и Полтавское. На территории современного Гасан-Кулийского района русские жили в Гасан-Кули и Чикишляре, в Каахкинском районе — в селениях Арчиньян и Хивеабад. Кроме того, много русских было в городах, торговых центрах и на станциях Ашхабадской железной дороги.

В 1910-х годах появилось два немецких поселка: Крестовский — к югу от Серахса и Гродековский — на территории царского имения в Байрам-Али¹⁴³. Отдельные семьи немцев жили также в городах Ашхабаде, Теджене, Мары и Байрам-Али.

В поселках Чилии современного Ашхабадского района и Александровке Кара-Калинского района большую часть населения составляли *армяне*.

* * *

Заканчивая обзор населения, сложившегося на территории Туркменистана в XIX — начале XX в., необходимо подчеркнуть многонациональность его состава и большую этническую пестроту родоплеменных групп, из которых сформировался туркменский народ. Показывая пути перемещения в разные исторические периоды различных групп туркмен, мы пытались вскрыть этнические компоненты, вошедшие в те или иные племенные подразделения туркмен.

Тщательное изучение записанных в исторических хрониках и сохранившихся в памяти информаторов родословных и других народных преданий, исследование на местах старинной топонимики позволило выявить неточности в определении родоплеменной принадлежности некоторых групп туркмен, допущенные при сборе подготовительных материалов к переписи 1926 г.¹⁴⁴ Нуждаются в поправках и сведения, опубликованные Г. И. Карпо-

вым¹⁴⁵ и И. П. Магидовичем¹⁴⁶. В частности, неправильно к узбекам были отнесены некоторые подразделения салыров, чандыр, агар, уа, саятли, хыдыр-эли, кутчили, ходжайли и другие племенные подразделения туркмен.

Подобные неточности обусловили разноречивость сведений о численности отдельных групп населения в Ахал-Текинском, Мургабском и особенно в различных бекствах Бухарского и Хивинского ханств. Так, в пределах Чарджуйского бекства Бухарского ханства была преувеличена численность узбеков, в состав которых были неправильно включены туркменские группы арабачи, ата, баят, хыдыр-эли, салыры и некоторые другие. Расхождения в определении состава и численности различных родоплеменных групп были следствием насильственной ассимиляции, проводившейся бухарскими властями в отношении туркмен и другого неузбекского населения. В Бухарском ханстве, в частности в Чарджуйском бекстве, а нередко и в Хивинском ханстве применялись по отношению к неузбекскому населению политические ограничения, ущемлялись их хозяйственные и экономические интересы. В частности, с туркмен в больших размерах взимали *херадж* (поземельную ренту). Нередки были случаи, когда туркмен с обжитых мест переселяли в районы, пограничные с Хивинским ханством, плохо освоенные, слабо обеспеченные водой. Так, например, были переселены туркменские группы салыров и хыдыр-эли из Фараба, Ходжа-калы, Буюн-Узуна в Испас, Кабаклы, Гуйнук и другие места (расположенные в северо-западной части современного Дейнаульского района), пограничные с Хивой.

Все это наряду с другими формами притеснения со стороны узбекских чиновников и феодальной верхушки Бухарского ханства приводило к тому, что часть туркменского населения, усвоив узбекский язык, стала причислять себя к узбекам и подражать им в материальной культуре, быте, обрядах и обычаях. Эти туркмены, по свидетельству многих информаторов старшего поколения, справедливость сведений которых не вызывает сомнений, попадали почти в равные с узбекским населением условия. И наоборот, те, которые стойко сохраняли унаследованную от предков родоплеменную обособленность и специфику быта, подвергались постоянному притеснению и угнетению.

Немаловажную роль в такой денационализации туркменского населения играла его племенная верхушка, которая, защищая интересы феодалов, добивалась своими действиями административных и экономических прав, равных с правами узбекской эксплуататорской верхушки. Так, в туркменских районах южной

¹⁴³ «Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Поселенные итоги Туркменской области», стр. 7 и 29.

¹⁴⁴ Госархив Чарджоуской области, ф. 55, оп. 1, д. 150, 151, 153 и др.

¹⁴⁵ Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены, стр. 35—42; он же. Этнический состав туркмен.

¹⁴⁶ И. П. Магидович. Указ. соч., стр. 237, 238; и др.

части бассейна Средней Аму-Дарьи, где были расселены эрсаринцы, мукры, хатабы и многие другие туркменские племена, низовое административное управление, сборы поземельной ренты (херадж, *храч*) и различных других видов налога осуществлялись при посредстве старшин и аксакалов родоплеменных подразделений туркмен.

Наряду с проводившейся сверху насильственной ассимиляцией вассально-зависимого инонационального населения происходил процесс естественной ассимиляции туркмен, узбеков и особенно присоединившихся к ним в разное время отдельных мелких подразделений.

Большое влияние на ход и развитие этого процесса оказывала подворно-наследственная форма землепользования. Туркмены, да и узбеки, купившие или взявшие в аренду землю у представителей иноплеменных групп, обычно переселялись в их среду. Живя на новых местах, они теряли прежние связи и, из поколения в поколение воспринимая культуру, быт, нравы, обычаи и язык окружающего населения, постепенно сливались с ним.

Аналогичные процессы ассимиляции, возможно, с несколько иной интенсивностью происходили среди туркмен и узбеков на территории, входящей ныне в Дейнауский, Чарджоуский и частично в Саятский и Чаршангинский районы, где их кишлаки были расположены по соседству друг с другом и где они имели общие источники орошения.

С самого начала поселения здесь туркмен, как и в районах Мургаба и Хорезма, трудности восстановления старой или строительства новой ирригационной сети, необходимость ежегодной очистки ее от ила и песка обусловили также постепенное включение в состав большинства родоплеменных подразделений туркмен различных пришельцев, нередко иноплеменного и инонационального происхождения. Наиболее характерны в этом отношении подразделения салыров: хандакли, копекли, меркит, акчик, дейнавли, а среди сакар — чагатай, кутчили, хорасанли и среди эрсари — курама, сурх, олам, чандыр и др.

Такие процессы естественной ассимиляции — вполне закономерное явление общественного развития. Всегда и всюду длительное пребывание тех или иных групп населения в определенной местности в соседстве с другими, особенно более развитыми духовно и экономически более сильными, приводит к сближению их материальной и духовной культуры и к постепенному стиранию рамок этнической обособленности. Этим объясняется тот факт, что во второй половине XIX — начале XX в. представители подразделений салыров, хыдыр-эли, алили, чандыр, агар, уа, саятли, кутчили и некоторые другие — не имели отчетливого представления о своей племенной и национальной принадлежности и часто причисляли себя то к туркменам, то к узбекам.

Подобные факты нередко вводили в заблуждение при определении национального состава и численности населения в различных частях Туркменистана. А это в свою очередь порождало искажения в карте расселения родоплеменных групп и влекло за собой утверждение в науке некоторых ошибочных представлений о ходе формирования туркменского народа.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Несмотря на различное положение туркмен и узбеков в Бухарском и Хивинском ханствах, оба народа характеризовались крайней экономической и культурной отсталостью. Всячески подерживая сохранение среди туркмен пережитков патриархально-родовых отношений, бухарские и хивинские власти держали массы туркменского населения в полном невежестве и зависимости от произвола феодалов.

В тяжелых условиях политического и экономического гнета находились туркмены и в пределах Туркестанского генерал-губернаторства.

Разделенные между тремя государствами массы туркменского населения лишь после победы Великого Октября в условиях советской действительности получили возможность постепенно преодолеть свою родоплеменную и этническую раздробленность, воссоединиться как единый народ. Так, в результате национально-государственного размежевания Средней Азии и образования в 1924 г. Туркменской Советской Социалистической Республики завершился исторический процесс объединения административно и территориально разорванных прежде родоплеменных групп туркмен в единый туркменский народ.

Проведение в 1925—1927 гг. земельно-водной реформы в предгорьях Копет-Дага и в оазисах Атека, Теджена и Мургаба, а также переустройство всей старой ирригационной сети Туркмении в новую систему орошения, основанную на современной технике, обусловили существенные изменения в характере расселения, что в свою очередь наряду с утверждением новых форм земле- и водопользования углубляло процесс стирания былой обособленности родоплеменных и локальных групп и влекло за собой развитие национального самосознания.

В ходе социалистической индустриализации, сплошной коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшейся ожесточенной классовой борьбой и приведшей к ликвидации кулачества как класса, глубочайшей культурной революции, обеспечившей сплошную грамотность населения, в быту, хозяйстве и общественной жизни туркмен взамен прежних патриархально-феодалных отношений, которые еще продолжали бытовать в первые годы Советской власти, утвердились передовые, социалистические отношения.

С победой социализма в Туркменистане завершилась национальная консолидация туркмен и формирование туркменской социалистической нации. Современное поколение туркмен, ближайшие предки которых делились на множество замкнутых в своей обособленности групп, ныне является единым по национальному самосознанию, языку, культуре и быту. Об этом свидетельствуют, например, материалы этнографического обследования таких сложных в этническом отношении районов, как долина Средней Аму-Дарьи и Мургабский оазис, где еще в недалеком прошлом среди населения четко различались обособленные группы племен теке, эрсари, сарык, баят, хыдыр-эли, сакар, атинцев, салыров и их многочисленные подразделения, считавшие себя отдельными народностями.

Социалистические преобразования, в корне изменившие экономику Туркменистана, оказали огромное влияние не только на повышение благосостояния, изменение быта, культуры, психологии народа, но и привели к значительному увеличению численности населения, формированию нового, социалистического сознания и определили новый характер этнических процессов.

Непосредственным свидетельством этого является увеличение общей численности населения Туркменистана с декабря 1926 г. по январь 1939 г. на 25,5%, за двадцать последующих лет — с 1939 по 1959 г. — на 21,1%¹⁴⁷, а общий прирост почти за 40 лет — с 1926 по 1967 г. — составил 95,8%¹⁴⁸. Такой рост численности населения объясняется увеличением естественного прироста и притоком населения из других краев и областей Советского Союза. По официальным статистическим данным, естественный прирост населения в Туркменской ССР с 1940 по 1965 г. увеличился более чем в 1,7 раза¹⁴⁹.

Улучшение материального благосостояния повлекло за собой увеличение рождаемости. Благодаря развитию сети медицинских учреждений и улучшению санитарно-гигиенических условий быта, а также возросшей культуре населения значительно снизилась смертность, особенно среди новорожденных и в раннем детстве. В целом по Туркменской ССР смертность на каждую тысячу жителей с 19,5 человека в 1940 г. снизилась до 6,3 человека в 1964 г., а число родившихся повысилось с 36,9 человека в 1940 г. до 3,1 человека в 1965 г.¹⁵⁰ Эти цифры ясно отражают степень материальной обеспеченности и состояние здравоохранения.

¹⁴⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР. М., 1963, стр. 11.

¹⁴⁸ «Туркменистан за годы Советской власти». Ашхабад, 1967, стр. 24.

¹⁴⁹ «Народное хозяйство СССР в 1965 году». М., 1966, стр. 47—48.

¹⁵⁰ Там же.

Огромный размах промышленного развития Туркменистана и социалистическое переустройство сельского хозяйства, и в частности освоение целинных и залежных земель в зоне Каракумского канала, привели к большим изменениям в численности и национальном составе населения, к заметному расширению территории со смешанным в национальном отношении населением в Туркменской ССР. Особенно это наблюдается в районах крупных ирригационныхстроек, в местах добычи и разработки полезных ископаемых, а также в совхозных поселках. Ярким примером этого может служить, например, недавно возникший на левом берегу Каракумского канала в 120 км от г. Керки поселок Караметнияз, где живут и трудятся представители более двадцати национальностей. В районе Хауз-ханского водохранилища насчитывается более тридцати национальностей. Многонациональны также Захмет, Гаурдак и другие поселки и города. Рост многонациональности населения республики и укрепление контактов между представителями различных национальностей в производственной, общественно-культурной деятельности и в быту способствовали изживанию прежней национальной обособленности. Так, совместная работа на предприятиях, в совхозах и колхозах представителей различных национальностей, усвоение в производственных коллективах общих черт советской культуры приводит к сближению людей разных национальностей и в быту, усвоению языка большинства окружающего населения и перековке национального самосознания в духе интернациональной дружбы. Это служит основой современных этнических процессов в Туркмении, наиболее характерное проявление которых состоит в сближении небольших локальных инонациональных групп с туркменами.

В дореволюционное время, как отмечалось выше, на территории Чарджуйского бекства Бухарского ханства проводилась насильственная ассимиляция туркмен узбеками. После национального размежевания Средней Азии этот процесс прекратился и усилилась национальная консолидация туркмен. Одновременно начался интенсивный процесс этнического и культурного сближения с туркменами вкрапленных в их среду небольших по численности этнических групп узбеков, арабов, ирани, калмаков. За 33 года, прошедших между переписями 1926 и 1959 гг., численность узбеков Средней Аму-Дарьи сократилась почти в шесть раз, а арабы и ирани полностью слились с туркменами (за исключением отдельных семей, примкнувших к узбекам). Эти инонациональные группы в результате длительного общения с туркменами постепенно утратили особенности своей национальной культуры и быта, усвоили туркменский язык и перестали считать себя принадлежащими к прежней этнической общности. Они называют себя туркменами — «*туркмен болдым*» и обосновывают свою этническую принадлежность к туркменам общими

с туркменами чертами культуры и быта, например, общими типами жилища, его убранства, одинаковой формой одежды и прочим.

Так, у туркмен, узбеков и таких небольших групп, как арабы, ирани (куллар), колмаки Чарджоуского, Дейнаусского и Фарабского районов, в годы социалистического строительства, особенно в послевоенный период сложились вследствие взаимовлияний сходные типы жилища, его планировка, архитектура и убранство. Преобладающим типом жилища сельского населения названных районов являются двух- трехкомнатные дома, разделенные айваном. В архитектуре наблюдаются общие элементы — колонны, ниши. В одежде общими является ношение туркменской рубахи-платья с вышивкой на груди, либо узбеко-таджикского платья на кокетке с отложным воротом, халата (ектай), тюбетейки и др. В настоящее время только некоторые пожилые люди из среды мелких разноязычных групп сохраняют прежнее национальное самосознание, но и они помимо родного языка обычно знают туркменский и узбекский.

Чрезвычайно интересны в этническом отношении ильалинские дуеджи, чандыр и агары. Все они, как показывают полевые исследования Г. П. Васильевой¹⁵¹ и наши этнографические материалы, этногенетически связаны с туркменами, но за многие десятилетия жизни среди узбеков в большей степени восприняли узбекский язык, узбекскую культуру и быт. Однако за последние годы эти группы населения стали сближаться с туркменами.

Сильно продвинулся начавшийся еще в первые годы Советской власти процесс сближения с туркменами живущих в их окружении курдов и персов Ашхабадского и Геок-Тепинского районов. Как показали исследования Т. Ф. Аристовой и Г. П. Васильевой, курды интенсивно воспринимают туркменский язык и туркменскую социалистическую культуру, обогащая ее некоторыми элементами своей культуры. На развитие этого процесса оказывали существенное влияние совместное проживание, повседневный труд в общественном хозяйстве колхозов и совхозов, обучение в школах на туркменском языке, смешанные браки и многие другие важные факторы¹⁵².

Почти полностью утратили свои этнические особенности поселения и жилища курдов. Пока сохраняется некоторая специфика только во внутреннем убранстве, проявляющаяся в порядке расположения вещей. Заметно сближение форм народной одежды, особенно в мужском костюме взрослых и молодежи. Да и в женском костюме появились такие характерные для туркмен элементы, как рубаха-платье из кустарного шелка красного цвета с вышивкой на груди и вокруг ворота. В значительной сте-

пени сближает курдов с туркменами интенсивное усвоение многих черт русской городской культуры¹⁵³.

Можно сказать, завершился процесс консолидации туркменами уйгуров (таранчи) и персов (ирани) Байрам-Алийского района, при переписи 1959 г. они все назвали себя туркменами.

Преобладающее большинство белуджей, которые с 1923 по 1928 г. расселились в Байрам-Алийском, Туркмен-Калинском, Иолотанском и Марыйском районах, кроме родного языка, знают туркменский, а молодежь и представители среднего поколения — и русский. Обучение в школах и делопроизводство в названных районах ведется на туркменском языке. Живя в окружении туркмен и постоянно общаясь с ними, белуджи постепенно воспринимают их культуру и быт¹⁵⁴.

Свыше 5% белуджей при переписи 1959 г. назвали родным языком туркменский или русский¹⁵⁵.

Постепенно сближаются с туркменами и азербайджанцы, живущие небольшими группами среди туркмен. Во время переписи 1959 г. из 12,9 тыс. азербайджанцев Туркменистана свыше 2200 человек назвали своим родным языком туркменский или русский.

Небольшие по численности народности обычно хорошо владеют, кроме родного языка, туркменским и русским. Мы неоднократно наблюдали, что у арабов, курдов, уйгуров, куллар, татар даже в семейном быту преобладает туркменский, а иногда и русский разговорный язык. Дети и молодежь названных народностей предпочитают говорить по-туркменски.

Из сопоставления приведенных в табл. I данных переписей 1926 и 1959 гг. видно, что среди малочисленных народностей сильно снизился процент людей, считающих родным язык своей национальности. Это убедительный показатель интенсивности процесса консолидации.

Изучение материалов переписи 1959 г. показало, что наиболее интенсивно процесс консолидации малочисленных народностей протекает среди городского населения. Это вполне понятно, так как условия городской жизни оказывают огромное влияние на общественно-бытовой уклад населения и в сильной степени способствуют сближению наций на почве усвоения общесоветских форм культуры.

Для современных этнических процессов в Туркменистане характерно тесное сплочение населения различных национальностей в районах больших промышленных строек и в местах осво-

¹⁵³ Там же, стр. 21—30.

¹⁵⁴ Э. Г. Гафферберг. Поездка к белуджам в 1958 г. «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 113, 116—117, 121.

¹⁵⁵ «Всесоюзная перепись населения 1959 г. в СССР». М., 1962, стр. 188.

¹⁵¹ Г. П. Васильева. Объяснительная записка..., стр. 32—33.

¹⁵² Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических процессах на территории южной Туркмении. «Сов. этнография», 1964, № 5, стр. 17—30.

ения пустынных земель в зоне Каракумского канала. Например, в совхозе № 9 Тедженского района работают представители 27 национальностей, в совхозе «Каракум-канал» — 24 национальностей, а в совхозе «Москва» Байрам-Алийского района — 28 национальностей.

ТАБЛИЦА 1. ИЗМЕНЕНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ И ЯЗЫКОВОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Национальность	1926 г.					1959 г.				
	Численность населения		Считают родным языком, %			Численность населения		Считают родным языком, %		
	тыс. человек	%	своей национальности	туркменский	русский	тыс. человек	%	своей национальности	туркменский	русский
Туркмены	719,8	72,1	100	100	—	923,7	60,9	99,4	99,4	0,6
Узбеки	105,0	10,5	97,3	2,7	—	125,2	8,3	96,3	2,4	1,3
Русские	75,4	7,5	100	—	100	262,7	17,3	99,9	0,01	99,9
Казахи	9,5	1,0	100	—	—	69,6	4,6	98,2	0,9	0,9
Татары	4,8	0,4	99,7	0,1	0,2	29,9	2,0	84,1	2,2	13,7
Азербайджанцы	4,2	0,4	—	—	—	12,9	0,8	83,8	1,0	15,2
Украинцы	6,9	0,7	50,0	—	50,0	21,0	1,4	42,4	1,0	56,6
Каракалпаки	1,5	0,15	—	—	—	2,5	0,15	95,0	4,0	1,0
Белуджи	10,0	1,0	100	—	—	7,6	0,5	93,0	1,0	1,0
Курды	2,3	0,20	75,0	8,9	16,1	2,4	0,15	52,7	39,1	8,2
Мордва	0,5	0,05	71,0	—	29,0	4,1	0,3	49,5	—	50,5
Корейцы	—	—	—	—	—	1,9	0,1	66,8	0,1	33,1
Армяне	13,8	1,4	96,4	—	3,6	19,7	1,3	70,6	—	29,4
Немцы	1,3	0,2	98,8	—	1,2	—	—	—	—	—
Евреи	1,8	0,2	68,6	—	31,4	4,1	0,3	29,0	—	68,3
Персы	7,1	0,7	93,7	5,8	0,5	—	—	—	—	—
Другие народности	34,3	3,5	—	—	—	29,1	1,9	—	—	—
Всего	998,2	100	—	—	—	1516,4	100	—	—	—

Как показало этнографическое обследование, в этих совхозах, представляющих собой передовые советские предприятия, формируется совершенно новый облик сельского населения. Производственный и общественный быт их определяют социалистическая организация производства и внедрение передовой техники, а также повышение квалификации и воспитание ответственного отношения к труду, регулярное проведение культурно-про-

светительных мероприятий, заполняющих досуг и повышающих культурный уровень трудящихся.

Рабочие совхозов живут в поселках городского типа с многоквартирными домами, школами, клубами, столовыми, медицинскими учреждениями, торговыми предприятиями.

Общность трудовых интересов и тесное общение в быту влекут за собой формирование у новоселов, несмотря на то, что они являются представителями различных народностей, единого в основе бытового уклада. Вместо устаревших обычаев, порожденных отжившими общественными отношениями и религиозными предрассудками, утверждаются современные формы быта с новыми традициями и обычаями.

Такое же закономерное сближение народностей и формирование современного советского бытового уклада происходит на крупных стройках Туркменистана и закрепляется у сельских жителей соседних поселков.

Аналогичные процессы постепенного сближения малочисленных этнографических групп с более крупной нацией характерны и для других республик Советского Союза. Материалы нашего этнографического исследования 1951—1953 гг.¹⁵⁶ и данные Л. С. Толстой¹⁵⁷ показывают, что в Ферганской долине уже тогда шел интенсивный процесс сближения с узбеками каракалпаков, арабов, кипчаков, курама, тюркков. Такие же явления наблюдались в Южной Киргизии, а также среди хыдыр-эли и многих других родоплеменных групп туркмен, консолидирующихся с узбеками Алата, Каракуля Бухарской области Узбекской ССР¹⁵⁸. Сходные этнические процессы отмечены на юго-западе Узбекистана¹⁵⁹, у мордвы¹⁶⁰, у народов Севера¹⁶¹. Ярким примером, характеризующим процесс консолидации, является сближение таких родственных по языку и культуре небольших по численности

¹⁵⁶ Я. Р. Винников. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. М., 1959, стр. 391—409.

¹⁵⁷ Л. С. Толстова. Материалы по этнографии ферганских каракалпаков. «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXI, 1954, стр. 12—32; она же. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. «Сов. этнография», 1961, № 5.

¹⁵⁸ Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской области..., стр. 131.

¹⁵⁹ Б. Х. Кармышева. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. «Сов. этнография», 1960, № 1; она же. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXXIII. М., 1960.

¹⁶⁰ В. И. Козлов. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР. (Опыт исследования на примере мордвы). «Сов. этнография», 1961, № 3.

¹⁶¹ И. С. Гурвич. Современные этнические процессы, протекавшие на Севере Якутии. «Сов. этнография», 1960, № 5; и др.: А. В. Смоляк. О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура.

групп населения, как курама, кипчаки, тюрки, частично арабы Ферганы, с узбеками, мигрелов, сванов, аджарцев с грузинами, андоцезских народностей Дагестана с аварцами, а также постепенное сближение припамирских народностей с таджиками. Заметно продвинулся процесс ассимиляции небольших групп узбеков Средней Аму-Дарьи с туркменами, каракалпаков и туркмен долины Зеравшан и уйгуров Ферганы с узбеками.

Кроме этих двух взаимосвязанных этнических процессов — консолидации и ассимиляции — в нашей многонациональной Советской стране благодаря успешному решению проблемы национальных отношений, в частности проблемы последовательного преодоления исторически сложившихся различий в уровне экономического и культурного развития республик Советского Востока, ускоренными темпами развивался процесс сближения социалистических наций и народностей и прежде всего по таким крупным историко-этнографическим и экономико-географическим областям, как Средняя Азия и Кавказ. Здесь, как показывают данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. и этнографические исследования, все эти процессы сопровождаются территориальным смешением народов, все более усиливающимися экономическими и культурными связями, ростом числа национально смешанных семей, изменением языка и национального самосознания и т. п.

В ходе дальнейшего развернутого коммунистического строительства все этнические процессы, по-видимому, обусловят появление и развитие общесоветского национального самосознания — важнейшего фактора сближения социалистических наций и народностей.

Среди главных, определяющих факторов развития процессов этнического сближения, равно как и в области формирования нового человека, следует назвать общественную собственность на средства производства, творческий труд на производстве, социалистическое распределение по труду, разностороннюю организаторскую и воспитательную работу нашей партии и государства, целенаправленную общественно-политическую систему образования и воспитания и др. Так, общественная собственность объединяет рабочих, колхозные массы, интеллигенцию — людей всех национальностей, развивает у них коллективизм, чувство ответственности перед коллективом и обществом в целом. В общественном производстве трудящиеся приобретают трудовые навыки, проявляют и развивают свои таланты и способности, проходят школу интернационального воспитания и идейной закалки, осознают свою общественную значимость и социальную сущность.

«Сов. этнография», 1963, № 3; З. П. Соколова. О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов, и эвенков Томской области. «Сов. этнография», 1961, № 3.

Другим важным фактором является дружба народов, а также новые современные формы общественной и домашней жизни, семейно-брачные отношения, в частности рост смешанных в национальном (не говоря о племенном) отношении браков, ранее считавшихся позорным и недопустимым поступком. Теперь такие браки способствуют ломке старых религиозных, бытовых и националистических предрассудков, они вместе с тем обогащают и сближают материальную и духовную культуру представителей различных национальностей.

Межнациональные семьи как одно из закономерных явлений современности оказывают заметное влияние на формирование общесоветской, т. е. интернациональной, культуры и вместе с тем по своему существу революционизируют такую трудно поддающуюся изменениям сферу жизни, как семейный быт, традиции, обычаи.

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., в Туркменской ССР на каждые 1000 семей приходится 85 смешанных в национальном отношении семей, в том числе среди сельского населения 25, в Узбекской ССР соответственно — 82 и 47, Казахской ССР — 144 и 119, Киргизской ССР — 123 и 92¹⁶².

Члены межнациональной семьи в своей совместной жизни отбирают и внедряют в быт все то лучшее, взаимоприемлемое, отвечающее как их запросу, так и обществу. Дети, рожденные от межнационального брака, будучи свободными от узконациональных предрассудков, получившие образование в советской школе и воспитанные в интернациональной среде, представляют собой качественно новое поколение, проникнутое духом интернационализма и дружбы. Это новое поколение в свою очередь оказывает влияние на старших, расширяет и углубляет их кругозор и вместе с тем вносит определенные изменения в культуру и быт.

Следующим важнейшим показателем, свидетельствующим о сближении социалистических наций и народностей в пределах крупных историко-этнографических областей, и в частности Средней Азии, является связь в области экономики — решающей сферы общественного развития.

Совместное практическое решение межреспубликанских хозяйственно-экономических и культурных задач открывает все больше каналов для конкретных связей и усиливает процесс сближения. Наиболее четко этот процесс прослеживается, как показывают этнографические исследования, в области материальной культуры, в частности в сложении и развитии общих черт в планировке поселений, типах жилища, народной одежде, украшениях, пище.

Во всех колхозах и совхозах Туркменистана, как и других союзных республик, идет массовое строительство жилых домов по

¹⁶² А. А. Исупов. Национальный состав населения СССР. М., 1964, стр. 38.

типовым проектам, разработанным с учетом не только местных этнических особенностей, но и задач общесоюзного значения. Процесс нивелировки национальных особенностей в домостроении, в благоустройстве и убранстве жилища зашел настолько далеко, что постороннему трудно отличить современное туркменское жилище от поселений и жилищ соседних народов. Те же явления прослеживаются в современной одежде и ее украшении. Объясняется это тем, что старые формы материальной культуры, не выдержав проникновения новых, более удобных, постепенно заменяются.

В наши дни в каждой республике Средней Азии и по стране в целом, как показывают многочисленные примеры этнографических исследований, уже сложились общие черты духовного облика народов, обусловленные новым типом общественных отношений и воплотивших в себе лучшие традиции современности. «Поддерживая прогрессивные традиции каждого народа, делая их достоянием всех советских людей, партия будет всемерно развивать новые, единые для всех наций революционные традиции строителей коммунизма»¹⁶³. Ярким свидетельством этого являются повсеместно бытующие традиции в торжественной обстановке отмечать такие праздники, как Великая Октябрьская социалистическая революция, 1-е Мая, 8-е марта и др. К ним приурочиваются общие собрания трудящихся, на которых подытоживают результаты трудовых побед, концерты и т. д. Эти праздники отмечают в каждой семье и жителями города, и жителями села и аула. За праздничным столом туркмен можно видеть русских, узбеков, татар и представителей других национальностей.

Заслуживают внимания также традиции и обычаи, свойственные только одной или нескольким родственным по языку, культуре и быту народностям, имеющим в той или иной степени общие исторические связи. Среди таких традиций народов Средней Азии следует назвать традицию взаимопомощи *хошар* при строительстве или ремонте ирригационной сети и сооружений, жилых и хозяйственных построек. Всем народам Средней Азии особенно свойственно гостеприимство, почтительное отношение к старшим.

Современная жизнь тружеников туркменского села, как и других народов Советского Востока, убедительно показывает, что национальные формы культуры и быта включают в своем большинстве прогрессивные традиции и обычаи, которые развиваются не изолированно, а в тесном контакте и взаимодействии с другими народами Средней Азии.

Все эти явления, наблюдаемые в жизни туркменского и других советских народов, характеризуют собой социалистический интернационализм в действии, одну из многих важных сторон

сближения социалистических наций и народностей. Народное хозяйство, общественная и культурная жизнь людей каждой советской республики взаимосвязаны. Интернационален сам труд, производственный быт советских людей, ибо труд каждого человека и результаты его труда вливаются в фонд общественного достояния. В самом деле, возьмем к примеру Советский Туркменистан. Продукция его народного хозяйства — хлопок-сырец, каракуль, шелк, нефть, цемент, озокерит и т. д. — поступает в фонд всенародного потребления. В свою очередь другие республики нашей страны ввозят в Туркмению различного рода готовую продукцию, промышленные товары и др.

Можно привести множество примеров тесных связей социалистических наций и народностей, живущих, например, в Средней Азии, не только из области хозяйственной жизни или экономики, но и из области общественных отношений, культуры, науки и искусства.

С культурным подъемом росла сознательность, активность, утверждалась социалистическая идеология советских людей, ставшая безраздельно господствующей.

¹⁶³ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 407.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННОГО БЫТА

ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ХОЗЯЙСТВА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Сведения об основных занятиях туркмен в историческом прошлом ограничиваются скудными отрывочными сообщениями в записках английского путешественника XVI в. А. Дженкинсона и в хрониках хивинских историков XVII—XIX вв. Абульгази, Муниса и Агехи. В советское время существенные дополнения внесли результаты археолого-этнографических работ Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона, Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова и др., которые значительно расширили наше представление о дореволюционном хозяйственном укладе туркмен вообще и о роли земледелия в частности.

Основным занятием большинства туркменских племен в XVI—XVII вв. было скотоводство. Но отдельные племена, например, верхнеузбойские и сарыкамышские уч-эль (три племени — адак-лы-хызыр, алили, дуечи), гюргенские эймиры, прикопетдагские нохурли, мурчали, аннаули, среднеамударьинские баяты и некоторые другие, наряду со скотоводством истари занимались земледелием¹. В хозяйстве приморских туркмен важную роль играло рыболовство. Некоторое значение в хозяйстве имели домашние промыслы и охота.

Продвижение туркмен на рубеже XVI—XVII вв. с севера страны в южные земледельческие оазисы повело к дальнейшему увеличению роли земледелия в их хозяйственных занятиях. В то же время расселение на новых местах, где издревле было развито земледелие, способствовало и постепенному переходу туркмен к оседлому образу жизни².

¹ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 598; Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. МИТТ, т. II, М.—Л., 1938, стр. 325; «История Туркменской ССР», т. I, кн. I. Ашхабад, 1957, стр. 378—381; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 265—267.

² «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения», М., 1960, стр. 347.

Обращение к земледелию как источнику существования часто было выходом из бедственного положения, в котором оказывались скотоводы после грабительских нападений на них соседних феодальных государств.

В хивинских хрониках повествуется об одном из набегов хивинцев, которые забрали в плен из туркменских поселений всех женщин и детей, овладели скотом и имуществом. В результате большинство воинов-грабителей оказалось владельцами больших стад³.

На основании новейших литературных материалов, а также данных полевых исследований по истории хозяйства туркмен, можно считать, что начиная с XVIII в. основой хозяйственной жизни большинства туркмен стало сочетание земледелия со скотоводством. Характер земледелия и типы скотоводства в различных областях Туркменистана различались в зависимости от природных условий, местных традиций и социально-политической обстановки.

По своеобразию хозяйственных занятий населения Туркменистана в прошлом вплоть до советского времени всю территорию края можно разделить на шесть относительно крупных историко-хозяйственных областей.

Первая — бассейн Средней Аму-Дарьи. Это наиболее крупная и густонаселенная область. Средне-Амударьинский оазис сравнительно лучше других оазисов Туркмении был обеспечен оросительной водой. Здесь с первых лет своего расселения (XVII—XVIII вв.) туркмены стали заниматься земледелием в сочетании с отгонным скотоводством. Туркменский поэт Сеиди в стихотворении «Лебаб хош имди», написанном около 1823 г., говорит, что его народ, переселившись на берега Аму-Дарьи 150 лет назад (т. е. в конце XVII в.), начал копать каналы и засевать поля⁴. Народные предания и многочисленные свидетельства стариков дают основание считать, что все туркменские племена (эрсари, салыры, баяты, сакары, мукры, хатаб, олам и др.) уже со второй половины XVIII в. вели в основном земледельческое хозяйство. Убедительным доказательством этого служит также чрезвычайно древняя и густая ирригационная сеть. Кроме того, известно, что туркменское население Бухарского ханства вело оседлый образ жизни. Наряду с земледелием и скотоводством — этими основными отраслями хозяйства — приамударьинские туркмены занимались шелководством и домашними промыслами: ковроделием, ткачеством, валянием кошм, выделкой кож, выработкой разной глиняной и деревянной посуды, изготовлением

³ Мирза Мухаммед Таги-хан. Насих-ут-таварих. МИТТ, т. II, стр. 208; Мунис и Агехи. Указ. соч., стр. 450, 496.

⁴ «История Туркменской ССР», т. I, кн. I, стр. 409; А. А. Росляков. Краткий очерк истории Туркменистана. Ашхабад, 1956, стр. 112.

примитивного сельскохозяйственного инвентаря, различных украшений и других предметов быта.

Успех земледелия здесь целиком зависел от режима Аму-Дарьи, так как почти вся ирригационная сеть питалась непосредственно из этой реки.

На своих полях туркмены бассейна Средней Аму-Дарьи возделывали хлопок, кунжут, лен, зерновые, бобовые, различные огородные и бахчевые культуры, а также люцерну.

Здесь, в земледельческой зоне, туркмены и узбеки разводили в основном крупный рогатый скот, лошадей и небольшое количество овец и коз. Только зажиточные хозяйства имели большие стада мелкого рогатого скота и верблюдов, которых пасли в Южных Каракумах.

Вторая область включает туркменские районы Хорезма. Как установлено этнографическими исследованиями, обосновавшиеся здесь туркмены уже давно, по крайней мере на протяжении двух столетий, предшествовавших установлению царского протектората (1873 г.), вели полуоседлый образ жизни⁵.

О занятии земледелием этих туркмен сообщают многие русские путешественники, посетившие Хивинское ханство. Гладышев, побывавший тут в середине XVIII в., приводит данные о возделываемых здесь культурах и приемах земледелия⁶. Более подробные сведения о формах землевладения содержатся в сообщениях участников Хивинского похода 1873 г. и отчетах представителей царской администрации конца XIX — начала XX в.⁷

У туркмен Хивинского ханства был комплексный тип хозяйства, сочетавший земледелие с отгонным скотоводством, домашними промыслами, а местами и с рыболовством.

Земли туркмен были расположены в низовье ирригационных систем Хорезма, орошение их находилось в большой зависимости не только от гидрологического режима Аму-Дарьи, но и от

воли хивинских ханов. По распоряжению того или иного хана нередко перекрывались каналы, питавшие посевы туркмен. В таких случаях отдельные группы или племена туркмен оставляли освоенные территории и переселялись со своими юртами, имуществом и скотом в другие места, становясь полукочевыми скотоводами-земледельцами. Воду для орошения полей они отводили из озер, образовавшихся от разливов Аму-Дарьи.

После установления протектората царской России над Хивинским ханством такие перекочевки прекратились, и земледелие укрепилось как главное занятие основных масс туркменского населения. Большинство туркмен сочетало земледелие с отгонным скотоводством⁸. Кочевое скотоводство было главной отраслью хозяйства только у зажиточной прослойки туркмен, да и богатые скотоводы, как правило, имели земельные владения в оазисе, которые они обрабатывали силами своих бедных «сородичей», батраков или арендаторов⁹.

Туркмены Северного Хорезма возделывали хлопок, пшеницу, ячмень, рис, джугару, маш, лен, табак, кормовую и семенную люцерну, а из бахчевых и огородных культур: дыни, арбузы, тыкву, морковь, лук и др. Важную отрасль их хозяйства помимо скотоводства составляло шелководство, подсобными отраслями были рыболовство, охота, домашние промыслы.

Третью область составляли плодороднейшие земли Мургабского и Тедженского оазисов, покрытые древней сетью ирригационных каналов с рядом примитивных гидротехнических сооружений¹⁰.

Вследствие грабительских военных походов соседних феодальных государств — Хивы, Бухары и Ирана — состав населения в этих оазисах, как указывалось в предыдущей главе, много раз менялся. В конце XVIII — начале XIX в. эти оазисы в основном занимали туркмены сарыки, салыры, текинцы и небольшие подразделения некоторых других племен. До середины XVIII — начала XIX в. основной отраслью хозяйства было скотоводство. Но затем все больший удельный вес начало занимать поливное земледелие, а в конце XIX в. оно стало уже основной отраслью хозяйства. К 1840—1860-м годам туркмены-сарыки окончательно освоили южную часть Мургабского оазиса, развивая многоотраслевое хозяйство. Текинцы, сарыки, салыры,

⁵ Г. П. Васильева. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII, 1963, стр. 10—35; Г. Е. Марков. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961. Т. А. Жданко. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. «Сов. этнография», 1961, № 2; С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Изв. ГАИМК», вып. 103. М.—Л., 1934.

⁶ «Поездка из Орск в Хиву, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным». СПб., 1871, стр. 74—75.

⁷ Н. Гродеков. Хивинский поход 1873 г. СПб., 1888, стр. 285; А. Кун. Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. «Изв. РГО», 1874, т. I, № 2; М. И. Иванов. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, стр. 39; А. Л. Костенко. Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении. «Военный сборник», 1874, № 4; И. Краузе. Хивинское земледелие. «Изв. РГО», 1874, т. X, № 1; Гиришфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II. Ташкент, 1903; В. Лобачевский. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Хивинский район. Ташкент, 1912, стр. 54; и др.

⁸ Центральный государственный архив Октябрьской революции Туркменской ССР, ф. 1, оп. 2, д. 885, л. 55; Гаип Непесов. Победа советского строя в Северном Туркменистане (1917—1936 гг.). Ашхабад, 1950, стр. 20; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 194.

⁹ Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 173—206; С. П. Толстов. Города гузов, (Историко-этнографические этюды). «Сов. этнография». 1947, № 3, стр. 89.

¹⁰ В. А. Левина. К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии). «Труды ЮТАКЭ», т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 295.

осевшие в оазисах Мургаба и Теджена, занимались хлебопашеством и скотоводством¹¹. В 1890 г., по данным П. М. Лессаря и В. И. Масальского, в Мервском (Мургабском) уезде насчитывалось обрабатываемой земли 43 тыс. десятин¹². По отчету К. К. Палена, земледелие к концу XIX в. составляло основную отрасль сельскохозяйственной деятельности населения: в Мервском уезде удельный вес земледелия был равен 73,8%, в Тедженском — 63,6% и в Ашхабадском — 60,3%¹³.

Система земледелия здесь была на поливных землях переложная; возделывались такие культуры, как пшеница, ячмень, люцерна, кунжут, хлопок, бахчевые и т. д.

Большую роль в хозяйстве мургабских туркмен играло животноводство, главным образом каракулеводство, шелководство и производство лучших в мире текинских и пендинских ковров, различных ковровых изделий. Марыйские тяжелые, плотные шелка — *гырмызы кетени* — были широко известны не только в Закаспии, но и за пределами этой области. Пользовались широким спросом и такие шелковые ткани, как *совсани*, *бегрес*, *серинде* и др.

После присоединения Закаспийской области к России в хозяйстве туркмен все больший удельный вес стали занимать такие трудоемкие, но доходные культуры, как хлопок, люцерна, виноград, шелковица, а в скотоводстве — каракулеводство¹⁴. Поэтому нельзя согласиться с явно ошибочным утверждением К. Овезбердыева и Ф. К. Максимова о том, что туркмены-сарыки, как и большинство других туркменских племен, издавна и почти до победы Великого Октября вели кочевой образ жизни и что основной формой хозяйства в Мургабском оазисе являлось скотоводство¹⁵.

¹¹ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.». Ашхабад, 1954, стр. 319, 320, 326.

¹² П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. «Изв. РГО», т. XXI, 1885, стр. 54; В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913, т. XIX, стр. 301.

¹³ К. К. Пален. Отчет о ревизии Туркестанского края. Областное управление. СПб., 1910, стр. 291.

¹⁴ «Народы Средней Азии и Казахстана». Серия «Народы мира», II. М., 1963, стр. 20—21; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. М., 1954, стр. 5—12; В. В. Русин. Водоземельные отношения и община у туркмен. «Труды Туркестанского статистическо-экономического общества», вып. I. Ташкент, 1918; М. А. Немченко. Динамика туркменского крестьянского хозяйства. Полторацк, 1927, стр. 10—11; и др.

¹⁵ К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», вып. VI. Ашхабад, 1962, стр. 113; Ф. К. Максимович. Социально-экономический строй закаспийских туркмен накануне присоединения к России. Ашхабад, 1960, стр. 75.

Четвертая область включала подгорную и равнинную части территории Копет-Дага, Атека, долин рек Сумбар и Чандыр. Это область древнего земледелия, основанного на искусственном орошении. Воду брали из небольших речек, ручьев и кяризов.

Туркмены гоклены, нохурли, мурчали, анаули, емрели, карадашлы, алили и некоторые другие южные племена, несколько столетий обитавшие на этой территории, занимались в основном земледелием¹⁶.

Туркмены-текинцы после завоевания в конце XVIII — начале XIX в. Ахал-Текинского оазиса, разделив между своими подразделениями водные источники и орошаемые земли, постепенно переходили от скотоводства к земледелию. У них, как и у текинцев Мургаба, на первых порах в хозяйственной жизни преобладало скотоводство, а уже в 50-е годы основным их занятием являлось поливное и отчасти богарное земледелие в сочетании с отгонным скотоводством. Лишь незначительная, в основном зажиточная, часть туркмен вела кочевое или полукочевое скотоводство, но и они имели в оазисах земельные участки.

На поливных землях туркмены возделывали технические культуры — хлопок и кунжут, зерновые — пшеницу и ячмень, кормовые — люцерну, огородные и бахчевые — дыни, арбузы, тыкву, лук, морковь; было развито виноградарство и шелководство. На богарных землях возделывали в основном озимую и яровую пшеницу. Горные луга, а также обширные выгоны и пастбища в прилегающей песчаной зоне служили базой для разведения скота. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов и ослов.

Пятая область — юго-западная Туркмения и восточное побережье Каспийского моря, населенная в XIX — начале XX в. туркменами йомутами, огурджали и небольшими группами эвлядских племен.

У них, как и в периферийных районах Хорезмского оазиса, сохранялся в этот период полукочевой комплексный тип хозяйства. Хотя отгонное полукочевое скотоводство и преобладало в хозяйстве юго-западных туркмен, но тем не менее число земледельцев и рыболовов превышало численность скотоводов. Подсобную роль в хозяйстве туркмен этой области играли рыболовство, охота, домашние промыслы¹⁷, а в отдельных хозяйствах, особенно у туркмен-огурджали, и работа на нефтяных, озокеритовых и соляных промыслах. Только прибалханские туркмены-

¹⁶ В. А. Левина. Указ соч., стр. 286; Ф. К. Максимович. Указ. соч., стр. 62; Д. М. Овезов. Туркмены-мурчали. «Труды ЮТАКЭ», т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 156; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 49.

¹⁷ К. Ниязклычев. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве юго-западного Туркменистана в конце XIX — начале XX в. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VII. Ашхабад, 1963, стр. 58—70.

ата, часть подразделений йомутов, мангышлакские човдуры и другие вели почти исключительно скотоводческое хозяйство, но и у них домашние промыслы и местами примитивное земледелие играли важную роль¹⁸.

Шестая область включает обширную территорию Центральных и Южных Каракумов. Здесь основным занятием туркмен было скотоводство. Они разводили главным образом овец, коз и верблюдов. Кочевые скотоводческие хозяйства в большинстве случаев обменивали продукты своего хозяйства на хлеб в земледельческих оазисах Туркмении и Ирана. Многие, а в основном зажиточные, туркмены, как уже отмечалось, имели в земледельческих оазисах поливные земли, которые им обрабатывали бедные родственники, батраки или арендаторы-издольщики.

В дореволюционной Туркмении подавляющая часть земельных угодий и водных источников находилась в распоряжении ханов Бухары и Хивы, феодалов-чиновников, а также духовенства и баев. Основная масса туркменского дайханства была малоземельна и безземельна. Низкий уровень техники, недостаток воды для полива, невысокие урожаи сельскохозяйственных культур, а главное, многочисленные и непосильные поборы обуславливали полуголодное существование абсолютного большинства туркмен.

Годы гражданской войны и борьбы с басмачеством еще более подорвали сельское хозяйство и ослабили экономику туркмен.

Начавшееся с победой Советской власти социалистическое строительство привело к величайшим преобразованиям всей экономики страны и хозяйственного уклада туркмен.

ТАБЛИЦА II. РАЗМЕРЫ ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ (В ТЫС. ГА)¹⁹

Вид культур	1913 г.	1925 г.	1940 г.	1960 г.	1966 г.	1967 г.
Хлопчатник	69,4	62,8	150,4	222,0	267,9	275,5
Зерновые	202,2	157,3	182,8	73,5	120,9	122,0
Овощные и бахчевые . .	11,4	8,1	20,0	24,0	27,9	22,0
Кормовые	25,4	20,0	48,1	121,6	100,9	124,6
Другие культуры . . .	9,6	6,4	9,6	4,5	3,2	7,3
Вся посевная площадь	318,0	254,6	410,9	445,6	520,8	551,4

¹⁸ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 49.

¹⁹ «Туркменистан за годы Советской власти», Ашхабад, 1967, стр. 58; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

Современное сельское хозяйство является одной из важнейших отраслей экономики Туркменистана. В своей основе оно имеет земледельческо-животноводческое направление, главнейшая культура в поливном земледелии — хлопчатник, а в животноводстве — каракулевое овцеводство. О динамике развития земледелия в Туркменской ССР дает представление табл. II.

Развитие другой важнейшей отрасли сельского хозяйства — животноводства — характеризуют данные табл. III.

ТАБЛИЦА III. ЧИСЛЕННОСТЬ СКОТА У ВСЕХ КАТЕГОРИЙ ХОЗЯЙСТВ ТУРКМЕНСКОЙ ССР (ТЫС. ГОЛОВ)²⁰

Вид скота	1927 г.	1934 г.	1940 г.	1960 г.	1967 г.
Крупный рогатый	368,0	153,9*	268,3	365,0	443,2
Свиньи	...	19,0	36,5	46,7	51,8
Овцы и козы	3233,0	...	2596,5	4927,5	4559,9
Верблюды	...	72,2	78,7	79,7	75,7

* Сокращение поголовья скота произошло в годы басмачества, когда значительная часть поголовья была истреблена или угнана за границу.

Из прочих отраслей сельского хозяйства большое значение приобрело шелководство. Производство коконов с 474 т в 1928 г. увеличилось до 3212 т в 1967 г.

Социалистическая система, ставшая основой сельского хозяйства Туркменистана, восприняв от прошлого сложившееся в силу природно-исторических условий общее направление хозяйства, обеспечила высокий уровень его развития и подняла до степени зажиточности материальную обеспеченность туркменского дайханства.

СПОСОБЫ ОРОШЕНИЯ И ТЕХНИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Земледелие в Туркмении было основано на регулярном орошении посевных площадей. Вся территория расселения туркмен в земледельческих оазисах была густо изрезана сетью старых и действующих арыков с высокими — в 5—6 м — береговыми отвалами. В Средней и Нижней Аму-Дарье большинство арыков забирало воду непосредственно из основного русла р. Аму-Дарьи или из ее протоков. Часть протоков земле-водопользователи перекрывали примитивного типа фашинно-земляными плотинами (гачи). Многие арыки имели по 2—3 головных водозаборных сооружения на разных уровнях, особенно в тех местах, где воды Аму-Дарьи часто смывали берега или, наоборот, про-

²⁰ Там же, стр. 61

Токи или русло реки уходило от места забора воды. Устройство нескольких заборов объяснялось также стремлением населения получить большее количество воды. Головы арыков не имели надежных креплений и вследствие непрерывных изменений русла реки часто смывались. Смывались нередко и сами арыки, близко расположенные от Аму-Дарьи. В 1920-х годах на правом берегу реки, от Келифа до Туя-Муяна, насчитывалось до 350 самостоятельных мелких оросительных каналов без головных и регулирующих сооружений.

Ирригационная система строилась силами местного населения, без какого-либо технического руководства и надзора. Почти все арыки были извилистые, с неравномерным уклоном. Они быстро мелели и не пропускали необходимого для полива количества воды. Воды Аму-Дарьи, как известно, несут большое количество ила и песка. Каналы быстро и сильно заиливались, и, несмотря на их ежегодную очистку, проток воды по ним уменьшался.

Ежегодная очистка арыков от ила производилась с половины ноября по апрель. Доля участия земле-водопользователя в этих работах определялась пропорционально имеющейся в личном владении земельной площади. Земле-водопользователь, имевший средний надел, называемый *су*, ежегодно работал на *хошаре* от 60 до 100 дней, а по некоторым арыкам до 120 полных рабочих дней²¹. Обычно на отвесном откосе становились дайхане в два-три ряда и постепенно перекидывали лопатами ил на верх берегового отвала.

Су не было постоянной величиной. Размер его зависел от длины арыка, орошаемой площади и числа водопользователей. По архивным данным и свидетельству многих информаторов, принимавших участие в таких работах, размер су был равен от 8 до 16 и даже 20 *танапов* (от 3 до 8 га), а по магистральным арыкам — от 30 до 40 *танапов*²². Су вместе с тем являлось нормой распределения воды между земле-водопользователями. Владельцы земли, имевшие наделы менее одного су, объединялись в группы, которые на Средней Аму-Дарье назывались *сервас*, или *шерик*.

Труд по очистке арыков был тяжелым, так как приходилось в самое холодное время работать по колено в воде и грязи.

Для выброски ила туркмены использовали не кетмени (тип мотыги), распространенные по всей Средней Азии, а легкие специальные лопаты, называемые *лай капча* (рис. 5, б, левый), которые, кроме туркмен, бытовали лишь у хорезмских узбеков²³.

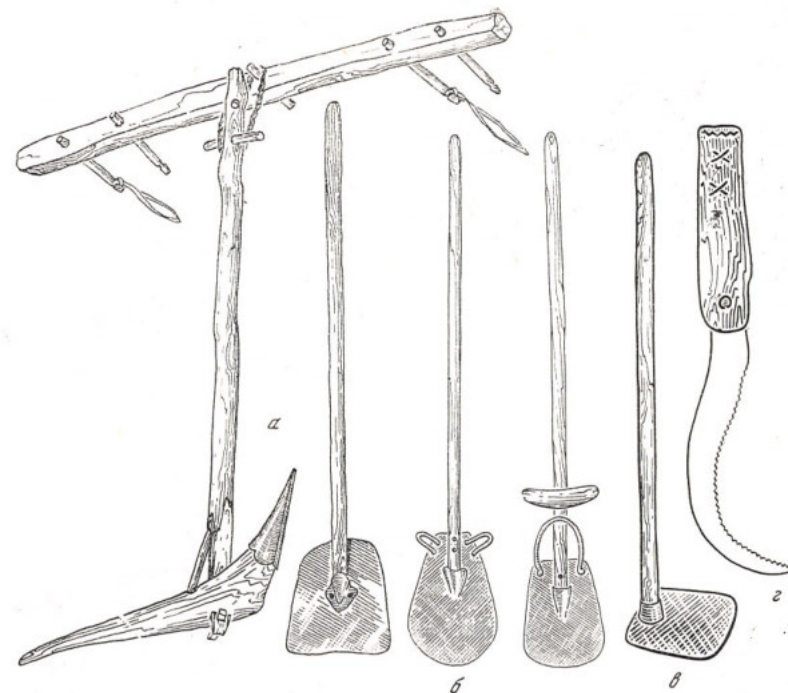

Рис 5. Орудия труда:

а — плуг с ярмом; б — лопаты; в — кетмень; г — серп (орак)

От выбрасывания ила и песка при ежегодной очистке по бокам арыков вырастали высокие (до 5 м и более, а у основания от 5 до 8 м) отвалы. В местах с высоким стоянием грунтовой воды под тяжестью этих отвалов происходило смещение грунта в сторону арыков, что ослабляло сток воды. Это вынуждало земле-водопользователей проводить в этих местах повторную очистку ирригационной системы.

Фашинные запруды (гачи) в протоках для подъема уровня воды в арыках обычно строили ранней весной. Иногда они выдерживали 2—3 года, а часто гачи смывались первым весенним или летним паводком²⁴.

Ирригационная сеть в бассейне Средней Аму-Дарьи имела общее северо-западное направление и состояла из множества параллельных арыков. Протяженность ее холостой части достигала 10—20 км и более²⁵. Каждый арык имел несколько

²¹ ЦГА ТССР, д. 616, оп. 1, д. 70, л. 36; Госархив Чарджоуской области, ф. 179, оп. 1, д. 1, л. 43—44; «Туркменская искра», 13 октября 1964 г.

²² Госархив Чарджоуской области, ф. 178, оп. 1, д. 1, л. 44—45; ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 35; д. 74, л. 14.

²³ М. В. С а з о н о в а. К этнографии узбеков южного Хорезма. «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 258.

²⁴ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 2, л. 251.

²⁵ Госархив Чарджоуской области, ф. 66, оп. 1, д. 31, л. 89; ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 2, л. 247—248.

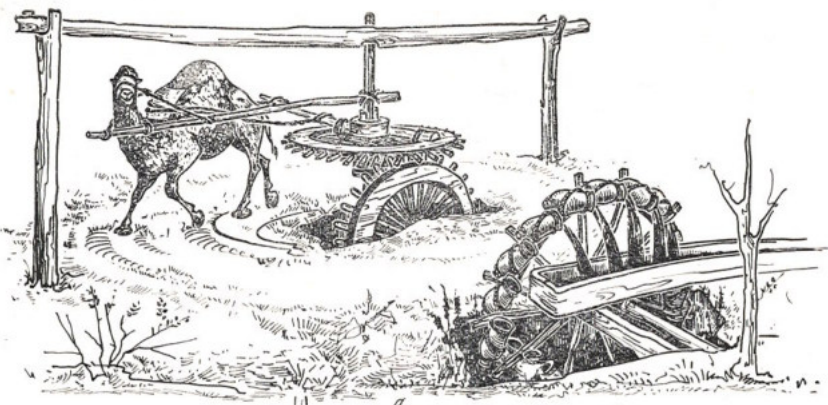

Рис. 6. Прimitивные водоподъемные сооружения:

а — чигирь, б — нова

мелких ответвлений, подводящих воду к участкам отдельных землевладельцев. Однако далеко не все поля орошались самотеком из арыков. В тех случаях, когда уровень воды в арыке был ниже пахотных земель, земле-водопользователи применяли для орошения примитивные водоподъемные сооружения типа *чигиря*, которые приводились в движение силой лошади, верблюда, осла, а иногда даже коровы. Из-за необеспеченности дайхан рабочим скотом многие пользовались для подачи воды на поля *нова*. Это приспособление состояло из длинного деревянного желоба с рычагом (рис. 6, б); вода в него нагнеталась усилиями одного или двух человек. В пределах только Керкинской группы районов в первой четверти XX в. насчитывалось 2200 чигирей и 6000 нова²⁶, а в одном Керкинском районе — 400 чигирей и около 2000 нова²⁷. В бывш. Бурдалыкском районе действовало около 200 чигирей,

²⁶ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 2, л. 247—250.

²⁷ Там же, д. 83, л. 15.

а нова имели все земледельцы²⁸. В пределах бывш. Халачского района самотеком поливали свои посевы 35% дайхан, чигирями — 18,3%, новой — 42,7% и чигирем и новой — 4%²⁹. Чигири бытовали всюду однотипные (рис. 6, а). Они отличались лишь по размеру колеса и количеству прикрепленных кувшинов.

Ирригационное хозяйство туркменского населения Хивинского ханства в XIX — начале XX в. по типу было такое же, как и в бассейне Средней Аму-Дарьи. Вследствие беспокойной политической обстановки ирригационная сеть до конца XVIII — начала XIX в. находилась в плохом состоянии³⁰. Только с конца 30-х годов XIX в., а более заметно после установления протектората России над Хивинским ханством началось некоторое расширение ирригационных систем.

Туркмены в левобережном Хорезме в дореволюционное время занимали территорию, орошаемую следующими ирригационными системами³¹:

1. Низовье Газавата с более 80 отводами (*ябами*) первого и второго порядка (Тахтинское хакимство).
2. Шават с двумя десятками отводов (*ябов*); Ярмыш с более десяти *ябами* и канал Четыр с семью отводными или родовыми *ябами* (Ильялинское хакимство).
3. Клыч-Нияз-бай с более чем 70 отводами (*ябами*) первого и второго порядка (Персинское хакимство).
4. Шамурат, Хан-яб и Лаузан с более чем двумя десятками *ябов* (Куны-Ургенчское хакимство).

Каждая из этих систем была рассчитана на питание самотеком. И каждой из них были присущи одни и те же недостатки: большая протяженность холостых и параллельных арыков, неустойчивость головных заборов воды, извилистое, ничем не оправданное направление с неправильным продольным уклоном.

Значительные посевные площади орошались при помощи примитивных водоподъемных сооружений типа чигиря и нова. Здесь, как и на Средней Аму-Дарье, ежегодная очистка ирригационной сети от ила (*хошар*) требовала огромной затраты труда.

Туркмены Северного Туркменистана издавна занимались также и примитивным лиманным (*каирным*) земледелием; успехи его по годам зависели от климатических условий и политической обстановки.

Мургабская ирригационная система, начиная от плотины Каушут-Хан-бент и на северо-западе до полосы песков, состояла из веерообразно расходящихся и параллельных каналов (*ябов*)

²⁸ Там же, д. 74, л. 14.

²⁹ ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 1, д. 155, л. 57—58.

³⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 52; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 159—164.

³¹ ЦГА ТССР, ф. 127, оп. 5, д. 1728; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 164—172.

с большими холостыми пробегами. Примерно по такому же принципу с такими же потерями воды была сооружена ирригационная сеть р. Теджен.

Самым неблагоприятным районом по водообеспеченности был Ахал, т. е. предгорья Копед-Дага. Водные ресурсы здесь были исключительно ограничены и состояли из мелких горных речек, ручьев и сложных подземных водосборных галерей — *кяризов*.

На западе для орошения использовались воды р. Атрека с притоком Сумбар и Чандыря, но они не удовлетворяли полностью потребности населения.

Техника земледелия и орудия труда изменялись очень медленно. Обработка полей во всех земледельческих оазисах была довольно примитивной, отсталой. Осенью или весной землю после полива вспахивали вдоль и поперек, под хлопок — от 3 до 6 раз и более, а под зерновые культуры — 2—3 раза. Орудием пахоты служил деревянный плуг — *омач* с чугунным сошником — *чоан паза*, или *ер демир*, называемый в районах Чарджоу *рахт*, в Керки — *сахты*, а в других районах — *азал*, *кунде* (рис. 5, а). Он не отворачивал, а только взрыхлял землю. После такой вспашки и ручного (вразброс) сева землю разравнивали тем же сахты (*рахт*), положенным на бок, или местной бороной *мала*. Эта борова представляла собой массивную доску около 2 м длиной и 30—35 см шириной с деревянными, иногда железными зубьями (*дандана*). К этой доске прикреплялось дышло длиной в 2 м и ярмо. В качестве тягловой силы на пахоте и бороновании использовался главным образом крупный рогатый скот, а также лошади и верблюды.

Убирали зерновые культуры вручную, железным серпом типа *орак*. Для уборки люцерны использовали *орак* полуовальной формы с зазубринами (рис. 5, г). Пшеницу, ячмень и семенную люцерну молотили на току (очищенной площадке) — *харман*, гоня в круговую животных (ослов, волов, реже лошадей) по толстому (до 1 м) слою снопов.

Веяли зерно на ветру, подбрасывая его деревянными вилами или лопатой. Зерно мололи ручными мельницами — *дегирмен* или на мельницах *хараз*, приводимых в движение ослом. Такие мельницы нередко можно встретить у туркмен и теперь. До сих пор из старинных орудий труда в туркменских хозяйствах обычны лопата — *пил* или *кекче* (рис. 5, б) и *кетмень* — род мотыги с длиной, до 1 м, рукояткой (рис. 5, в).

СКОТОВОДСТВО

Скотоводство в хозяйстве туркмен долгое время и после их расселения в земледельческих оазисах занимало по товарной продукции первое место. Земледелие еще во второй половине XIX в. имело в основном потребительский характер.

Наряду с продуктами питания скотоводство давало сырье для изготовления одежды, обуви, войлока, паласов, веревок, ковров и различных ковровых изделий, а также других предметов быта. В скотоводстве преимущественное значение имел мелкий рогатый скот. В земледельческой полосе разводили небольшое количество крупного рогатого скота, лошадей и ослов. Овцы были курдючной породы, только в районах Средней Аму-Дарьи и Мургабском оазисе — каракульской породы. Козы, овцы и верблюды, как наиболее приспособленные к суровым условиям пустыни с разреженным режимом водопоя, постоянно паслись в Центральных и Южных Каракумах и в песках правобережья Аму-Дарьи.

Источником водоснабжения скота на пастбищах в Каракумах были грунтовые воды, для использования которых строили колодцы — *гуйы*. Только весной в отдельных местах использовались воды атмосферных осадков, собиравшиеся в низинах глинистых такыров. Колодцы на всем огромном пространстве пастбищной территории Каракумов были размещены неравномерно. Существенное значение при размещении колодцев имели запасы кормов, сроки водопоя, нормы водоснабжения отдельных видов скота (овец, коз, верблюдов, ослов) по сезонам года. Так, в пределах обширной территории Центральных Каракумов использовались колодезные воды и воды атмосферных осадков, собираемые в дождевые ямы — *гуймы*, *каки*, *сардобы*. Здесь густая сеть колодцев встречалась только на небольших пастбищах с большим запасом кормов. Меньше всего колодцев было в северной и юго-восточной частях Каракумов, в силу чего значительные территории здесь были заселены очень редко и использовались слабо. Колодцы шахтные; их крепления делались в основном из веток растений, называемых *кызыл-кандым* и *сюзана*. Колодцы с каменной или кирпичной облицовкой встречались редко. По форме колодцы подразделялись на две группы: со слабым расширением стенок ко дну и котловинообразными с расширением у дна до 2—2,5 м. Оголовки шахт колодцев невысокие. Обычно над примитивным срубом укреплен стойка с развилкой на конце (*утюн*) с небольшим наклоном к колодезному отверстию. Между развилкой укрепляется блок (*чарх*), с помощью которого производится спуск ведра и подъем воды. Из колодца воду поднимали в кожаном ведре (*гова*) по блоку силой верблюда, а для подъема воды из глубоких колодцев пользовались двумя и даже четырьмя верблюдами, впрягая их пара за парой и отводя на расстояние, равное глубине колодца. Вода из гова сливалась в водоемы (*хаудан*), обычно расположенные рядом с оголовкой колодца. Водоемы были глиняные, а по форме круглые и четырехугольные.

Вода из заранее наполненного хаудана поступала через специально приспособленный желоб или трубу в водопойные коры-

та, установленные, как правило, на козелках, чтобы овцы и козы могли свободно напиться, не попадая ногами в корыто.

Многие колодцы пустыни имели очень соленую воду, иногда непригодную для питья людям. Такого рода колодцы использовались в основном в осенне-зимнее и раннее весеннее время, когда скот ел сухой или зеленый корм и охотно пил такую воду.

Значительную роль в водоснабжении пастбищ в весенне-осеннее время играли гуймы, каки, сардобы, слегка углубленные, обвалованные, обнесенные глиняными дувалчиками, водособирующие сооружения. Они обычно располагались на такырах, обладающих твердой глинистой, почти не пропускающей воду коркой. Нередко сардобы больших водохранилищ облицовывались жженым кирпичом и имели крышу.

Водоснабжение восточных и юго-восточных районов Каракумов в значительной степени отличалось от центральных. Это проявлялось прежде всего в глубине и форме колодцев. Здесь были в основном глубокие колодцы. Их горловины обычно приподняты над поверхностью земли на метр, а нередко и более. Здесь чаще встречались колодцы, укрепленные черным саксаулом, а более глубокие — жженым кирпичом и цементом.

В Западной Туркмении водоснабжение скота в некоторой степени также отличалось от других районов. Здесь, в северо-западной части, колодцы питались за счет грунтовых вод, а те колодцы (юго-западная часть), которые имели соленые воды, опреснялись за счет атмосферных осадков. Грунт здесь плотный, местами каменистый и не требовал укрепления. Колодцы, как правило, располагались в понижениях (по-туркменски *оах*). Сооружение колодца в условиях пустыни было делом тяжелым и дорогостоящим. Не все владельцы скота могли построить и оборудовать свой колодец. «Право устройства, — как сообщает А. Петров, — принадлежало формально каждому из членов родовой группы, но при обязательном условии, если устройство колодца не ухудшало состояния других колодцев, находившихся на данном такыре»³².

Наконец, в некоторых районах Туркмении, где пастбищные угодия располагались в поймах рек или горных долинах, источниками водоснабжения были реки, речки, ручьи, а местами озера.

В условиях Туркмении истари установился разреженный режим водопоя. Так, например, летом в самые жаркие дни скот поил один раз в сутки, а в обычные дни — два раза в три дня. В это время радиус выпаса скота от колодца не превышал 4—5 км, при водопое через день радиус достигал 6—8 км, а осе-

нюю по мере похолодания, водопой становился еще реже, и радиус отгона увеличивался до 15 и даже 20 км.

Своеобразие природно-географических условий и прежде всего водоснабжения определяло направление туркменского скотоводства и отличало его от скотоводства других народов Средней Азии и Казахстана. В Туркмении организация скотоводческого хозяйства носила специализированный характер. Оно в целом не имело четко выраженного кочевого облика, как, например, у казахов. Туркменские скотоводы, за исключением юго-запада края, выпасали свои стада на сравнительно ограниченной территории, в определенном радиусе отгона. Только изредка часть скотоводов, например Мургаба и Ахала, передвигалась со своим скотом за 25—50 км на весенние пастбища с естественными водоемами, образовавшимися из атмосферных осадков³³.

В наибольшей степени кочевое скотоводство было развито среди йомутов Юго-Западной Туркмении, огурджали и авлядских племен юго-восточного побережья Каспийского моря³⁴. Специфика пастбищ этого района состояла в недостатке пригодных пастбищ для зимовки, что обуславливало откочевку населения со скотом в Иран, Гурген, где были хорошие климатические условия и большие запасы подножных кормов. Осенью скотоводы со своим скотом продвигались сначала на север — к предгорьям Балхан, оттуда к зимовке на Гурген. Весной с появлением зеленых кормов население со скотом медленно небольшими родственными группами откочевывало на север, используя для водопоя встречающиеся на пути дождевые ямы, реже колодцы. К лету оно оседало у своих колодцев на летне-осенних пастбищах (*яйлаг*)³⁵. Переход от этих мест к зимовке (*гышлаг*) занимал от 10 до 25 дней.

Наконец, в пределах обширной территории Северных Каракумов, относившихся к Хивинской полосе, преобладало отгонное скотоводство. Оно состояло в том, что поголовье скота весной и летом выпасали по окраинам земледельческой полосы и песков, а осенью и зимой скот перегоняли в глубь песков, т. е. в районы колодцев — Аджикую, Ханкую, Сагоджа, Пишке, Даутар, Ортакую, Канга, Чарашлы и др. Со стадами в отгон уходили только чабаны. Семьи владельцев скота в основном оставались в местах расселения. Здесь, как и в преобладающем большинстве районов Туркмении, скотоводы имели постоянную и тесную связь с земледельческим населением. Только весной часть этого населения выезжала в район отгона для помощи чабанам в стрижке и дойке овец, а также для заготовки впрок молочных продуктов.

³² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 530, л. 162, д. 547, л. 86; и др.

³⁴ К. Ниязклычев. Указ. соч., стр. 58—64.

³⁵ А. Оразов. Прибалханские туркмены в конце XIX — начале XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1961, стр. 7—11.

³² А. Петров. Предварительные итоги обследования скотоводческих районов ТССР. «Бюлл. ЦСУ Туркменской ССР», № 15. Ашхабад, 1929, стр. 36—37.

Скотоводы Туркмении, как и некоторых других областей Средней Азии и Казахстана, заготовку кормов на зиму почти не производили: мелкий рогатый скот, верблюдов, ослов круглый год содержали на подножном корму. Это приводило нередко к массовому падежу скота и полному разорению отдельных скотоводов в слишком снежные и холодные зимы. Выпас и водопой мелкого рогатого скота производился отарами в 400—800, а иногда и 1000 овец и коз. Их обслуживала группа чабанов в составе 3—4 человек.

Бедняки и маломощные владельцы небольшого количества скота, не имея возможности обеспечить присмотр за своим скотом, вынуждены были нередко за особую плату или отработку передавать свой скот на выпас в отары более зажиточных скотоводов. Однако чаще всего они объединялись в специальные артели, называемые *чарва чакана*, и для выпаса скота нанимали чабана и двух помощников. В редких случаях члены чарва чакана сами поочередно выпасали объединенный в чакана скот. Главенствующую роль обычно занимал тот член чакана, который имел в нем большее количество скота. Именно он нанимал чабанов, производил с ними расчеты и за это освобождался от некоторых общественных работ по обслуживанию скота.

В чарва чакана входили не только владельцы небольшого количества скота. Нередко чарва чакана организовывали и крупные скотоводы. Они дробили свои стада на части и на этой основе организовывали несколько чарва чакана. Став во главе чарва чакана, крупные скотоводы эксплуатировали более бедных членов артели.

Среди туркменских скотоводов широко бытовала эксплуатация богачами своих сородичей под прикрытием обычая родственной взаимопомощи. Малоскотные хозяйства передавали баям свой скот для выпаса и за это выполняли в хозяйстве бая такие тяжелые работы, как очистку арыков и колодцев, стрижку овец, уборку урожая и др.

В этой связи небезынтересно заметить, что у киргизов³⁶, казахов и каракалпаков³⁷ родовая взаимопомощь среди скотоводов, получившая название *саан*, состояла в том, что баи и крупные скотоводы передавали дойный скот и овец на выпас бесскотным и бедняцким хозяйствам. За пользование молоком и шерстью бедняки бесплатно выполняли в хозяйстве «своего благодетеля» различные работы, включая заготовку кормов, уборку урожая, стрижку овец. Саан в несколько иной форме маскировал ту же эксплуатацию богачами бедных сородичей, что и у туркмен чарва чакана.

ШЕЛКОВОДСТВО

Из других, менее значительных хозяйственных занятий туркмен следует назвать шелководство. В районах Средней Аму-Дарьи и у туркмен Ахала, Атека, а также Сумбара оно сочеталось с земледелием и играло существенную роль в повышении бюджета хозяйства. Только в одном Керкинском бекстве Бухарского ханства в предреволюционные годы выкармливалось ежегодно около 15 тыс. коробок грены³⁸.

Техника разведения и выкормки шелковичного червя была примитивна и несложна. Оживление грены производилось в зависимости от появления листа на тутовых деревьях. Для этого грену, завязанную в тряпку, женщины носили под мышкой 5—7 дней. Начинали кормить шелкопряда тутовым листом со второго дня. Выкормку продолжали в течение 40—50 дней. Червей держали в своих жилых помещениях, а сами на это время с домашним скarbом перебирались во двор под айван или под тень деревьев.

Малоземельные и безземельные дайханские хозяйства, занимавшиеся шелководством, обычно арендовали у многоземельных и зажиточных туркмен тутовые деревья. Наиболее широко была распространена испольная аренда, когда владелец тутовых насаждений получал половину урожая коконов (*пиле*). Практиковалась также аренда за отработку. После присоединения Средней Азии к России стали применять денежную оплату за сбор тутовых листьев.

* * *

Анализ литературных и архивных данных, а также материалов нашего этнографического обследования позволяет утверждать, что общее направление хозяйства у преобладающего большинства туркмен в XIX — начале XX в. было земледельческое. Второе место занимало скотоводство. За ним следовали шелководство, домашние промыслы и ремесла, рыболовство, охота. Удельный вес земледелия в общем хозяйстве туркмен, например, Керкинского бекства Бухарского ханства, достигал 80%³⁹.

Бюджетное обследование ЦСУ Туркменской ССР 1925 г. выявило, что благосостояние хозяйства зависело от целесообразного сочетания земледелия, скотоводства, шелководства и промыслов. Чисто земледельческие дайханские хозяйства, например, у туркмен среднеамударьинских районов, по хозяйственной мощности стояли гораздо ниже смешанных земледельческо-скотоводческих хозяйств. Бюджет скотоводческих хозяйств (большинство которых относилось к числу зажиточных), хотя и был

³⁶ «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан». М., 1958, стр. 21.

³⁷ «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков». «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. III. М., 1958, стр. 255

³⁸ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 2, л. 269—279.

³⁹ Госархив Чарджоуской области, ф. 277/91с, оп. 1, д. 6, л. 14.

выше, чем у земледельческих, но значительно отставал от бюджета смешанных земледельческо-скотоводческих хозяйств⁴⁰.

В связи с тем, что условия хозяйственной деятельности туркмен и их орудия труда по существу оставались в течение многих десятилетий неизменными, результаты бюджетного обследования отражали в известной мере положение, существовавшее не только в начале XX в. или во второй половине XIX в., но и в более ранний период.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Как уже было отмечено, в XIX — начале XX в. у туркмен продолжало существовать в пережиточной форме родоплеменное деление. Но туркменские племена редко выступали как единое целое. Они были разобщены между тремя государствами: Россией (Закаспийская область), Хивинским и Бухарским ханствами. Так, территория обитания туркмен в бассейне Средней Аму-Дарьи входила в Бухарское ханство и была в административно-хозяйственном отношении подчинена пяти бекствам: Чарджуйскому, Керкинскому, Келифскому, Бурдалыкскому и Устинскому, переименованному позднее в Дейнауское.

Во главе каждого из них стоял бек, назначавшийся эмиром. Он пользовался в пределах управляемой территории широкими правами, выполняя административные, финансовые, судебные и полицейские функции. Бек не получал специального вознаграждения, а жил и обогащался за счет собранных с населения податей. «Правители областей (бекств.— Я. В.), — пишет в современном труде Б. Г. Гафуров, — которые через своих амлякдаров и других лиц ведали земельными и финансовыми вопросами, сбором хараджа, ушра (десятины) и других налогов, вели дела совершенно бесконтрольно, никто не проверял, что они взимают с населения и что сдают в казну»⁴¹.

Каждое бекство делилось на амлякдарства, являвшиеся главным образом поземельно-податными единицами. Амлякдары назначались беком и ему же подчинялись. Основной их деятельностью был сбор с населения хараджа. Амлякдары, как и беки, не получали определенного содержания, кормились за счет населения путем присвоения части собранного хараджа⁴².

Амлякдарства в свою очередь делились на эминства, или аксакальства, являвшиеся низовыми административными единицами, во главе которых стояли аксакалы (старшины), реже эмины. Каждое из них включало один или несколько неболь-

ших арыков (кишлаков), представлявших собой район обитания отдельных племенных подразделений.

Туркмены Хивинского ханства в административном отношении входили в Тахтинское, Ильялинское, Парсинское, Куня-Ургенчское и некоторые другие хакимства. Однако они прочно сохраняли свою родоплеменную организацию и подчинялись не хивинским правителям, а собственным племенным вождям — бекам, векилям, кетхуда, мухурдарам. Власть последних основывалась не только на исконных родоплеменных традициях, шариате и адате, но и на вооруженной силе.

Здесь, как и у юго-западных туркмен-йомутов, сумбарских гокленов, ахальских, тедженских и мургабских туркмен-текинцев, сарыков, серахских салыров и у всех других племен, родоплеменные подразделения возглавляли ханы и аксакалы. «Аксакалы избирались из богачей и влиятельной верхушки аула»⁴³.

По свидетельству многих наших информаторов⁴⁴, аксакалы племенных подразделений (уруг или тире) в районах Средней Аму-Дарьи, как и в целом по Туркмении, по существу не избирались населением. Все они выдвигались сами по себе как авторитетные личности и постепенно становились аксакалами среди своих сородичей⁴⁵.

Обычно в каждом племенном подразделении или в группе близких родственников один из членов, более состоятельный и развитый, пользовался особым уважением. К нему всегда обращались не только за всякого рода советами, но и для разрешения споров между отдельными членами уруг или тире. Решение такого лица воспринималось как закон. Почти не было случаев, чтобы одна из сторон осталась недовольна и обратилась к мулле за разрешением спора по шариату. Если возникали споры между соседними племенными подразделениями, сородичи обращались к такому авторитетному лицу с просьбой защитить их интересы, а следовательно, и интересы своего подразделения. В таких случаях обычно начинались переговоры между представителями спорящих сторон. Если они не достигали согласованного решения, представитель одной из сторон привлекал своих сильных сородичей или более влиятельных лиц и через их авторитет оказывал давление на решение того или иного спора мирным путем. Пользуясь большим влиянием, эти лица спланивали своих сородичей в единую организованную силу и, возглавляя их, становились аксакалами. Так стал аксакалом, например, Рахим Берели в эрсаринской группе караджа в кишлаке Пальварт Керкинского бекства.

⁴⁰ ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 1, д. 152, л. 103.

⁴¹ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I. М., 1949, стр. 421.

⁴² А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 35.

⁴³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 42.

⁴⁴ Полевые записи автора 1956 г., № 3, 4, 16; 1957 г., № 169.

⁴⁵ Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены. «Туркменоведение». Ашхабад, 1929, № 10-11, стр. 41.

Аксакалы более крупных и сильных групп становились таким путем аксакалами племенных объединений и аулов. Например, Кадырбай из подразделения довче туркмен-эрсари выдвинулся аксакалом более крупной группы чекир.

Аксакалы тайпа (племени), в отличие от аксакалов уруг и тире, выдвигались нередко на совете аксакалов при непосредственном и активном участии духовенства из числа аксакалов более влиятельных и сильных родоплеменных подразделений. «Аксакалы, опиравшиеся на поддержку своих ближних родственников и являвшиеся блюстителями адата и судьями, мало-помалу приобретали значительную власть над общиной и пользовались огромным влиянием при решении важнейших хозяйственных и политических вопросов, касавшихся рода и племени»⁴⁶. Постоянно выступая перед амлякдарамй в роли «защитников» интересов своих сородичей при определении размера ежегодной поземельной ренты (хераджа или храч), они постепенно увеличивали свой авторитет и влияние в среде туркменского дайханства. Находясь в зависимости от феодального государственного аппарата ханства и имея с ним тесную связь, аксакалы и эмины родоплеменных групп, особенно в пределах Керкинского и Бурдалыкского бекств, используя свои полномочия и пережиточные патриархально-родовые формы быта, постоянно обогачались за счет своих сородичей.

Аксакалы тире или уруг наряду с хозяйственными задачами выполняли судебные функции, входили в совет (*маслахат*), собиравшийся для разбора дел, касавшихся интересов нескольких тире или уруг своего племени. Они, кроме того, являлись хранителями и блюстителями обычного права (адата), игравшего большую роль в семье и передававшегося из поколения в поколение. Некоторые пережитки адата продолжают сохраняться в среде старшего поколения и до настоящего времени.

Аксакалы, эмины, мирабы, ведавшие оросительной сетью, родоплеменная верхушка и военные предводители туркмен за свою организаторскую, отчасти и за судебную деятельность не только освобождались от участия в трудоемких общественных работах, но и получали от населения вознаграждение в размере двух су, т. е. стоимость оплаты двух рабочих на все время выполнения натуральной повинности. Их земельные наделы освобождались от каких бы то ни было обложений. К этому следует добавить, что все они, пользуясь правом распределять землю и воду, обеспечивали себя и своих ближайших родичей лучшими участками и большей долей воды.

Территория и источники орошения, колодцы и пастбища той или иной племенной группы или подразделения, хотя и считались в наследственном владении и пользовании ее членов, фактиче-

ски находились в распоряжении родоплеменной знати, которая взыскивала ренту. Таким образом, внутри каждой отдельной группы — тире или уруг — в лучших условиях находились те, кто стоял во главе тире или уруг, т. е. земельно-водных общин, обычно занимавших территорию отдельного арыка.

Несмотря на существование в туркменском обществе рассматриваемого периода многих форм и явлений, характерных для ранних этапов развития общественных отношений, по внутреннему содержанию эти явления уже давно были антагонистическими и характеризовали туркменское общество как общество классовое, а сложившиеся в нем общественные отношения — как отношения патриархально-феодальные.

Пережитки родовой организации продолжали играть важную роль, особенно в жизни эрсаринцев, текинцев, сарыков, салыров, йомутов, сакар, эски, арабачи, мукры, хабат, гоклен и др. Их уруг и тире еще представляли собой своеобразную хозяйственно-политическую и административную единицу. В их пределах замыкалась деятельность основной массы туркменского населения. Раздел общественной земли и воды, разверстка податей и налогов, организация общественных работ как натуральной повинности (сооружение, восстановление, ремонт или очистка ирригационной сети, дорог, мостов, постройка и ремонт крепостей) производились по родоплеменным группам.

Феодальные повинности вместе с налогами и всяческого рода поборами далеко не исчерпывали обязанностей населения перед ханством и родоплеменной знатью, однако и сказанного достаточно, чтобы судить о тяжести того патриархально-феодального гнета, который несла дайханская масса туркмен.

Растущая имущественная дифференциация усиливала классовое расслоение туркменского общества и вела к росту эксплуатации богачами трудового населения. Однако вследствие живучести пережитков родовой организации многие формы эксплуатации маскировались патриархальными обычаями. Принадлежность к определенному роду и племени имела большое значение во всей хозяйственной, политической и семейной жизни туркмен. Громоздкая и сложная система туркменских родоплеменных групп, слагавшихся на протяжении многих веков из различных местных и пришлых элементов, составляла специфику их социального строя вплоть до Великого Октября.

Формы землевладения и землепользования в Туркмении, хотя и являлись объектом многих исследований (об этом уже имеется значительная литература), однако земельно-правовые отношения туркменского населения в XIX — начале XX в. по отдельным природно-географическим областям и в целом по дореволюционной Туркмении, к сожалению, недостаточно изучены и слабо освещены в историко-этнографической литературе. В наибольшей степени это относится к бассейну Средней Аму-Дарьи.

⁴⁶ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 42.

Поэтому мы и начнем рассмотрение вопросов землевладения с этой наименее изученной области, входившей ранее в состав Бухарского ханства.

По изысканиям Н. В. Ханькова, А. Гребенкина, В. И. Масальского и Д. Н. Логофета, все земли Бухарского ханства делились в основном на три категории: *амляк* (казенные), *мюльки* (частновладельческие обеленные, т. е. свободные от обложения) и *вакф* (церковные) ⁴⁷.

В позднейших работах В. В. Бартольда, П. П. Иванова, А. А. Семенова, Б. Г. Гафурова, К. М. Мирзоева наряду с этими тремя категориями отмечаются земли, называемые *ушри* или *мюльки ушри*, *мюльки-хурри халис*, *мюльки-и-хераджи*, *танхо* ⁴⁸.

Н. А. Кисляков в своем исследовании, основанном на изучении литературных данных и собранного им полевого этнографического материала по многим районам и областям, входившим в состав Бухарского ханства, за исключением территории Средней Аму-Дарьи, предложил следующую реально существовавшую классификацию землевладения: а) амляковые (государственные) земли; б) обеленные мильки (*милки-хурр*, или *милки-хурру халис*, т. е. земли, не облагаемые налогом), представляющие собственность отдельных феодалов; в) земли танхо, т. е. пожалованные крупным и мелким феодалам, а также чиновничье-административному персоналу ханства ⁴⁹, и, наконец, г) земли вакф, т. е. вакуфные земли, пожертвованные в пользу мечетей, мазаров и школ — медресе ⁵⁰.

Результаты наших исследований, основанных на изучении литературных сведений и главным образом на полевом материале, собранном при сплошном историко-этнографическом обследовании территории Средней Аму-Дарьи ⁵¹, позволили выя-

вить следующие реально существовавшие пять форм землевладения: *амляк*, *иджара*, *вакуф*, *мюльк* и общинные земли.

1. *Амляковые земли* (*амляк ер*) были наиболее широко распространены. Эти земли были собственностью государства, но находились в наследственном пользовании земледельцев, уплачивавших налог (*херадж*) государству. Амляковая земля имела «характер расчлененной собственности: распоряжалось землей и собирало налоги государство (Бухарское ханство.— Я. В.), ренту получали феодалы, а обрабатывали землю и наследственно владели ею мелкие крестьяне» ⁵².

По сведениям М. Ростислава, Д. Н. Логофета, Н. В. Ханькова, А. А. Семенова, разновидностью амляковой категории земель являлись *милк-и-хераджи* ⁵³, т. е. земли, облагавшиеся государственным налогом (*херадж*), и амляковые земли, владельцы которых платили тому же государству — Бухарскому ханству — такой же налог-ренту, как и владельцы хераджных земель. В данном случае рента и налог по своему существу совпадают и потому рассматриваются нами как единая форма земельной ренты. «Если не частные земельные собственники, — пишет К. Маркс, — а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты» ⁵⁴. Хераджные и амляковые земли, по справедливому замечанию К. М. Мирзоева и П. П. Иванова, представляли собой одну форму землевладения. «Термин «хераджные» в Бухаре, — пишет П. П. Иванов, — употребляется обычно только в тех случаях, когда хераджные нужно было противопоставить иной земле — земле мильковой. Во всех остальных случаях хераджные обычно заменялось наименованием амляковые» ⁵⁵.

Эмир бухарский как верховный собственник амляковой земли через свой административный аппарат — беков, амлякдаров, раисов, дарга и др. — взимал ежегодно херадж, представлявший собой не что иное, как феодальную ренту. Рента, как это видно из многочисленных литературных данных и рассказов почти всех наших информаторов, была непосильной для широкой массы дайханства. Размер хераджа всегда устанавливался амлякдарами на глазок. Амлякдары вместе со своими помощниками —

⁴⁷ Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 116—119; А. Гребенкин. Заметки о видах землевладения в Зеравшанском округе. «Туркестанские ведомости», 1873, № 3; В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 417—418; Д. Н. Логофет. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909, стр. 45.

⁴⁸ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 187—194; П. П. Иванов. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского. «Зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. VI. Л., 1937, стр. 40—59; он же. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940, стр. 24; А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 9—14; К. М. Мирзоев. Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954, стр. 45—55; Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 422.

⁴⁹ Как показали результаты сплошного этнографического обследования территории Средней Аму-Дарьи, здесь земли, называемые танхо, в XIX — начале XX в. не встречались.

⁵⁰ Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX века. М.—Л., 1962, стр. 85—100.

⁵¹ В процессе сплошного историко-этнографического обследования автор опросил свыше 400 хорошо осведомленных пожилых людей.

⁵² «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 16.

⁵³ М. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. СПб., 1879, стр. 5—13; Д. Н. Логофет. Указ. соч., стр. 48; Н. В. Ханьков. Указ. соч., стр. 114—119; А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 19—24.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 354.

⁵⁵ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1824 гг. М.—Л., 1937, стр. 37.

дарга — выезжали на место и с участием представителя от населения определяли на глаз размер налагаемого и подлежащего уплате хераджа⁵⁶. «Наспех записанные при объездах размеры намеченного хераджа, — говорится в «Истории Узбекской ССР», — являлись нередко фантастическими измышлениями амлякдаров. Через несколько дней после объезда амлякдар скреплял своей печатью раскладку налога и рассылал по селениям. Лишь после составления и получения таких списков крестьяне могли приступить к сбору урожая⁵⁷. Амлякдары запаздывали с определением размера хераджа. В таких случаях по искони установленному порядку обмолоченное, очищенное и ссыпанное в кучи зерно дарга осматривал и опечатывал примитивной глиняной печатью. Печати, по свидетельству стариков, накладывались одна на вершину кучи и 4—6 по сторонам. Опечатанное таким способом зерно до приезда амлякдара сдавалось под охрану и ответственность его владельца, который не имел права брать из этого урожая даже незначительную долю. Увоз своего хлеба с поля или из куч на хармане (току) до осмотра амлякдаром считался воровством государственных податей.

По шариату херадж должен составлять одну десятую собранного урожая каждого хлебного продукта, фактически же дайхане платили половину, а нередко и больше⁵⁸, так как размер хераджа, как отмечалось выше, определялся на глаз. Кроме положенной по «закону» нормы хераджа, земледелец давал зерно амлякдару, дарга, мулле и посредникам — аксакалу или эмину.

«Каждый чиновник от высшего до самого низшего, — пишет А. А. Семенов, — старался вымогать у трудящихся как можно больше и что только можно было взять. Особенно мала была крестьянская доля, когда все годовые доходы крестьянства по обработке собственной земли в конечном итоге оказывались потраченными на содержание многочисленной армии разных административных чиновников, начиная от губернатора (бек) и кончая последним писцом (мирза), ибо помимо определенного сбора зерна каждый тащил в свою пользу в зависимости от должности и чина. И если шариат предписывал определенные размеры поземельных и поимущественных налогов, то полнейшее отсутствие какой бы то ни было шкалы жалования или заработной платы сводило на нет шариатские нормы и вносило полней-

ший произвол и беззаконие в «кормление» чиновничества за счет крестьян и ремесленников»⁵⁹.

Об этом нам рассказывали и старики-информаторы. Они приводили многочисленные факты беззакония ханских чиновников, проявившегося не только при определении площади, урожая на корню и размера подлежащего уплате хераджа с посева хлопчатника, люцерны, садов и виноградников, но и при установлении расценок на продукты для уплаты хераджа.

Для Чарджуйского, как и всех других бекств Бухарского ханства, глава государства — эмир — назначал единую, обычно завышенную против среднерыночных цен расценку, согласно которой земледельцы обязывались платить поземельную ренту⁶⁰. В первые же дни после объявления установленной расценки, по рассказам стариков, рыночные цены на все виды сельскохозяйственной продукции и скот сильно снижались, вследствие чего земледельцы вынуждены были больше продавать зерна, хлопка и других продуктов, а также скота, чтобы из вырученных денег уплатить налог, что еще больше увеличивало фактический размер земельной ренты.

2. *Земли иджара*, как и *амляки* (*амляк ер*), считались государственной собственностью и находились в наследственном владении обрабатывавших их дайхан. Но разница заключалась в том, что размер денежной земельной ренты (по туркменской терминологии — *храч*) дайхане знали уже с весны и могли выплачивать в течение всего лета и осени не амлякдарам, постоянно чинившим беззакония, а старшинам своих племенных подразделений. Возникновение землевладения в форме иджара народные предания относят к середине XVIII в. и связывают с длительной вооруженной борьбой туркмен-эрсари и всех других туркменских племенных групп, обитавших на территории к югу от крепости Султан-Ниязбий кала, что на границе современного Саятского и Карабекальского районов. Время, указанное в народных преданиях, совпадает с периодом упадка ханской власти в Бухаре. В первой половине XVIII в. обособилась Фергана с рядом самостоятельных или полусамостоятельных владений, отошли от Бухарского ханства его прежние владения в южных районах Средней Аму-Дарьи с центром в Балхе⁶¹. Не стали соблюдать вассальной зависимости некоторые крупные обособленные племенные группы туркмен и узбеков. К числу таких,

⁵⁶ Д. Н. Логофет. Указ. соч., стр. 48; А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 9, 34—35; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 40; К. М. Мирзоев. Указ. соч., стр. 45—55; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 107; Полевые записи автора 1957 г., № 12—14, 74; 1960 г., № 9, 16; и др.

⁵⁷ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 40.

⁵⁸ А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 10—11 и 34—35; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 107; Полевые записи автора 1957 г., № 12, 74, 113; 1958 г., № 17, 19, 29, 47; и др.

⁵⁹ А. А. Семенов. Указ. соч., стр. 9, 10—11; К. М. Мирзоев. Указ. соч., стр. 45—50; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 107.

⁶⁰ Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 105—108; А. Губаревич-Радобыльский. Экономический очерк Бухары и Туниса. СПб., 1905, стр. 147; А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 161; К. Быков. Очерк переправ через Аму-Дарью. Ташкент, 1879, стр. 53; Полевые записи автора 1957 г., № 13, 14, 74 и др.

⁶¹ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 9.

можно сказать, независимых областей относились и районы расселения туркмен-эрсари, занимавших обширную территорию на юго-западе ханства⁶².

В этот период, как свидетельствуют народные предания, возглавленное родоплеменной верхушкой туркменское крестьянство добилось посредством вооруженного сопротивления ханской власти изменения аграрных отношений и административного управления, а также снижения налогов. В результате туркмены, обитавшие на территории, расположенной по обе стороны р. Аму-Дарьи, к югу от холмов Кук-Тюбе с крепостью Султан-Ниязбий кала и до границы с Афганистаном, стали платить за пользование землей более низкую подать — храч⁶³.

Как писал туркменский генерал-губернатор Н. О. Розенберг статс-секретарю Гирсу 24 октября 1885 г.: «...эрсаринцы взамен уплаты хараджа (земельного сбора) натурой, подобно узбекам, в размере $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{3}$ урожая платят лишь 1—1½ теньги с танапа (около 1 руб. 50 коп. с десятины) в год деньгами, которые уплачиваются аксакалами (старшинами)»⁶⁴. Штабс-капитан Быков, посетивший Амударьинский оазис в 1878 г., отметил, что эрсаринцы уплачивают земельную ренту в размере 2 теньги в год и, кроме того, зякят, общая сумма которого разверстывается и взимается своими старшинами⁶⁵.

Если при амляковой форме каждый землевладелец нес личную ответственность перед государством за уплату налога, то владельцы земель иджара каждого арыка, т. е. племенного подразделения, были связаны традициями родства, выражавшимися в том, что каждый член такого объединения положенную сумму — храч — вносил своему аксакалу, а он — администрации бекства.

В Керкинском и Бурдалыкском бекствах административное управление осуществлялось через аксакалов (старшин) довольно многочисленных подразделений эрсаринцев и других племенных групп туркмен. Все это значительно повысило авторитет феодально-племенной знати. Именно она стала играть здесь ведущую роль в общественно-политической и хозяйственной жизни туркмен. Эрсаринские вожди, сохраняя патриархально-родовые отношения, все теснее сближались с феодалами Бухары, получая бухарские придворные звания — дадха, эшикагасы и др.⁶⁶, а Рустам-бек из крупного подразделения эрсаринцев кара был даже правителем Керкинского бекства⁶⁷.

⁶² «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, стр. 433; А. А. Росляков. Указ. соч., стр. 120—121.

⁶³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, стр. 433; Полевые записи автора 1957 г., № 138, 150, 151, 154; 1958, № 163, 183, 193; и др.

⁶⁴ «Россия и Туркмения в XIX в.», Ашхабад, 1946, стр. 269, документ 129.

⁶⁵ К. Быков. Указ. соч., стр. 52—53.

⁶⁶ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, стр. 433; МИТТ, т. II, стр. 189.

⁶⁷ МИТТ, т. II, стр. 191.

3. Вакуфные земли (*ватым ер*), некогда пожертвованные мечетям, мазарам и медресе, занимали сравнительно небольшую долю в общем земельном фонде. Они, как и амляковые земли, находились в подворно-наследственном пользовании дайхан, т. е. непосредственных производителей. Последние могли даже продавать обрабатываемые участки, но, несмотря на это, фактически распоряжались ими посредники или откупщики из среды феодальной знати или крупных землевладельцев, называвшиеся местным населением *эмельдар*, реже *иджарадар*. Вакуфные земли сдавались на откуп тому арендатору, который, как справедливо отметил в своем исследовании Н. А. Кисляков, гарантировал не положенную по шариату десятую долю стоимости фактического урожая, а более высокую земельную ренту⁶⁸. Например, в кишлаках (арыках) Овзек, Эшекчи, Машпаяли, Паттали, Кедрли Фарабского района эмельдары, или иджарадары, сдав от себя вакуфные земли в обработку фактически живущим на них и издавна их обрабатывающим дайханам, взыскивали арендную плату в размере половины, а при более кабальных условиях и $\frac{2}{3}$ урожая⁶⁹.

Собранное, обмолоченное, провеянное и ссыпанное на хармане зерно дайхане не могли увозить до его осмотра эмельдаром. Обезд и осмотр харманов эмельдары, или иджарадары, как и амлякдары, обычно затягивали до тех пор, пока они сами и их сородичи не продадут по наиболее высоким ценам свои запасы или не сдадут их дайханам в порядке авансирования.

4. Мюльковые земли, т. е. частновладельческие, освобожденные от уплаты всякого рода податей, в общем земельном балансе занимали небольшой удельный вес. Находились они во владении как относительно крупных мюлькодаров, так и малоземельных дайхан.

Определить происхождение каждого участка мюльковой земли не представилось возможным.

По литературным данным, мюльки образовались главным образом в результате пожалования земли ханами некоторым родоплеменным группам и отдельным лицам за оказание ханству и хану особых услуг⁷⁰.

Происхождение мюлька, орошаемого арыком Катретды, народные предания связывают с именем бахши Катретды, исполнителя туркменских песен, жившего вблизи кишлака Саят. В легенде, рассказанной нам 76-летним Кутлыбаба Джумаевым и 83-летним Хакыбаба Пайзы из колхоза им. Куйбышева

⁶⁸ Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 118.

⁶⁹ ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 1, д. 155, л. 70; ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 22; Госархив Чарджоуской области, ф. 179, оп. 1, д. 4, л. 433—440; полевые записи автора 1957 г., № 178—181 и 189.

⁷⁰ «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 16; К. М. Мирзоев. Указ. соч., стр. 79—80; Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 88—90.

Саятского района⁷¹ и некоторыми другими информаторами, повествуется, что один из эмиров Бухары лет 250—300 назад пожертвовал земли, орошаемые этим арыком, бахши Катретды в благодарность за разоблачение измены одной из его жен.

С тех пор земли арыка, названного именем бахши Катретды, стали считать мюльком, и непосредственные сородичи подразделения катретды, входившего в состав туркмен-эрсари, прекратили платить херадж.

5. *Земли общинного владения* включали неорошаемые и не используемые под посевы площади, различные пойменные заросли, выпасы, пастбищные угодья, расположенные как вблизи культурно-земледельческих зон, так и в песках, в радиусе выпаса овец близ водных источников и колодцев, построенных силами и средствами отдельных племенных подразделений. Общинное право на землю выражалось и в том, что члены того или иного племенного подразделения, представлявшего собой по существу соседскую земельно-водную общину, имели преимущественное право на выпас скота после снятия урожая на пахотных землях своего арыка (аула).

Территория пастбищ в пределах Каракумов, по ошибочному мнению, утвердившемуся в дореволюционной историко-этнографической литературе, по данным некоторых архивных документов⁷² и народным преданиям, считалась свободной или представляла собой общинную собственность тех или иных родоплеменных групп туркмен. Поэтому пастбищами якобы могли пользоваться всюду все скотоводы, где и когда вздумается. На самом же деле большинство пастбищ уже в конце XVIII — начале XIX в. находилось во владении крупных скотоводов⁷³. Они строили колодцы прежде всего на территории пастбищ круглогодичного использования с большим запасом кормов и не только вблизи земледельческой зоны, но и в глубинных районах Каракумов.

Помимо колодцев на пастбищных территориях устраивали дождевые ямы (как) и водосборные бассейны (сардоба), вода в которые собиралась по разветвленной системе неглубоких арыков. Сардобы и каки располагались на оголенных глинистых площадках — такырах. По архивным данным и свидетельству стариков, бывших батраков и чабанов, выпасавших скот баев, устройство сардоба относится к началу XVIII в. Строительство сардоб, столь грандиозных для своего времени сооружений, удаленных от культурной зоны на 100—200 км и более при существовавших тогда орудиях труда и транспортных средствах осу-

⁷¹ Полевые записи автора 1956 г., № 20—24; 1957 г., № 121.

⁷² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 537, л. 28—29.

⁷³ ЦГА ТССР, ф. 42, оп. 1, д. 32, л. 32; «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, стр. 415.

ществлялось в основном силами рабов и батраков. Рабами были пленники персы и афганцы⁷⁴.

Крупные скотоводы, баи, построив в Каракумах колодцы, сардобы или каки, устанавливали довольно определенные границы для отгона скота на выпас и объявляли запрет посторонним пользоваться тем или иным участком их пастбищ⁷⁵. Посторонние допускались к строительству новых колодцев на монополизированной таким путем территории или к пользованию водой из действующих колодцев и пастбищами только по договоренности с их владельцами⁷⁶. За это они обязаны были вносить владельцам (баям) определенную плату (одного барана за каждый водопой отары в 600—900 голов) или отработывать обусловленное время в их хозяйствах, чистить и ремонтировать колодцы, помогать стричь и поить овец, пасти скот, выполнять мелкие поручения⁷⁷.

Малоимущие скотоводы, как и члены скотоводческого объединения чарва-чакана, могли пользоваться колодцами и пастбищами только в том случае, если они и владельцы колодцев были из одной и той же родоплеменной группы и принимали долевое участие в ремонте и чистке колодцев, а также, если при пользовании колодцами не нарушался установленный режим водопоя скота владельца колодца⁷⁸.

Отнесенные нами к пятой категории земли общинного владения считались собственностью Бухарского или Хивинского ханства, чиновники которого проводили ежегодные сборы за выпас скота, заготовку сена, топлива, кустарника, камыша и др. В пределах Закаспийской области плату за такие земельные угодья взимала администрация царской России⁷⁹. Следовательно, и земли общего пользования по существу представляли собой одну из разновидностей амляковой формы землевладения.

В туркменских районах Хивинского ханства в середине XIX — начале XX в. сохранялись в основном четыре формы землевладения.

1. *Атлык* — земли, как и среднеамударьинские мюльки, представлявшие собой частновладельческую подворно-наслед-

⁷⁴ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 543, л. 52; Полевые записи автора 1958 г., № 127; 1960 г., № 34, 35, 41.

⁷⁵ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 543, л. 46; Полевые записи автора 1960 г., № 33, 34.

⁷⁶ В. Кениг. Скотоводческое хозяйство у текинцев Ахала во второй половине XIX в. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 260—261.

⁷⁷ Полевые записи автора 1960 г., № 30, 34, 41; А. Петров. Указ. соч., стр. 39.

⁷⁸ Полевые записи автора 1958 г., № 102, 106, 135; 1960 г., № 34, 35, 41.

⁷⁹ Полевые записи автора 1956 г., № 20, 22; 1957 г., № 121; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 185.

ственную собственность. Такой землей Хивинское ханство наделало туркмен за несение военной (нукерской) службы в войсках хана на своей лошади со своим оружием и обмундированием⁸⁰. Всего туркменские нукеры имели 2250 атлыков, или 27 тыс. га⁸¹.

2. *Хассе* — государственные земли, за пользование которыми туркмены как наследственные держатели платили государству подать (*даяк*)⁸².

3. *Вакуфные земли*, общее количество которых, по архивным данным и сведениям Гаипа Непесова, составляло 12 тыс. десятин⁸³.

4. *Санашик* — общинно-родовая земля, подвергавшаяся переделу. Делил землю между членами подразделения аксакал, или, как его еще называли, кетхуда. Каждое хозяйство получало ежегодно землю для посева в зависимости от степени участия в общественной работе по очистке ирригационной сети. Участие одного дайханана от начала и до конца работ давало право на один надел (*су*)⁸⁴.

В Мургабском, Тедженском и Прикопетдагском оазисах туркмены-текинцы, отчасти сарыки, после вытеснения ранее обитавшего здесь оседлого земледельческого населения все земли, за исключением орошаемых небольшими кяризами, разделили по жребью между реально существовавшими тогда племенными подразделениями. В составе текинцев в XIX — начале XX в., как и в ранний период, было множество племенных подразделений (см. рис. 2). Каждое подразделение или его часть, получив по жребью на определенной территории несколько чересполосных участков, оседало на землю самостоятельно, проводя для орошения полей свой собственный арык (*яб*), получивший впоследствии название этого подразделения. Орошаемую землю ежегодно делили поровну между членами подразделения. В результате такого распределения земли образовались земледельческие (земельно-водные) общины — аулы. Они в дальнейшем выступали собственниками земли и воды, организаторами ирригационных и других общественных работ.

Особенность исторически сложившегося земле-водопользования, характерная для всех районов Мургаба, Теджена,

⁸⁰ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 22; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 113—122; Г. Непесов. Указ. соч., стр. 19.

⁸¹ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 194.

⁸² Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского ханства, стр. 38; М. Иванин. Хива и река Аму-Дарья. СПб., 1873, стр. 52; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 122—123.

⁸³ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 4, д. 66, л. 36; Г. Непесов. Указ. соч., стр. 20.

⁸⁴ Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 178; В. Лобачевский. Указ. соч., стр. 79.

Копет-Дага и Атрека, заключалась в том, что каждое «родовое» подразделение (аул) туркмен имело земли в несколько раз больше, чем необходимой для ее полива воды⁸⁵. Поэтому для естественного восстановления плодородия земли посевы производились на перелогах. Другая характерная особенность состояла в том, что земли между многочисленными племенными подразделениями (уруг, тире) делились поровну независимо от их численного состава.

Каждое подразделение-община ежегодно устанавливало для своих членов место посева, очередность и сроки полива и межполивные периоды. Соответственно этому дайхане, имевшие права на надел (*су*), разбивались по группам суточного пользования водой (*серкар*), поступавшей по их ябу (арыку).

Полусуточная группа носила название *келеме*.

При первоначальном разделе право на землю и воду (*су*) внутри тире или уруг получали все мужчины, способные с оружием в руках защищать интересы своего подразделения (*оба*) и выполнять общественные повинности по строительству, охране, ремонту и очистке ирригационной сети. В дальнейшем, особенно к концу XIX в., под влиянием родовой знати, байства, духовенства ранее установленный порядок получения *су* стал заменяться так называемым правом *никак*⁸⁶, при котором земельный надел полагался только женатым мужчинам⁸⁷. Но в Туркмении каждый, прежде чем жениться, должен был уплатить за невесту калым. Богатые, покупая жен для своих нередко малолетних сыновей, приобретали дополнительное *су* и еще больше укрепляли свое хозяйство. Бедняки же, не имея средств на уплату калыма, постепенно превращались в безземельных дайхан.

Таким образом, утверждение права женатых на землю и воду стало средством обогащения родовой верхушки, байства и духовенства. Неравномерному распределению земли способствовало и то, что здесь, как и на Средней Аму-Дарье, старшины, мирабы, а местами и духовенство племенных подразделений получали от своих общин (*оба*) земельных участка размером от 6 до 12 *су* за «административно-управленческую службу» и на расходы по приему и угощению должностных лиц, прибывавших в аул по общественным делам. Эти земли по обычному праву (*адату*) они не могли продавать, но их разрешалось сдавать в издольную аренду.

⁸⁵ Госархив Марыйской области, ф. 1, оп. 1, д. 143, л. 81.

⁸⁶ Слово «никах» означает брак, женитьба.

⁸⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 21—22; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», I, М., 1954, стр. 11.

Сосредоточение больших наделов земли в руках богатей привело к тому, что в туркменском обществе в конце XIX — начале XX в. безраздельно господствовала зажиточная верхушка.

Этот факт вынуждены были признать даже представители царской администрации. Так, граф К. К. Пален в отчете о ревизии Закаспийской области отмечал: «Мирабы раздавали землю кому им было угодно и сколько угодно, наделяя своих сородичей и близких лиц участками; следили за очисткой каналов и делали удобным им лицам всевозможные поблажки; бесконтрольно управляли водой и держали в своей власти судьбу посевов; являясь полными хозяевами воды, мирабы нередко пользовались ею для себя вне очереди, почему их посе́вы никогда не высыхали, в то время как у дайханов засухи посевов имели место нередко»⁸⁸.

С присоединением к России началось усиленное проникновение в туркменское общество капиталистических отношений, что существенно отразилось и на формах землевладения. Получила дальнейшее развитие частная собственность на землю и воду — *мюльк*.

Увеличение мюлька было связано с распространением таких культур, как хлопчатник, люцерна, плодово-виноградные и тутовые насаждения. Племенные подразделения, а точнее, водо-земельные общины туркмен выделяли специальные участки земли под эти культуры отдельным членам общины в долгосрочное пользование. Обрабатываемый из года в год одним и тем же земледельцем участок становился его индивидуальным подворным владением — мюльком. Участки мюлька возникали и в результате наделяния обществом какого-либо туркменского хозяйства «за заслуги» землей и водой в пожизненное и наследственное пользование. В разряд мюлька переходили также и участки, которые орошались от кяриза, построенного одним определенным хозяйством или группой туркмен.

Такие земли не подлежали переделу. Размеры мюльков были различны⁸⁹.

«У нохурцев развитие частной собственности на землю, — как установлено исследованием Г. П. Васильевой, — происходило несколько в иных условиях и значительно раньше, чем у текинцев. Многолетнее существование культуры виноградников и плодовых деревьев, требующих интенсивного ухода, привело к тому, что соответствующие земельные участки были закреплены в частную собственность задолго до присое-

динения Туркмении к России»⁹⁰. Как мы уже знаем, иначе и намного раньше сложилось и широко бытовало подворно-наследственное землепользование у туркмен Средней Аму-Дарьи. Следовательно, у туркмен рассматриваемого периода своеобразие социально-экономического развития заключалось в существовании родоплеменной и земельно-водной общины. Оно проявлялось в том, что наряду с мюльком в районах Мургаба, Атека, Копет-Дага и Юго-Западной Туркмении вплоть до проведения земельно-водной реформы 1925—1927 гг. сохранилось также общинное (*санашиковое*) землепользование а местами и земли *вахым*.

Итак, аграрные отношения туркмен в XIX — начале XX в. характеризуют процесс разложения патриархально-родовых общин и возникновение территориальных земельно-водных общин⁹¹, где ярко проявлялось имущественное неравенство, классовое расслоение, деление общинников на эксплуататоров и эксплуатируемых. Этот процесс социальной дифференциации привел, с одной стороны, к концентрации в руках феодально-племенной знати, духовенства и байства основных средств производства — земли, воды, пастбищ, колодцев и скота и, с другой, — к образованию значительного контингента безземельных и малоземельных дайхан. Кроме того, в туркменских аулах была большая совершенно бесправная группа рабов (*кулов*) и *кырнак* (людей, рожденных от рабынь). Контингент рабов создавался в результате захвата военнопленных и *аламанства* (грабительских набегов).

Отсутствие источников не дает возможности проследить хронологические рубежи отдельных этапов разложения, например, эрсаринской или сакарской общины *шарик* или текино-сарыкской санашиковой общины, определивших переход их из родовой в территориальную, т. е. соседскую земельно-водную общину. Переход этот совершался в результате длительной эволюции, заключавшейся в постепенном ослаблении родовых связей и укреплении территориального единства.

Таким образом, земельно-водные общины туркмен Средней Аму-Дарьи, как и Мургаба, Ахала и других областей, представляли собой результат сложного исторического процесса, приводившего к возникновению и укреплению таких объединений, которые классики марксизма-ленинизма называли «пер-

⁸⁸ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. I. М., 1954, стр. 181.

⁸⁹ Я. Таиров. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области. СПб., 1904; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР; Г. П. Васильева. Разложение водо-земельной общины туркмен-нохурли в конце XIX — начале XX века. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI. Ашхабад, 1962.

⁸⁸ К. К. Пален. Отчет ревизии Туркестанского края, стр. 318.

⁸⁹ Госархив Марыйской области, ф. 2, оп. 1, д. 205, л. 193; В. В. Русинов. Указ соч., стр. 22; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 22.

вым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами»⁹².

В настоящее время трудно воспроизвести действительный облик земельно-водной общины туркмен. По свидетельству информаторов, она состояла из парцеллярных и нередко разрозненных участков земли, расположенных в пределах территории, орошаемой одним арыком, и находившихся в подворно-наследственном владении дайхан определенного племенного подразделения. Членами общины состояли и те, кто пользовался землей по наследству, и те, кто приобрел на нее право в порядке покупки. Переход земли от одного хозяина к другому происходил и в результате раздела. При наследовании сыновья по обычаю получали по одной доле, дочери по полдоле, а жена только $\frac{1}{8}$ долю сына. В случаях раздела или выделения хозяйства (а такие явления были исключительно редки) долю земли каждому члену семьи определял глава семьи (иногда по согласованию с выделяющимся). Получивший в порядке выдела землю при жизни главы семьи не мог продать или передать свое право другому⁹³. В приамударьинских районах Бухарского ханства право на воду, по издавна установившемуся порядку, получали те земледельцы, которые соответственно размеру своей земли регулярно принимали долевое участие в прорытии арыков, очистке их от ила и песка и в поддержании нормального состояния оросительной сети.

Распределение земли внутри каждой земельно-водной общины, т. е. племенного подразделения, в конце XIX — начале XX в. отражало далеко зашедший процесс имущественной дифференциации. Так, в земледельческой полосе на левом берегу Аму-Дарьи, в пределах, например, современного Керкинского района в начале 1925 г. 38,4% дайхан имели земли до 0,5 га; 28,2% — до 1,0 га; 16,5% — от 1 до 2 га; 7,8% — свыше 2 га, а 9,1% населения вовсе не имели земли⁹⁴. В пределах современных Чарджоуского, Дейнаууского, Фарабского, Саятского и Карабекаульско-го районов земельные владения характеризуются следующими данными, полученными при статистическом обследовании в 1925 г.: 4,4% дайхан не имели земли; 14,4% имели участки земли до 0,5 га; 22,4% — от 0,5 до 1 га; 27,3% — от 1 до 2 га; 14,5% — от 2 до 3 га; 10,2% — от 3 до 5 га; 6,8% — 5 га. Здесь преобладало чересполосное владение. Так, 28,5% дайхан имели землю в двух местах, 17,6% — в трех, 8,5% — в четырех, 4,4% — в пяти, 4,3% — в шести местах и более⁹⁵.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 418.

⁹³ Госархив Чарджоуской области, ф. 225, оп. 1, д. 52, л. 109—1105; ф. 66, оп. 1, д. 73, л. 29; д. 2, л. 256—257.

⁹⁴ Госархив Чарджоуской области, ф. 277/91 с., оп. 1, д. 6, л. 13.

⁹⁵ Госархив Чарджоуской области, ф. 175, оп. 1, д. 32, л. 333—334; ф. 66, оп. 1, д. 4, л. 500 и 501.

Эти сведения о землепользовании туркменского населения приамударьинских районов Бухарского ханства целиком и полностью характеризуют положение не только в начале XX в., но и в более ранний период. По свидетельству большинства наших информаторов, заметных изменений в формах землепользования и землевладения в XIX в. не было и не могло быть, так как Бухарское ханство не проводило никаких мероприятий по улучшению ирригационной сети, орошению и освоению под посевы новых земельных угодий⁹⁶.

Созданные при разделе земли дальнотемелье и чересполосица в земле-водопользовании, например, у мургабских и тедженских туркмен вызвали сложное переплетение земельно-водных отношений, тяжело отражавшееся на положении трудовых дайханских хозяйств. Здесь многие дайхане-бедняки и середняки имели наделы земли и воды в четырех, шести и даже восьми местах, нередко удаленных на десятки километров одно от другого⁹⁷.

О степени земельной обеспеченности туркмен Закаспийской области в 1914 г. свидетельствуют данные табл. IV⁹⁸.

ТАБЛИЦА IV. ГРУППИРОВКА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ ПО РАЗМЕРУ ПОСЕВНЫХ ПЛОЩАДЕЙ

Размер посевных площадей, (в десятинах)	Число хозяйств	%	Площадь посева на поливных землях (в десятинах)	%
До 0,09	4 932	10,8	74,1	0,1
От 0,1 до 2	22 717	50,0	24006,8	21,0
» 2 » 5	12 753	27,9	42923,4	37,7
» 5 10	3 814	8,3	26871,9	23,6
Свыше 10	1 310	3,0	20032,0	17,6
Итого	45 526	100	1139 08,2	100

Из этих данных видно, что 60,8% бедняцких хозяйств Закаспия имели 21,1% всей посевной площади, или в среднем на одно хозяйство 0,8 десятины, тогда как 11,3% зажиточных и бай-

⁹⁶ Полевые записи автора 1957 г., № 49, 57, 74, 177, 188; 1958 г., № 1, 199, 203, 210; и др.

⁹⁷ Госархив Марыйской области, ф. 1, оп. 1, д. 95, л. 30—32.

⁹⁸ В. К. Максимович. Указ. соч., стр. 49.

ских хозяйств имели 41,2% всей земли, или в среднем по 9,1 десятины на хозяйство, т. е. в 11 раз больше, чем малоземельные дайхане. Около 6000 хозяйств не имели земли, у 28% не было скота, а у 50% — сельскохозяйственного инвентаря⁹⁹.

Средняя группа туркменского дайханства, в Закаспийской области составлявшая 27,9%, вела мелкое потребительское полунатуральное хозяйство.

В 1915 г. из общего числа туркмен Хивинского ханства 10% дайхан, а по данным Г. Е. Маркова, даже 25,2% не имели земли¹⁰⁰, около 70% составляли бедняки, до 20% — середняки и почти 3% — бай-мюлькарды¹⁰¹.

Такая неравномерность и парцеллярность землевладения стимулировала развитие арендных отношений, являвшихся главной формой феодальной эксплуатации. В бассейне Средней Аму-Дарьи сдатчиками земли в издольную аренду являлись нередко малоземельные бедняцкие хозяйства. Не имея орудий труда для самостоятельной обработки земли, они сдавали свои участки в издольную аренду, а сами шли в батраки к баям, либо арендовали у них землю, рабочий скот и семена, уплачивая за это $\frac{3}{4}$ собранного урожая¹⁰². Арендаторами, а нередко и сдатчиками в аренду были и середняцкие хозяйства. Они обрабатывали арендованные земли — *исполу*. Однако чаще всего издольная сдача земли в аренду являлась одной из наиболее распространенных форм эксплуатации дайханства зажиточной частью населения.

При испольной аренде сдатчик земли получал половину урожая. В тех же случаях, когда сдатчик земли предоставлял семена и орудия производства, арендатор получал лишь $\frac{1}{4}$, реже $\frac{1}{3}$ собранного урожая, а в туркменских районах Хивинского ханства арендатор отдавал владельцу земли до $\frac{4}{5}$ урожая¹⁰³. Наиболее широко были развиты арендные отношения в Мургабском государственном имении. Здесь между администрацией имения и дайханами-арендаторами стояли крупные арендаторы-посредники, в большинстве случаев из среды туркменской родоплеменной знати, старшин и баев. Они, арендуя в имении землю из расчета выплаты $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ фактического урожая, сдавали ее в субаренду другим дайханам на условиях сдачи половины урожая. В. И. Ленин, анализируя издольную аренду, писал: «Перед нами вовсе не арендаторы в европейском, культурном, современно капиталистическом смысле. Перед нами преимущест-

венно полуфеодальные или, — что то же в экономическом отношении, — полурабские *издольщики*»¹⁰⁴.

Все это, как и концентрация земли и других средств производства в руках местной феодально-родовой верхушки, обуславливало массовое обезземеливание дайханства, обрекая его на нищенское существование.

Помимо перечисленных феодальных форм эксплуатации, налоговых и иных поборов трудовое дайханство Туркмении подвергалось различным видам эксплуатации, связанным с пережитками патриархально-родового быта. Эти пережитки поддерживались и сохранялись феодально-племенной знатью, духовенством и байством в своих классовых интересах. Наиболее широко была распространена эксплуатация богачами своих обедневших сородичей под видом различной «помощи» использовавших их труд в своем хозяйстве. Иногда они выдавали им на кабальных условиях ссуды и тем обрекали их на беспросветную нищету и рабское повиновение.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России и установление Советской власти в Средней Азии положили конец беспросветной нужде трудового дайханства. Начавшиеся революционные преобразования имели решающее значение для победы в сентябре 1920 г. народной революции в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Первым актом Советской власти в Туркестанской АССР, а затем в Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республиках была конфискация всех земель хана, эмира и их чиновников с передачей земли в пользование непосредственным производителям. Так, например, в 1920—1922 гг. Хорезмская Народная Республика конфисковала более 400 тыс. танапов ханской земли (1 танап равен 0,4 га) и передала безземельным и малоземельным дайханам по трудовой норме в зависимости от числа трудоспособных членов семьи. В районах Средней Аму-Дарьи из 5000 танапов конфискованной земли 3000 были также распределены между безземельными и малоземельными дайханами.

Другим важным актом явился закон 1923 г. о передаче вакуфных земель в непосредственное владение тех дайханов, которые их обрабатывали¹⁰⁵.

И, наконец, особенно важное значение имел принятый Первым Всетуркменским Съездом Советов в 1925 г. декрет об от-

⁹⁹ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 39в, л. 5.

¹⁰⁰ Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 181.

¹⁰¹ Г. Непесов. Указ. соч., стр. 20, 21.

¹⁰² Госархив Чарджоуской области, ф. 66, оп. 1, д. 4, л. 433—435; ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 3, л. 236.

¹⁰³ «История Туркменской ССР», т. I, кн. 2, стр. 195.

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 142.

¹⁰⁵ «История народного хозяйства Узбекистана», т. I. Ташкент, 1962, стр. 115, 124, 131.

мене частной собственности на землю и воду: вся земля, вода и недра земли были объявлены собственностью государства. Право непосредственного пользования землей предоставлялось только трудовому дайханству. С отменой частной собственности на землю дайхане освободились от уплаты огромных размеров земельной ренты (хераджа, храч, вакф). Однако практического решения земельного вопроса в условиях Средней и Нижней Аму-Дарьи да и Мургаба нельзя было достигнуть без улучшения ирригационной системы¹⁰⁶, которая находилась в крайне плохом техническом состоянии.

ПЕРЕУСТРОЙСТВО ИРРИГАЦИИ

Несовершенство ирригации вело к ежегодному сокращению площади орошаемой земли, ухудшало условия водопользования, увеличивало объем хошарных работ и удельный вес трудоемкого чигирного орошения и орошения еще более примитивными сооружениями типа нова¹⁰⁷.

В. И. Ленин в 1921 г. в письме к коммунистам Кавказа писал: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»¹⁰⁸. Эти слова В. И. Ленина можно отнести и к Туркменистану.

Именно поэтому первоочередной, важнейшей задачей советских, партийных и хозяйственных учреждений республики, особенно организаций водного хозяйства, было переустройство и техническое улучшение ирригации, упорядочение водопользования и обеспечение наиболее эффективного использования водных ресурсов.

Большие работы по переустройству местной ирригационной сети проведены еще в 1925—1928 гг. За это время в Фарабском районе, например, сооружен магистральный канал, объединивший в один 18 головных местных сооружений, а в Бурдалыкском районе — 32 арыка.

Это мероприятие, помимо значительного сокращения холостого пробега арыков, сократило более чем наполовину объем ежегодных хошарных работ и, кроме того, обеспечило лучшие условия водопользования.

В Ходжамбасском районе были перестроены три старые ирригационные системы: Игри-Гузарская (длиной 26 км), Улам-

Сурхинская (14 км) и Беширская (свыше 12 км). В результате было уничтожено более 30 старых примитивных головных заборов воды, выключено из действия около 100 км холостых пробегов, значительно сокращен объем хошарных работ, а главное, были обеспечены нормальный забор воды и самотечное орошение полей на весь вегетационный период почти без применения чигирей и нова¹⁰⁹.

В Дейнауском районе строительство магистрального канала протяженностью в 24 км позволило объединить 18 арыков и сократить на 50 км холостой пробег. В Карабекаульском районе новый магистральный канал тоже объединил 18 арыков и обеспечил значительное расширение орошаемой площади¹¹⁰. В Чарджоуском районе 150 мелких арыков (каналов) были соединены в 12 больших систем, оборудованных по последнему слову техники.

Постройка Бассага-Керкинского, Пельвартского, Карабекаульского и ряда других магистральных каналов обеспечивала и переустройство всей оросительной системы на территории современных Керкинского и Карабекаульского районов¹¹¹.

Всего за период с 1925 по 1934 г. только в районах Средней Аму-Дарьи 356 мелких (родовых) арыков, имевших самостоятельный забор воды, были объединены в 46 крупных систем, оборудованных головными сооружениями, регулирующими забор воды¹¹².

Была существенно переустроена ирригационная сеть и в туркменских районах Нижней Аму-Дарьи. Она стала базироваться на девяти каналах: Газаватском, Шахабадском (Шават), Ярмышском, Клычбайском, Дарьялыкском, Бозсуйском, Кипчакарнайском, Советябском и Советском.

В пределах этих ирригационных систем площадь орошаемых земель увеличилась почти в 4 раза¹¹³. Все 20 тыс. ранее действовавших на Аму-Дарье примитивных водоподъемных сооружений — чигири и нова — были выведены из действия и ликвидированы.

Настоящей революцией в водном хозяйстве Туркменистана явилась механизированная очистка ирригационной сети от заиления. Теперь ежегодно механизмами выполняется 95% работ, связанных с эксплуатацией каналов. Одно это позволило высвободить для сельскохозяйственных работ только в амударьинских районах до 20 тыс. человек, разгрузив их от ежегодного

¹⁰⁶ «Стенографический отчет I съезда Компартии Туркменистана». Ашхабад, 1925, стр. 4.

¹⁰⁷ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 31—34; «Сельское хозяйство Туркменской ССР за 25 лет». Ашхабад, 1950, стр. 27—30.

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

¹⁰⁹ Госархив Чарджоуской области, ф. 175, оп. 3, д. 28, л. 38.

¹¹⁰ Там же, ф. 66, оп. 1, д. 31, л. 88 и 89.

¹¹¹ ЦГА ТССР, ф. 172, оп. 1, д. 394, л. 58—59; ф. 616, оп. 1, д. 70, л. 34.

¹¹² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 3, д. 545, л. 16, 20; ф. 172, оп. 1, д. 394, л. 38—41.

¹¹³ «Экономика и организация социалистического сельского хозяйства Туркменистана». Ашхабад, 1958, стр. 38.

длительного (100—120 дней) тяжелого ручного труда по очистке каналов от ила и песка ¹¹⁴.

В Мургабском оазисе построены Кауштутбентский узел, Ташкепринское водохранилище, реконструировано Султанбентское водохранилище и Казыклыбентская плотина, построены сотни распределительных сооружений (рис. 1, б).

В бассейне Теджена в первую очередь были реконструированы старые ирригационные системы на участках водозабора и на основных узлах водоразделения. В целом по районам Мургаба и в бассейне Теджена за годы Советской власти построены семь водохранилищ емкостью 850 млн. куб. м, четыре подпорных плотины, 700 км магистральных каналов, 5000 различных гидротехнических сооружений ¹¹⁵.

Ирригационное строительство в районах Копет-Дага и Атека имело задачу увеличить дебет воды за счет расширения 150 кяризов, около 75 речек и ручьев, бетонирования русел каналов и обеспечения водораспределительной сети регулирующими сооружениями. Таких сооружений за 1925—1934 гг. построено свыше 50, в последующие годы покрыто бетоном 350 км каналов и построено 450 скважин с механическим водоподъемом ¹¹⁶.

В бассейне Атрека был переустроен Атрекский канал. В результате длина старой арычной сети сократилась в три раза, а площадь орошения к 1941 г. увеличилась почти в два раза.

Повсеместно переустраивались каналы и распределительная сеть, строились головные и регулирующие сооружения, ирригационная сеть приспособлялась к механизированной очистке и к полному переходу на новую систему орошения.

«Десятки новых каналов,— говорится в письме туркменского народа к Советскому правительству,— прорезали бесплодные в прошлом пустыни, превратив их в цветущие сады и огромные поля «белого золота» — хлопка. Ручной труд хошарников по очистке ирригационной сети, особенно тяжелый в амударьинских системах, повсеместно заменяется механизмами. На месте «кровавых водоразделов» прошлого, из года в год вызывавших ранее вспышки межродовой и межплеменной вражды, установлены тысячи гидросооружений и водомерных постов. Свыше 20 тысяч чигирей, приводившихся в движение живой силой, заменены самотечным орошением и машинными установками» ¹¹⁷.

Все это вместе с улучшением эксплуатационных мероприятий по обслуживанию ирригационного хозяйства явилось важ-

нейшим фактором увеличения поливной площади, повышения урожайности сельскохозяйственных культур, особенно хлопчатника. Общая посевная площадь республики в 1967 г. по сравнению с 1925 г. увеличилась более чем в 2,2 раза, в том числе площади под хлопчатником — в 4,4 раза ¹¹⁸.

СТАНОВЛЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА

Одновременно с ирригационным строительством и переустройством поаульной и мелкой оросительной сети проводились земельно-водная реформа и сплошное землеустройство. При земельно-водной реформе 1925—1927 гг. в районах Копет-Дага и Мургаба были переданы в подворное пользование безземельному и малоземельному дайханству не только изъятые или урезанные у нетрудового элемента 18271 десятина, но и все вновь орошенные земли. За счет этого получили землю и воду 10 357 ранее безземельных крестьян и батраков и до полной нормы в две десятины были доведены 23 155 малоземельных бедняцких и середняцких хозяйств ¹¹⁹.

Государство снабдило дайхан, освободившихся от феодально-байской эксплуатации и получивших земельные наделы, сельскохозяйственным инвентарем, семенами, им были выданы денежные ссуды для приобретения рабочего скота и пр. К середине 1928 г. дайхане Туркменистана имели 4700 плугов, 2000 борон, 1300 хлопковых сеялок, 600 культиваторов и некоторые другие машины вместо 64 плугов и 36 сеялок в 1913 г. ¹²⁰.

Таким образом, была уничтожена экономическая основа господства феодально-байских элементов. Старые земельно-водные отношения были заменены новыми, основанными на равноправном подворном принципе земле-водопользования. Существенные изменения в экономике, обусловленные новым строем, основанным на защите интересов трудящихся, способствовали повышению уровня классового самосознания и политической активности дайханства.

Политическая активность передовой части дайханства проявилась в росте партийных и комсомольских организаций, а также ячеек союза «Кошчи» (бедноты). К моменту проведения в районах Средней Аму-Дарьи сплошного земле-водоустройства (1926 г.) в этом союзе состояло 3427 членов. К началу коллекти-

¹¹⁴ Л. М. Гринберг. От чигиря до Каракумского канала. «Колхозно-совхозное производство Туркменистана», 1964, № 10, стр. 15.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ А. Н. Аскочинский. Водное хозяйство Туркмении. Ташкент, 1934, стр. 35; Л. М. Гринберг. Указ. соч., стр. 15.

¹¹⁷ «Правда», 29 января 1950 г.

¹¹⁸ «Туркменистан за годы Советской власти...», стр. 58; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

¹¹⁹ «Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана. Декабрь 1925 — ноябрь 1927 г.». Ашхабад, 1927, стр. 12; «Средняя Азия в цифрах». Ташкент, 1931, стр. 101.

¹²⁰ «Семь лет Туркменской ССР». Материалы к отчету правительства ТССР. Ашхабад, 1931, стр. 38.

визации, т. е. к октябрю 1928 г., почти в каждом кишлаке (ауле) уже была ячейка «Кошчи». Они уже объединяли 11,3 тыс. членов, из них 9970 батраков и бедняков, 1140 середняков, 20 скотоводов и 92 кустаря¹²¹. Среди членов союза «Кошчи» было 230 женщин. Ячейки союза «Кошчи» и их районные организации в республике оказывали постоянную помощь своим членам в получении земельных наделов, семян, сельскохозяйственного инвентаря, денежных ссуд, кредитов, а главное, вовлекали своих членов во все виды кооперации.

Батраки, бедняки и малоземельные дайхане, получив землю и право на воду, объединялись в группы совместного суточного водопользования. Так, повсеместно с первых лет установления Советской власти стали возникать различные виды кооперативных объединений, начиная от самой низшей ступени — сбыто-снабженческой, мелиоративной и кредитной — до высшей производственной формы кооперации — колхозов.

Возьмем, например, развитие мелиоративной кооперации. В 1928 г. она объединяла 39 тыс. дайханских хозяйств¹²². В районах Средней Аму-Дарьи в начале 1925 г. было организовано 5 товариществ, объединивших 254 дайханских хозяйства, а на 1 января 1930 г. их число выросло до 299 и объединяло уже 64 475 хозяйств или 93,5% всех хозяйств этой области.

Кредитная сельскохозяйственная кооперация уже в начале 1925 г. насчитывала 79 товариществ, а в конце 1928 г. — 141 товарищество, объединявшее 107 тыс. членов¹²³.

Наряду с мелиоративной и кредитной кооперацией широкое развитие получила и сеть универсальной сельскохозяйственной кооперации, товарищества которой в 1928 г. насчитывали 86,4 тыс. пайщиков¹²⁴. На Средней Аму-Дарье сельскохозяйственные кооперативы к концу 1929 г. объединяли 92,3% хозяйств, а в целом по республике было кооперировано 80% дайханских хозяйств¹²⁵. Универсальная кооперация не ограничивала свою деятельность кредитованием и снабжением кооперированного дайханства инвентарем, промышленными товарами по государственным ценам, а также закупкой и переработкой сельскохозяйственного сырья. Она проводила большую работу по освоению нового сельскохозяйственного инвентаря и агротехники.

В условиях Туркменистана, и в частности Средней Аму-Дарьи, где главной и ведущей отраслью сельского хозяйства являлось хлопководство, из многоотраслевой универсальной сель-

скохозяйственной кооперации еще в 1927 г. выделился хлопководческий «Туркменпахтасоюз». Уже в 1928 г. он объединял 130,4 тыс. из 144 тыс. всех дайханских хозяйств, или 90%, а к концу 1929 г. — 99,4% хозяйств¹²⁶.

Животноводческая производственная кооперация еще в начале 1929 г. выделилась в самостоятельную систему, а на конец 1930 г. насчитывала 188 товариществ и 34,7 тыс. членов¹²⁷.

«Туркменпахтасоюз», как и другие виды специализированной кооперации, учитывая специфику хозяйств, быта и культуры населения, постепенно переходил от сбыто-снабженческих и заготовительных операций к производственному обслуживанию дайхан, обеспечению их орудиями производства, агротехнической, мелиоративной и зооветеринарной помощью. Кроме того, хлопководческая кооперация средствами своих 12 машиннопрокатных пунктов уже весной 1929 г. обслуживала среднее дайханство на льготных условиях, а поля бедняков обрабатывала бесплатно¹²⁸.

Успехи работы машиннопрокатных пунктов и сельскохозяйственной кооперации имели огромное политическое значение. Они сплотили бедняцко-батрацкие массы дайханства на борьбу за переустройство сельского хозяйства, помогли оторвать бедноту от кулацкого влияния и способствовали изменению соотношения классовых сил в ауле и всего его хозяйственно-экономического облика.

Машиннопрокатные пункты, показательные агроучастки, специальные пункты по переработке сельскохозяйственной продукции были для широкой массы дайхан первой практической школой общественной, коллективной работы, т. е. подготовительным этапом к коллективизации. В кооперации вообще (в сельскохозяйственной кооперации с производственным обслуживанием в частности) В. И. Ленин видел доступный и понятный миллионам крестьян путь перехода от мелкого единоличного хозяйства к крупным товарищеским производственным объединениям — колхозам¹²⁹.

Переход отсталого, крестьянского хозяйства на использование новых орудий производства привел к объединению трудового дайханства в товарищество по совместному использованию современного сельскохозяйственного инвентаря и машин. Приобретение полного комплекта сельхозинвентаря (плуга, бороны, сеялки, окучника, культиватора и т. д.) было выгодно, но не под силу большинству единоличных маломощных хозяйств. В преимуществах же этого инвентаря широкая масса дайханства убе-

¹²¹ ЦГА ТССР, ф. 263, оп. 1, д. 14, л. 48.

¹²² «История Туркменской ССР», т. II, стр. 294.

¹²³ Госархив Чарджоуской области, ф. 2, оп. 1, д. 180, л. 58; ЦГА ТССР, ф. 172, оп. 1, д. 406, л. 4, 9.

¹²⁴ «История Туркменской ССР», т. II, стр. 294.

¹²⁵ ЦГА ТССР, ф. 152, оп. 2, д. 32, л. 106; М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, стр. 330.

¹²⁶ ЦГА ТССР, ф. 172, оп. 1, д. 406, л. 10.

¹²⁷ Там же, л. 12.

¹²⁸ ЦГА ТССР, ф. 152, оп. 2, д. 32, л. 106.

¹²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

дилась на примерах работы машиннопрокатных пунктов и показательных агроучастков «Туркменпахтасоюза». Политика ограничения байства не допускала концентрации новых средств производства в хозяйствах зажиточной верхушки аула и эксплуатации беднейшего дайханства. Именно поэтому объединение землевладельцев в машинные товарищества получило в Туркменистане широкое распространение и к началу 1929 г. насчитывало 296 таких объединений¹³⁰. Многие из них переросли в товарищества по совместной обработке земли, ставшие на первых порах основной формой колхозов. На базе машинных товариществ и хлопководческой кооперации уже летом 1927 г. возникли первые 11 колхозов, объединившие 116 дайханских хозяйств¹³¹, а в 1928 г. было уже 64 колхоза, объединившие 1522 хозяйства¹³².

Успехи кооперативно-производственных объединений по совместному использованию машин и сельскохозяйственного инвентаря на практике убеждали дайхан, что коллективная работа с использованием новых средств производства намного облегчает труд, повышает его производительность и улучшает материальную обеспеченность трудящихся. Все это подготовило почву к массовой коллективизации.

Успешное проведение коллективизации способствовало быстрому преобразованию хозяйств на социалистический лад. Число колхозов с 64 в 1928 г. увеличилось к июню 1929 г. до 247, они объединяли 3,2 тыс. хозяйств, или 2,8%, а на 1 января 1930 г. 175 колхозов объединяли уже 7320 хозяйств¹³³, из них только в Кызыл-Аякском районе 19 колхозов объединили 1928 дайханских хозяйств, или 84,1%, а в Фарабском районе 30 колхозов объединили 50% всех дайханских хозяйств¹³⁴.

Однако в погоне за высокими показателями в ряде районов республики (Чарджоуском, Дейнауском, Керкинском и др.) были допущены серьезные искривления политики партии в отношении середняка и нарушения ленинского принципа добровольности, чем стремились воспользоваться враги Советской власти. Кулацко-байские элементы, духовенство и их подголоски проникали в колхозы и занимались вредительством, разлагали дисциплину и этим подрывали экономику колхозов. Они вели агитационную работу среди бедняков, батраков и женщин, а особенно среди колеблющихся середняков, настраивая их на борьбу против колхозов,

¹³⁰ «Туркменская ССР в цифрах». Статистический справочник. Ашхабад, 1930, стр. 71.

¹³¹ ЦГА ТССР, ф. 172, оп. 1, д. 406, л. 16.

¹³² «15 лет Туркменской ССР». Статистический сборник. Ашхабад, 1939, стр. 25.

¹³³ «15 лет Туркменской ССР», стр. 25; ЦГА ТССР, ф. 172, оп. 1, д. 406, л. 25; ф. 364, оп. 1, д. 23, л. 1.

¹³⁴ «Производственные задания в области сельского хозяйства на 1932 год по районам Туркменской ССР». Ашхабад, 1932, стр. 297—299.

против обобществления скота, использования нового сельскохозяйственного инвентаря, машин, тракторов и т. д. В колхозах Мургабского района «Дайхан Бирлешик», «Пионер» и других бай и духовенство устраивали тайные сборища, на которые им удавалось завлекать и отдельных колхозников. Однако байская агитация встречала решительный отпор со стороны стойких и сознательных сторонников новой жизни.

Партийным и советским органам Туркменистана пришлось в этот период осуществить комплекс неотложных и важных организационно-политических и хозяйственных мероприятий, связанных с выполнением Постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении». Эти меры обусловили рост колхозного строительства.

В мае 1930 г. в Туркменистане насчитывалось уже 729 колхозов, объединявших свыше 48 тыс. хозяйств, в том числе на Средней Аму-Дарье 385 колхозов, объединявших 24,5 тыс. дайханских хозяйств¹³⁵, среди которых батраки и бедняки составляли 46,1%, середняки — 50,8% и зажиточные — 3,1%¹³⁶.

После V съезда КП(б) Туркменистана и XVI съезда ВКП(б), вошедшего в историю как съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, партийные и советские органы республики еще шире развернули борьбу за осуществление социалистического преобразования сельского хозяйства.

Разгром классово чуждых элементов, ликвидация байства как класса в комплексе с осуществлением ряда мер по социалистическому строительству, в частности создание ряда МТС, ставших центрами механизации колхозного производства, новая организация труда и другие мероприятия обеспечили к июлю 1932 г. победу колхозного строя в шести наиболее крупных районах Средней Аму-Дарьи (Дейнау, Чарджоу, Фараб, Саят, Кызыл-Аяк, Карабекаул), во всех других районах республики в колхозы вступило 73% всех хозяйств¹³⁷.

Коллективизация уже на этом этапе развития обеспечивала не только победу социалистических отношений в сельском хозяйстве, но и избавляла крестьянские массы от разорения и нищеты, открывала широкие возможности для резкого повышения уровня жизни колхозных масс.

В скотоводческих районах республики — Эрбентском, Казанджикском, Кызыл-Арватском и других переход к социалистическим формам хозяйства произошел несколько позже. Здесь население, по специально проведенной переписи 1927 г., составляло

¹³⁵ ЦГА ТССР, ф. 172, оп. 1, д. 406, л. 25.

¹³⁶ «Производственные задания в области сельского хозяйства на 1932 год по районам Туркменской ССР», стр. 297—298.

¹³⁷ ЦГА ТССР, ф. 364, оп. 1, д. 66, л. 1; ф. 172, оп. 1, д. 406, л. 41.

112,1 тыс. человек¹³⁸, к 1932 г. оно уменьшилось в связи с переселением в земледельческие оазисы до 12 тыс. туркменских хозяйств, или 70—75 тыс. человек¹³⁹, которые вели преимущественно кочевой и полукочевой образ жизни и почти полностью сохраняли феодально-родовой строй. Скотоводство здесь носило потребительский характер.

Немногочисленность и большая территориальная разбросанность водных источников, являвшихся в основном собственностью баев и феодалов, а также трудность сбыта продуктов животноводства обрекала бедняцкую часть населения скотоводческих районов на жестокую эксплуатацию со стороны байства.

С установлением Советской власти здесь были созданы аульные советы, ячейки союза «Кошчи», первичные снабженческо-заготовительные пункты кооперации. Было построено или приведено в порядок свыше 400 колодцев¹⁴⁰, стадам оказывалась зооветеринарная помощь, среди трудящихся скотоводов велась систематическая разъяснительная работа о преимуществах оседлого образа жизни и общественного скотоводства. Все эти практические меры нашли поддержку со стороны трудящихся масс скотоводческих районов и обусловили рост их политической и хозяйственной активности.

Важным фактором в деле перевода кочевых и полукочевых скотоводов на оседлость явилась национализация колодцев и скота феодалов и баев и передача их совхозам и вновь организованным товариществам скотоводов по совместному использованию пастбищ и выпасу скота, преобразованным позже в колхозные животноводческие фермы. К концу 1933 г. было организовано 308 только овцеводческих ферм, в которых насчитывалось 258,2 тыс. овец и коз. В эти годы бесплатно было передано батракам и беднякам 50 тыс. голов мелкого и 10 тыс. голов крупного рогатого скота, конфискованного у баев и кулаков, было создано около десятка животноводческих совхозов¹⁴¹. Все это явилось надежным фундаментом для быстрого подъема общественного животноводства республики.

Дальнейшие мероприятия по ремонту и строительству колодцев, улучшению зооветеринарной службы и развитию торгово-кооперативного и культурного обслуживания населения создали условия для оседлого образа жизни скотоводов и переходу к коллективным формам хозяйства. Характерной особенностью процес-

са перевода кочевых и полукочевых скотоводов на оседлость явилось не переселение их в земледельческие оазисы, а создание им необходимых условий для строительства новой общественной и домашней жизни на территории Каракумов.

Потребовалось менее десятилетия, чтобы туркменский аул, где в недавнем прошлом сохранялись патриархально-феодальные отношения, повернул к социализму. Это было блестящим историческим подтверждением ленинской теории о возможности перехода отдельных отсталых стран к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

С победой социализма в основном исчезает старое отношение к труду, общественной собственности, создаются объективные условия для того, чтобы идеология передовиков и организаторов борьбы за новое, прогрессивное становилась идеологией всех тружеников туркменского села.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ КОЛХОЗОВ

Массы туркменских дайхан, вступив в колхозы, тем самым организовано включились в общую борьбу советских народов за построение социализма. Рост политической сознательности пробуждал трудовой энтузиазм. Из среды дайхан стали выдвигаться передовики колхозного производства, добивавшиеся высоких производственных показателей. Свою основную задачу — борьбу за повышение сборов хлопка — многие дайхане стали сознательно воспринимать как общегосударственную задачу — борьбу за экономическую независимость Советской страны.

Для дальнейшего успешного развития артельного хозяйства и укрепления его социалистических основ важнейшее значение имел переход на новый Устав сельскохозяйственной артели, проект которого был принят на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 г. Большинство колхозов Туркменистана перешло на новый устав в 1936 г., а в 1937 г. этот переход завершился, как завершилась и коллективизация сельского хозяйства.

Убедительным показателем успешного развития коллективных хозяйств, а следовательно, и роста материального благосостояния колхозников может служить повышение денежных доходов колхозов республики с 27 000 тыс. руб. в 1937 г.¹⁴² до 44 500 тыс. руб. в 1940 г.¹⁴³ Если денежные доходы колхозников Туркменистана возросли за эти годы на 61,3%¹⁴⁴, то общественная собственность колхозов — неделимые фонды — увеличилась почти в 3 раза¹⁴⁵.

¹³⁸ М. Правда. Советизация туркменских кочевий. «Туркменоведение», 1929, № 10-11, стр. 55.

¹³⁹ «Революция и национальность», 1933, № 5—6, стр. 75.

¹⁴⁰ Е. Н. Куприкова. О некоторых особенностях коллективизации сельского хозяйства в Туркменской ССР. «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, стр. 295.

¹⁴¹ «15 лет Туркменской ССР», стр. 45, 46; ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 200, л. 169.

¹⁴² Здесь и далее деньги указываются в новом масштабе цен.

¹⁴³ «15 лет Туркменской ССР», стр. 35; «Народное хозяйство Туркменской ССР» Ашхабад, 1963, стр. 106.

¹⁴⁴ Архив Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 51.

¹⁴⁵ Там же, оп. 18, д. 598, л. 5.

Уже на этом этапе колхозного строя в жизни колхозного села происходили коренные изменения; повсеместно росли политическая сознательность, чувство коллективизма, трудовая активность, крепла экономика, повышались благосостояние и культура людей.

Формировался новый тип дайханина-колхозника, отличавшегося передовыми взглядами на труд, общественную собственность колхоза, товарищей. Добросовестное отношение к труду, участие в социалистическом соревновании и стахановском движении за перевыполнение производственных заданий, достижение более высоких показателей в общественном хозяйстве — прекрасное свидетельство творческого подхода к порученному делу, взаимопомощи и труду. Труд колхозников облегчался постоянным ростом технической оснащенности сельского хозяйства. Колхозы республики с помощью техники МТС в невиданных в истории Туркменистана размерах повысили в те годы производительность труда, материальное и культурное благосостояние. В этом процессе чувство нового, творческая смелость проявились не только среди руководителей и организаторов общественного производства, но и среди широкой массы рядовых колхозников, особенно молодежи, часто выступавшей застрельщиками социалистического соревнования и нового отношения к труду, к повышению профессионального мастерства, культуры быта.

В годы Великой Отечественной войны значительная часть рабочих и колхозников из колхозов и МТС Туркменистана ушла на фронт. Из сельского хозяйства для нужд фронта была взята часть тракторов и автомашин. Значительно сократился завоз сельскохозяйственных машин и инвентаря, минеральных удобрений и горючего. Сократились и капиталовложения в ирригацию.

Однако, несмотря на все вызванные войной трудности, туркмены вместе со всеми народами нашей Родины, вдохновленные высоким патриотизмом, мужественно трудились. Женщины, заменяя мужей и братьев, ушедших на фронт, овладевали мужскими профессиями. Так, только в районах Марыйской области в первый год войны 1101 женщина обучалась на курсах механизаторов сельского хозяйства, 447 из них уже в конце года работали трактористками¹⁴⁶. Многие туркменки руководили колхозным производством. В 1944 г. 31 женщина встала во главе колхозов, 241 работала счетоводами и бухгалтерами, 427 — бригадирами, 59 заведовали животноводческими фермами¹⁴⁷.

Патриотическое движение туркменских женщин выразилось в сдаче в фонд обороны 7292 кг золота и серебра в виде различных

женских украшений¹⁴⁸, которые до этого передавались от родителей к детям, из поколения в поколение.

Колхозное дайханство Туркменистана делало все необходимое, чтобы дать стране и фронту как можно больше продуктов земледелия и животноводства, увеличить поголовье колхозного скота. В результате перестройки сельского хозяйства применительно к военному времени уже в 1942 г. была расширена общая посевная площадь на 40 820 га и зерновых культур было посеяно на 74 % больше, чем в 1940 г.¹⁴⁹ Зерна и овощей в 1943 г. было сдано государству в два раза больше, чем в 1941 г.¹⁵⁰ Колхозы и совхозы повысили также свои обязательства перед государством по поставке мяса, молока, яиц, шерсти, кожсырья, крупного и мелкого рогатого скота.

Правительственными наградами была отмечена работа в военные годы звеньевой Агаюсуповой из колхоза «Большевик» Байрам-Алийского района. Ее звено получало от 40 до 62 ц хлопка с 1 га. В 1942 г. Агаюсупова была награждена медалью «За трудовое отличие», в 1944 г. — орденом Трудового Красного Знамени, в 1945 г. — вторым орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Отечественной войне 1941—1945 гг.»¹⁵¹. Такой медалью награждены за самоотверженную помощь фронту около 40 тыс. женщин Туркменистана.

Заслуженной славой пользовались имена передовиков колхозного производства Джумагуль Ахмедовой из колхоза «Большевик» Ходжамбасского района, Амины Хасановой из колхоза им. Жданова Чарджоуского района¹⁵².

Первым послевоенным пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства на 1946—1950 гг., принятым XI сессией Верховного Совета Туркменской ССР и Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 24 июля 1945 г. «О дальнейшем развитии хлопководства в Туркменской ССР», была намечена конкретная программа крутого подъема всего народного хозяйства республики, и в частности сельского хозяйства и его ведущей отрасли — хлопководства.

С первого же года послевоенной пятилетки стали завозиться в республику новые тракторы, автомобили, сельскохозяйственные машины, минеральные удобрения. Широким фронтом были возвращены работы по ирригационному строительству. Большое вни-

¹⁴⁶ «Большевик», 1942, № 1, стр. 37.

¹⁴⁷ Я. Довлетова. Труженицы туркменского села в годы Великой Отечественной войны. «Изв. АН Туркменской ССР», серия общ. наук, 1965, № 3, стр. 12.

¹⁴⁸ «Материалы X съезда Коммунистической партии (большевиков) Туркменистана». Ашхабад, 1950, стр. 8.

¹⁴⁹ «VII сессия Верховного Совета Туркменской ССР». Стенографический отчет. Ашхабад, 1944, стр. 29.

¹⁵⁰ «VIII сессия Верховного Совета Туркменской ССР». Стенографический отчет. Ашхабад, 1945, стр. 57.

¹⁵¹ Я. Довлетова. Указ. соч., стр. 13.

¹⁵² «Сельское хозяйство Туркменской ССР за 25 лет», стр. 12—14; «Большевик», 1944, № 10, стр. 44.

мание было уделено повышению урожайности и увеличению валового сбора сельскохозяйственных продуктов и в первую очередь хлопка-сырца. В результате урожай хлопка за пятилетие (1946—1950 гг.) увеличился в 2,9 раза ¹⁵³.

Успешное выполнение производственных планов отразилось на материальном благосостоянии тружеников туркменского села. Денежные доходы колхозов и колхозников в 1953 г. возросли по сравнению с довоенным уровнем в 2,9 раза, общественная собственность — неделимые фонды колхозов, т. е. материально-техническая база, — увеличилась в 4 раза ¹⁵⁴.

Укрепление материально-технической базы колхозного производства в послевоенный период привело к укрупнению колхозов, к созданию на основе соседних мелких колхозов более крупных сельскохозяйственных объединений.

В процессе этого движения 1540 колхозов к концу 1950 г. укрупнились в 567 сельхозартелей, объединивших 105 тыс. дворов ¹⁵⁵.

Укрупнение колхозов показало огромное преимущество крупного колхозного производства по сравнению с мелким. В укрупненных колхозах стало возможным наиболее полно и рационально использовать технику, создать значительные неделимые фонды и быстрее перейти на новую систему орошения. Благодаря лучшему расположению мелкой оросительной сети, сокращению на полях числа постоянных оросительных каналов и замены их временными стало возможным в 2—3 раза укрупнить поливные участки. В результате значительно повысилась производительность труда в сельском хозяйстве.

В 1956 г. было проведено новое укрупнение колхозов и укрепление их специалистами и опытными руководящими работниками. Если до первого укрупнения колхозов в среднем по республике в одном колхозе состояло 83 хозяйства, а в 1950 г. 189 хозяйств, то на начало 1956 г. этот показатель возрос до 308 хозяйств ¹⁵⁶. Например, колхоз им. Халтурина Чарджоуского района объединял уже 564 хозяйства, колхоз им. Жданова Керкинского района — 839, а колхоз «Москва» Дейнауского района — 755 хозяйств ¹⁵⁷.

Это укрупнение колхозов способствовало дальнейшему росту технической вооруженности колхозов, увеличению их денежных доходов и отчислений в неделимые фонды. Так, количество тракторов в переводе на 15-силые в среднем на один колхоз с 8 в

¹⁵³ «Экономика и организация социалистического сельского хозяйства Туркменистана». Ашхабад, 1958, стр. 185.

¹⁵⁴ «Советский Туркменистан за 40 лет». Ашхабад, 1964, стр. 51.

¹⁵⁵ «Народное хозяйство Туркменской ССР», Ашхабад, 1963, стр. 106.

¹⁵⁶ Там же, стр. 105.

¹⁵⁷ Годовые отчеты названных колхозов. Архив Министерства сельского хозяйства Туркменской ССР за 1956 г.

1950 г. увеличилось до 24 в 1956 г., денежные доходы соответственно с 203 тыс. до 500 тыс. руб., а неделимые фонды с 193 тыс. до 572 тыс. руб. ¹⁵⁸

За успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, увеличение производства хлопка и продукции животноводства, за огромную работу по ирригационному строительству Туркменская ССР в 1956 г. была утверждена участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и награждена дипломом первой степени ¹⁵⁹. В том же году республика была удостоена высшей награды Советского Союза — ордена Ленина. 31 передовику сельского хозяйства было присвоено звание Героя Социалистического Труда, 2483 человека — передовые колхозники, работники МТС и совхозов, специалисты сельского хозяйства, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники республики — награждены орденами и медалями Советского Союза ¹⁶⁰.

С ростом экономической мощи колхозов выявилось, что существовавшая система обслуживания колхозных полей техникой МТС, которые в свое время сыграли огромную роль в организации и укреплении колхозного производства, теперь уже стала приводить к отрицательным последствиям. Получалось, «что на одной и той же земле хозяйство вели два социалистических предприятия — колхоз и машинно-тракторная станция. Такое положение зачастую порождало обезличку в организации производства и использовании техники, снижало ответственность как колхозов, так и МТС за повышение урожайности, вызывало большие и ненужные расходы на содержание параллельно действующих звеньев административного аппарата. Все это настоятельно требовало изменения существовавшей формы производственно-технического обслуживания колхозов» ¹⁶¹. Поэтому февральский Пленум ЦК КПСС (1958 г.), обобщая опыт передовых колхозов, признал целесообразным реорганизовать МТС, а принадлежащую им технику продать колхозам.

Эта директива нашла отражение в указе Верховного Совета СССР «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС» от 31 марта 1958 г. Колхозы республики уже в апреле 1958 г., т. е. к началу посева ведущей культуры — хлопчатника, купили у МТС тракторы, комбайны и другие необходимые сельскохозяйственные машины.

Сосредоточение в колхозах современной техники и машин открыло новые возможности для роста и совершенствования их материально-технической базы. Тракторный парк колхозов Туркменистана в 1967 г. возрос по сравнению с 1960 г. более чем в 2,7

¹⁵⁸ «Народное хозяйство Туркменской ССР», стр. 106, 112.

¹⁵⁹ «Туркменская искра», 7 февраля 1957 г.

¹⁶⁰ Б. О в е з о в. По ленинскому пути. Ашхабад, 1964, стр. 122.

¹⁶¹ «История КПСС». М., 1959, стр. 678.

раза¹⁶². В колхозе им. Халтурина Чарджоуского района техническая вооруженность только с 1957 по 1967 г. возросла более чем в 3,8 раза. Стоимость основных средств производства этого колхоза на 1 января 1968 г. составляла 2099 тыс. руб., а в колхозе им. Жданова Керкинского района — 1879 тыс. руб., из которых 43% приходились на стоимость машин, оборудования и измерительных приборов¹⁶³. Данные «о стоимости орудий и машин,— писал В. И. Ленин,— служат самым точным статистическим выражением степени интенсификации земледелия»¹⁶⁴. Интенсификацию земледелия колхозов Туркменистана можно проследить по табл. V.

ТАБЛИЦА V. СТОИМОСТЬ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА КОЛХОЗОВ (В % К ИХ ОБЩЕЙ СТОИМОСТИ)

Вид и стоимость основных средств производства	Колхозы *					
	Северной Туркмении **		им. Халтурина Чарджоуского района		им. Жданова Керкинского района	
	1958 г.	1963 г.	1957 г.	1967 г.	1957 г.	1967 г.
Общая стоимость основных средств	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
рабочий скот	12,2	1,6	12,1	3,4	9,4	0,7
сельскохозяйственные машины, орудия, тракторы и двигатели	30,5	47,7	20,9	28,3	17,0	28,8
транспортные средства	13,8	8,7	10,3	5,7	7,2	6,6
постройки, сооружения производственного назначения	14,4	26,2	43,4	46,4	38,2	39,9

* Годовые отчеты колхозов за 1957 и 1967 гг. Архив Министерства сельского хозяйства Туркменской ССР.

** К. А м а н д у р д ы е в. Комплексная механизация и последовательная интенсификация — главное условие повышения урожайности хлопчатника в колхозах Северной Туркмении. «Колхозно-совхозное производство Туркменистана», 1964, № 7, стр. 22.

Из этих данных видно, что стоимость тракторов, двигателей, сельскохозяйственных машин и орудий в общей стоимости основных средств производства занимает большой удельный вес, притом она из года в год увеличивается. Если в структуре основных средств механизмы в 1958 г. занимали от 17 до 30%, то в 1967 г. они составляли от 28 до 48%, а удельный вес стоимости рабочего

¹⁶² «Туркменистан за годы Советской власти». Ашхабад, 1967, стр. 54; Архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

¹⁶³ Годовые отчеты колхозов за 1957 и 1967 гг. Архив Министерства сельского хозяйства Туркменской ССР.

¹⁶⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 159—160

скота уменьшился с 12,2 до 0,7%. Рост основных средств производства в колхозах Северного Туркменистана из расчета на 100 га пашни с 24,3 тыс. руб. в 1958 г. вырос до 47,8 тыс. руб. в 1963 г., что составляет увеличение почти на 200%.

Рост средств производства, т. е. материально-технической базы колхозов, оказал огромное влияние на увеличение производства продукции сельского хозяйства. Так, производство хлопка с 1940 по 1967 г. увеличилось в 3,3 раза, государственные заготовки овощей и бахчевых культур возросли в 8,3 раза, мяса — в 3,3 раза, молока — почти в 8,7 раза, яиц — в 12 раз, каракуля — в 2,9 раза, шелковичных коконов — в 1,9 раза, винограда и плодов — более чем в 3,3 раза^{165—167}.

Большие изменения в экономику колхозов и совхозов республики внес Каракумский канал. Особенно это сказалось на хозяйстве колхозов Тедженского оазиса. Здесь только в колхозах Тедженского района общий денежный доход с 20,8 млн. руб. в 1960 г. повысился до 36,7 млн. руб. в 1967 г. В колхозе «Коммуна» этого района денежный доход с 1279 тыс. руб. в 1962 г. возрос до 2900 тыс. руб. в 1965 г. с оплатой одного человеко-дня по 5 р. 90 к.¹⁶⁸ В целом по республике оплата труда колхозников в 1966 г. возросла в 4 раза по сравнению с 1950 г.¹⁶⁹

В колхозе им. XX партсъезда Чарджоуского района денежный доход с 1462,1 тыс. руб. в 1953 г. увеличился до 3820 тыс. руб. в 1967 г.¹⁷⁰ В колхозах «Искра», «Коммунизм» и других Куня-Ургенчского района оплата человеко-дня в 1966 г. составила 8—9 руб. против средней по району 6 р. 10 к. Средняя по Туркменской ССР оплата одного человеко-дня составила в 1967 г. по 5 руб. 10 к., в колхозе «Зарпчи» Марыйского района — по 7 р. 15 к., в колхозе «Коммунизм» Ташаузского района — по 7 р. 48 к., в колхозе «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района — по 8 р. 80 к.¹⁷¹

Оснащение колхозов современной сельскохозяйственной техникой привело к увеличению в колхозах квалифицированных кадров механизаторов и агротехников. Например, в колхозе им. Халтурина число специалистов с 57 человек в 1957 г. увеличилось до 189 человек в 1967 г., а в колхозе им. Жданова с 70 до 159 человек. Рост квалифицированных кадров отмечается и в других кол-

^{165—167} «Туркменистан за годы Советской власти...», стр. 56; Архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

¹⁶⁸ М. Га п у р о в. Роль Каракумского канала в развитии сельского хозяйства Туркменистана. «Экономика сельского хозяйства», 1965, № 5, стр. 67—68; годовые отчеты колхоза за 1962 и 1967 гг.

¹⁶⁹ Р. Д. А п о в. Экономические предпосылки для перехода на гарантированную денежную оплату труда в колхозах Туркменской ССР. «Колхозно-совхозное производство Туркменистана», 1965, № 1, стр. 28.

¹⁷⁰ Ж. Х е к и м о в. Горелде Ходжалыгы. Ашхабад, 1965, стр. 33; годовой отчет колхоза за 1967 г.

¹⁷¹ «Туркменская искра», 14 марта 1967 г.; годовые отчеты колхозов за 1967 г.

хозах. В целом по республике только трактористов, комбайнеров и шоферов в 1967 г. по сравнению с 1958 г. стало больше в 2 раза¹⁷².

За последние годы проделана большая работа по подбору и воспитанию руководящих кадров колхозов. В первой половине 1966 г. в колхозах республики работало председателей и их заместителей 559 человек, из них с высшим и средним специальным образованием 322 человека, специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников и ветеринарных врачей — 2068, инженеров и техников — 537¹⁷³.

В настоящее время каждый колхоз насчитывает в среднем по 11 человек руководящего состава, 6 специалистов сельского хозяйства и 79 механизаторов различного профиля.

Пополнение колхозов кадрами идет главным образом за счет подрастающего поколения, а также путем приема в колхозы специалистов, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения. Еще несколько лет тому назад значительная часть молодежи по окончании учебных заведений устраивалась в городах. В настоящее время в связи с укреплением экономики, постоянным повышением уровня механизации сельского хозяйства и стремлением руководителей колхозов и совхозов создать для молодежи необходимые производственные и культурно-бытовые условия уход молодежи в города резко сократился.

За последние годы значительно возросла роль специалистов сельского хозяйства, руководителей и организаторов колхозного производства.

Нельзя не отметить таких талантливых организаторов общественного хозяйства, строителей новой жизни, как председатель колхоза им. Халтурина Чарджоуского района Герой Социалистического Труда Х. Ходжиев, председатель колхоза им. Тельмана Ленинского района дважды Герой Социалистического Труда О. Эрсариев, председатель колхоза «Москва» Марыйского района Герой Социалистического Труда Д. Атаджанов, председатель колхоза им. Жданова Керкинского района Т. Чолиев.

Таган Чолиев, агроном по специальности (в прошлом директор МТС), руководит колхозом свыше десяти лет. Опыт политической и организационной работы помогает ему находить индивидуальный подход как к руководящим кадрам колхоза, так и к рядовым колхозникам, правильно оценивать их деловые качества и способности. Таган Чолиев с большим вниманием следит за ростом колхозных кадров, терпеливо воспитывает у них любовь к труду, учит и требует по-хозяйски относиться к общественной собственности, средствам производства. Коммунист Таган Чолиев постоянно повышает уровень своих знаний, следит за периодической

сельскохозяйственной литературой, внимательно изучает новшества других колхозов, передовиков и организаторов сельского хозяйства. Он внес несколько рационализаторских предложений. Так, по его чертежам усовершенствованы рабочие части тракторного культиватора, что обеспечило лучшую обработку хлопчатника, кукурузы и других пропашных культур. По предложению Тагана Чолиева были изготовлены оригинальный транспортер, механизированный погрузчик удобрений, а также приспособление к ворохоочистителю УПХ-1,5 и механизированному погрузчику в прицепы для бестарной перевозки хлопка-сырца. Он усовершенствовал также хлопковую сеялку, приспособив ее для механизированного посева дынь, внес новшество в смеситель — агрегат для смешивания минеральных и органических удобрений, что позволило сократить затраты труда колхозников в 5 раз, облегчить определение нормы расхода удобрений и значительно сократить их потери; механизировал замочку и протравку хлопковых семян. По предложению Т. Чолиева, к сушильному агрегату хлопко-сырца позднего сбора приспособили форсунки для жидкого топлива (мазута) вместо угля, что значительно сократило расходы топлива, повысило эффективность и чистоту сушки хлопка. Все эти и некоторые другие его рационализаторские предложения, способствующие повышению производительности труда, получили распространение во многих колхозах республики¹⁷⁴.

Выдвинулись и такие известные в республике талантливые руководители бригад, как Джуманазар Абдуллаев в колхозе «Коммунизм», Шерип Одеев и Язхан Ходжиев в колхозе им. Жданова Керкинского района, Ягмыр Ходжиев в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района.

Прославились как опытные животноводы чабанские бригады Хайдар Базарова из колхоза им. Халтурина Чарджоуского района, Ягмыр Товакова из колхоза им. Калинина Тедженского района, А. Казакова из совхоза «Казанджик» Казанджикского района.

Все это вполне закономерное явление. За годы социалистического строительства в колхозах выросли новые люди с новым мировоззрением, с новым отношением к труду. Оно связано со стремлением передовиков, организаторов сельского хозяйства и рядовых колхозников глубоко и по-хозяйски, со знанием дела анализировать отдельные производственные процессы, вскрывать и приводить в действие резервы, которыми располагает каждый совхоз и колхоз.

¹⁷⁴ «Совет Туркменистаны», 31 мая 1963 г. и 2 августа 1964 г.; «Туркменская искра», 25 октября 1963 г.; «Эдебият ве сунгат», 23 ноября 1963 г.; «Пах-тачи», 4 октября 1963 г. и 5 июня и 16 августа 1964 г.

¹⁷² «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 66.

¹⁷³ Там же, стр. 99—100.

МНОГООТРАСЛЕВОЕ
ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО КОЛХОЗОВ
И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ БЫТ КОЛХОЗНИКОВ

Большинство колхозов Советского Туркменистана в соответствии с историческим развитием и природными условиями имеет земледельческо-животноводческое направление, причем ведущей культурой в растениеводстве является хлопчатник, а ведущей отраслью в животноводстве — каракулевое овцеводство. Наряду с ведущими отраслями, имеющими общесоюзное значение и дающими основную часть доходов, широкое развитие получили дополнительные отрасли — шелководство, садоводство и др.

Хлопчатник занимает более половины посевной площади колхозов республики (см. табл. II), а в колхозах Средней и Нижней Аму-Дарьи и в Мургабском оазисе от 60 до 70 %. Благодаря высокой степени механизации здесь один колхозник обрабатывает около 1,8 га хлопчатника. На втором месте стоят посевы зерновых и кормовые культуры, в основном люцерны.

С перестройкой системы земледелия, особенно после мартовского Пленума ЦК КПСС (1964 г.), многие хлопкосеющие колхозы республики стали расширять посевы хлопка и осваивать хлопково-люцерново-зерновые или хлопково-люцерновые, овощные и кормовые севообороты. Конечно, полное освоение севооборотов связано с большими трудностями, которые преодолеваются не сразу, так как это требует внесения существенных изменений в комплекс всего общественного производства. Однако важно отметить, что ряд колхозов республики уже встал на этот прогрессивный путь развития своего многоотраслевого хозяйства, в частности, планомерного расширения посевов люцерны, зерновых культур и резкого повышения их урожайности.

Люцерна в севообороте как предшественник хлопчатника существенно улучшает структуру почвы и повышает его урожайность. Она занимает большой удельный вес в кормовом балансе крупного рогатого скота. Ее посевы к 1953 г. по сравнению с 1925 г. возросли в 3,5 раза. В последующие годы в связи с нарушением ротации севооборотов площадь под люцерной сократилась почти в 2 раза. С 1964 г. колхозы и совхозы республики вновь начали расширять посевы этой культуры.

Зерновые и овощные культуры долгое время удовлетворяли в основном только внутренние потребности населения колхозов. С проведением Каракумского канала посевы зерновых сильно расширились — в 1965 г. было собрано 26,3 млн. пудов зерна, а на 1970 г. намечено получение 61 млн. пудов, т. е. в 2,5 раза больше, чем в 1965 г.¹⁷⁵

В колхозах, расположенных вблизи городов, направление хозяйства рассчитано на снабжение городского населения овоще-бахчевыми культурами, фруктами, виноградом и молочными продуктами. Особенно это характерно для колхозов Ашхабадского и Геок-Тепинского районов, находящихся вблизи столицы республики — г. Ашхабада. Здесь колхозы почти полностью специализированы на производстве овощных и бахчевых культур, плодов и винограда. Большую долю в общественном производстве занимают животноводство и шелководство. Наибольших успехов в хозяйствах пригородного типа достиг колхоз «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района, в котором средняя урожайность овощей достигла 552 ц с 1 га при средней по району урожайности в 252 ц с 1 га, а бахчевых — 256 ц с 1 га¹⁷⁶.

Из бахчевых культур первое место занимают дыни. Чарджоуская дыня сорта «Гуляби» пользуется мировой известностью за свою высокую сахаристость, вкус, аромат, транспортабельность. «Гуляби» и некоторые другие сорта дынь культивируются в колхозах Средней и Нижней Аму-Дарьи в основном на джангельных землях, почвы которых образовались из ила, нанесенного водами Аму-Дарьи.

В довоенные годы в колхозах республики широкое распространение в полеводстве, в том числе в хлопководстве, получила бригадно-звеньевая организация труда с индивидуальной или мелкогрупповой сдельщиной, слабо связанная тогда с механизированными средствами производства.

После реорганизации МТС и продажи тракторов и машин колхозам наиболее рациональной формой организации общественного производства в земледелии, как показал опыт многих передовых колхозов, явились тракторно-полеводческие бригады. Объединение под единым руководством трудовых ресурсов и средств механизации позволило повысить производительность труда, сократить затраты на 1 ц продукции хлопка-сырца до 4—5 человеко-дней и снизить ее себестоимость до 14—15 руб. во многих колхозах против средних показателей по республике — 9 человеко-дней и себестоимости в 25 руб.¹⁷⁷

Так, например, тракторно-полеводческая бригада Аллакуль Курбанова из колхоза им. Ленина Керкинского района в составе 46 колхозников, возделывая хлопчатник на площади 135 га с нагрузкой по 3 га на человека, добилась снижения затрат труда до 2,5 человеко-дня и себестоимости в 11 р. 35 к. против средних по колхозу 5 человеко-дней и себестоимости в 23 р. 55 к.¹⁷⁸

¹⁷⁶ «Туркменская искра», 4 марта 1966 г.; годовой отчет колхоза за 1967 г.

¹⁷⁷ «Оптимальные размеры хлопкосеющих колхозов, овцеводческих совхозов и их подразделений в Туркменской ССР». Ашхабад, 1963, стр. 36—37; К. Оразов. Из опыта работы тракторно-полеводческих бригад в колхозах. «Колхозно-совхозное производство Туркменистана», 1963, № 4, стр. 10.

¹⁷⁸ К. Оразов. Указ. соч., стр. 10—11.

¹⁷⁵ Б. Овезов. Указ. соч., стр. 143.

XVII съезд Компартии Туркменистана рекомендовал шире применять тракторно-полеводческие бригады комплексной механизации в качестве основной формы организации труда в колхозах и совхозах¹⁷⁹. При работе в бригадах комплексной механизации сам труд заставляет колхозников учиться, осваивать передовой опыт, повышать свою культуру. По данным Г. Ф. Орловского и Л. И. Шиханович, в тракторно-полеводческих бригадах комплексной механизации производительность труда повышается на 50%, затраты труда сокращаются на 35%, а себестоимость продукции производства снижается на 25—35%¹⁸⁰.

Более широкое внедрение комплексной механизации при возделывании сельскохозяйственных культур, особенно хлопчатника, означает подлинный революционный переворот в технологии колхозного производства, в повышении производительности и культуры труда. Сейчас многие труженики полей освоили современную технику и стали трактористами, комбайнерами, водителями хлопкоуборочных агрегатов, бульдозеристами, шоферами, механиками, слесарями, электротехниками и др. Дальнейшее развитие туркменского колхозного производства заставляет колхозников, особенно молодежь, постоянно повышать свои знания и осваивать новые профессии.

Забота о совершенствовании производства, повышение производительности труда, стремление к овладению техническими знаниями и повышению своего культурного уровня характерны для бригад комплексной механизации, а особенно для бригад, борющихся за звание коллективов коммунистического труда. Таковы, например, бригады Джуманазар Абдуллаева из колхоза «Коммунизм», Язхан Ходжамова и Шерип Одеева из колхоза им. Жданова Керкинского района и др.

До установления Советской власти в Туркменистане и в первые годы коллективизации колхозники полеводческих бригад выполняли вручную многие трудоемкие работы по возделыванию и уборке хлопчатника и других сельскохозяйственных культур. В 1960—1965 гг. мы наблюдали совершенно иную картину. На полевых станах бригад, особенно комплексной механизации, в период возделывания хлопчатника находились в основном механизаторы и поливальщики (рис. 7, а). Полевой стан теперь уже хорошо оборудованное помещение, где есть все необходимое для культурного отдыха. Здесь можно найти свежие газеты, журналы, шахматы и шашки, работает библиотека-передвижка, радио. На стенах красочно оформленные стенды с обязательствами колхозников и доска показателей. Здесь нередко выступают коллективы художественной самодеятельности, демонстрируются

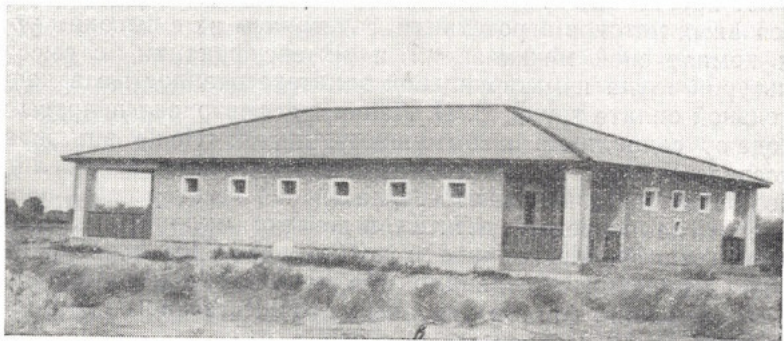
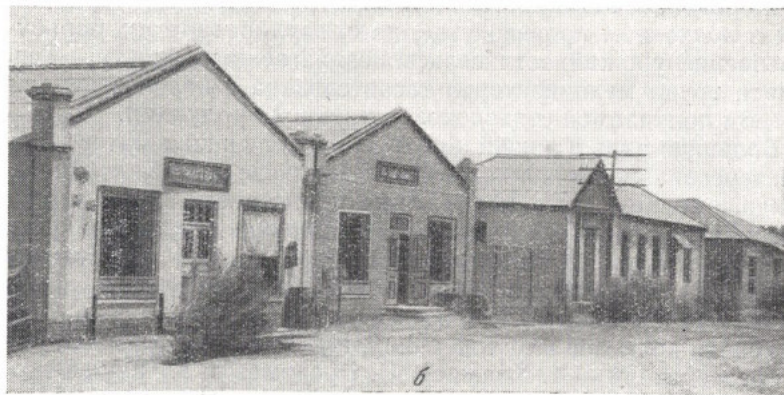
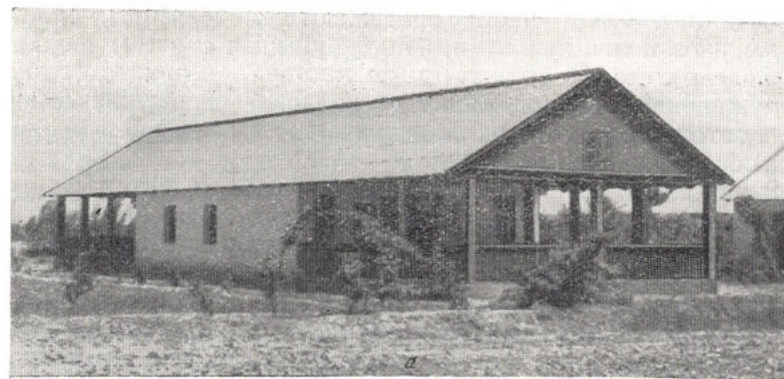

Рис. 7. Культурно-бытовые и хозяйственные постройки:

а — типовой полевой стан в колхозе им. Жданова Чарджоуского района; б — магазин и столовая в колхозе им. Халтурина того же района; в — баня в колхозе «Зарпчи» Марыйского района

¹⁷⁹ «Материалы XVII съезда Коммунистической партии Туркменистана». Ашхабад, 1961, стр. 118.

¹⁸⁰ «Колхозно-совхозное производство Туркменистана», 1964, № 12, стр. 3.

кинофильмы. Сюда часто приезжают кооператоры, снабжая тружеников полей нужными, пользующимися спросом товарами. На полевых станах бывают также мастера комбината бытового обслуживания, они принимают от колхозников различные заказы, а затем доставляют их по назначению. Налажено и медицинское обслуживание.

В новых условиях сама организация работы воспитывает ответственное отношение колхозников к труду, общественной собственности. Возьмем, например, механизаторов. После вступления в колхоз они перестали делить выполняемые работы на выгодные и невыгодные, как это было, когда они работали в МТС. Став колхозниками, они сосредоточили свое внимание на качестве выполняемых работ и соблюдении установленных агротехнических сроков. В МТС система оплаты труда механизаторов, занятых в колхозном производстве, не стимулировала их борьбу за повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Теперь оплата труда механизаторов тесно связана с количеством и качеством получаемой сельскохозяйственной продукции.

Большую роль в жизни колхозов играет личная материальная заинтересованность колхозников. В колхозе им. Халтурина на каждого колхозника в 1960 г. было произведено 21,0 ц хлопка и на 1 ц затрачивалось 4,3 человеко-дня против средней по республике затрате по 4,8 человеко-дней. При средней себестоимости 1 ц хлопка по Туркменской ССР в 41 р. 56 к. в колхозе им. Халтурчина она составила в 1967 г. 29,3 руб.¹⁸¹

Успехи колхозов им. Халтурина, им. Тельмана и им. Жданова их председатели — Х. Ходжиев, О. Эрсариев и Т. Чолиев — объясняют прежде всего правильным использованием передовых, прогрессивных методов агротехники, сочетанием их с высоким уровнем комплексной механизации и интенсификации, с высокой культурой труда и материальной заинтересованностью в дополнительной оплате труда. В. И. Ленин, рассматривая вопросы перехода от социализма к коммунизму, писал: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности... иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму»¹⁸². Неуклонное и последовательное проведение в жизнь ленинских указаний о материальной заинтересованности — важнейший фактор укрепления общественного хозяйства колхозов.

Социалистические преобразования в хозяйстве, в культуре и в быту помогали советским людям преодолеть старое, воспитанное веками сознание. Утвердились новые нравственные

принципы поведения людей на производстве и в быту. Общественные интересы стали выше, чем личные. Разумеется, это не означает, что личная материальная заинтересованность теряет свое значение. Напротив, она оказывает в какой-то степени влияние на развитие общественного производства. Но частнособственные интересы стали отходить на второй план.

Выросло социалистическое мировоззрение: люди стали понимать, что коммунистическое сознание выковывается в труде, в борьбе против пережитков прошлого.

В корне изменились и духовные запросы колхозников. Появилась тяга к учебе, интерес к культуре, люди стали использовать в общественном хозяйстве и в быту новейшие достижения науки, техники, передового опыта.

Ярким примером высокого коммунистического сознания является возникшее в 60-х годах движение за переход опытных руководителей и организаторов сельскохозяйственного производства из передовых колхозов, животноводческих ферм и бригад в отстающие.

Первым такую инициативу в Туркменистане проявил председатель колхоза им. XXI партсъезда Керкинского района коммунист Супанов. Он изъявил желание помочь другому отстающему колхозу им. Махтумкули. Члены этого хозяйства охотно избрали Супанова председателем своего колхоза.

Коммунист М. Сахатмурадов после реорганизации МТС возглавил отстающий маломощный колхоз «Москва» Мургабского района. Он своей энергичной деятельностью сплотил колхозников и вселил в них уверенность в перспективном развитии их артельного хозяйства. К концу 1963 г. колхоз экономически окреп и расширился. При нем возник большой культурный поселок с ровными рядами жилых домов нового типа, клубом, детским садом и яслями, общественными, культурно-бытовыми и производственными зданиями.

В начале 1964 г. Сахатмурадов перешел в отстающий колхоз «Комсомол» того же района и возглавил его.

Председатель колхоза «Коммунизм» Куня-Ургенчского района коммунист Назлы Клычев перешел в отстающий колхоз «Искра», а председатель колхоза «Большевик» Ленинского района Герой Социалистического Труда Р. Атаев — в экономически отсталый колхоз им. Калинина. Названными именами далеко не исчерпывается перечень энтузиастов этого движения, дающего высокий экономический эффект, и — что особенно важно подчеркнуть — глубоко социалистический по своей природе.

По мере роста уровня механизации и интенсификации колхозного хозяйства росли и технически образованные кадры. Многие колхозники, работая на разнообразных машинах, освоили несколько профессий. Число колхозников и рабочих совхозов широкого профиля с каждым годом становится все больше.

¹⁸¹ «Оптимальные размеры хлопкосеющих колхозов...», стр. 108, 117; годовые отчеты колхозов за 1967 г.

¹⁸² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

Работа агротехнических и зоотехнических кружков, а также консультации и беседы, постоянно проводимые специалистами сельского хозяйства и передовиками колхозно-совхозного производства, повышают агро-зоотехническую грамотность людей.

Наряду с этим в Туркменистане уже прочно утвердилась и такая форма повышения квалификации кадров, как постоянно действующие школы изучения и распространения передового опыта, специализированные семинары. Они проводятся непосредственно в колхозах («Коммунизм» Керкинского района, им. Халтурина Чарджоуского района, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района и др.). Эти школы и семинары посещают не только руководящие кадры колхозов или партийно-хозяйственный актив, но и многие рядовые колхозники, особенно молодежь.

Таким образом, изложенный выше фактический материал показывает, что в ходе социалистического строительства происходил глубокий, поистине революционный переворот не только в хозяйстве, в производственном и общественном быту, но и в формировании нового современного человека, для которого характерна высокая сознательность, коммунистическое отношение к общественному труду.

Производительный труд в нашей Советской стране — источник прогресса общества и вместе с тем источник плодотворного всестороннего гармонического развития самого человека, расцвета всех его физических и духовных сил.

Всестороннее изучение производства, показ процесса формирования новых прогрессивных отношений между людьми и достижений науки и передового опыта — закономерность социалистического производства, естественный результат, порожденный колхозным строем, социалистическими производственными отношениями в деревне. В этом нельзя не видеть одну из новых форм общественной связи, которую создал социализм.

* * *

Животноводство в сельском хозяйстве Туркменистана, как и до революции, занимает второе место.

В земледельческих оазисах колхозы на первом этапе своей хозяйственной деятельности почти не имели продуктивного скота. Дайхане, вступив в колхозы, обобществляли лишь свои земельные наделы, рабочий скот и примитивный сельскохозяйственный инвентарь. Именно поэтому всем колхозам пришлось заново создавать и развивать общественное животноводство.

В процессе организационно-хозяйственного укрепления и развития колхозы ежегодно отчисляли в неделимые фонды от 15 до 20% денежных доходов и за счет этих средств приобретали продуктивный скот и организовывали животноводческие фермы. За годы второй пятилетки правительство республики на

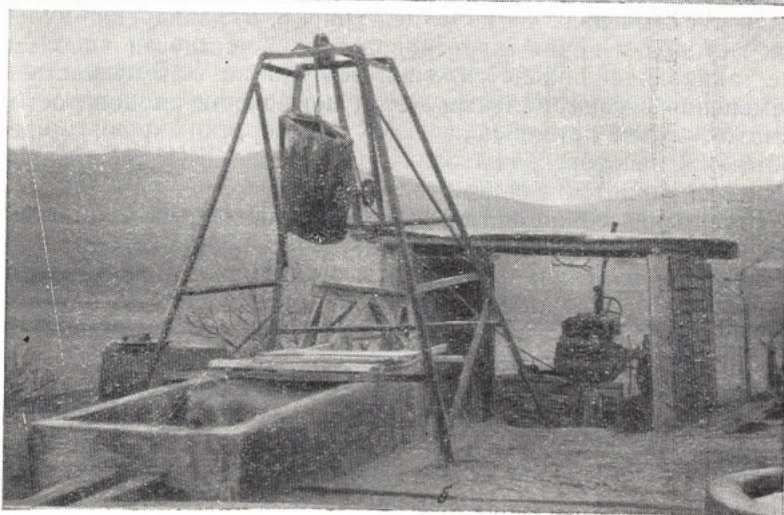

Рис. 8. Колхозное овцеводство в Каракумах:

а — отара каракульских овец на выпасе; б — механизированный подъем воды из колодцев; в — первичная обработка и сушка смушек каракуля на ферме колхоза им. Жданова Керкинского района

льготных условиях передало колхозам 103,1 тыс. и колхозникам 275,2 тыс. овец и коз¹⁸³.

Успехи колхозов в полеводстве, главным образом в производстве хлопка-сырца, обеспечившие повышение их доходов, обусловили существенные сдвиги и в животноводстве. Подъему общественного животноводства способствовали специализация колхозных животноводческих ферм, подготовка квалифицированных кадров по животноводству.

Большую роль в повышении роста поголовья скота в колхозах и совхозах сыграло обводнение отгонных пастбищ, механизация подъема воды из колодцев (рис. 8, б), внедрение культурных методов ведения животноводства, в частности использование таких новейших достижений зоотехники, как искусственное осеменение и гормональный метод повышения плодовитости овцематок путем применения СЖК (сывотки крови жеребых кобыл). В некоторых колхозах применение СЖК позволило повысить плодовитость овцематок на 45—50%.

В условиях социалистического животноводства в корне изменился производственный быт чабанов. В прошлом бай-скотоводы не проявляли никакой заботы о чабанах и батраках, работавших у них. Чабаны без крова, а порой и без теплой одежды годами пасли байский скот. Их уделом было постоянное нищенское, полуголодное существование.

Колхозные и совхозные чабаны, выпасающие овец на отгонных пастбищах,— это почетные труженики общественного животноводства. Каждая бригада чабанов, состоящая из 3—4 колхозников, обслуживает одну отару в 600—800 овец, а иногда и более.

Передовые чабаны щедро делятся своим богатым опытом с молодыми животноводами не только своих колхозов, но и соседних. Их беседы представляют собой по существу семинары по обмену опытом.

Занятые в овцеводстве колхозники очень привязаны к своей профессии. Многие чабаны работают на отгонных пастбищах по 20—25 лет и более.

Оплата труда животноводов производится с учетом не только затраченного времени, но и результатов труда. Они получают дополнительную надбавку и премии за высокий приплод, сохранение и выращивание молодняка, высокую продуктивность и т. д. Зарботки животноводов выше, чем у колхозников, занятых в полеводстве. Так, в колхозе «Коммунизм» Керкинского района среднемесячный заработок колхозника 186 руб., поливальщика — 208, а чабана — 285, механизатора — до 400 руб.¹⁸⁴

Кош (стойбище) чабанов каждой бригады летом и осенью меняется почти каждый день, а зимой и ранней весной — через каждые 3—5 дней. Каждая чабанская бригада обеспечена вычным транспортом (верблюдами, ослами), палаткой, необходимым походным снаряжением, кошмами, кухонными принадлежностями. Чабаны регулярно снабжаются хлебом, чаем, сахаром, рисом, овощами и фруктами в свежем и сушеном виде.

Ежегодно каждый чабан получает безвозмездно спецодежду, состоящую из войлочной бурки (*ойлук*), шубы или стеганной на вате фуфайки и брюк, а также обувь типа *чакой* или *чарык*. Все колхозники овцеводческих ферм, особенно чабаны, получают три-четыре раза в год отпуска, общей длительностью в 50—60 дней с оплатой по среднегодовому заработку.

В настоящее время большинство колхозных ферм располагает на отгонных пастбищах необходимыми производственными, хозяйственными постройками, жилыми помещениями для всех колхозников, обслуживающих многочисленные стада. Так, для колхозников, занятых на работах по обслуживанию овцеводства в Южных Каракумах (междуречье Мургаба и Аму-Дарьи), колхозами Средней Аму-Дарьи и Мургабского оазиса еще к началу 1958 г. было построено 678 жилых домов¹⁸⁵. На овцеводческих фермах, например, колхоза им. Жданова, «Коммунизм» Керкинского района и других колхозов республики сооружены электростанции, зооветпункты, пункт искусственного осеменения, метеорологическая станция, сараи и загоны для скота, складские помещения, бани, хлебопекарни, столовые, красные уголки с радиоприемниками и библиотеками. Тяжелый в прошлом труд чабанов ныне существенно упрощен за счет механизированного подъема воды из колодцев и первичной механизированной обработки каракуля (см. рис. 8).

* * *

Большую роль в общественном животноводстве играют молочнотоварные фермы и специализированные совхозы. Используя последние достижения науки и передового опыта, они постоянно улучшают породность скота, добиваются повышения надоя молока и производства мяса. Внедрение прогрессивных методов зооветтехники, например кормление телят искусственным молоком и зелеными (витаминными) кормами, помогает лучше сохранить молодняк. Больших успехов в области животноводства достиг колхоз «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района. Здесь в среднем от каждой фуражной коровы в 1967 г. было получено по 3601 кг молока, при среднем удое по республике в 1300 кг.

¹⁸³ «15 лет Туркменской ССР», стр. 47.
¹⁸⁴ «Туркменская искра», 17 мая 1967 г.
¹⁸⁵ В. С. М а н а к о в. Развитие колхозного овцеводства в междуречье Мургаба и Аму-Дарьи. Ашхабад, 1959, стр. 24.

В передовых колхозах и совхозах коровники построены по типовым проектам (рис. 9, а, б); используются жмыходробилки, сенорезки и различные другие агрегаты, механизирован вывоз навоза, введена электродойка коров, имеется горячий душ для мытья производственного инвентаря. Для колхозников, обслуживающих фермы, построены жилые дома, есть красные уголки с радиоприемниками, библиотекой, выписывается периодическая литература.

* * *

Свиноводство — молодая отрасль производства в колхозах Туркменистана. Здесь еще в недавнем прошлом разводили свиней лишь некоторые колхозы, привлекая для ухода за ними русских работников.

В настоящее время в каждом колхозе есть свиноводческая ферма. Общее поголовье свиней в 1966 г. по сравнению с 1950 г. возросло в 4,4 раза¹⁸⁶. В колхозе им. Халтурина Чарджоуского района от каждой свиноматки получено в среднем по 20 поросят¹⁸⁷, а на свиноферме колхоза «Коммунизм» Керкинского района — 18 поросят. В 1965 г. эта ферма продала государству 43 т свинины, дав колхозу чистой прибыли свыше 20 тыс. руб. В 1965 г. каждый свиновод этой фермы заработал в среднем по 200 руб. в месяц¹⁸⁸. В целом по колхозам республики за последние пять-шесть лет прослеживается некоторый прогресс в развитии этой отрасли хозяйства. Опыт и достижения передовиков свидетельствуют о том, что при создании соответствующих условий содержания и кормления свиней вполне возможно значительно повысить производство продукции свиноводства. Успехи этой отрасли животноводства способствуют преодолению былой неприязни туркмен к свиноводству. За последние годы на свинофермы пришли знающие и любящие свое дело люди из местного населения.

* * *

Птицефермы, хотя и были давно организованы, но из-за отсутствия опытных птицеводов, большого падежа цыплят, низкой яйценоскости, а также из-за недостаточного внимания со стороны правлений колхозов и районных организаций к этой отрасли птицеводства, в большинстве колхозов были убыточны. Лишь в последние годы некоторые колхозы добились заметных успехов в развитии птицеводства. Среди них выделяется колхоз «Совет

¹⁸⁶ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 56.

¹⁸⁷ Х. Хо ж ы е в. Пахта бизин байлыгымыздыр. Ашхабад, 1962, стр. 39; годовой отчет колхоза за 1967 г.

¹⁸⁸ «Туркменская искра», 6 июля 1966 г.

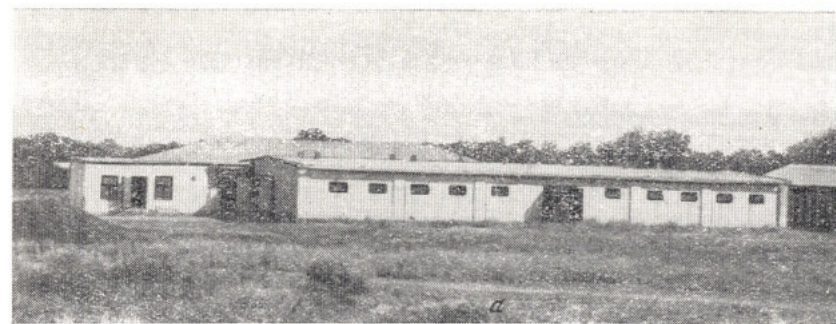

Рис. 9. Современные хозяйственные сооружения:

а — ферма в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района; б — телятник в колхозе им. Жданова Керкинского района

Туркменистаны» Ашхабадского района. Опыт работы его птицефермы показывает, что при наличии хорошей кормовой базы, необходимого помещения и соблюдении правил содержания и кормления можно за короткий срок в несколько раз увеличить поголовье птиц и производство яиц и мяса. Здесь в 1967 г. получено 1567 ц мяса, более 5 млн. яиц, каждая несушка дала 158 яиц (в среднем по республике 82)¹⁸⁹. В колхозе «Коммунизм» Керкинского района поголовье кур за последние 10 лет возросло в 17 раз¹⁹⁰.

Следовательно, резервы птицеводства огромны, но, к сожалению, пока используются недостаточно.

В целом животноводство как одна из главных отраслей обще-

¹⁸⁹ Годовые отчеты колхоза за 1955 и 1967 гг.

¹⁹⁰ Джамакули Ма х р а м о в. Верным курсом. «Колхозно-совхозное производство Туркменистана», 1963, № 9, стр. 6; годовой отчет колхоза за 1967 г.

ственного хозяйства колхозов Туркменистана играет большую роль в его экономике. Денежные доходы от этой отрасли составляют более $\frac{1}{4}$, а в ряде колхозов и $\frac{1}{3}$ всех доходов. Наибольший доход в животноводстве дает разведение овец, главным образом каракульской породы.

* * *

Пчеловодство в колхозах Туркмении пока не получило должного развития. Колхозные пасеки из-за плохого состояния все еще не приобрели товарного значения. Лишь отдельные колхозы, как, например, колхоз им. Халтурина Чарджоуского района, имея пасеку в 431 пчелосемью, получил от продажи меда доход в 6,2 тыс. руб., не считая стоимости меда, распределенного по трудодням.

Шелководство в Туркмении, как уже отмечалось, было известно с давних времен как одна из подсобных отраслей хозяйства.

При Советской власти в результате социалистической реконструкции сельского хозяйства, увеличения кормовой базы — тутовых деревьев, внедрения в практику передовой агротехники, обеспечения колхозов высококачественной греной шелководство стало развиваться быстрыми темпами. Достаточно сказать, что урожайность коконов на 1 коробку грены с 17,6 кг в 1928 г. возросла до 39,9 кг в 1938 г.¹⁹¹ Выкармливание шелкопряда в этот период производили в семьях колхозников по контракту. С 1939 г. шелководство стало одной из составных отраслей общественного хозяйства. Урожайность коконов с 39,9 кг в 1938 г. возросла до 54,4 кг в 1949 г.¹⁹²

В 1949 г. Совет Министров СССР в целях дальнейшего развития шелководства повысил цены на коконы и установил премии-надбавки за сданные сверх плана сортовые коконы. Это повысило материальную заинтересованность колхозов и колхозников и обусловило рост урожайности коконов. В результате государственная закупка коконов по колхозам республики с 1771 т в 1950 г. увеличилась до 3212 т в 1967 г.¹⁹³

Практика передовиков показывает, что получение высоких производственных показателей в шелководстве — это результат правильной подготовки помещений, своевременного получения грены, обеспечение усиленного кормления гусениц свежим листом, регулирование температуры и влажности, а также сокращение периода выкормки до 22—26 дней.

¹⁹¹ «15 лет Туркменской ССР», стр. 48.

¹⁹² «Сельское хозяйство Туркменской ССР за 25 лет», стр. 88.

¹⁹³ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 56; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

* * *

Особенность сельскохозяйственного производства даже многоотраслевых колхозов республики — это сезонность работы, оказывающая существенное влияние на быт тружеников села. В хлопкосеющих колхозах Туркменистана трудовое напряжение начинается с апреля и бывает особенно высоким в мае и сентябре — ноябре, т. е. в период начальной обработки хлопчатника и выкормки шелкопряда, а также в период сбора хлопка-сырца. Даже передовым колхозам, имеющим многоотраслевое общественное производство и подсобные предприятия, не удается в полной мере обеспечить равномерное использование трудовых ресурсов в течение года.

У колхозников, занятых в земледелии, особенно в хлопководстве рабочий день начинается весной и летом с утра и продолжается до наступления темноты. Днем бывают перерывы на завтрак длительностью до одного часа и на обед — от 2 до 2 $\frac{1}{2}$ часа. Перерывы колхозники проводят на полевом стане, где, как отмечалось, созданы благоприятные условия для принятия пищи и культурного отдыха.

Поздней осенью, зимой и ранней весной рабочий день колхозников, занятых в земледелии, сокращается до 6—7 часов.

Равномерно и с полной нагрузкой в течение всего года заняты колхозники, обслуживающие общественное животноводство. Однако и здесь использование трудовых ресурсов имеет свою специфику. Условия труда на ферме крупного рогатого скота существенно отличаются от условий труда колхозников, обслуживающих отары овец на отгонных пастбищах.

В основе организации труда и производства колхозов республики лежит плановое начало. Правления колхозов устанавливают для каждой бригады, звена, фермы и других ячеек общественного хозяйства годовые задания, определяют объем и сроки выполнения, производят расстановку рабочей силы. При этом соблюдается сложившееся разделение труда. Мужчины выполняют в основном трудоемкие работы, связанные с пахотой, планировкой полей, вывозом удобрений, погрузкой и разгрузкой грузов, обслуживанием средств механизации и т. д. Женщины участвуют в обработке сельскохозяйственных культур, выкормке шелкопряда, сборе урожая и в ряде других работ. Они в основном работают и в культурно-бытовых учреждениях села. Следовательно, организация и разделение труда, регламентация трудового дня и производственный быт тружеников туркменского села все еще остается специфичным.

Развитие в колхозах республики многоотраслевого хозяйства, повышение уровня механизации общественного производства, в частности капитального строительства, создают условия, обеспечивающие занятость значительной части колхозников в течение всего года.

В связи с этим проблеме правильного использования трудовых ресурсов села равномерно на протяжении всего года уделяется в настоящее время большое внимание, в частности изыскиваются возможности создания в колхозах предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, а также различных подсобных промыслов, которые давали бы доходы колхозам и повышали благосостояние колхозников.

В первые годы после организации колхозы Туркменистана распределяли денежные и натуральные доходы по числу трудоспособных и количеству их выходов на общественные работы. Такая система учета и оплаты труда вела к уравниловке и не способствовала производственной активности колхозников и повышению производительности их труда.

В 1931—1932 гг. колхозы республики на основе опыта передовых сельхозартелей стали учитывать затраты труда колхозников по установленным нормам выработки по самым различным видам работ и оценки их в трудоднях. При этом учитывались такие важные признаки, как сложность, трудность и вредность выполненных работ. В дальнейшем эта система учета и оплаты труда в колхозах развивалась и совершенствовалась. Колхозы республики, кроме простой, стали применять и прогрессивную сдельщину, по которой трудодни колхозникам начислялись не только за работу по норме, но и за выполненный объем сверх нормы, расценки повышались по мере увеличения выработки и, кроме того, при выполнении работ высококачественно и в срок применяли премиальное поощрение. Начисление трудодней в точном соответствии с количеством и качеством затраченного труда в общественном производстве повысило производительность труда колхозников. Такой порядок учета и оплаты труда полностью ликвидировал уравниловку, повысил материальную заинтересованность колхозников.

С ростом колхозов, организационным и экономическим укреплением их общественного хозяйства возникла необходимость дальнейшего совершенствования форм оплаты труда колхозников. Важнейшее значение в этом отношении имели принятые в 1950-х годах постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели», «Об установлении премий, надбавки колхозам за сдачу сверхплановой продукции», «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах».

В 1956 г. только отдельные, а в течение 1957—1958 гг. все колхозы республики перешли на более усовершенствованный порядок оплаты труда, по которому основная и дополнительная оплата труда колхозников, специалистов и руководящего состава колхоза исчисляется в зависимости от количества и качества

произведенной продукции в каждой отрасли общественного хозяйства.

С 1961 г. колхозы Туркменистана стали переходить на денежную оплату труда колхозников. При этой системе колхозникам начисляются ежемесячно суммы за их труд в соответствии с расценками и нормами выработки, установленными общим собранием колхозников.

Из начисленной суммы ежемесячно выдается 70%, а остальное выдается в конце хозяйственного года, после окончательного подсчета денежного и натурального дохода, подлежащего распределению на выработанные человеко-дни.

Стимулирующее значение нового порядка оплаты труда колхозников заключается в том, что он, с одной стороны, определяет гарантированный заработок колхозников, исходя из тарифных ставок соответствующих категорий работников совхозов, а с другой — открывает широкие возможности для повышения уровня заработков колхозников за счет повышения количества и качества произведенной продукции.

В колхозе «40 лет ТССР» Ташаузского района оплата одного человеко-дня в 1966 г. в среднем определялась в 5,6 руб., а в 1967 г. — 8 руб. Среднемесячный заработок, например, бригадира А. Овезова 284 руб., колхозника-поливальщика — 188 руб. В колхозе «Тезе-ел» Байрам-Алийского района на каждый человеко-день в 1967 г. выдано по 7 р. 46 к., а в бригаде А. Овезова из колхоза «Коммунизм» Керкинского района — 8 р. 50 к.¹⁹⁴ В колхозе им. XX партсъезда Чарджоуского района среднемесячный заработок каждого колхозника составляет 144 руб., тракториста — около 162 руб., бригадира тракторной бригады — 250 руб., а чабанов — от 219 до 241 руб. В колхозе им. Кирова того же района заработок рядового колхозника 133 руб., а бригадира полеводческой бригады — 276 руб.¹⁹⁵

Теперь фонд для оплаты труда колхозников выделяется в первую очередь, т. е. до отчислений в общественные фонды. Это в значительной степени изменяет принципы распределения общественных средств и ставит теперь перед правлениями колхозов новые, сложные и ответственные задачи. Основная из них — это более правильное сочетание фондов потребления и фондов накопления. Если раньше распределение по трудодням производилось после расчетов по обязательным платежам и отчислений в общественные фонды, то при новом порядке необходимые для этого средства исчисляются в пределах потребности, исходя из гарантированного минимума и тех дополнительных сумм, которые колхозы получают за качество и количество произведенной продукции.

¹⁹⁴ «Туркменская искра», 6, 11, 15 марта 1968 г.

¹⁹⁵ «Туркменская искра», 6 февраля, 12 и 13 марта 1966 г.; годовой отчет колхоза за 1967 г.

Характеризуя успехи сельского хозяйства Советского Туркменистана, достигнутые в результате социалистических преобразований, нельзя не отметить, в каком жалком состоянии находятся крестьянские хозяйства зарубежных туркмен Ирана и Афганистана.

Непосильные налоги и ростовщичество (как и в Бухарском эмирате), принявшие огромные размеры, вызвали массовое разорение трудящихся крестьян и ускорили переход их земель в руки местной буржуазии, помещиков и ростовщиков. Преобладающее большинство зарубежных туркмен продолжает обрабатывать примитивными орудиями парцеллярные участки, не обеспечивающие им даже полуголодного существования. Нищета, голод, культурная отсталость зарубежных туркмен — результат эксплуатации их местными баями, родоплеменной знатью, ростовщиками, духовенством и другими «своими» и чужеземными эксплуататорами.

И наоборот, процветание сельского хозяйства в Советском Туркменистане — это достижения трудящихся туркмен, освободившихся от ига эксплуатации в результате победы Великой Октябрьской революции и организовавшихся в крупные коллективные хозяйства, успешная работа которых основана на единстве личных и общественных интересов.

Проявление общественного сознания, воспитываемого работой в коллективном хозяйстве, не ограничивается заботой об успешном развитии только своего колхоза. В этой связи отметим, например, инициативу туркменских женщин Акаш Мурадовой и Курбансултан Ягмуровой, предложивших развернуть социалистическое соревнование среди женщин-руководителей хлопководческих бригад братских республик не только за выращивание наиболее высоких урожаев хлопка, но и за внедрение опыта передовиков среди отстающих бригад и звеньев. При этом организовываются систематические встречи, на которых новаторы обмениваются опытом, взаимно контролируют и помогают друг другу. Их интересы не замыкаются рамками производства, они значительно шире и захватывают различные стороны общественной жизни, культуры и быта колхозных масс.

Каждый колхоз, бригада, звено и каждый участник социалистического соревнования, а особенно те, которые борются за звание бригад и ударников коммунистического труда, работают с вдохновением и постоянно стремятся перейти на более прогрессивные формы труда, повысить производственные показатели, а добившись успеха, делятся опытом, помогают отстающим достигнуть уровня передовиков. В этом процессе постоянно вырабатывается воля к победе, формируется новое сознание человека, для которого социалистическое соревнование, широкое применение прогрессивных методов труда, постоянное повышение трудовой активности и профессионального мастерства, а

особенно стремление достигнуть новых успехов становятся нормой повседневной жизни.

Инициатором соревнования за звание бригад коммунистического труда в колхозе «Коммунизм» Керкинского района являлась тракторно-полеводческая бригада комплексной механизации, руководимая комсомольцем Джуманазар Абдуллаевым, в колхозе им. Жданова того же района — тракторно-полеводческая бригада № 6 Язхана Хожамова и № 7 Шерип Оदेва и в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района — бригады Дурды Матрасумова и Ягмыр Ходжиева.

Эти бригады, как и другие, включившиеся в соревнование за звание бригад коммунистического труда, взяли обязательство на основе более широкого внедрения комплексной механизации и передовых методов работы во все отрасли сельскохозяйственного производства, роста культуры производства, производственной квалификации, уровня общеобразовательных и политических знаний повысить производительность труда на 20—30%, а урожайность — на 20—25%.

Отрадно, что с каждым годом становится все больше участников соревнования за коммунистический труд и быт. В своей статье «От разрушения векового уклада к творчеству нового» В. И. Ленин писал: «Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма»¹⁹⁶.

Подведем некоторые итоги. В прошлом, до Великой Октябрьской социалистической революции, преобладающая часть земельных угодий и водных источников находилась во владении ханов и их чиновников, баев, феодалов и духовенства, в то время как основная масса дайханства была безземельна или малоземельна. Основными орудиями труда дайхан были омач, мола, лопата и кетмень, но и таких примитивных орудий значительная часть дайхан не имела. Отсталые формы хозяйства, нищета и невежество были характерны для абсолютного большинства населения туркменского аула.

За годы, прошедшие после образования Туркменской ССР, в сельском хозяйстве произошли коренные преобразования. Победил колхозный строй. В результате социалистическая система стала единственной формой хозяйства. Оснащение его современ-

¹⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 315.

ной техникой, широкое развитие орошения позволили расширить посевные площади, увеличить производство хлопка-сырца и других сельскохозяйственных культур, а также продукции животноводства, повысить неделимые фонды — основу развития общественного хозяйства колхозов.

Для современных колхозов, успехи развития которых основаны на применении передовой техники и последних достижений агрономической науки, характерна забота о всемерном повышении производственной квалификации своих членов и распространении среди них технических знаний.

Только в 1965 г. на краткосрочных курсах и в семинарах повысили свою квалификацию и обучились новым прогрессивным приемам работы в полеводстве и животноводстве 27 тыс. человек.

Во всех отраслях — в хлопководстве, животноводстве, шелководстве и других — из рядовых колхозников выросли мастера, обеспечивающие высокие урожаи и высокую производительность труда. Они представляют собой передовой отряд организаторов, которые более полно и квалифицированно используют технику и трудовые ресурсы, применяют творческие новаторские методы труда, приближая его к условиям труда и производственному быту промышленных рабочих.

«Полная и окончательная победа социализма в СССР и переход к строительству коммунизма, — говорится в Постановлении ЦК КПСС о подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции, — самый важный результат революционных преобразований в нашей стране... 50 лет Октября — это претворение в жизнь ленинского плана кооперирования деревни, создание крупного социалистического сельскохозяйственного производства»¹⁹⁷, обусловившего социальный переворот в укладе деревенской жизни, сделав ее материально обеспеченной, духовно богатой, подлинно радостной и счастливой.

¹⁹⁷ Постановление ЦК КПСС от 4 января 1967 года. «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1967, стр. 6—7.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

На протяжении всего рассматриваемого периода (XIX — начало XX в.) туркмены жили обычно в жилищах, беспорядочно разбросанных в пределах определенной территории, орошаемой арыком. Эти поселения носили названия арыков, а последние в свою очередь обычно назывались по имени племенного подразделения, которому они принадлежали.

Формы поселения определялись характером землевладения и системой ирригации, зависевшей от своеобразия природных условий.

Так, в приамударьинских районах, где издревле было развито земледелие, оседлое население имело хорошо укрепленные старинные города, защищенные глинобитными стенами с башнями и массивными воротами (Старый Чарджуй, Фараб, Наразым, Керки и др.). Распространенная здесь подворно-наследственная форма землевладения (мюльк, амляк, атлык, вахым) определила хуторской тип поселения. Богатые усадьбы (*ховлы*), к которым примыкали огромные площади пахотной орошаемой земли, были разбросаны на расстоянии от 100 до 400 м одна от другой, а в туркменских районах Хорезма даже до 500 м¹. Лишь жилища бедняков, которые владели небольшими участками поливной земли, располагались более скученно. Поселения кишлачного (аульного) типа встречались довольно редко и только вблизи базарных пунктов, таких, например, как Ходжа-кала, Буюн-Узун, Шамбе-Базар, Саят, Бурдалык, Ходжамбасс, Вокиль-Базар и др.

В районах Ахала и Атека, где источниками орошения служили мелкие речки, ручьи и кяризы, поселения туркмен были ком-

¹ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. «Труды ЮТАКЭ», т. III. М., 1953. стр. 28; Я. Р. Винников. К вопросу о развитии сельских поселений и типов жилища в приамударьинских районах Туркменской ССР. «Исследования по этнографии туркмен». Ашхабад, 1965; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. «Сов. этнография», 1959, № 5, стр. 36.

пактными и скученными. В долинах Сумбара и Чандыра через каждые 5—15 км встречались типичные горные селения туркмен-гоклен, ходжа, нохурли, представлявшие собой беспорядочно расположенные группы жилищ². Каждое хозяйство ставило свое жилище на возвышенном месте, но, как правило, вблизи орошаемого земельного участка своего племенного подразделения.

На юго-восточном побережье и на островах Каспийского моря уже во второй половине XIX в. были постоянные туркменские селения кучевого или разбросанного типа — Гасан-Кули, Чикишляр, Кизыл-Су и т. д. В каждом из них жили в основном туркмены одного какого-либо подразделения — йомуты, огурджали и др.³

В Мургабском оазисе у туркмен теке и сарыков вследствие господства исторически сложившейся санашиковой формы землепользования с перелогом и чересполосицей сформировались относительно крупные аулы (оба) постоянного характера, которые имели определенные географические названия⁴. Они состояли из группы юрт, перемежавшихся с сооружениями из сырцового кирпича или глины с балочными или сводчато-купольными перекрытиями⁵. Жилые и хозяйственные постройки и юрты располагались беспорядочно вдоль дорог и арыков или между арыками (ябами), обычно на более высоких местах рельефа. Каждая семья селилась, точнее, ставила юрту (кибитку), строила там или там-кенбе поблизости от юрт сородичей. Величина аулов по сезонам не была постоянной: участки под зерновые культуры (ак ер) ежегодно перемещались, поэтому часть земледельцев переселялась на весенне-летние месяцы к местам обработки полей и уборки урожая.

Аулы текинцев Тедженского оазиса, отчасти салыров Серахса до проведения земельно-водной реформы 1926—1927 гг., а местами и до организации колхозов были временными и состояли из юрт. При каждом ежегодном перераспределении санашиковых земель аулы перемещались, но не выходили за пределы территории, орошаемой их арыком.

² «Народы Средней Азии и Казахстана», II. М., 1963, стр. 66; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. М., 1954, стр. 126.

³ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961, стр. 74—77.

⁴ М. Алиханов. Мервский оазис и дороги, ведущие к нему. СПб., 1887, стр. 32—33. В. А. Левина, К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии). «Труды ЮТАКЭ», т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 322—326.

⁵ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 25, 28; П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. (Земли сарыков и салыров) «Изв. РГО», т. XXI, 1885, стр. 45; М. Алиханов Указ. соч., стр. 32—33; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 68.

Поселения скотоводов в Центральных и Южных Каракумах представляли собой расположенные вблизи колодцев небольшие аулы, состоявшие исключительно из юрт. Численность населения таких оба зависела от запаса воды в колодцах и состояния пастбищ. Обычно у колодца постоянно жили не более 10—15 семей и только у отдельных, наиболее мощных по дебету воды, колодцев поселялось по 50 и даже 100 семей, представлявших собой одно племенное подразделение туркмен⁶. У некоторых прибалханских туркмен в ауле насчитывалось до 200 хозяйств. Их поселения состояли из юрт, расположенных по родственным группам и вытянутых в одну линию вблизи колодца, а иногда по кругу на небольшом расстоянии друг от друга⁷.

Родоплеменные связи в скотоводческих оба были крепкими, и глава группы являлся основным управителем оба.

С установлением Советской власти и развитием колхозного строительства во всех земледельческих районах Туркменистана сложился новый тип сельских поселений — колхозные поселки с широкими озелененными улицами, площадями и благоустроенными домами нового или реконструированного типа, как правило, с окнами, выходящими на улицу. Однако колхозные селения до укрупнения колхозов, т. е. до 1950 г., были небольшими, в среднем в 80—100 дворов. Такое расселение туркменского колхозного крестьянства создавало серьезные трудности в работе по благоустройству, организации общественной жизни и в культурно-бытовом обслуживании тружеников села.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и всестороннее развитие их общественного хозяйства способствовали дальнейшему развитию сельских поселений и их благоустройству.

На свои средства колхозы стали строить необходимые административные и культурно-бытовые здания (рис. 10), производственные мастерские, гаражи, зернохранилища, полевые станы, хлопкосушилки, помещения для хранения сельскохозяйственного инвентаря и машин, животноводческие и другие сооружения. Большинство общественных построек колхозов, в частности детские учреждения, возводятся по типовым проектам, утвержденным правительством республики.

Наряду с административными и хозяйственными сооружениями колхозы широко развернули жилищное строительство. Постепенно уменьшается количество мелких селений, жители которых переселяются в новые центры. В колхозе им. Жданова Керкинского района за последние пять лет жители восьми селений почти полностью переселились в два благоустроенных электрифицированных и радиофицированных поселка.

⁶ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 543, л. 46.

⁷ А. Оразов. Поселения и жилища прибалханских туркмен в конце XIX—начале XX века. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», VII. Ашхабад, 1963, стр. 38—41.

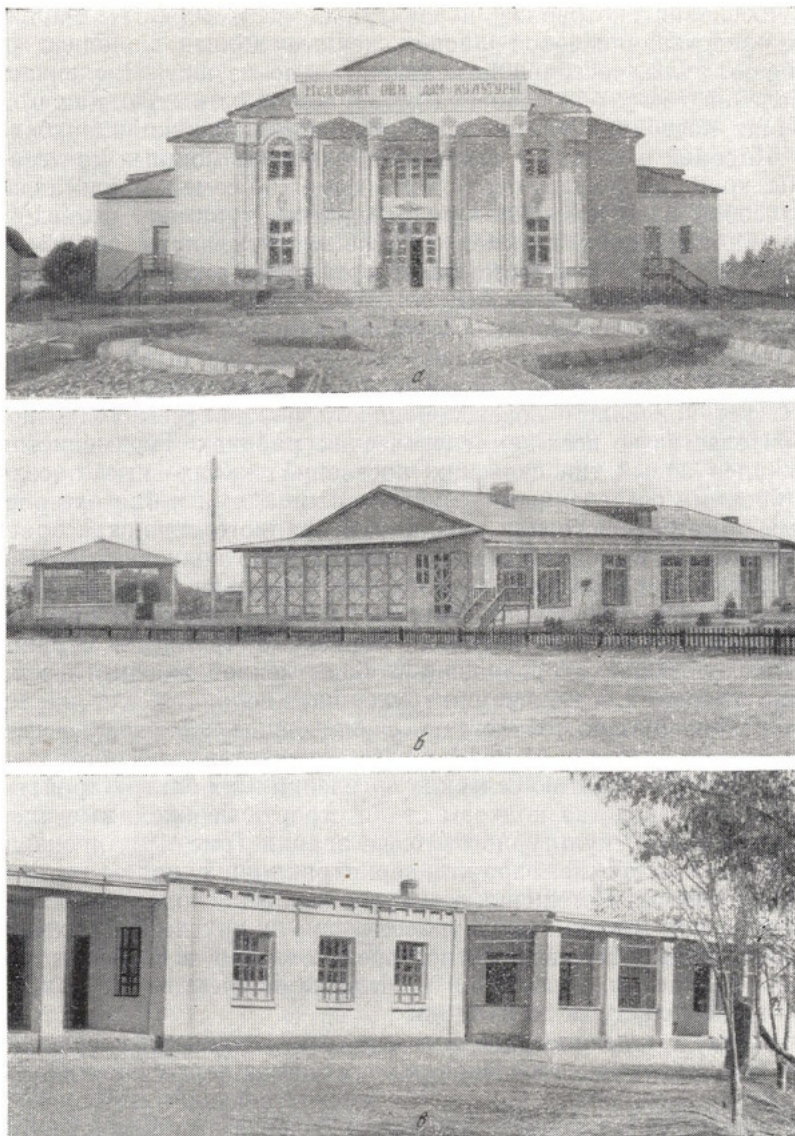

Рис. 10. Культурно-бытовые сооружения:

а — дом культуры в колхозе «Мир» Ашхабадского района; б — детсад в колхозе «Совет Туркменистаны» того же района; в — общежитие школы-интерната в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района

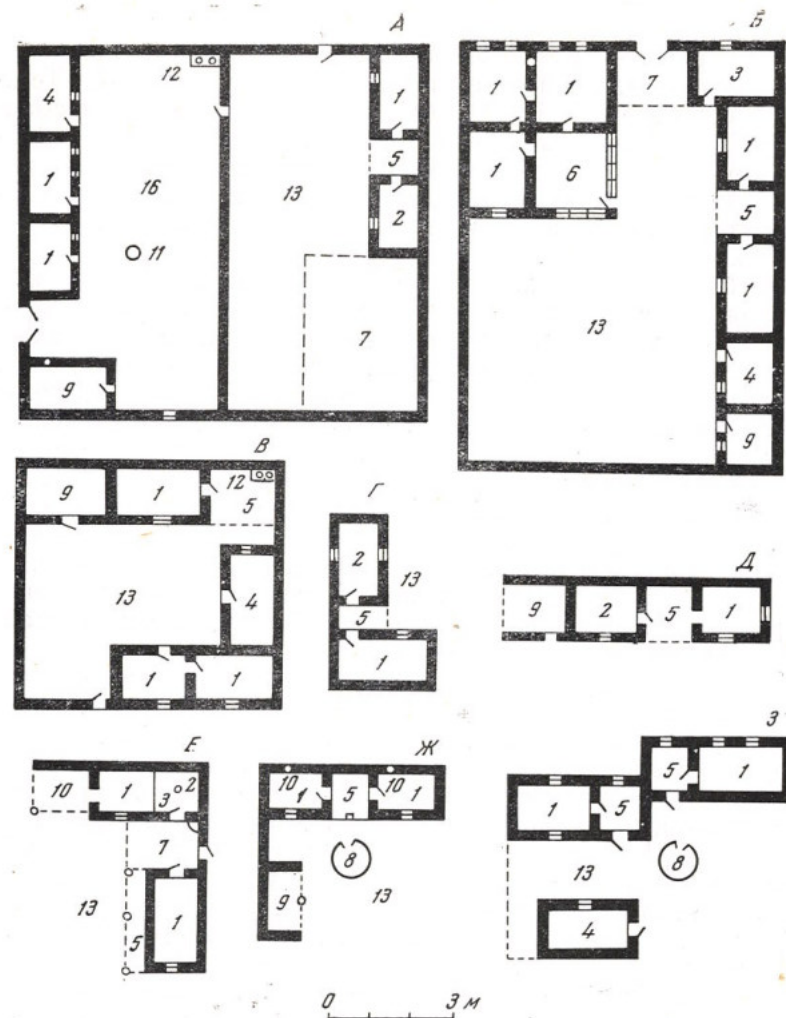

Рис. 11. Планы жилых и хозяйственных построек:

1 — жилое помещение; 2 — микман-хана (гостиная); 3 — кухня; 4 — кладовая (черводня); 5 — айван; 6 — застекленная терраса; 7 — навес для скота; 8 — юрта; 9 — сарай для скота; 10 — продухи; 11 — тамдыр (печь для выпечки хлеба); 12 — очаг; 13 — двор

Благоустроенные селения, приближающиеся к поселкам городского типа, созданы многими колхозами. Назовем, например, в том же Керкинском районе колхоз «Коммунизм», в Чарджоуском районе — колхозы им. Жданова и им. Халтурина, в Ленинском районе — колхозы им. Тельмана и «Большевик», в Мур-

габском районе — колхоз «Москва», в Марыйском районе — колхоз «Зарпчи», в Байрам-Алийском районе — колхоз «Тезе-Ел», в Тедженском районе — колхоз им. Калинина, в Ашхабадском районе — колхозы «Совет Туркменистаны» и «Мир». Дворы колхозников озеленены, чаще всего посажены виноградниками. Озеленение дворов и подача воды — эти важнейшие элементы благоустройства — имеют особенно большое значение в условиях жаркого лета.

Еще больше приближаются по внешнему облику к поселкам городского типа селения колхозов, застроенные по типовым проектам, с развитой сетью предприятий общественного питания, коммунально-бытового и культурного обслуживания населения.

Совсем по-городскому выглядят поселки целинных совхозов в зоне Каракумского канала, такие, как совхоз № 9 Тедженского района, «Каракум-канал» и «Москва» Байрам-Алийского района, с многоэтажными домами, асфальтированными улицами и тротуарами. Помимо зданий культурно-бытового назначения — школ, дворцов культуры, медицинских и детских учреждений, столовых, клубов — здесь много зданий производственного назначения и инженерных сооружений, связанных с обслуживанием ирригационной сети — водонапорные башни, насосные станции, комплекс очистительных сооружений к ним.

Несмотря на городское благоустройство целинных поселков, сложившуюся в них планировку нельзя назвать удачной. Большим недостатком является скученность многоэтажных домов, которая в сельских местностях Туркмении с ее жарким климатом не только не целесообразна, но даже вредна. Такая застройка не позволяет в должной мере обеспечить благоприятный микроклимат. Не согласуется она и с потребностями сельских жителей иметь в личном пользовании приусадебный участок и скот. Здесь, как и во всех других совхозных поселках Туркменистана, ведутся большие работы по озеленению и многое в этом отношении уже достигнуто.

В процессе социалистического строительства, кроме колхозных и совхозных селений, выросли старые или появились новые районные центры, возникли рабочие поселки вокруг крупныхстроек и промышленных предприятий. Многие из них переросли в крупные промышленные центры. Таковы, например, Гаурдак, Кугитанг-Тау, Керкичи, Самсоново, Комсомольск, Фараб, Хауз-Хан, Захмет, Карамет-нияз, Дарваза, Безмеин, Тезе-Базар, Кум-Даг и др.

* * *

Жилищный фонд в сельских местностях Туркмении в советское время почти полностью обновился. Тем не менее наше этнографическое обследование и многочисленные литературные

данные позволяют составить ясное представление о разнообразиях традиционных оседлых жилищ, которые наряду с юртой бытовали у туркмен в XIX — начале XX в.⁸ Разнообразие жилищ, сохранившихся до наших дней в различных районах, служит наглядным опровержением утверждавшегося в литературе некоторыми авторами представления о туркменах как о кочевниках, не знавших оседлого жилища и пользовавшихся только юртой⁹.

Среди туркменских жилищ второй половины XIX — начала XX в. можно различать по крайней мере семь типов.

Первый, наиболее ранний, тип туркменского жилища — это юрта. На рис. 4 представлены разновидности юрт основных туркменских племен. Все они отличались от типов юрт, распространенных у каракалпаков, казахов и других соседних народов. Устройство туркменской юрты описано в этнографической литературе¹⁰, поэтому останавливаться на нем нет надобности.

К первому типу относится и полуюрта (*ороча*), которая была распространена у туркмен-бедняков в прибалханских районах и других местах Закаспия¹¹.

⁸ Н. Г. Петрусевиц. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбо-ем) и северными окраинами Персии. «Зап. Кавк. отд. РГО», вып. I, кн. XI. Тифлис, 1880, стр. 27 и сл.; Л. Е. Дмитриев-Кавказский. По Средней Азии. СПб., 1894, стр. 5, 6; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 28—45; Я. Р. Винников. К вопросу о развитии сельских поселений и жилищ в приамударьинских районах, стр. 65 и др.; Г. Е. Марков. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса. «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIII, 1955, стр. 46—58; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 126—144; А. Джикиев. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX—XX вв. «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 79—81; Е. В. Андрианов и Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН Туркменской ССР», 1957, № 5.

⁹ И. Авдакушин. Санитарный обзор Аму-Дарьинского отдела с 1887 по 1891 г. «Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». СПб., 1882, ч. II, стр. 12; А. Вамбери. Очерки Средней Азии. М., 1868, стр. 106; П. Иванов. Ой-кибитка. «Туркменоведение», 1930, № 8-9, стр. 47—50; В. Л. Воронина. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951, стр. 126; М. Аманклычев. Жилищное строительство и благоустройство городов и сел в Туркменской ССР в период развернутого строительства коммунизма «Изв. АН Туркменской ССР», 1963, № 6, стр. 69.

¹⁰ Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. М., 1954, стр. 44—48; он же. К вопросу о развитии сельских поселений..., стр. 114—118; К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 114—118; А. Оразов. Указ. соч., стр. 43—53; А. Джикиев. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 79—81; Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 456.

¹¹ А. Оразов. Указ. соч., стр. 51—52.

Второй тип — это жилища туркмен приамударьинских районов, живших хуторами. Их усадьбы — ховлы — представляют собой замкнутый комплекс жилых и хозяйственных строений, обнесенных общей стеной (рис. 11). По внешнему оформлению эти усадьбы, имевшие чаще всего прямоугольную форму, походили на небольшие крепости. У входа, закрывавшегося массивными деревянными воротами, и по углам, а иногда и в нескольких других местах высокой глинобитной стены (*дивар*) были сложены узкие полубашенки (рис. 12, а). У представителей родоплеменной знати и духовенства ховлы были больших размеров и часто сложных очертаний в плане, они включали несколько жилых и хозяйственных построек, а также одну-две юрты¹².

Такие замкнутые усадьбы были у туркмен эрсари, мукры, хатаб, каркын, олам, сакар, эски, баят, хыдыр-эли, салыр, чандыр, живших на Средней Аму-Дарье, а также у узбеков Чарджоуского и Дейнауского районов и туркмен Хорезма¹³.

Для внутренней планировки ховлы характерно деление на две части: мужскую и женскую половины. Это бесспорно было связано с религиозными традициями ислама. У состоятельных эрсаринцев, мукринцев и хатабцев ховлы делились иногда на четыре части: двор с михман-ханой (помещением для приема гостей), жилое помещение, двор для крупного скота, двор для мелкого скота.

Встречались различные варианты расположения построек внутри ховлы. Основным помещением, идущим вдоль внешней стены, была михман-хана, нередко с айваном. По внешней стене располагались и различные хозяйственные помещения, а во внутренней части двора помещались жилые комнаты, от одной до нескольких — в зависимости от численности семьи и достатка владельца усадьбы. Часто жилые постройки шли вдоль северной стены ховлы или вдоль двух стен.

Жилыми помещениями были (там) — комнаты с айваном. Айван был обязательной принадлежностью жилых помещений. Важным элементом айвана были различно оформленные колонны. Они поддерживали прогоны, на которые опирались поперечные балки, уложенные другими концами на стену строения.

У зажиточных и среднего достатка дайхан значительное место среди хозяйственных построек занимали помещения для крупного рогатого скота (*сейсхана*), лошадей (*атхана*), овец (*гоюнхана*), кладовые для хранения фуража (*амбар*, *телек* или *учек*). Наибольший интерес представляли двухэтажные кладо-

вые (учек), встречавшиеся в основном в южных районах Средней Аму-Дарьи, а местами и у туркмен Хорезма. Обычно двухэтажные телеки строили на одном из углов ховлы, реже на линии деления усадьбы на мужскую и женскую половины. Входили на второй этаж по лестнице, сбитой из глины или приставной деревянной. Встречались также специальные помещения для размолки муки (*харазхана*), маслособойки (*джувазхана*).

Стены ховлы и весь комплекс помещавшихся в ней строений сооружали из пахсы (слоев битой глины). Пахса как строительный материал издавна известна туркменам. Она встречалась в цоколе древнейших памятников. Для последнего этапа античного Хорезма (кушано-афригидская культура III—IV вв. н. э.), — пишет С. П. Толстов, — характерны замки с внешними пахсовыми стенами, но с данжонами из кирпича. Пахсовые стены имеют такие памятники хорезмского средневековья, как Бурун-кала и древний город Нариджан, характерные для афригидско-самадинской культуры (IX—XI вв.). И, наконец, в период расцвета феодализма, расцвета хорезмшахской культуры, в строительном деле наблюдается почти полное господство пахсы (XI—XIII вв.)¹⁴.

По рассказам стариков-колхозников, принимавших в свое время непосредственное участие в сооружении ховлы, кладка стен начиналась с выравнивания площадки, а иногда и с рыхления, замочки и утрамбовки грунта с прокладкой изолирующего от грунтовых вод и почвенных солей слоя из камыша или мелкого хвороста тутовых или абрикосовых деревьев.

Стены ховлы возводились с некоторым наклоном, что создавало впечатление большой массивности и устойчивости. Толщина рядов постепенно уменьшалась от 70—100 см у основания до 35—40 см вверху. Число рядов пахсы в стенах ховлы доходило до шести при высоте каждого в 65—80 см. Световые проемы обычно устраивались во втором ряду пахсы во всю его высоту и шириной в 20—25 см. Стены жилых помещений внутри ховлы возводились в четыре слоя пахсы, высота их составляла до 2,5 м. Каждый слой пахсы еще в сыром виде зачищался и сглаживался калкой так, чтобы внешняя и внутренняя стороны стен имели гладкую поверхность, иногда с внешней стороны делались небольшие вертикальные желобки. Характерной особенностью всех пахсовых жилищ являются суживающиеся кверху стены и небольшая почти стандартная ширина жилых помещений (2,5—2,8 м).

Для сооружения крыши на стены укладывали через 40 или 50 см поперечные балки — нечетное количество бревен (*балар*)

¹² Госархив Чарджоуской области, ф. 55, оп. 1, д. 153, л. 9—11; ф. 175, оп. 1, д. 32, л. 333; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений..., стр. 38, 39.

¹³ Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений..., стр. 36—39; Г. Е. Марков. Указ. соч., стр. 50—57.

¹⁴ С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. «Вестник древней истории», 1946, № 1, стр. 98—100; о нем же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 33.

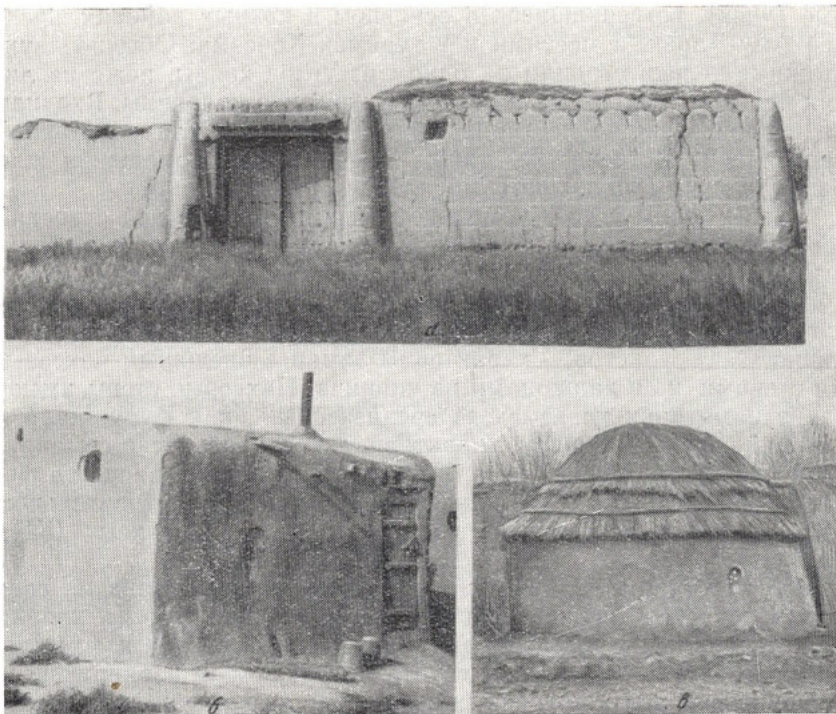

Рис. 12. Основные типы дореволюционного жилища:

а — глинобитный дом (там); б — камышовый дом (там-кепбе); в — камышовый дом (гуммез-кепбе)

диаметром в 15—20 см. Между балар и чуть выше их укладывали последний небольшой слой пахсы (*пердывал*) толщиной в 20—25 см, который затем покрывали тонким слоем очищенного от листьев камыша. Иногда балки сначала застилали камышовой циновкой (*чигча*) или камышовой плетенкой (*буйра*), а уже поверх укладывали слой камыша толщиной в 8—10 см. Затем все это смазывали глиной, засыпали слоем земли толщиной до 10—12 см и снова обмазывали глиной, смешанной с саманом. Плоская земляная кровля имела едва заметный уклон для стока дождевой и снеговой воды, которая поступала в специально укрепленные деревянные желобки. В перекрытиях посередине оставляли отверстие (*туйнук*) для освещения и выхода дыма из очага.

В архитектурном облике эрсаринских, сакарских, мукринских, хатабских ховлы выделялся прежде всего главный фасад (см. рис. 12, а) с массивными двустворчатыми, нередко орнаментиро-

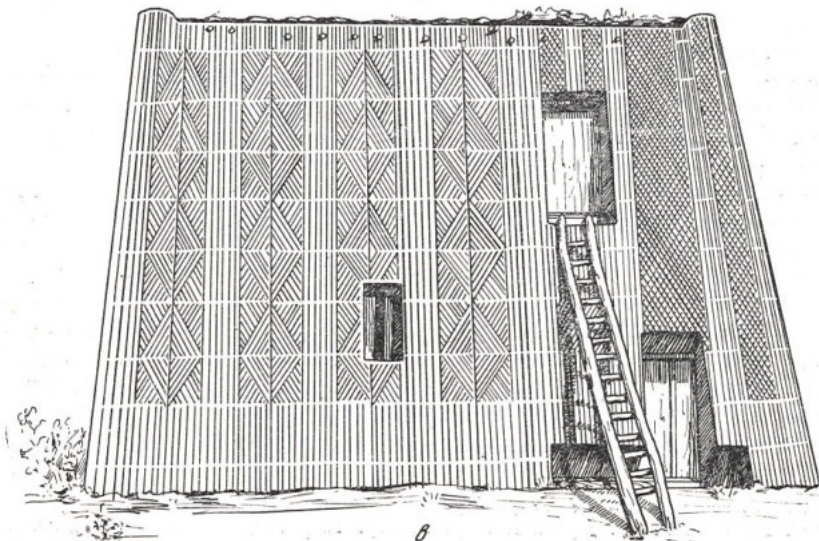
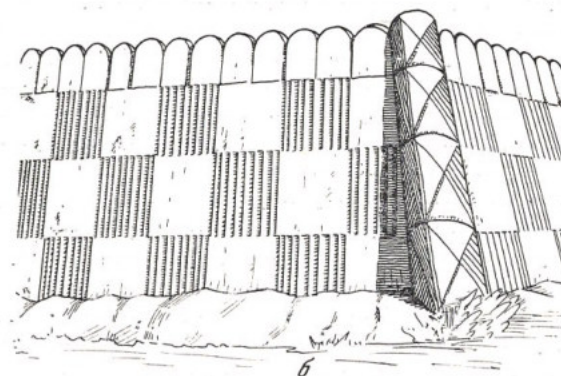
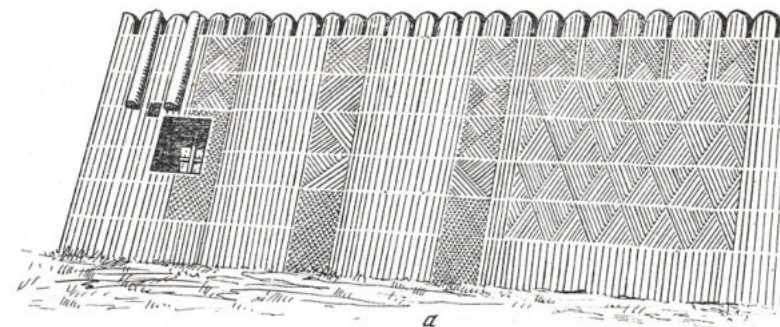

Рис. 13. Орнаментика на эрсаринских усадьбах-ховлы:

а — на фасаде; б — на пахсовых стенах; в — на стенах кладовой (учек)

ванными резьбой воротами. Их створки маскировались накладным фигурным столбиком-колонкой. Своеобразным методом ритмичного членения стен являлась укладка пахсы рядами в 70—80 см высотой, а также сооружение в верхних участках стен декоративных полубашенок. Верхняя часть стен часто оформлялась зубчатой парапетом, слегка выступающим из плоскости верхних пахсовых блоков (см. рис. 13, а). Плоскость стен, особенно фасада, покрывалась линейным орнаментом.

Орнамент наносили по сырой плоскости стен по мере их возведения специальной лопаткой (*тереш калча*). Мотивы штрихового орнамента на пахсовых стенах: косые линии, наклоненные в разные стороны, простые геометрические фигуры (см. рис. 13). При такой отделке стены ховлы благодаря игре светотеней приобретали определенную живописность. По внешнему оформлению эрсаринские, мукринские, хатабские и сакарские ховлы с орнаментированными стенами, резными воротами и колоннами айванов являлись лучшими образцами туркменской архитектуры и орнаментики в XIX — начале XX в.

Любопытно отметить, что у хорезмских туркмен орнамент в виде геометрических фигур применяется только на внешней стороне стен двухэтажных помещений (телеков). По предположению Б. И. Вайнберг, это реликт какого-то обычая, связанного с помещением, где хранились пищевые продукты¹⁵. Туркменские усадьбы с двухэтажным телеком, по исследованиям С. П. Толстова, восходят, по всей видимости, к усадьбам типа Каптар-хана, памятникам хорезмийской культуры X—XIII вв.¹⁶

Приведенный материал, как и исследования В. А. Левиной, Д. М. Овезова и Г. А. Пугаченковой, свидетельствует о том, что жилые и хозяйственные постройки туркмен бассейна Средней Аму-Дарьи и Хорезма имели ряд общих черт как во внешнем облике и планировке, так и в строительной технике¹⁷. Несомненно и связи туркменской и узбекской народной архитектуры, отчасти в планировке. Это объясняется этнокультурными связями, стойкостью традиций, передававшихся из поколения в поколение и общностью природно-географических условий.

Третий тип туркменских жилищ составляют дома (там) пахсовой или кирпичной (из сырцового кирпича) кладки (см. рис. 12, а), а также жилища туркмен в некоторых горных местах юго-западной Туркмении, стены которых возведены из камня и глины. Все они имели плоскую земляную кровлю, бытовали в нескольких своеобразных разновидностях, проявлявшихся глав-

ным образом в планировке и внешнем облике. Только у мургабских туркмен-сарыков, реже у текинцев, строились жилые дома со сводчато-купольной кровлей, выложенной кольцевыми рядами (из сырцового кирпича размером 26 × 26 × 6 см) или же по принципу «ложного свода»¹⁸.

Наиболее старый вид жилища (там) однокамерный, в большинстве случаев без айвана.

Более поздний тип дома состоял из одного-двух помещений, расположенных в один ряд, реже под углом, и разделенных коридором или айваном (см. рис. 11, а, е). Жилые комнаты, как правило, были обращены глухой стеной к улице. Небольшие отверстия в стене и в кровле заменяли окна и дымоход.

Размеры жилых комнат второго и третьего типов в плане обычно определялись простым и удобным соотношением 2:3 с некоторыми небольшими отклонениями. Высота комнат была такой же, как во втором типе — 2,5—2,8 м.

В общей массе жилища типа там представляли собой небольшие темные помещения (см. рис. 12, а). Такого типа жилища бедняков, как гласит один из архивных документов, состояли всегда из «одной комнаты с боковыми — одним-двумя — отверстиями вместо окон и отверстием наверху для дыма вместо трубы. Поздней осенью и зимой, в холодную сырую погоду, жилье отапливается очагом, вокруг которого традиционно размещается вся семья во время еды и сна. Круглые сутки хижина бывает заполнена едким дымом»¹⁹.

Н. Чарыков такого типа жилища туркмен называл саклями²⁰, а Ф. А. Михайлов считал, что это жилища персидского типа²¹. Однако самобытность этих туркменских жилищ не подлежит сомнению. Исконность туркменских традиций в планировке, внешнем облике и внутреннем оформлении подтверждает изучение покинутых туркменских поселений на землях древнего и средневекового орошения в западной части Хорезмского оазиса, южнее г. Куня-Ургенча, в местности Уаз (Вас), Таджик-Ой, Таза-яб²². Отзвуки этих традиций можно проследить и в современном жилище некоторых колхозников Ленинского района²³ (рис. 14, б).

¹⁵ Э. Р. Барц. Орошение в долине реки Мургаб и Мургабское государевое имение. СПб., 1910, стр. 15—16; В. А. Левина. Указ. соч., стр. 326.

¹⁶ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 3, л. 39.

¹⁷ Н. Чарыков. Описание реки Аму-Дарьи от Петро-Александровска до переправы Чарджуя. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XV. СПб., 1885, стр. 174.

¹⁸ Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Ашхабад, 1900, стр. 39—40.

¹⁹ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 41—46; Б. И. Вайнберг. Туркменские поселения по Дарьялыку, стр. 133.

²⁰ Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг. «Полевые исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг.». М., 1959, стр. 188.

¹⁵ Б. И. Вайнберг. История туркменских поселений..., стр. 40.

¹⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 128—153, 158—159; он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 192—209, 278, рис. 90, 3.

¹⁷ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 28—35, 65—69.

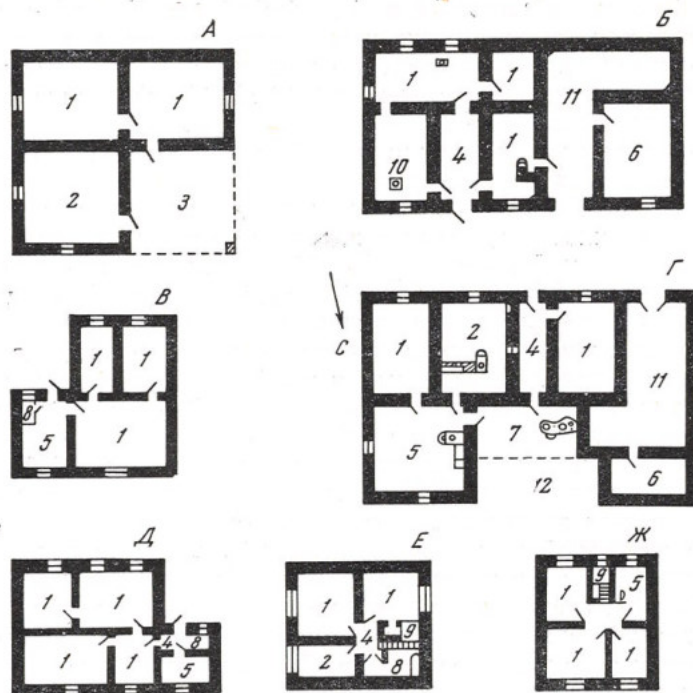

Рис. 14. План жилых и хозяйственных построек:

1 — жилые комнаты; 2 — михман-хана; 3 — айван; 4 — коридор; 5 — кухня, 6 — кладовая (червоводня); 7 — навес; 8 — санузел; 9 — лестничная клетка; 10 — очаг; 11 — сарай для скота; 12 — двор

Состав хозяйственных сооружений при втором и третьем типах жилища определялся экономическим положением владельцев. Зажиточные и байские хозяйства сооружали полный комплекс хозяйственных помещений, количество и размер которых зависели от количества рабочего и продуктивного скота. Подавляющее большинство бедняцких дайханских хозяйств имели лишь необходимый минимум примитивных хозяйственных помещений, которые размещались по-разному; чаще всего они примыкали к одной или двум глухим стенам жилища, либо к глинобитному забору. Другие стены хозяйственных помещений, особенно сарай для скота, представляли собой деревянный каркас, покрытый камышом и обмазанный глиной. В большинстве хозяйственных постройки, сарай и навесы для скота, например, на территории бассейна Аму-Дарьи были однотипны. Отличались

они главным образом размерами и материалом, из которых были сооружены.

Четвертый тип жилищ — это там-кепбе (см. рис. 12, б), сходный по планировке с третьим типом, но отличающийся от него техникой строительства и материалами.

При постройке там-кепбе в землю на глубину 0,5 м врывали четыре угловых деревянных столба высотой до 3 м с развилкой наверху. Если строили там-кепбе с двускатной крышей, то по середине торцовых стен вкапывали в землю еще два столба на 0,3 м выше угловых. На все столбы укладывали продольные балки в 13—15 см в диаметре, к которым прикрепляли поперечные балки (*кесеагач*) диаметром в 10—12 см. Все это образовывало деревянный каркас стен и основу крыши, которую покрывали с внешней стороны плетеными камышовыми циновками и обмазывали снаружи, а нередко и изнутри глиной, смешанной с измельченной соломой (*сувач*). Толщина обмазки стен едва достигала 2—4 см, а кровли — 5—7 см. Там-кепбе обычно имели деревянную одностворчатую дверь высотой в 1,2—1,4 м и шириной в 0,6—0,7 м.

Пятый тип туркменских жилищ — это *гуммез-кепбе*, очень примитивные, круглые в плане (юртообразной формы) постройки целиком из камыша, обмазанные глиной до куполообразной части (см. рис. 12, в).

Строительство *гуммез-кепбе* начинали со скрепления в месте пересечения четырех или шести положенных крест-накрест длинных (до 8—9 м) камышовых связок по 7—8 см в диаметре. Затем их поднимали на высоту до 3 и даже до 4 м, считая от места перекрещивания этих связок, а равные по длине концы согнутых в дугу связок укрепляли в небольшом углублении, сделанном в земле по кругу в соответствии с намеченным размером *гуммез-кепбе*. Таким образом, получалась куполообразная основа; далее камышовые дуги скрепляли по кругу на высоте 120—140 см другой камышовой связкой, называемой *белбаг*. Верхнюю куполообразную часть такой основы покрывали небольшими связками камыша так, чтобы один конец упирался в верхнюю часть купола, а второй укреплялся с помощью *белбага*. Затем верхнюю часть *гуммез-кепбе* покрывали тонким слоем мокрого мелкого камыша, спуская его концы до *белбага*. К нижней части от *белбага* до земли прикрепляли циновки и обмазывали их снаружи слоем глины толщиной в 2—3 см. Дверь имела ширину 60—65 см и высоту 120—140 см. В центре *гуммез-кепбе* был устроен открытый очаг, дым от которого выходил через дверь и пробивался через камышовую куполообразную часть кровли.

Шестой тип жилища — свайные деревянные постройки — *аяклы там*²⁴. Они состояли из двух, обычно одинаковых по раз-

²⁴ Буквально: дом с ногами.

меру жилых комнат. Такой тип построек был характерен только для туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря. Появление такого типа жилища в этом районе источники относят к концу XIX — началу XX в.²⁵ Этнографическое описание аяклы там подробно дает А. Джикиев. Аяклы там, по данным этого автора, имели ряд преимуществ перед другими типами. Прежде всего они позволяли туркменам жить у самого моря, являвшегося для них источником существования.

Седьмой тип — *чатма* (шалаш) — простое по устройству, небольшое, всегда однокамерное жилище бедняков. Его строили из веток кустарника или из камышовых плетенок (*буйра*) и обмазывали с внешней стороны глиной.

В конце XIX в. на территории Закаспийской области появились дома русских крестьян-переселенцев, возведенные в основном на каменном фундаменте из сырцового кирпича, с плоской, как у туркмен, земляной, а нередко двух- или четырехскатной камышовой или железной крышей. Жилые дома русских отличались от туркменских там лучшей внутренней и внешней отделкой, большим числом — от двух до шести — окон, печным отоплением, наличием деревянного пола, оштукатуренными и побеленными стенами и потолком. Бытование такого типа жилища оказывало некоторое влияние на улучшение оседлого туркменского жилища.

По внутреннему устройству и убранству постоянное жилище туркмен различных районов было более или менее однородным. Оно наглядно отражало благосостояние, культуру и быт жившей в нем семьи. Подавляющее большинство туркменского дайханства, особенно в приамударьинских районах, жило в тесных и неудобных помещениях, обогревавшихся по-черному. В силу этого семьи в холодное зимнее время испытывали множество лишений и неудобств. По традиции все члены туркменской семьи спали и принимали пищу на полу. Очень часто в бедняцких семьях в качестве одеяла использовали верхнюю одежду: стеганый халат, шубу, войлочную накидку. Зимой в жилом помещении вместе с людьми находились телята, ягнята, козлята. Все это создавало тяжелые антисанитарные условия, трудно было дышать от дыма, сырости и испарений. Несколько улучшался быт сельских жителей в теплое время года, когда они перебирались жить под крытый айван или под тень деревьев. Большинство стариков, с которыми нам приходилось вести беседы, рассказывали, что они и их семьи с большим нетерпением ждали наступления теплого времени года, чтобы избавиться от едкого дыма и закопченного жилья. Именно поэтому айваны всегда играли в жизни туркмен огромную роль.

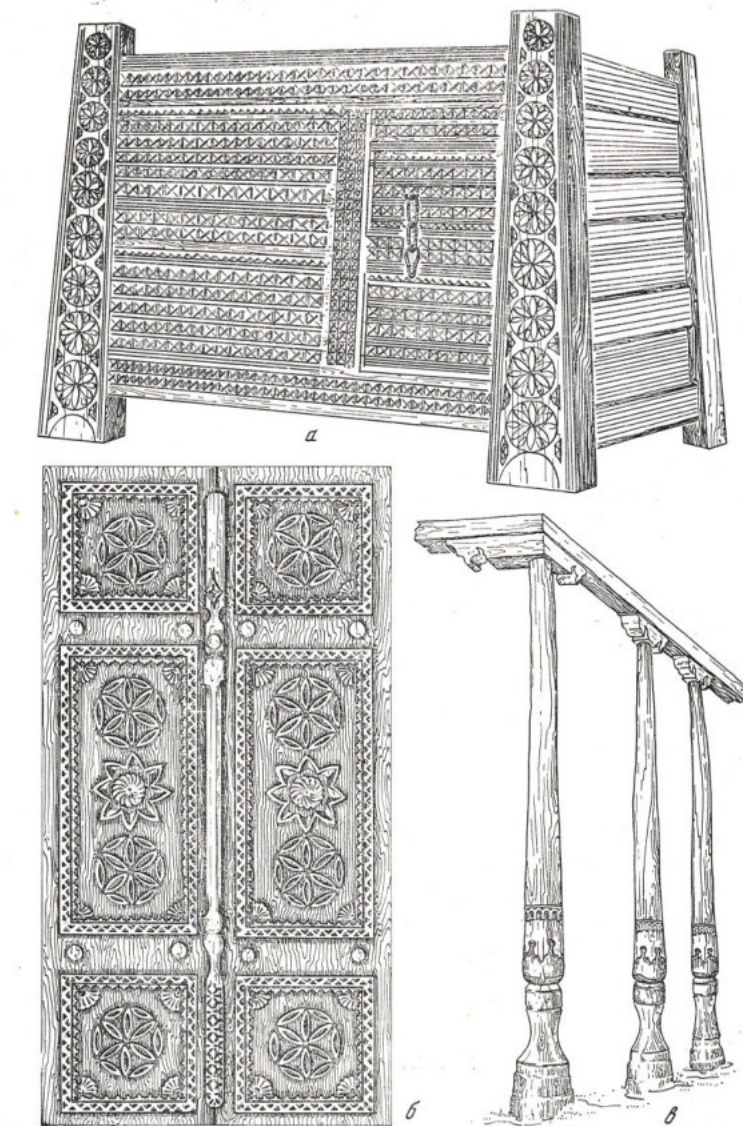

Рис. 15. Резьба по дереву:

а — на шкафчике; б — на двери; в — на колоннах айвана

²⁵ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья..., стр. 84—86.

Планировка туркменских дайханских жилищ была в основном сходной во всех районах Туркмении. Жилой комплекс обычно состоял в зависимости от численности семьи, а главное, от достатка хозяина из одной, двух или нескольких комнат с айваном.

Внутреннее убранство жилищ рядовых дайхан, как уже отмечалось, было крайне незатейливо. Земляной пол в глубине против входа покрывался камышовыми плетенками или циновками (буйра, экен), в более состоятельных хозяйствах сверху стелили кошмы, реже паласы, а в зажиточных домах и ковры. Место за очагом против входа в жилище считалось почетным, здесь принимали гостей. У стенки за почетным местом на специальной подставке или туркменского типа шкафчике (*шкафжык*) складывали стопкой постельные принадлежности (рис. 15, а).

Справа от входа (женская половина) на полу располагалась кухонная утварь и некоторые другие предметы домашнего обихода; здесь же висела колыбель (*саланчак*). Слева находились мешки с запасами продовольствия, конская сбруя и мелкие орудия труда. «Домашняя утварь туркмен, — свидетельствуют архивные документы, — также незатейлива: одна-две *кясы* (*пиалы*), чашки, кувшины, в которых подавали воду для омовения, деревянная чашка для замешивания хлеба, *казан*, один-два чайника, ручная мельница *дегирмен* (*хараз*) и *чигирин* — примитивное орудие для очистки хлопкового волокна от семян. На полу кошмы, а у более зажиточных — ковры»²⁶.

Все это дает основание усомниться в правильности обобщенной характеристики убранства туркменских жилищ, которую приводят в своей работе В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова, утверждая, что «на стены навешивались большие и малые чучалы (сумки для складывания в них вещей), осмолдуки, хурджуны (вьючные торбы) и другие ковровые вместилища для домашнего скарба, заменявшие европейскую мебель и азиатские ниши. Их благодарная красная расцветка, бархатистая фактура, тонкий и строгий узор вносили в оформление интерьера большую живописность. Впечатление дополняли растянутые на глинобитном полу большие ковры или узорчатые кошмы»²⁷. Такое убранство было в жилищах более зажиточных туркмен и у представителей господствующего класса. В обстановке их жилищ можно было встретить подлинные образцы художественного творчества мастеров народного прикладного искусства — настенные ковровые или комбинированные ворсовые и безворсо-

вые *чучалы* и сумки, торбы, мешочки с длинными шерстяными кистями, на полу — ковры, *паласы*, орнаментированные *кошмы*. В сочетании с богатыми постельными принадлежностями, уложенными стопкой на сундуках против входа, и другими предметами обихода они создавали красочный интерьер. Художественно оформленные предметы быта собственного изготовления встречались и в жилищах рядовых туркмен, но они не определяли общего убранства. В жилищах бедняков ковры, паласы и цветные кошмы отсутствовали.

Низкий жизненный уровень, нищета и бескультурье большей части туркменского населения не могли не сказаться на общей массе жилых и хозяйственных построек. Они в большинстве своем были тесными, темными, с примитивным отоплением.

После присоединения Туркмении к России и почти до установления на ее территории Советской власти существенных изменений в типах жилища и его убранстве у преобладающего большинства сельских жителей не произошло. Только в жилище зажиточной части населения постепенно стали появляться железные, реже чугунные печи, в окнах — стекло, местами светильники заменялись керосиновыми лампами.

Приведенные выше данные о традиционных типах туркменского жилища и его убранстве могут служить наглядным доказательством развитых нами в первой главе настоящей работы положений о своеобразии формирования многих относительно крупных родоплеменных групп туркмен, включавших различные этнические компоненты. Они свидетельствуют также об этнических и культурных связях не только между отдельными племенами туркмен, но также между туркменами и узбеками Бухары и Хорезма, каракалпаками Хорезма, казахами северо-западной Туркмении и Хорезма.

Например, этнокультурные связи легко прослеживаются между населением Чарджоуского и Керкинского районов, а также между последними группами и хивинскими човдурами, гокленами и емерли. Для всех названных групп характерен замкнутый усадебный комплекс, сходный по внешнему облику и планировке; почти в одинаковой степени у них распространена была и юрта.

Не менее показательны равная степень распространения и сходство внешнего облика и планировки там, гуммез-кепбе и юрты у туркмен южных районов Средней Аму-Дарьи и у текинцев, сарыков и эрсари Мургаба. Наблюдается много общих черт в жилище туркмен Теджена и Мургаба, а также в жилищах туркмен Копет-Дага, Атека и Сумбара.

В этом плане интересно повсеместное стойкое сохранение в Туркменистане, как и у других народов Средней Азии, манеры складывать стопкой на шкафчике, на специальной подставке или в нише постельные принадлежности, причем эта деталь убранства служит как бы показателем благосостояния семьи.

²⁶ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 3, л. 79; ф. 67, оп. 1, ед. хр. 70, л. 41.

²⁷ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 33.

За годы социалистического строительства, как уже отмечалось, коренным образом преобразованы все сельские поселения, неузнаваемо изменились и типы жилищ. Современный жилой фонд, производственно-хозяйственные и культурно-бытовые сооружения колхозов и колхозников в большинстве районов Советского Туркменистана сложились за последние 25—30 лет. В районах Копет-Дага новое строительство приняло огромные масштабы после землетрясения 1948 г. Во многих колхозах Средней Аму-Дарьи, Мургаба, а также Копет-Дага новое строительство особенно широко развернулось после 1954 г., т. е. после укрупнения колхозов и последовавшей вслед за этим разработки перспективных планов развития общественного хозяйства, поселений и жилищ.

Новое строительство с каждым годом расширяется. Это обусловлено все возрастающим развитием общественного хозяйства колхозов, ростом материального благосостояния и неуклонным повышением культурного уровня самих колхозников, их стремлением благоустроить свой быт.

В настоящее время в колхозных селениях бытуют два типа застройки: замкнутый двор, когда все жилые и хозяйственные постройки обнесены высокой стеной (*дувалом*), и открытые при доме и хозяйственных постройках небольшие площадки.

Рассмотрим, насколько распространены эти типы в бассейне Средней Аму-Дарьи. Здесь, например, в поселках колхоза им. Халтурина Чарджоуского района, по данным анкетного обследования, замкнутых дворов оказалось около 70%, а в поселках колхоза им. Жданова Керкинского района — только 11%.

ТАБЛИЦА VI. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАМКНУТЫХ И ОТКРЫТЫХ ДВОРОВ В КОЛХОЗНЫХ СЕЛЕНИЯХ НА СРЕДНЕЙ АМУ-ДАРЬЕ

Колхозы	Районы	Тип двора	
		замкнутый	открытый
«Большевик»	Дейнауский	96	10
Им. Куйбышева	Чарджоуский	74	23
«7 ноября»	»	136	29
«Коммунист»	Фарабский	94	12
«Искра»	Бывш. Куйбышевский	58	43
«Большевик»	»	43	11
Им. Калинина	Саятский	12	97
Им. Куйбышева	»	14	76
Им. Калинина	Карабекаульский	9	68
Им. Ленина	Керкинский	5	93

В 1958 г. была произведена дешифровка аэрофотосъемок в 10 из 326 колхозных селений на Средней Аму-Дарье. Дешифровка отпечатков дала возможность выявить соотношение рассматриваемых типов застройки (табл. VI).

Приведенные в табл. VI данные в сочетании с другими материалами, полученными нами при сплошном этнографическом обследовании колхозных селений в бассейне Средней Аму-Дарьи, позволили сделать следующие выводы.

На территории Дейнауского, Чарджоуского, Фарабского и части бывш. Куйбышевского района, т. е. в северной части бассейна Средней Аму-Дарьи, преобладают замкнутые дворы; в Саятском, Карабекаульском, Ходжамбасском, Чаршангинском и Керкинском районах, т. е. в южной части бассейна, — открытые. Промежуточное, как бы переходное положение занимает юго-восточная часть бывш. Куйбышевского и северо-западная часть Саятского района, где почти в равной степени бытуют оба типа.

В то же время нельзя не отметить, что замкнутые дворы в северной части бассейна ни по архитектурному оформлению, ни по размерам и планировке принципиально не отличаются от такого же типа дворов в южных приамударьинских районах. Это позволяет говорить об общности типа бытующего ныне замкнутого двора у туркмен Средней Аму-Дарьи. Широкое его распространение как здесь, так и в районах бывш. Ташаузской области, объясняется давней традицией. Такие типы двора находят себе параллели у узбеков²⁸ и каракалпаков²⁹. Замкнутый двор имеет обычно два входа: первый со стороны улицы, нередко с большими массивными двустворчатыми воротами и полубашнями, а второй, с небольшой дверью, со стороны приусадебного участка — сада и огорода.

Внутренняя планировка жилых и хозяйственных помещений, по мнению многих владельцев, обусловлена стремлением расположить отдельные постройки наиболее удобно с точки зрения их назначения и очертаний всего комплекса, включая озеленение и орошение. Хозяйственные постройки в большинстве дворов изолированы от жилых и размещаются вдали от них.

По планировке замкнутый тип усадьбы можно подразделить на три основных варианта.

Первый вариант — жилые и хозяйственные постройки одной семьи объединяются в один комплекс. Жилая часть фасадом выходит на улицу. Справа от ворот идут жилые комнаты, двери которых выходят на террасу или айван (см. рис. 11, Б, В). Одна

²⁸ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 278—279; К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, стр. 92—95.

²⁹ У. Шелекенов. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем. «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков». М., 1958, стр. 328—338.

из этих комнат — гостиная (*михман-хана*). По другую сторону от ворот, вдоль стен замкнутого двора размещены хозяйственные постройки и навесы для скота (см. рис. 11, Б). Иногда к дому примыкает кладовая с отдельным входом со двора — это помещение обычно используется под червоводню (см. рис. 11, Б, В).

Второй вариант — жилые и хозяйственные постройки размещены вдоль правой и левой (считая от ворот) стены двора (см. рис. 11, Е, В). Жилая часть состоит из двух-трех отдельных помещений. Справа от входа в усадьбу расположена *кермекхана* — червоводня, кладовая. У задней стены двора, выходящей на приусадебный участок (*мелек*), расположены навес и сараи для скота. Разновидностью этого варианта являются дворы, в которых жилые помещения и гостиная имеют общий вход через террасу или айван и нередко соединены между собой дверьми и общим выходом во двор (см. рис. 11, Д, Ж). Иногда к дому примыкает небольшая озелененная площадка, отделяющая хозяйственную часть двора и место для скота.

В третьем варианте все жилые комнаты и подсобные помещения расположены вдоль стены, обращенной на улицу (см. рис. 11, В, З).

В ряде случаев к айвану или непосредственно к жилому помещению примыкает легкое каркасное сооружение — удлиненного типа беседка, обвитая виноградом.

Наиболее характерная планировка жилых и хозяйственных сооружений в открытом дворе представлена на рис. 11, Г—З. Такая планировка распространена в южных районах Средней Аму-Дарьи, а также в долинах Мургаба, Теджена и в районах Копет-Дага.

В колхозных поселках Ташаузской группы районов преобладают замкнутые дворы, обнесенные высоким глинобитным дувалом. Планировка жилых и хозяйственных помещений внутри этого двора более сложная, чем на Средней Аму-Дарье. В ней сохраняется больше традиционных черт; например, во дворе выделяется место для юрты, часто можно встретить там и двухэтажный учек. Нельзя не отметить, что у хорезмских туркмен на формирование современных жилищ большое влияние еще оказывают старинные навыки туркмен и соседнего узбекского населения³⁰.

В целом по республике в современном жилом фонде колхозников преобладают дома, построенные по типовым проектам, и дома традиционного зодчества, заметно модернизированные и благоустроенные. Существенно улучшилась их планировка, внешний вид и внутренняя отделка (рис. 16). Они имеют

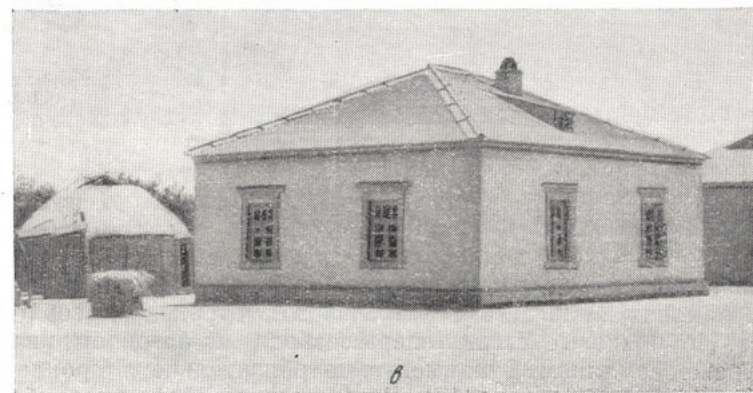
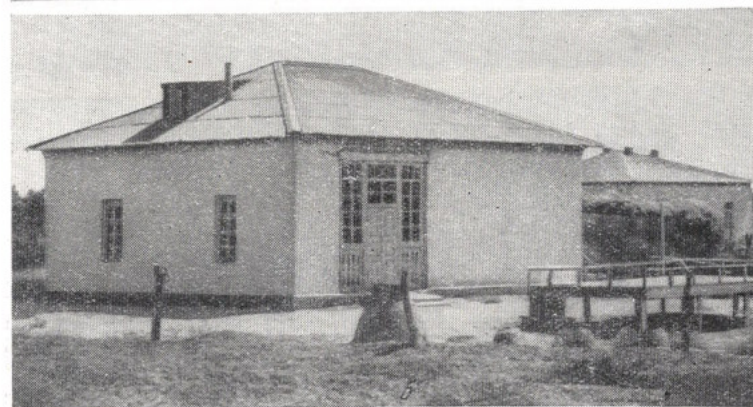
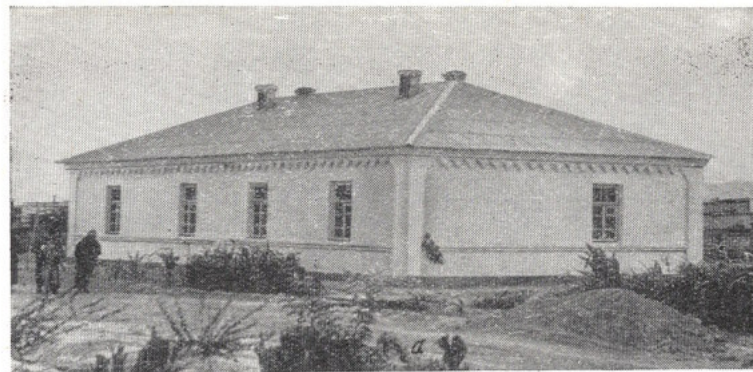

Рис. 16. Жилые дома колхозников, возведенные по типовым проектам: а — в колхозе «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района; б — в колхозе им. Калинина Тедженского района; в — в колхозе «Красный Октябрь» Туркмен-Калинского района

³⁰ Г. Е. Марков. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса..., стр. 51—58; Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., стр. 188.

Рис. 17. Дома из пахсы:

а — в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района; б — в колхозе им. Жданова Керкинского района

большие застекленные окна и печное отопление. В приамударыньских районах в качестве строительного материала преобладает пахса. Но пахсовые стены теперь возводят на бетонном, кирпичном, реже земляном, фундаменте, но обязательно с прокладкой рубероида или толя (рис. 17). В остальных районах республики, за исключением юго-восточного побережья Каспийского моря и Каракумов, дома строят на таком же фундаменте, как на Средней и Нижней Аму-Дарье, но из сырцового, реже жженого кирпича и только в некоторых селениях Копет-Дага встречаются глинобитные жилые дома.

За семь лет колхозники и сельская интеллигенция построили свыше 127 тыс. новых благоустроенных жилых домов³¹.

В колхозе «Правда» Мургабского района новые дома возвели 180 семей. Дома колхозников имеют просторные светлые комнаты, большие окна. Дворы благоустроены и озеленены. В тени акации, тутовника, виноградника устроены беседки. Туркменки тщательно следят за чистотой своих новых жилищ. Возросшее благосостояние сказывается на богатстве внутреннего убранства: всюду яркие туркменские ковры, паласы, цветные кошмы. В связи с изменившимися условиями быта и подъемом общего культурного уровня населения колхозники теперь уже не могут обходиться без современной мебели. Традиционное убранство в домах дополняют кровати, столы, стулья, шифоньеры, этажерки с книгами. Многие имеют радиоприемники, холодильники, электрические утюги и другие предметы современного быта.

В колхозе «Москва» Мургабского района только в 1960 г. 465 из 589 семей колхозников построили себе новые жилые дома со всеми удобствами. В этом колхозе имеются средняя и восьмилетняя школы, четыре детских сада, семь сезонных детских яслей, семь типовых полевых станций, баня, больница, гостиница, родильный дом, три фельдшерских пункта, парикмахерская, швейная и сапожная мастерские, хлебопекарня, мельница, магазины, летний и зимний клубы, библиотека, радиоузел, телефонная станция, стадион. Начато асфальтирование проезжей части улиц и тротуаров³².

В 1966 г. 500 семей колхозников колхоза «Коммунизм» Керкинского района справили новоселье в домах, сооруженных по типовым проектам³³. Переселились в новые благоустроенные жилые дома с электричеством и 70% семей колхозников колхоза «Правда» Тахтинского района. За два года в колхозах Куны-Ургенчского района сооружено 1200 жилых домов, большое количество школ, кинотеатров, библиотек, детских учреждений³⁴.

Все эти примеры — не какое-то редкое исключение. Таких благоустроенных колхозных поселков в районах Копет-Дага, Теджена, Мургаба, да и в целом по республике становится все больше. Назовем еще поселки колхоза «40 лет ТССР» Ашхабадского района, сельхозартели им. Калинина Тедженского района, колхоза им. Кирова Каахкинского района. С каждым годом улучшается их благоустройство, здесь озеленяются и асфальтируются улицы и идет большое жилищное и культурно-бытовое строительство.

³¹ «Туркменская искра», 6 ноября 1964 г.

³² «Туркменская искра», 31 января 1961 г.

³³ «Туркменская искра», 11 февраля 1967 г.

³⁴ «Туркменская искра», 30 марта 1968 г.

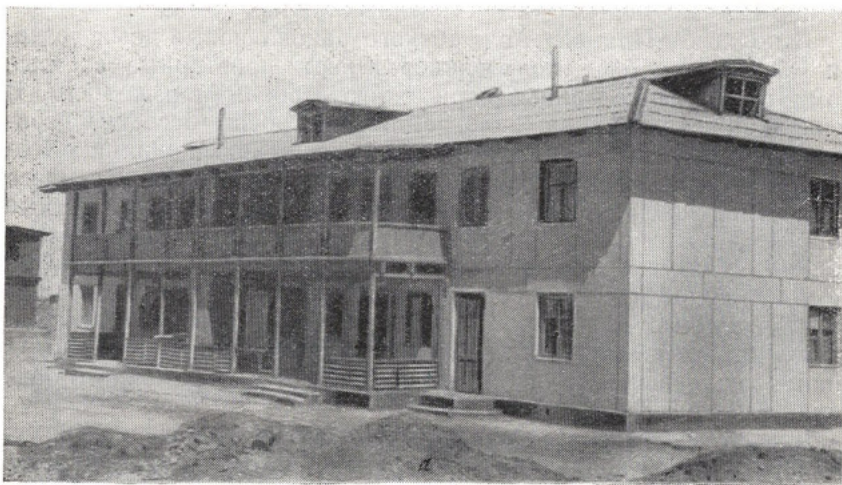

Рис. 18. Новые жилые дома с удобствами в совхозах в зоне Каракумского канала:

а — многоквартирный дом в совхозе № 9 Тедженского района; б — двухквартирный дом в совхозе «Москва» Байрам-Алийского района

Отмечая широкий размах современного сельского жилищного строительства в Туркменистане, нельзя не остановиться и на некоторых отрицательных сторонах. Это касается массовой застройки селений многоквартирными домами в районе освоения целинных земель в зоне Каракумского канала (рис. 18, а).

Главный недостаток этих домов — небольшая высота жилых комнат, всего 2,5 м. В квартирах с таким низким потолком в знойное летнее время невероятно душно и жарко. Нередко одна или две комнаты квартиры расположены на втором этаже, связь между этажами осуществляется посредством внутренней лестницы, узкой и крутой.

В связи с этим рабочие и служащие совхозов, особенно туркмены, часто отказываются от квартир в домах такого типа.

Современные жилые дома сельских жителей Туркменистана при всем их многообразии можно в общем свести к восьми типам.

К первому типу мы относим все жилые одноквартирные многокомнатные дома с кухней, передней или айваном, построенные по типовым проектам (см. рис. 16), с планировкой, показанной на рис. 14, так и без проектов, по своему вкусу, с использованием лучших традиций народного зодчества.

Такие дома имеют большие застекленные окна, деревянные полы, оштукатуренные потолки, побеленные стены, плоскую земляную кровлю, края которой оформлены двумя-тремя рядами жженого кирпича и желобками для стока дождевой воды (см. рис. 17, а). Земляная кровля по своей конструкции и использованным материалам создает необходимую теплоизоляцию, обеспечивая тепло зимой и прохладу летом. За последние несколько лет кровлю стали делать двух-, реже четырехскатную, покрытую шифером (см. рис. 16, а — в). Другой новой архитектурной особенностью в домах этого типа являются сплошь или в большей своей части застекленные террасы (айваны). Оформление таких террас и открытых айванов имеет множество местных вариантов. Широко применяются различные цвета для окраски масляной краской деревянных деталей. Это придает жилищу туркменских колхозников более привлекательный вид. Возведенные за последние пять-шесть лет жилые дома, особенно по типовым проектам, по своей планировке, конструкции и внешнему облику однотипны почти во всех районах республики, и в частности в южном и юго-западном Туркменистане. Различия проявляются лишь в размерах, а местами в деталях, составляющих местную специфику, например, в южных районах Средней Аму-Дарьи — открытый айван, разделяющий жилые помещения семьи, в северных районах — замкнутый комплекс жилых и хозяйственных помещений.

К первому же типу мы относим и камышитовые щитовые дома, стены и крыша которых обмазаны глиной. Дома эти состоят из двух-трех жилых комнат с айваном и кухней. Они светлые и сухие. Отапливаются железными или чугунными печами. Наиболее распространены камышитовые дома на животноводческих фермах колхозов и совхозов в Каракумах и на землях нового орошения в зоне Каракумского канала.

Для улучшения и ускорения строительства жилых домов правления колхозов заключают соглашения с межрайонными строительными организациями (колхоз им. Жданова, колхоз «Коммунизм» Керкинского района), либо специально организуют строительные бригады (колхоз «Большевик» Ильялинского района, колхоз им. Халтурина Чарджоуского района). Готовые дома по решению общих собраний колхозников передают в личное владение наиболее нуждающимся и активно участвующим в общественном производстве колхозникам с оплатой в рассрочку в течение 5—10 лет. Однако чаще всего помощь колхоза колхозникам в строительстве новых домов выражается в снабжении за наличный или безналичный расчет лесоматериалами, жженым кирпичом, шифером, гвоздями, красками и др., а также в предоставлении автотранспорта. Иногда в помощь выделяются колхозные каменщики, плотники и другие мастера.

Второй тип жилищ — это одно-, двух- и многоквартирные одноэтажные дома, построенные по типовым проектам (в основном в совхозах). Изолированные квартиры состоят из трех и четырех комнат, кухни, передней, ванной, санузла. В стенах встроены шкафы. Планировка кухни рассчитана на установку стандартного оборудования. Перед домами этого типа имеются небольшие озелененные участки (см. рис. 18, б).

Третий тип — двух- и трехэтажные многоквартирные дома с многокомнатными благоустроенными квартирами, со всеми удобствами, как и во втором типе (см. рис. 18, а).

Остальные пять типов бытующего жилища — старые и за исключением юрты модернизированные и благоустроенные. Среди них дома (там), состоящие из одного или двух жилых помещений, смежных или разделенных айваном, кухней, передней, относимые нами к четвертому типу. Стены таких домов возведены из пахсы или сырцового кирпича и оштукатурены. К этому же типу мы относим и дома, состоящие из двух, а иногда из трех однокамерных жилых помещений, разделенных передней или айваном. В таких домах живут семьи близких родственников или брачные пары неразделенных семей.

Пятый тип — деревянные дома на сваях в две, реже в три жилые комнаты. С двух или трех сторон дома имеют навес — *саябан*. Двускатная кровля покрыта шифером, черепицей или гесом. Края крыши и рамы окон иногда украшены резьбой. Двери дома двустворчатые. Каждая комната имеет отдельный вход, и, кроме того, все они соединяются между собой. Потолок обшит обычно фанерой³⁵. Такие дома наряду с там, а местами и юртой являются основным типом жилища на всем юго-восточном побережье Каспийского моря.

³⁵ А. Джикиев. Поселения и жилища туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 83—87.

Шестой тип — там-кепбе, прямоугольные в плане каркасные деревянные сооружения, обитые камышовыми циновками (*буй-ра*), обмазанные снаружи и изнутри глиной и иногда побеленные известью. В каждой жилой комнате одно или два небольших окна.

Отапливаются там-кепбе железной или чугунной печью, которая, как правило, устанавливается на расстоянии 120—140 см от стен и входной двери. В крыше имеется отверстие для трубы, обложенное черепками гончарной посуды для предохранения от пожара.

Седьмой тип — круглые в плане камышовые сооружения, наполовину обмазанные снаружи, а реже и изнутри глиной — гуммез-кепбе (см. рис. 12, в). Такие сооружения используются как постоянное жилье лишь некоторыми престарелыми колхозниками по старой традиции.

Наконец, к восьмому типу мы относим все еще сохраняющуюся по традиции юрту в показанных на рис. 4 ее разновидностях. В преобладающем большинстве юрта, как и гуммез-кепбе, используется как подсобное нежилое помещение.

Сопоставление современных типов жилищ с бытовавшими на территории Туркмении в дореволюционное время обнаруживает полное исчезновение усадьб-ховлы, владельцами которых являлась в основном зажиточная верхушка туркменского общества, и полуземлянки — чатма — жилища бедняков и батраков, связанное с изменением социального состава населения и ростом благосостояния и культуры всего сельского населения.

Новое в жилище колхозников проявляется в основном в расширении жилой площади, изменении планировки, улучшении конструкции и внешнего облика. Каждое жилое помещение имеет от одного до трех и более окон с переплетами на 6 и 8 стекол. Двери в большинстве одностворчатые, часто филенчатые, высота помещений от 2,5 до 3 м. Новым для всех современных жилищ является устройство потолка и пола. Обогреваются жилые комнаты железными или чугунными печами, реже печью с плитой.

Характерную особенность составляют два сквозных отверстия в стенах, сделанные почти на уровне пола. Одно из них обычно сделано в сторону господствующих ветров, а второе на противоположной стороне, что создает условия для постоянной вентиляции. Зимой эти продухи замазываются глиной.

Для современного жилища сельского населения приамурских районов характерно устройство ниш в стенах (*тегиче*), расположенных, как правило, слева и справа от входа на разной высоте от пола. В нишах обычно хранят посуду и различные мелкие вещи домашнего обихода.

Как специфическое явление следует отметить использование некоторыми колхозниками двустворчатых, орнаментированных

сложной резьбой дверей (см. рис. 15, б) от старых ховлы или юрт, а также оформление деревянных колонн айванов характерными для старых ховлы традиционными частями типа подбалок, капителей (см. рис. 15, в). Попытка выяснить названия отдельных деталей оформления колонн так же, как и рисунка на резных дверях, воротах и шкафах, не дала существенных результатов. Старики-информаторы обычно отвечали, что такие детали были сделаны давно туркменскими мастерами (*уста*), а если иногда их делают теперь, то по старому образцу (*пасону*), не зная названия орнамента.

На рис. 15 приведены сделанные нами зарисовки орнаментированных колонн, двери и шкафа. Орнамент состоит из геометрических фигур, реже встречаются растительные мотивы. Эти традиционные для туркменского народного искусства мотивы находят аналогии в орнаменте двери из Кават-кала³⁶.

В целом архитектурные украшения в современном жилище более строгие и применяются скупее, чем это можно было видеть, например, в эрсаринских, сакарских, мукринских, хатабских ховлы.

Многие жилые дома тщательно оштукатурены и нередко выбелены как внутри, так и снаружи. Важнейшее значение придается озеленению дворов вьющимся виноградом, абрикосовыми, тутовыми и другими видами развесистых деревьев. Под их тенью обычно устраивают большой деревянный помост (*суфа*).

Различия между отдельными типами современного жилища в основном выражаются в планировке и количестве жилых комнат.

Наиболее удачна планировка жилых домов, рассчитанных на среднюю семью. Это прямоугольный дом, разделенный на три жилые комнаты, с коридором, кухней или айваном (см. рис. 11, Б; 14, А, В). Две жилые комнаты выходят окнами на улицу, третья комната, кухня и айван — во двор.

На каждом приусадебном участке, кроме жилых помещений, возводятся сооружения для хозяйственных целей: сарай для скота и птицы, реже помещения для выкормки шелкопряда, используемое также как кладовая-амбар. В большинстве случаев одно из этих помещений примыкает к глухой стене жилого помещения. Нередко сарай для скота имеет одну-две стены пахсовой кладки, а остальные камышовые, обмазанные снаружи глиной. Часто скот содержится под навесом. В каждом дворе имеется очаг для приготовления пищи и *тамдыр* для выпечки лепешек.

В настоящее время изменения в жилище тружеников туркменского села становятся особенно заметными. Подъем сельскохозяйственного производства повышает материальное благосос-

тояние, развивает культурные потребности колхозников и рабочих совхозов. Колхозники стремятся благоустроить свое жилье и домашний быт. Этим и объясняется тот широкий размах строительных работ, о котором говорилось выше.

* * *

Современное убранство туркменских жилищ ярко отражает не только возросшее благосостояние, но и изменившиеся условия быта в связи с возросшими культурными потребностями населения. Прежде всего характерно интенсивное проникновение в быт колхозников Туркменистана элементов современного городского интерьера, которые с каждым годом все больше и больше изменяют старый стиль дайханского жилища. Степень проникновения новых современных предметов домашнего обихода неодинакова: в одних семьях их много, в других меньше или очень мало, что зависит не только от материальной обеспеченности, но и от культурных запросов членов семьи, их личных склонностей и вкусов. Тенденция замены предметов старого быта новыми, современными наблюдается прежде всего в семьях местной интеллигенции, в семьях молодежи, учащейся молодежи, руководящих работников сельского хозяйства и т. д. В их жилище преобладают предметы городского интерьера: зеркальный шифоньер, книжный шкаф, этажерка, мягкий диван, нарядно убранные кровати, стенные часы, репродукции картин и т. д. Размещаются эти предметы в основном в гостиной (михман-хане), в комнате учащейся молодежи, в спальне, а некоторые предметы и на веранде (айване). Интерьер жилища нередко дополняют красочные туркменские ковры, различные ковровые изделия, вышивки, орнаментированные паласы и кошмы.

Очень интересны и в смысле оформления интерьеров жилища случаи, когда одна семья имеет комнаты, убранство которых выдержано в современном городском стиле, а другие комнаты в традиционном национальном. Показателен в этом смысле дом Аннали Сапарова в колхозе «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района, О. Досова в колхозе им. Жданова Керкинского района, Овез Керимова в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района и др.

Черты традиционного убранства домов в большей степени сохраняют в настоящее время семьи, состоящие из трех поколений и семьи стариков, отдельно живущих от своих взрослых детей.

Однако в убранстве их жилища наряду с традиционными предметами бытуют и новые элементы — радиоприемники и репродукторы, электрическое освещение, цветные плакаты, семейные фотографии, грамоты членов семьи, награжденных за высокие показатели, активную общественную работу, успехи в учебе,

³⁶ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 163, рис. 99.

спорте, при прохождении службы в Советской Армии. Все это свидетельствует о том, что в таких домах живут люди, тесно связанные с интересами своего колхоза, совхоза.

В силу живучести старых традиций в некоторых семьях колхозников при наличии кроватей и диванов спят на полу, покрытом кошами, паласами или коврами; при наличии стола и стульев пищу принимают сидя на полу.

Опишем для примера характерное для многих убранство жилища бригадира третьей тракторно-полеводческой бригады колхоза им. Жданова Керкинского района. Его дом, построенный в 1959 г., состоит из двух комнат, разделенных небольшой (около 7 м²) передней; вход в комнаты через переднюю. Три больших окна выходят на улицу, два во двор. Стены оштукатурены, а внутри и побелены. Перед входом в дом установлена юрта, служащая кухней. Жилая комната справа от передней убрана более современно. Здесь у стены против входа стоит никелированная кровать. У кровати на стене цветной палас. В левом углу от нее — тумбочка с радиоприемником, у левой стены, между двумя окнами, — стол и два стула. Над столом зеркало, а по его бокам семейные фотографии. Чуть ближе, в углу, стоит этажерка с книгами. У правой стены — шкаф туркменского типа со стопкой сложенных сверху запасных постельных принадлежностей. По обе его стороны стулья и табуретки. Слева, сразу от входа в комнату, вешалка для верхней одежды. Угол занят чугунной печью. На окнах — тюлевые занавески. Деревянный пол покрыт двумя кошами, а сверху ковром.

В другой комнате (слева от передней) противоположная от входа стена занята сундуком, на котором сложены постельные принадлежности. Левый угол занят детской кроватью. Справа от входа на специальных подставках — мешки с запасами продовольствия. У левой стены швейная машина, вешалка для одежды.

Земляной пол покрыт камышовой плетенкой, а сверху одна часть — паласом, другая — орнаментированной кошмой.

Убранство юрты почти полностью повторяет старые традиции.

Ушли в область предания бытовавшие еще в недалеком прошлом невзрачные, закопченные жилища с пропитанными дымом предметами быта. В настоящее время внешний облик поселения и жилища, его внутреннее убранство и благоустройство — наглядный и убедительный пример возросшей материальной обеспеченности туркмен.

Спрос жителей туркменского села на современную мебель, предметы убранства домов и различные культтовары в настоящее время очень велик.

Сельские и районные магазины не обеспечивают потребности колхозников. Часто за такими предметами быта ездят в большие города и республиканские центры.

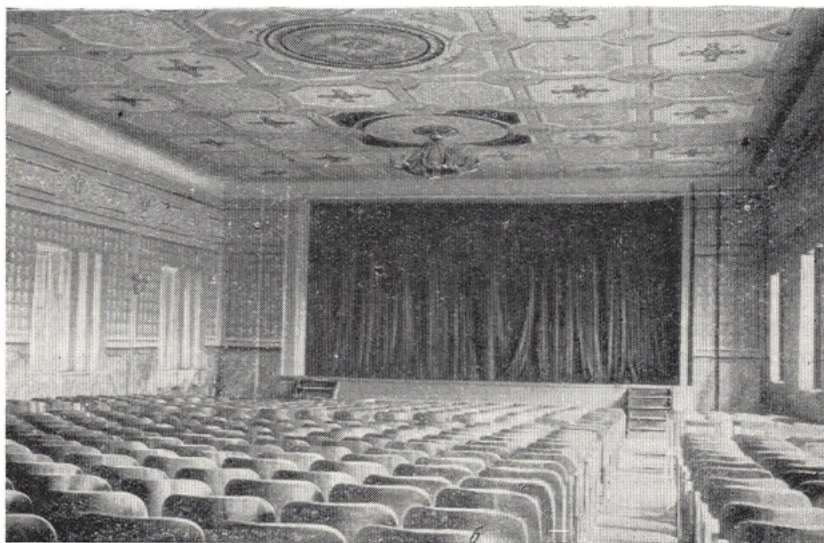

Рис. 19. Дом культуры колхоза «Зарпчи» Марыйского района

а — общий вид; б — зрительный зал

Важными элементами благоустройства являются электрификация, радиофикация и газификация, словом, все то, что стало обычным для поселений городского типа. Ярким примером в этом отношении является колхоз «Зарпчи» Марыйского района, где все жилые дома имеют электропроводку, радиоточки и около 200 домов уже газифицированы. Такое же положение в колхозе им. Халтурина, им. Жданова Чарджоуского района и некоторых других.

Многообразие традиционных жилищ туркмен не оставляет сомнения в том, что юрту нельзя считать господствующим типом. Работы советских этнографов, археологов и историков в области изучения туркменского народного жилища позволяют с полным основанием заключить, что в местах оседлости уже в XVIII в. широко бытовало, а в XIX в. было основным постоянное глинобитное жилище типа там и ховлы, представляющее образец своеобразной народной архитектуры туркмен³⁷.

Современные жилые дома колхозников, рабочих и служащих совхозов, особенно построенные за последние годы, отличаются от старых техникой строительства, планировкой, внешней и внутренней отделкой строений, устройством пола, потолка, освещения, отопления и убранством.

Увеличивается количество и размер окон в доме. Оконные рамы делаются двустворчатыми с форточками. Входные двери, в основном одностворчатые, стали выше и шире.

С изменением хозяйственного уклада изменились и хозяйственные постройки, уменьшилось их число и размеры. Такие постройки, как конюшни и сараи для рабочего скота, исчезли за ненужностью.

По благоустройству колхозные и совхозные поселки постепенно сближаются с поселениями городского типа. Существовавшие раньше резкие различия между типами сельских и городских домов стираются, создаются переходные формы. Сближение это идет по линии усовершенствования конструкций домов, перенесения в колхозные поселки жилищ городского типа, навыков строительства по типовым проектам, лучшей внутренней отделки жилых помещений. Жилища в большинстве своем становятся более приспособленными к возросшим культурным запросам сельского населения. Они вместе с тем продолжают сохранять все то ценное, что определяется климатическими условиями и отражает специфику сельского быта, традиционные формы туркменской архитектуры.

Особенно интересно отметить, что почти полное совпадение границ распространения сходных типов как в прошлом, так и бытующих в настоящее время, свидетельствует о том, что оно является отражением истории формирования локальных групп туркменского народа.

Туркменское жилище как один из составных элементов материальной культуры формировалось постепенно на разных этапах истории сложения туркменского народа, включая в свой состав как древние, так и поздние элементы, испытывая на себе

³⁷ В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 34.

влияние культуры тех родоплеменных и этнических групп населения, с которыми туркмены входили в разные исторические времена в соприкосновение и взаимодействие.

Сравнительный анализ показывает, что туркменское сельское жилище имеет много общего с постоянным жилищем других народов Средней Азии. Но эта близость неодинакова: в одних случаях обнаруживается сходство в типах жилища (например, с узбекским жилищем Бухары или Хорезма), в его планировке, в замкнутом дворе, в других — общность наблюдается только в отдельных элементах двора, планировке и строительной технике. В этом отношении есть основания говорить о сходстве некоторых типов жилища туркмен с жилищем азербайджанцев, каракалпаков и даже киргизов.

Процесс сложения материальной культуры туркменского народа за годы социалистического строительства, особенно в области жилища и его убранства, показывает, что она успешно развивается не только путем совершенствования и обогащения традиционных форм, но и творческим освоением культуры других народов. Тесная творческая взаимосвязь с культурой русского, узбекского и других братских народов является основой дальнейшего развития туркменского домостроительства.

Возникающие в нем новые формы и тенденции определяются общим ходом развития экономики и культуры туркменского народа в условиях подъема народного хозяйства и расцвета культуры Советского Туркменистана.

ТРАНСПОРТ И СВЯЗЬ

На протяжении многих веков истории туркмен основным способом передвижения у них была езда на лошади, осле, верблюде. Караваны состояли из нескольких десятков, а иногда и сотен навьюченных различными грузами верблюдов. В земледельческих оазисах местами использовали и колесный транспорт — двухколесную арбу. Лишь туркмены, жившие в долине Аму-Дарьи и на юго-восточном побережье Каспийского моря, пользовались еще и примитивным водным транспортом.

Закаспийская железная дорога, построенная вскоре после присоединения Туркмении к России, сыграла огромную роль в транспортировке грузов и переезде жителей страны.

За годы социалистического строительства в Туркменистане появились новые виды транспорта — автомобильный, воздушный и др. Построены новые дороги и приведены в порядок старые. Сейчас все районы и многие колхозы республики связаны между собой асфальтированными дорогами, а на территории большинства колхозов и совхозов сооружены дороги с улучшенным покрытием и капитальными мостами через ирригационные каналы.

В настоящее время каждый колхоз и совхоз имеет свой современный автотранспорт, состоящий из легковых и грузовых автомашин и мотоциклов. Им пользуются не только для перевозки грузов, но и для поездки колхозников и рабочих совхозов к местам работ, в районные и областные центры.

Из года в год растет число колхозников, рабочих совхозов и представителей сельской интеллигенции, имеющих личные автомашины, мотоциклы, мотороллеры, велосипеды. Так, колхозники колхоза им. Халтурина Чарджоуского района имеют в настоящее время 26 легковых автомашин, 470 мотоциклов, около 1000 велосипедов.

Регулярное движение железнодорожного, авиационного, водного и автомобильного транспорта создало условия для дальних и близких поездок и перевозок всякого рода грузов. В прошлом жизнь сельского населения отличалась замкнутостью. Большинство мужчин, не говоря уже о женщинах-туркменках, не бывало дальше ближайшего базара или ближайшего города. Свою продукцию они реализовывали на местном базаре или обменивали в своем ауле при посредстве многочисленных торговцев и скупщиков.

В наше время сельские жители стали свободно ездить во все города своей республики и в другие города Советского Союза.

В советское время в Туркменистане развилась почтово-телеграфная, телефонная и радиосвязь. В настоящее время каждый колхоз, совхоз и сельсовет подключены к общей телефонной и телеграфной сети. Многие колхозы и совхозы имеют свои телефонные и радиотрансляционные узлы.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Современный костюм туркмен, так же как и других народов Средней Азии и Казахстана, представляет собой своеобразное сочетание национальной и городской одежды³⁸.

Основные элементы мужской и женской одежды, входящие в состав национального костюма, — рубаху (*койнек*), халат (*дон*), штаны (*балак*) — кроют по одному и тому же принципу (рис. 20). Рубахи и халаты отличаются друг от друга лишь длиной стана и рукавов, а также разрезом ворота. Стан рубахи или халата кроют из одного полотнища; к обеим половинкам (передней и задней) с каждой стороны пришивают боковые вставки (*ян*) в виде трапеций, верхние узкие концы которых приходятся под мышками. Боковые вставки (*ян*) в мужских рубахах менее

³⁸ Термины «национальная», «народная» нами употребляются для обозначения традиционной одежды, сложившейся в период формирования конкретной этнической группы населения. Под одеждой городского типа подразумевается одежда фабричного производства или сшитая дома, но по образцам, широко бытующим среди городского населения.

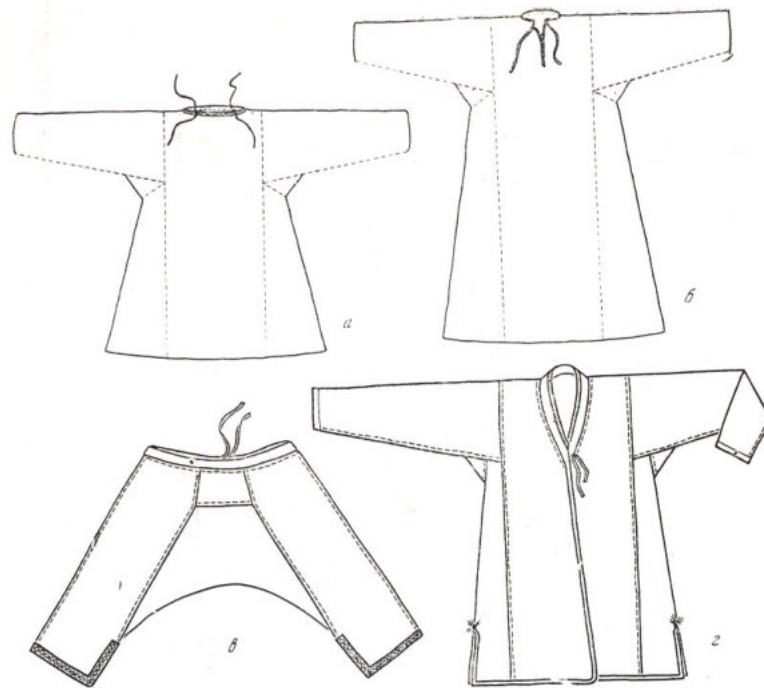

Рис. 20. Покрой одежды:

а — рубаха; б — платье; в — штаны; г — халат

широкие, чем в женских. Суживающиеся к запястью или прямые длинные рукава (*ен*) пришивают к стану под прямым углом. Под мышками вставляют треугольные ластовицы (*бегейик*), которые делают обычно из ткани другого цвета, чем рубаха или халат. Койнек часто шьют без воротника, с разрезом на правом плече или чаще на обоих плечах, а в рубахах молодых женщин — спереди. Такой покрой, как показывают археологические материалы и изучение миниатюр, был в древности широко распространен по всей Средней Азии³⁹.

Современная одежда туркмен изготавливается в основном из тканей фабричного и кустарного производства. Многие столетия, вплоть до присоединения Туркмении к России, т. е. почти до конца XIX в., а местами и до победы Великого Октября, большинство туркмен носило одежду из ткани домашнего изготов-

³⁹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 197; А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, стр. 10, 25, табл. 31, нижний рисунок; Г. В. Григорьев. Поселения древнего Согда. «Крат. сообщ. Ин-та истории материальной культуры», вып. VI, 1940, рис. 4а.

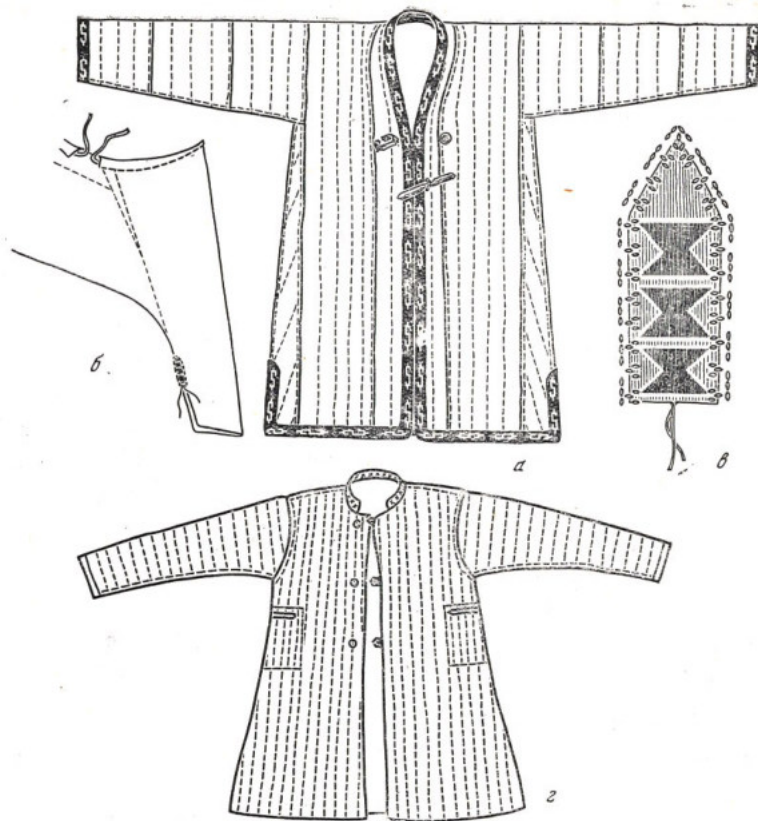

Рис. 21. Мужская одежда:

а — халат (ойлук); б — штаны эрсари, сарыков; в — фрагмент вышивки на штанах эрсаринцев; г — кемзол

ления⁴⁰. Только зажиточная часть населения и родоплеменная знать одевались в платья из шелковых и полушелковых тканей, сукна, бархата, привозимых из Ирана, Бухары, Хивы, России, а также носили хивинские халаты (*хивали-дон*).

Во всех оазисах Туркмении абсолютное большинство взрослого населения умели ткать грубые шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые и полушелковые ткани. Процесс обработки шерсти, хлопкового волокна, запарки и размотки коконов тутового шелкопряда, как и техника тканья и употребляемые при

⁴⁰ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 119—122; Д. М. Овезов. Туркмены мурчали, «Труды ЮТАКЭ», т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 176—187.

Рис. 22. Обувь.

а — сапоги (эдик); б — чувяки (чокой); в — женские сандалии (гырмызы ковш)

этом орудия труда, у всех локальных групп туркмен были в основном такие же, как и у их непосредственных соседей — узбеков, каракалпаков, казахов, таджиков.

Современную мужскую одежду туркмен можно подразделить на три основных типа: первый — это национальный (традиционный) костюм, который носят старики и большая часть мужчин среднего возраста; второй сочетает национальную одежду с элементами городского костюма или костюма военного образца и имеет ряд вариантов; третий представляет собой в своей основе городской костюм с отдельными предметами национальной одежды.

В национальный костюм туркмен южного и юго-западного Туркменистана (Мургаба, Теджена, Атека и Ахала, населенных потомками текинцев, сарыков, салыров, алилинцев и др.) входит рубаха (койнек) туникообразного покроя (рис. 23, а). Старики носят рубахи длиной до колен, а те, кто помоложе, — несколько короче. Разрез ворота на правом плече, а чаще на обоих плечах.

Ворот обшит красной или черной тесьмой, застежкой служат завязки из крученых шнурков (*бажик*). Часто встречаются рубахи с разрезом на правой стороне груди и небольшим стоячим воротником, иногда отделанным простой ручной вышивкой и застегивающимся на пуговицы. Рубахи с таким воротом широко распространены среди народов Средней Азии, Казахстана и Поволжья⁴¹. Койнек имеет обычно вшитый карман. Шьют койнек для молодых из ткани темных цветов, а для стариков — из белой.

В названных оазисах, как и в приамударьинских районах, пожилые туркмены носят свободную стеганную на вате рубаху (*койнек-курте*, *куртекче*), длиной чуть ниже бедер, с разрезом на плече и с завязками из шнурков.

Штаны (*балак*) (рис. 20, в) в традиционном costume названных групп туркмен — широкие в шагу с суживающимися книзу штанинами; пояс на вздержке из шерстяного шнурка или плетеной тесьмы. Шили балак в XIX в. из светлой, обычно белой, ткани, позже стали носить, особенно молодые мужчины, серые и темные штаны, а мурчалинцы — красные.

Основным видом верхней одежды служат халаты — *ектай*, *чэкмен*, *дон*, *гырмызы-дон*, *хивали-дон* — одинакового по всей Туркмении покроя, но различные по качеству и цвету ткани, общему виду и назначению (рис. 23).

Ектай — легкий повседневный халат без подкладки, сшитый из одноцветной хлопчатобумажной ткани, носят его старики и мужчины средних лет вместо рубахи или поверх нее как верхнюю одежду. Сходный с таким халатом по покрою, способу ношения и названию ектай бытует во многих областях Узбекистана и Таджикистана⁴². У киргизов и казахов такой халат называется *жейде*⁴³.

Чэкмен⁴⁴ — длинный, просторный халат тоже без подкладки, с длинными, спускающимися ниже запястья узкими рукавами. Его шьют из тонкой ткани, сотканной домашним способом из светло-коричневой верблюжьей шерсти, а иногда из бархата или полушелковой кустарной, а с конца XIX в. и фабричной ткани.

Дон — наиболее распространенный вид халата. Он длинный, с небольшим запахом, на подкладке, с продольной узкой стежкой, с суживающимися у кисти рукавами, спускающимися чуть ниже пальцев. Воротник небольшой, стоячий сзади и сходящий на нет спереди. Шили его из домотканной хлопчатобумажной или полушелковой кустарной, а с конца XIX в. и фабричной ткани.

Гырмызы-дон — легкая праздничная одежда молодых и

⁴¹ И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда XIX — начала XX века. Алма-Ата, 1964, стр. 39.

⁴² С. П. Русаякина. Народная одежда таджиков Гармской области. «Среднеазиатский этнографический сборник», II. М., 1959, стр. 158.

⁴³ И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева. Указ. соч., стр. 36.

⁴⁴ У карлуков Узбекистана его называют «чакман». См. К. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1964, стр. 112.

Рис. 23. Национальная одежда туркмен:

а — йомут; б — ходжа; в — хыдыр-эли, салыр; г — теке; д — баяс; е — северных йомут

средних лет мужчин. Шьют его из кустарной шелковой ткани красно-бордовых оттенков с черными и белыми узкими продольными полосками. Боковые разрезы внизу и карманы обычно украшены вышивкой, а концы рукавов и полы отделаны цветной плетенкой или тесьмой (*жэхек*) (рис. 23. а, б). Такой халат в прошлом и теперь считается самым нарядным элементом национального костюма.

Легкие халаты нередко шьют из красной шелковой или полушелковой ткани с черными и желтыми полосками, эти халаты называются *сарлы-дон*.

Зимой носят длинные и широкие халаты с большим запахом, стеганные на вате⁴⁵ (дон, хивали-дон), сшитые обычно из темной фабричной ткани или из кустарной ткани красного цвета в узкую черную продольную полоску, а в приамударьинских районах — из разноцветной ткани.

Халаты носят нараспашку. В холодную погоду и во время поездок верхом или когда один халат надет на другой подпоясываются кушаком (*гушак*; см. рис. 23, а). Гушак делают из трехметровой узкой цветной ткани или сложенного на угол, слегка закрученного платка. Зажиточные туркмены в прошлом носили кожаные пояса, украшенные серебряными фигурными пластинками.

Кроме названных видов мужской одежды продолжает бытовать меховая шуба (*поссун, ичмек*) из дубленой овчины. Концы рукавов и полы шубы нередко отделаны узкой полоской из черного каракуля или из красной шелковой ткани (рис. 23, г). Прежде зажиточные туркмены шили поссун из каракуля, либо из шкурок нестриженных четырех-шестимесячных ягнят (*кузы*). Шубы туникообразного покроя (*тон, тун, постун*) из дубленых шкур — наиболее древний вид зимней одежды как туркмен, так и других народов Средней Азии и Казахстана⁴⁶.

Наиболее удобной зимней одеждой чабанов является войлочная накидка (*ойлук*), иногда покрытая сверху домотканной шерстяной тканью (см. рис. 21, а).

Головной убор туркмен — это тюбетейки (*тайха, тахья, борик, калпак*; рис. 24, 25) и различной формы меховые шапки (*тельпек*; см. рис. 23). Форма шапок, сходная с кавказской кубанкой (*лезги пормасы тельпек*; см. рис. 23, б), заимствована, по-видимому, у народов Кавказа. В старину тельпек текинцев, сарыков, серахских салыров был чуть ниже и несколько сужался к макушке. В начале XX в. вошли в моду очень высокие тельпек цилиндрической формы или даже слегка расширявшиеся кверху⁴⁷. Шьют тельпек из черного длинноворсового меха каракульской породы овец, молодежь носит нередко белые шапки.

Обувь туркмен — это сапоги (*эдик*; рис. 22, а) или *чокой* (см. рис. 22, б), которые носят с шерстяными портянками (*долак*).

⁴⁵ Стеганный на вате халат широко распространен также у узбеков и каракалпаков Хорезма, в Бухаре и других западных областях Узбекистана и Таджикистана. Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.», т. I. М., 1952, рис. 29, 31; С. П. Русаякина Указ. соч., стр. 164; К. Шаниязов. Указ. соч., стр. 106—109.

⁴⁶ «Народы Средней Азии и Казахстана», I, стр. 477; II, стр. 84 и 248; И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева. Указ. соч., стр. 54; К. Шаниязов. Указ. соч., стр. 112.

⁴⁷ О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. «Среднеазиатский этнографический сборник». I. М., 1954, стр. 328—329.

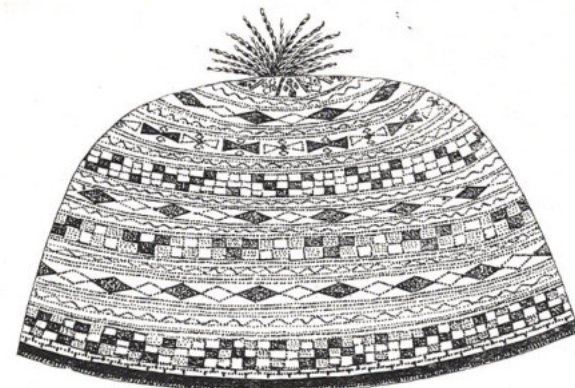

Рис. 24. Тюбетейка сакарцев и текинцев

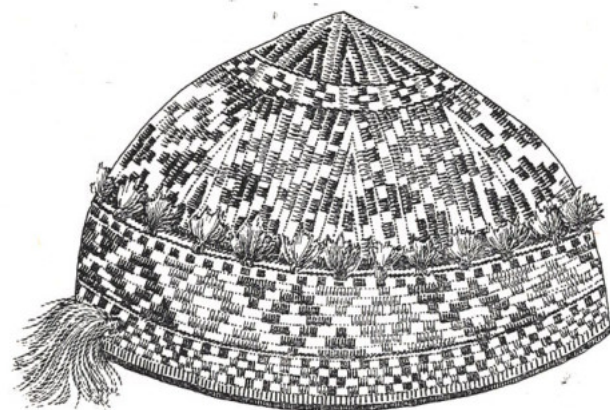

Рис. 25. Тюбетейки эрсаринцев южных районов Средней Аму-Дарьи

Почти такой же комплекс костюма бытует среди туркмен-човдуров, йомутов, емрели и других групп северного Туркменистана, а также йомутов, огурджали, гокленов западного Туркменистана и отчасти у туркмен эрсари, сакар, ата и других групп бассейна Средней Аму-Дарьи. Некоторые различия прослеживаются местами только в отдельных элементах или деталях костюма. Так, значительная часть молодых и средних лет туркмен-сарыков и эрсаринцев носит штаны с небольшим внутренним разрезом штанин, украшенным у щиколотки вышивкой цветными нитками (см. рис. 21, б).

Туркмены-нохурли, в основном молодежь и мужчины средних лет, в отличие от их соседей текинцев и гокленов, носят рубахи из шелковой или пол шелковой ткани кустарного изготовления красного с черно-желтой каемкой (*гырмызы мата*), реже зеленого цвета. Разрез ворота делают на правой стороне груди, нередко украшая его вышивкой⁴⁸. Туркмены-мурчали (соседи текинцев) этой же возрастной группы носят рубахи и штаны, сшитые из такой же кустарной шелковой ткани (*гырмызы*), как и женские койнек. Карманы и низ штанин обшивают черной тесьмой (жэхек) и украшают скромной вышивкой⁴⁹.

Отличительные особенности в костюме северных туркмен-йомутов, човдуров, емрели, карадашлы проявляются прежде всего в форме и орнаментике их тюбетейки (тахья, борик). По сравнению с текинской, сакарской и гокленской тюбетейка ташаузских групп туркмен более глубокая, конусовидная и похожа на тюбетейки сарыков Пендинского оазиса⁵⁰. меховая шапка (телпек) у них почти на одну треть ниже текинской и эрсаринской, но в то же время шире в верхней части (см. рис. 23, е); прежде ее шили из черной овчины с длинным пушистым завитком. Она во многом сходна с широкой приплюснутой каракалпакской шапкой⁵¹.

Однотипность многих элементов национального костюма хорезмских туркмен с традиционным костюмом узбеков, каракалпачков, казахов — следствие общности их исторического и культурного развития. Под влиянием татар и казахов еще в досоветское время стал проникать в костюм туркмен Северного Туркменистана, а затем и Средней Аму-Дарьи кемзол (кемзор), сшитый в талию, с отложным, а местами небольшим стоячим

воротником и вшивными рукавами (см. рис. 21, з). Кемзол бытует и у ряда других народов Средней Азии и Казахстана⁵².

Некоторые особенности отмечаются и в национальном костюме туркмен йомутов, огурджали и некоторых других групп юго-восточного побережья Каспийского моря. Они, например, носят рубаху с круглым вырезом ворота (*тегелек яка*) и небольшим разрезом на плечах; другую разновидность составляет рубаха тоже туникообразного покроя с разрезом на правой стороне груди (*чэяка конек*), несколько напоминающая украинскую косоворотку. Ворот и обшлага рукавов чэяка конек нередко вышиты цветными шелковыми нитками. Вышивка обычно делалась на манишке и манжетах (*голбаг*), которые надевались на рубаху⁵³. Шаровары этих групп туркмен отличались широким шагом и широкими у щиколотки штанинами. Шили их из красной ткани и украшали штанины у щиколотки цветной вышивкой (*чуйже бурун*)⁵⁴. Халат шили в талию (*курт бичим*), длиной до колен. Он представлял собой смешанную форму персидского архалука и туркменского халата чабыт. Под влиянием персидской одежды проник в среду прибрежных туркмен и присборенный в талии зимний халат (*сердари*), а под влиянием казахов — кемзол. Его шили узким, облегчающим фигуру и со стоячим или отложным воротником⁵⁵.

В национальном костюме туркмен южных районов бассейна Средней Аму-Дарьи (эрсари, сакар, каркын, мукры, баят и других локальных групп) встречаются элементы, характерные для национальной одежды узбеков, живущих по соседству (Кашка-Дарья, Сурхан-Дарья), с которыми они имели длительные и тесные культурные связи. Сходство в одежде проявляется, например, в более свободном, чем у текинцев и сарыков, халате, сшитом из цветной и пестрой ткани, в форме головного убора, состоящего из вышитой тюбетейки (см. рис. 24; 25), шапки (селкме телпек) (см. рис. 23, д), в ношении пояса-платка вместо гушака.

Наиболее существенно отличается от костюма туркмен, живущих в пределах Южного и Северного Туркменистана, национальный костюм туркмен (потомков баят, салыр, хыдыр-эли, чандыр, эски и др.) северных районов Средней Аму-Дарьи (территория современных Дейнауского, Фарабского, Чарджоуского и части Саятского районов). Наряду с отмеченными формами рубах у них бытует распахной легкий (без подкладки) натель-

⁴⁸ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 154.

⁴⁹ Д. М. Овезов. Туркмены-мурчали. «Труды ЮТАКЭ», т. IX М., 1955, стр. 217, 218.

⁵⁰ А. С. Морозова. Головные уборы туркмен (по коллекции Государственного музея этнографии народов СССР). «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии Туркменской ССР». Серия этногр., т. VII. Ашхабад, 1963, стр. 87.

⁵¹ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 86; О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 328, 329.

⁵² И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева. Указ. соч., стр. 45.

⁵³ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1961, стр. 90—92. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. II, стр. 82.

⁵⁴ А. Джикиев. Указ. соч., стр. 92; П. П. Огородников. Тревожные места. «Дело», СПб., 1876, № 7, стр. 85; Полевые записи автора 1965 г., № 57, 65.

⁵⁵ А. Джикиев. Указ. соч., стр. 93—95.

ный халат (ектай). Халаты (дон) они шьют из ткани серо-малинового цвета, либо с крупными цветами по розовому фону. Головным убором служит круглая небольшая шапка с околышем, называемая *селкме телпек*, реже *сепеш телпек* или *човре* (см. рис. 23, д). Шили ее из светлого каракуля, реже из сукна или бархата, а околыш делали из темного каракуля с более длинным завитком или из пышного меха куницы, выдры, лисицы. Для подкладки использовали простой мех. По форме селкме телпек относится к бухаро-самаркандской разновидности меховых шапок узбеков⁵⁶. Широко бытовала и чалма *селле* обычно из серой или пестрой ткани, а у стариков и духовенства — из белой. Обувь — сапоги (*эдик*; см. рис. 22, а), реже *ичиги* с галошами, летом кожаные галоши — *коуш*. На costume этой группы туркмен сказало влияние населения Бухарского и Кашка-Дарьинского оазисов, с которым они тесно соприкасались в течение последних двух-трех столетий.

Полный комплект одежды имели немногие. Абсолютное большинство дайхан довольствовалось в прошлом очень скудным набором: обычно каждый член семьи имел всего одну смену нательной одежды, которую носил до полного обветшания. Из верхней одежды — один халат, чаще зимний, а в некоторых дайханских семьях была еще шуба, одна на всех.

Социальные различия в одежде в XIX — начале XX в., как и в более ранний период, проявлялись не в покрое и форме, а в качестве ткани и в количестве надетых один на другой халатов, наличии меховой (из каракуля) папахи, а зимой шубы, у женщин же — в количестве шелковых платьев, цветных платков и различных серебряных украшений.

Для второго типа мужской одежды, получившего широкое распространение с 1950-х годов во всех районах республики, характерно сочетание элементов национальной одежды с городской. В современном повседневном costume туркмен среднего возраста превалируют национальные элементы одежды, а в costume молодежи больше городских черт.

Можно различать два наиболее распространенных варианта. Первый состоит из нательного белья, рубахи городского покроя или гимнастерки, брюк или штанов традиционного покроя (широкий шаг, суживающиеся книзу штанины) с поясом на вздержке из шнура (*учкур*). Зимой многие носят стеганные на вате шаровары.

Верхней зимней одеждой колхозников старшего возраста служат обычно стеганные халаты, ватные куртки (ватники), реже пальто. Головные уборы — вышитые тюбетейки и меховые шапки старинного типа или ушанки, сходные по форме с кавказской (лезги пормасы телпек). Шапки шьют из шкурок каракуля. Осо-

бенно нарядной считается шапка из серого каракуля с суконным или кожаным верхом, разделенным крест-накрест шнурком либо узкой тесьмой.

Обувь обычно фабричная, современная, реже традиционная — кожаные галоши (*чувяки*), сапоги, резиновые галоши с шерстяными чулками, а в песках — чокой (рис. 22, б) или чарык с шерстяными портянками (долак).

Другой вариант мужского повседневного costume включает нательное белье, рубаху с отложным или стоячим воротником, рубаху военного образца, брюки навыпуск или галифе, пиджак или китель, пальто, ватную куртку или халат, шинель. Головной убор и обувь такие же, как и в первом варианте.

Третий тип мужской одежды, характерный для руководящих работников, сельской интеллигенции и молодежи, отличается еще большим разнообразием вариантов, чем предыдущий. В основном — это городской costume: пиджак, брюки, сорочка, нередко с галстуком. Головной убор — кепи или вышитая цветными нитками тюбетейка (см. рис. 24, 25). Верхняя одежда — осенью и весной — легкое пальто или шелковый халат (гырмызы-дон), зимой — теплое пальто, меховая шапка. Обувь современная, фабричная.

Среди руководящих работников села, специалистов сельского хозяйства и передовых колхозников особенной популярностью пользуется costume военного образца: френч, китель или рубашка с накладными карманами, брюки или брюки галифе суконные или шерстяные, а летом из сурового полотна или хлопчатобумажной ткани защитного цвета. Сапоги в холодное время кожаные, а летом брезентовые. В качестве верхней одежды носят пальто, плащи и только иногда халаты. Головной убор летом — кепи, фуражка, тюбетейка; весной, осенью и зимой — меховые шапки современной формы.

Молодежь, особенно учащаяся, носит в основном одежду городского образца. От традиционного комплекса сохраняются лишь вышитая тюбетейка да зимой меховая шапка лезгинской формы или сходная с ушанкой.

В праздничные дни или в дни семейных торжеств молодежь и колхозники средних лет, особенно в районах Южного и Северного Туркменистана, надевают тырмызы-дон — халат, сшитый, как уже отмечалось, из ярко-красного кустарного шелка в узкую черную и белую полосу.

Таким образом, современная мужская одежда характеризуется, с одной стороны, утратой былых племенных и локальных особенностей, а с другой — сложением общетуркменских форм, сочетающих в себе городские и национальные элементы одежды.

⁵⁶ О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 329.

В женской одежде, особенно туркменок старшего возраста, сохраняются многие общие для всех племен черты традиционного костюма — туникообразный покрой рубахи, халата, излюбленный, преимущественно красный, цвет, специфические украшения и отделка. Однотипность одежды, как и некоторых элементов других видов материальной культуры, в частности типы юрт, архитектура постоянного жилища, отчасти убранство, была обусловлена однотипностью хозяйственных занятий, консервативностью быта, общностью происхождения многих племен, сходными историческими судьбами и продолжительным взаимным общением. Лишь со второй половины XVIII — начала XIX в., т. е. после обособленного расселения в земледельческих оазисах, у туркменских племен стали возникать и закрепляться различные локальные особенности в быту и культуре⁵⁷. Этим временем датируют, например, наши информаторы пожилого возраста возникновение своеобразных локальных особенностей в одежде, в частности в головных уборах⁵⁸.

В традиционной одежде туркменок, как и у других народов Средней Азии и Казахстана, отчетливо выделялись комплексы, связанные с возрастом и семейным положением.

Современная повседневная одежда туркменок старшего поколения да и большей части среднего, а праздничный костюм даже молодежи сохраняет все черты традиционной одежды, бытовавшей не только во второй половине XIX в., но и в более ранний период, так как изменения, происходившие после присоединения Средней Азии к России, заключались в использовании фабричной ткани и включении в туалет различных платков.

В советское время в комплекс национальной одежды туркменок стали входить нательное белье⁵⁹, трикотажные изделия и ряд элементов городского костюма.

⁵⁷ Р. Карутц. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. СПб., 1910, стр. 20—21, табл. 4; В. И. Массальский. Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 387; К. М. Федоров. Закаспийская область. Ее прошлое и современное состояние. Асхабад, 1901, стр. 32; А. С. Морозова. Указ. соч., стр. 112—114.

⁵⁸ Полевые записи автора 1957 г.: № 121 — от Халмурад-баба 98 лет из сел. Каркын Саятского района; № 126 — от Розыгуль Хадыровой 101 года из колхоза «Совет Туркменистаны» того же района; № 169 — от Рахманбаба Кандымова 114 лет и его жены 110 лет; 1958 г.; № 20 — от Шираджи Сапарова 80 лет из сел. Эден Ходжамбасского района; № 91 — от Йомутбаба Арсари 83 лет из сел. Кавак Керкинского района; 1965 г.; № 18 — от Джумакули Рустомова 73 лет из колхоза «Москва» Дейнауского района; № 24 — от Чары Дурдыкулиева 76 лет из колхоза им. Жданова Керкинского района; № 36 — от Якшигельды Ахатова 78 лет из колхоза «Победа» Иолотанского района; № 44 — от Аннамурат Ахметова 86 лет из колхоза «Комсомол» Серахсокого района; № 62 — от Баясаят Куланова 84 лет из пос. Нара Каракалинского района и др.

⁵⁹ Нижнего белья туркменки в прошлом не носили.

В современной одежде туркменских женщин при некотором обобщении ее вариантов можно выделить три основных локальных комплекса.

Первый из них характерен для туркменок южной, юго-западной и северной части Туркменистана, населенных потомками текинцев, сарыков, серахских салыров, гокленов, йомутов, имрели, човдур, эвлядских и некоторых других групп (см. рис. 2). Он включает платье-рубаху (койнек) такого же туникообразного покроя, как и у мужчин, штаны (балак) с вышитыми внизу штанинами (рис. 26) и в холодное время года — халат (дон, курте, чабыт). Обувь — кожаные или резиновые галоши, туфли фабричного производства. Головной убор нескольких разновидностей. Различные серебряные с позолотой украшения (рис. 27).

Рубаху (койнек) традиционного покроя (см. рис. 20, б; 26, а, б.) шьют обычно из одноцветной ткани ярких, в основном красно-коричневых, реже лиловых, а у сарыков, серахских салыров и гокленов — синих расцветок. Небольшой стоячий воротник и грудь платья отделяют обычно машинной вышивкой (рис. 28). Значительная часть туркменок Северного Туркменистана, живущих в соседстве с узбекским населением, носит платье на кокетке с отложным воротом либо платье узбекского фасона. Штаны (балак; см. рис. 26, д) широкие в шагу и у пояса, с узкими, плотно облегающими икры ног штанинами, как правило, украшены вышивкой; у текинок Мургаба и Теджена, сакарок, атинок и йомуток юго-запада Туркменистана — широкой и яркой, а у текинок Ахала, йомуток и других ташаузских туркмен — узкой и скромной. Мотивы орнамента геометрические: треугольные, ромбические фигуры, линии, полосы, зигзаги, сетка и т. п. (см. рис. 28).

Нижняя часть штанов (балак йузи) делается в основном из шелковой ткани, нередко с небольшими клинышками другого цвета. Койнек и балак служили нательной и одновременно верхней одеждой. Только в зажиточных семьях туркменки надевали один койнек поверх другого. Верхняя одежда — халат, длиной до колен: в теплое время — легкий (дон, чабыт, курте), а зимой — стеганный на вате (дон и хивали-дон, сшитые из лошачьей кустарной ткани). Местами носят кемзол (кемзор; см. рис. 26, г) или обычное пальто. Проникновение кемзола, по-видимому, шло двумя путями: от казахов Мангышлака и узбеков приамурских районов, где он имел широкое распространение. Те и другие заимствовали кемзол от татар. Кемзол шьют из бархата или плюша, а легкие халаты из ткани кустарного производства традиционной расцветки. Так, чабыт, дон шьют из шелковой или полшелковой ткани (чепбетев) с черными и белыми узкими продольными полосками по красному фону. Текинки Мургаба, салырки и эрсаринки Средней Аму-Дарьи носят чабыт из зеленого или синего бархата и плюша (рис. 29, а). Нередко рукава

Рис. 26. Женская одежда:

а — рубаха чандырок; б — рубаха дуеджинок; в — рубаха хыдыр-элинок;
г — кемзол хыдыр-элинок; д — штаны текинок; е — штаны баяток, салырок

от локтя и до кисти делают из ткани другого цвета и в этом случае вышивки на рукавах не бывает. Ворот и полы чабыта обшивают цветной тесьмой (жэхек), реже украшают вышивкой и серебряными бляшками. Йомутки западных районов Туркменистана шьют чабыт с короткими, до локтя, рукавами и длинными почти до локтя боковыми разрезами. Боковые разрезы рукавов и полы чабыта обшивают тесьмой.

Легкий халат курте из домотканой или кустарного изготовления ткани (рис. 29, б, г) вот уже примерно два десятилетия стали носить не как наплечную одежду, а как халат-накидку, набрасывая его на голову при выходе из дома.

Рис. 27. Туркменки в национальном костюме:

а — салырка Серахса; б — эрсаринка; в — эрсаринка

У текинок Мургаба, Теджена и Копет-Дага широко распространен такого же покроя легкий, без подкладки халат (ектай), накидываемый на головной убор одним рукавом. Молодые и средних лет женщины носят ектай из цветной фабричной и кустарной ткани, а пожилые туркменки — из одноцветной темной ткани. Ектай намного короче, чем чабыт или курте, а рукава у него, наоборот, значительно длиннее и уже.

У туркменок нохурли, мурчали, гокленок Юго-Западного Туркменистана и сарычек Мургаба широко бытует халат-накидка, называемая *чарпы*, *елкен*, *дон*, *елек*, *пуренжек*⁶⁰. Чарпы текинок и сарычек, дон салырок Серахса отличаются обилием вышивки по красному, синему, зеленому, желтому и белому фону

⁶⁰ Д. М. Овезов. Туркмены-мурчали, стр. 232—234; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 161—165; К. Овезбердыев. Указ. соч., стр. 136—138.

Рис. 28. Орнамент вышивки на рубахах и штанах туркменок

(рис. 29, в), а у салырок — и серебряными украшениями (см. рис. 27, а). Елек у туркменок-нохурли шьют из специальной шелковой ткани красного цвета с черными и белыми очень узкими продольными полосками, спереди на этом халате-накидке, как и у салырок Серахса и эрсаринок Средней Аму-Дарьи, имеются различной формы серебряные украшения⁶¹. У всех видов хала-

⁶¹ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 183; А. Джикиев. Указ. соч., стр. 99.

Рис. 29. Халаты и халаты-накидки:

а — дон, чабыт йомуток; б — курте; в — чарпы; г — курте, пуренжек текинок

тов-накидок узкие и длинные ложные рукава нередко украшены вышивкой и посередине соединены вышитой полоской или цепочкой из монет и пуговиц (см. рис. 29). Эти халаты-накидки по форме и способу ношения сходны с каракалпакским халатом-накидкой жегде, имеющей ложные, скрепленные сзади рукава, как и у узбекской паранджи⁶². Однотипность этих элементов одежды подтверждает наличие культурной связи туркмен с каракалпаками и узбеками. Чабыт и курте — наиболее древние формы женского халата⁶³. Чабыт йомуток отличался от чабыта туркменок других племен разрезами рукавов от локтя до кисти, а другой их летний халат (*енил-дон*) имел рукава длиной до локтя и разрезы под мышками.

Курте, чарпы и пуренжек шьют с полукруглым вырезом ворота и круглой вставкой, напоминающей тибетейку; ворот, разрезы по бокам, карманы, полы и низ халата обшивают красной или черной тесьмой (*жэхек*) или плетенкой (*какма*). У чабыта ворот, низ рукавов и боковые разрезы, кроме того, часто оторочивают цветной вышивкой. Чабыт, как и койнек, нередко украшают на груди подвесками, серебряными или из белого металла. На ворот и полы халатов чарпы, дон, елек нашивают в два-три ряда и более серебряные бляшки и другие мелкие серебряные украшения (*чапраз*; см. рис. 27, а, в).

Головные уборы (борик) можно подразделить на два основных типа: мягкие и каркасные — с твердой основой и мягкими дополнительными частями — покрывалами и платками (рис. 30). Они отличаются большим разнообразием форм. Так, у текинок Мургаба и Копет-Дага борик в середине XIX в., а местами после присоединения Туркмении к России, т. е. в 80—90-х годах XIX в., был низким⁶⁴. Он состоял из простой, не вышитой тибетейки (*топы*), покрытой двумя платками: первый, небольшой, в полосу, сложенный на угол, повязывали вокруг тибетейки, а второй, также сложенный по диагонали, накидывали на верх топы и завязывали на затылке; два его конца спускались на спину, а третий, называемый *яшмак*, проходил под подбородком и закреплялся слева — им при встрече с мужчинами туркменки прикрывали лицо. Для украшения на лоб надевалась еще мягкая повязка с серебряными или металлическими бляшками и ромбовидными подвесками (рис. 31).

С конца XIX в. текинки все чаще стали закладывать между складками первого платка бумагу или специально изготовляли твердый каркас, придавая головному убору вид вначале среднего (14—16 см), а затем и высокого кокошника. Позже текинки,

Рис. 30. Головные уборы:

а — текинок Копет-Дага; б — сарычек; в — эрсаринок; г — конграток; д — сарычек, е — эскинок; ж — салырок, хыдыр-элинок; з — гокленок; и — човдурок

⁶² Г. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. «Материалы и исследования по этнографии каракалпаков». М., 1958, стр. 402.

⁶³ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 89.

⁶⁴ Полевые записи автора 1963 г., № 3, 15; 1965 г., № 31, 36, 39, 66; А. С. Морозова. Указ. сеч., стр. 113; К. М. Федоров. Указ. соч., стр. 82 и др.

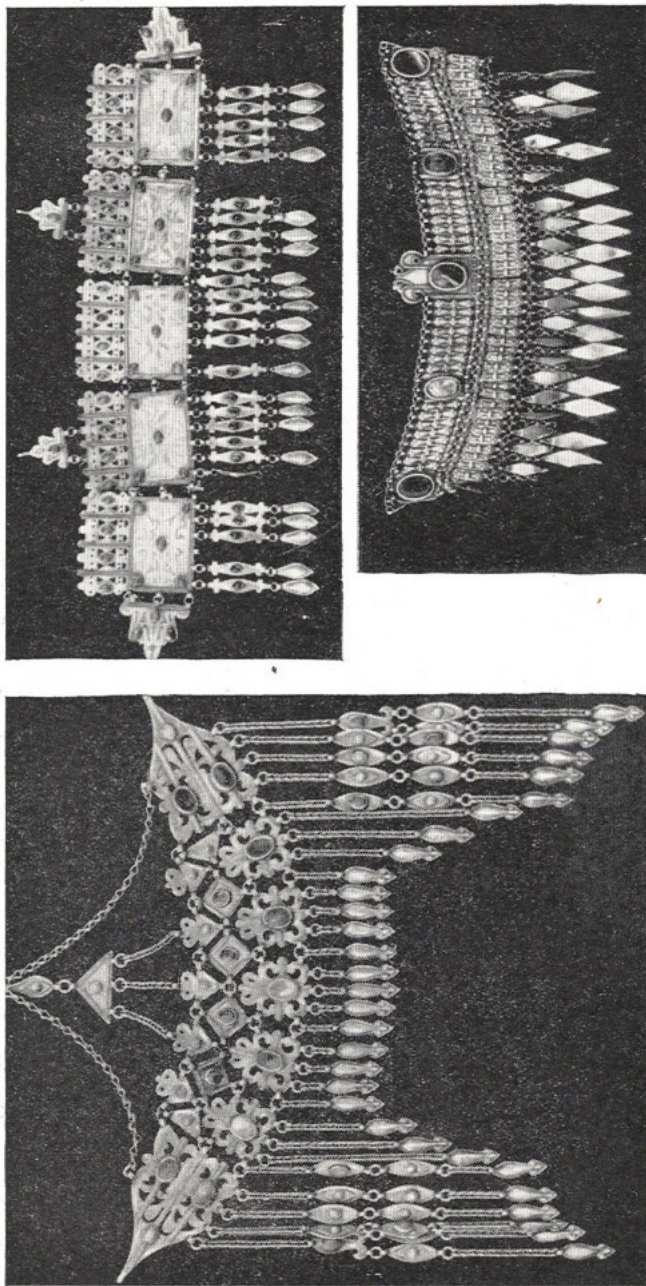

Рис. 31. Головные украшения сунсуле

сарычки, гокленки стали носить высокий (до 18—20 см) борик. Он имел форму усеченного конуса с круглой, чуть расширяющейся кверху плоской макушкой⁶⁵.

Борик сарычек отличался от текинского более широким верхом. Его основу, как и у текинок, составлял твердый каркас, задрапированный красной тканью. Поверх этого каркаса повязывали в зависимости от материальной обеспеченности от двух до пяти (а зажиточные и более) платков, один выше другого, самый верхний нередко с бахромой⁶⁶. У текинок и мурчалинок Ахала один из платков — *гыйнач* — был красного цвета, из шелковой ткани домашней выделки с каймой и бахромой⁶⁷, а текинки Мургаба и Теджена повязывали большие цветные, нередко шелковые платки.

Борик салырок Серакса состоял из высокой стеганой шапочки (топы), повязанного вокруг нее большого цветного платка (*яглык*), сложенного по диагонали и свернутого в полоску шириной в 12—15 см, и *дастара*⁶⁸ — куска красной, нередко шелковой ткани длиной в 2—2,5 м со сшитыми концами и скрепленными с одной стороны на расстоянии 20—25 см от этого шва краями; через образовавшееся отверстие надевали дастар на шею, а противоположный конец прикрепляли к верху топы и сверху набрасывали еще рукавом халат дон (см. рис. 27, а), сходный с текинским халатом-накидкой (курте, ектай, чарпы). Салырки, как и текинки, сарычки, йомутки, алилинки, нохурлинки и женщины некоторых других групп туркмен, на борик спереди и с боков прикрепляли серебряные с позолотой украшения — *сунсуле*, *эльме* и др. (рис. 31, 33, в).

По форме и цвету дастара и способу повязки платка (*яглык*) головной убор салырок Серакса сходен с эрсаринским, а в остальном однотипен с текинским.

Головной убор (*хасаба*, *хасава*) огурджагинок и йомуток юго-западной Туркмении⁶⁹, йомуток Северного Туркменистана, как и борик текинок Ахала и Мургаба или сарычек Пендинского оазиса, по высокому и твердому каркасу, его драпировке цветной тканью был почти однотипным⁷⁰. Он походил на старинный

⁶⁵ А. С. Морозова. Указ. соч., стр. 113—114.

⁶⁶ П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения, стр. 22; К. Овезбердыев. Указ. соч., стр. 136.

⁶⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 91; Д. М. Овезов. Указ. соч., стр. 235; К. Овезбердыев. Указ. соч., стр. 136.

⁶⁸ У приамударьинских туркмен эта часть называлась *лечек*.

⁶⁹ Хасава в общих чертах описана П. П. Огородниковым. П. П. Огородников. Тревожные места, стр. 98; он же. На пути в Персию и прикаспийские провинции. Сб., 1878, стр. 169; Н. Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и в Хиву в 1819—1820 гг., ч. 1-2. М., 1822, стр. 28, 29.

⁷⁰ А. С. Морозова. Указ. соч., стр. 107—112; К. М. Федоров. Указ. соч., стр. 13, 32; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 92.

Рис. 32. Нагруженные серебряные украшения:
а — сарайна; б — лагдан

высокий женский головной убор казахских племен XVIII в., обитавших в пределах Мангышлака, и на каракалпакскую хасаву Хорезма⁷¹. Борик и хасава различались только по незначительному расширению к верху каркаса, способу повязки цветных платков и по некоторым видам украшений. Эти различия появились в результате обособленности отдельных племен. Одинаковая в основном форма головного убора названных и некоторых других групп туркмен свидетельствует об общности их происхождения и взаимовлиянии культур. Такие головные уборы, по исследованиям А. С. Морозовой, находят аналогии на terra-cотовых женских фигурках III в. до н. э.— II—III вв. н. э. из городов Средней Азии (Самарканда, Старого Мерва и др.) и в переднеазиатском и скифо-сарматском материале⁷².

У йомуток средних лет в конце XIX в. широко бытовала высокая хасаба, которая в начале XX в. стала редкостью; ее продолжали носить молодые йомутки только в праздники или в дни семейных торжеств. На смену высокой хасабе пришел более низкий головной убор, получивший название *алым даны*⁷³ (или борик, как его часто называют туркменское население в юго-западных районах). Он состоит из тубетейки, накинутого на нее большого платка (*башатар*, *чэчев*) и второго платка — *алым даны*, или *чаргат*, свободно свернутого в виде валика и повязанного вокруг головы узлом над лбом с заправленными за его складки концами. Эта форма головного убора, как и названия платков — *чэчев*, *чаргат*, *дэстмал*, — результат иранского влияния. Вышитый головной платок *чаргат* и большой платок *дэстмал* обычны для головного убора персиянок⁷⁴. Несомненно, в появлении этого головного убора определенную роль сыграли и насильно увезенные во время набегов туркмен на Иран персиянки, проданные туркменам в жены и влившиеся впоследствии в среду туркмен.

В годы социалистического строительства под влиянием усиленной пропаганды передовых туркменок высокий и тяжелый головной убор (борик, хасаба, *бовмач*) снова стал уменьшаться в размерах.

Теперь туркменки Мургаба, Теджена, Копет-Дага и юго-западных районов носят борик высотой до 8—10 см, с твердой

⁷¹ Я. В. Ханьков. Посадка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851, стр. 69—70; Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. «Сов. этнография», 1964, № 6, стр. 92; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи. «Тр. Хорезмской экспедиции», т. I. М., 1952, стр. 378.

⁷² А. С. Морозова. Указ. соч., стр. 107—109.

⁷³ А. Джикиев. Указ. соч., стр. 102, 103; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтянников..., стр. 97—98; П. П. Огородников. Тревожные места..., стр. 96, Полевые записи автора 1965 г., № 57.

⁷⁴ Ш. Аннаклычев. Указ. соч., стр. 93, 97—99; Н. А. Кисляков. Персы. «Сов. этнография», 1953, № 3, стр. 102.

основой, задрапированной красной тканью, покрывая его цветным платком и прикрепляя серебряные украшения (рис. 27). Наряду с этим здесь туркменки носят головной убор, состоящий из двух цветных платков (рис. 30, а). В районах Северного Туркменистана широко распространен головной убор *оромак*, состоящий из сложенного по диагонали в несколько слоев платка с прокладкой бумаги для твердости и повязанного поверх нижнего платка, покрывающего волосы, один конец которого проходит под подбородком и используется некоторыми туркменками преимущественно старшего возраста как *яшмак*.

Головной убор туркменок-нохурли состоит из полусферической по форме *тюбетейки* (*тахья*), сшитой из плотной ткани с прокладкой между верхом и подкладкой слоя бумаги. Поверх *тахья* три раза особым способом обертывают платок треугольной формы с кистями на концах (*дара яглык*); два конца *дара яглык* спускаются сзади на косы, а третий, обычно правый, как и у *атинок*, используется некоторыми как *яшмак*.

Наряду с этим большинство молодых и средних лет туркменок носят два платка: небольшой — снизу, второй в виде *шали* набрасывают поверх первого. Эта же форма характерна и для туркменок центральных районов республики.

Тюбетейка и *дара яглык* обычно скреплены с налобным украшением, состоящим из цепи небольших ромбовидных металлических фигурок и неширокой шелковой ленты с нашитыми мелкими серебряными украшениями (*алкын чанне*), проходящей под подбородком и прикрепляемой на висках к платку крючками⁷⁵. Некоторую аналогию *чанне* *нохурлинок* можно видеть в головном уборе *хасабе* туркменок-олам Керкинского и Ходжамбасского районов.

Туркменки *эвлядских* племен *ходжа* и *ших* Кизыл-Арватского района и восточного побережья Каспийского моря носят почти такого же типа головной убор, как и живущие здесь *текинки* и *йомутки*. Он состоит из высокой остроконечной шапочки (*иг-дерлик*), налобной вышитой повязки (*сулоуч*) в виде вытянутого прямоугольника с серебряными, реже металлическими украшениями и большого, нередко шелкового, платка, сложенного по диагонали в полоску шириной в 12—15 см и завязанного узлом на затылке; длинные концы его спускаются по обе стороны лица на грудь. Такая форма головного убора, по предположениям А. С. Морозовой и С. П. Толстова, является наиболее старинным видом головных уборов туркмен. По форме он близок к головным уборам древних малоазиатских народов и может свидетельствовать о глубоких этнических связях народов Средней Азии с древними народами Малой Азии⁷⁶.

⁷⁵ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 169.

⁷⁶ А. С. Морозова. Указ. соч., стр. 96; С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 147.

Второй локальный комплекс — это одежда туркменок южных районов Средней Аму-Дарьи. Она состоит из традиционных предметов одежды — рубахи (*койнек*), штанов (*балак*), легкого и зимнего халатов, различных вариантов головного убора с украшениями и обуви фабричного, реже старинного образца.

Рубаха бытует здесь двух видов: такого же туникообразного покроя, как и в первом комплексе, но более длинная и широкая и платье-рубаха на кокетке с отложным воротником. Рубахи для повседневной носки шьют из хлопчатобумажной ткани, для молодых — пестрой и яркой расцветки, а для женщин постарше — темные и гладкие. Нарядные рубахи-платья для молодых женщин и девушек шьют из шелковой ткани. Штаны (*балак*) носят с широким шагом, со спускающимися на ступни штанинами, собранными внизу и обшитыми цветной тесьмой (*жэхек*), реже плетенкой (*какма*; см. рис. 26, е). Верхняя одежда — легкий халат (*дон*) из бархата или плюша (см. рис. 27, б, в) и зимний стеганый на вате халат с длинными, суживающимися к запястьям рукавами. Местами молодые туркменки *хатаб*, *мукры* и других групп носят *кемзол* (см. рис. 26, г). Головной убор и в этом комплексе имеет несколько разновидностей. Так, у *эрсаринок* (потомков племенных подразделений *кара* и *бекаул*) головной убор (*богмач*; см. рис. 27, в; 30, в) состоит из вышитой *тюбетейки* (*тайха*) или простроченной шапочки (*топы*), желтого *лечека* (*эски*) из ткани домашней выделки или кустарного производства (*сары-дераш*), высокого (14—18 см) у пожилых и более низкого у средних лет туркменок твердого каркаса, задрапированного цветной тканью (*ормоч*), и цветных платков — от двух до пяти. Первым платком (*депелик*) покрывают верх каркаса, спуская концы его на спину, второй платок, красного цвета, сложенный по диагонали в полоску, повязывают вокруг *богмача* так, чтобы его середина и узел находились над лбом, третий, реже четвертый, иногда и пятый цветной платок повязывают каждый чуть выше другого. Спускающийся на спину угол *лечека* (*эски*) обычно прикрепляется к верхнему платку (*депелик*). Спереди и по бокам *богмача* *бекаулки* по праздникам прикрепляют серебряные украшения — *сунсуле* (рис. 31).

Лечек в *причарджоуских* районах и *лачак* у туркмен Бухарской и Кашка-Дарьинской областей Узбекистана по размеру как в прошлом, так и теперь, неодинаков. У *салырок*, *баяток*, *хыдыр-элинок* он несколько меньше, чем у *эрсаринок* или *сакарок*, и представляет собой кусок ткани длиной от 1,5 до 3 м, оба конца его сшивают и надевают через голову так, что он спускается на плечи и на спину; иногда после повязки платков его средней частью специальными тесемками прикрепляют сверху *богмача*, а для лица делается отверстие в виде овального выреза.

Богмач *эрсаринок* племенного подразделения *улу-депе* отличается от *богмача* *кара* и *бекаулок*. Он состоит из стеганой на

вате тюбетейки (*баш-топы*), красного лечека, куска белой или цветной ткани (*кайгыч*) длиной 3—4 м, намотанной на баш-топы сверху вниз, образующей спереди елочку, и покрываемого сверху цветного платка, сложенного по диагонали и завязываемого узлом на затылке, концы его спускаются на спину. В праздники и в дни семейных торжеств туркменки прикрепляют к головному убору серебряные украшения (рис. 31; 33, в).

У эрсаринок племенного подразделения гюнеш Керкинского района невысокая с вышитым околышком тюбетейка (*топы*) покрывается цветным платком с вложенным в середину картоном в форме полумесяца. Платок завязан узлом сзади, его концы перекрещивают под подбородком и закидывают на спину. Богмач чаршангинок Керкинского и Саятского районов отличается от эрсаринского небольшим белым лечеком, небольшого размера цветным платком, который прикрепляют сзади одним концом к верху тюбетейки, и он свободно спускается на спину.

За последние 10—15 лет все больше молодых и средних лет эрсаринок отказываются от сложного головного убора и носят одну тюбетейку или наполовину покрывают ее цветным платком с кистями. Головной убор бовмач пожилых и средних лет човдурок Саятского и Ходжамбасского районов состоит из тюбетейки (*кэкче* (*тайхы*)), *яшмака* — сложенного в полосу (4—6 см) куска белой ткани или марли (*хаса*), который пропускают под подбородком и завязывают узлом наверху *кэкче*, и нескольких платков. Сложенный на угол и свернутый в полосу (10—12 см) цветной платок (*гынач*) повязывают вокруг *кэкче* так, чтобы один его конец на 70—80 см спускался на спину. Другой, обычно белый, платок, сложенный, как и первый, повязывают чуть выше *гынача*, третий цветной платок повязывают выше второго небольшим бантом спереди.

Рис. 33. Головные и нагрудные украшения:
а — сачагар, пилте

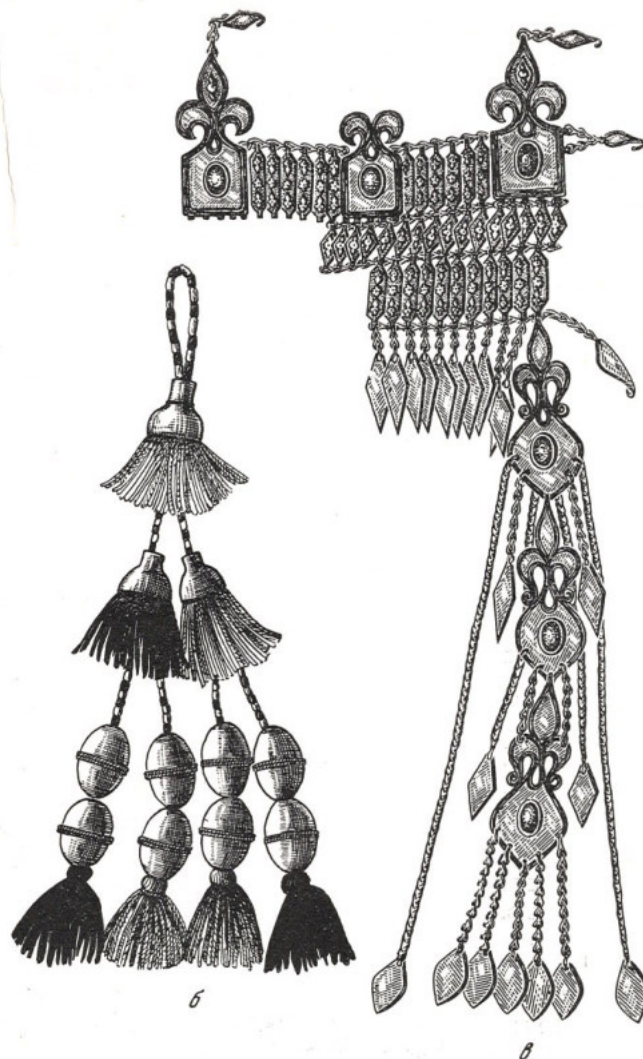

Рис. 33. (Окончание)
б — накосники (сач багы и топаз); в — сунсуле

Молодые човдулки носят тюбетейку (*тайха*, *кэкче*) и цветной платок, который завязывают узлом над лбом так, что концы его чуть торчат вверх.

Бовмач туркменок-каркын Саятского района состоит из тюбетейки (*тайхи*), желтого лечека и двух-трех цветных платков.

Первый из них сложенный в полосу шириной в 10—12 см, завязывается узлом над лбом, сверху повязывается большой цветной, а у женщин постарше — белый марлевый платок, концы которого спускаются на спину.

Головной убор эскиной Саятского района состоит из стеганой тюбетейки (кэкче), узкой белой полосы ткани, повязанной по нижней части (кэкче), и двух платков. Один цветной платок, сложенный в полосу шириной 10—12 см с прокладкой слоя бумаги, укладывают поверх этой белой полосы так, чтобы из-под него была видна белая каемка, и завязывают двойным узлом спереди, причем концы платка должны торчать кверху на 2—3 см. Второй цветной, а у пожилых женщин белый платок накидывают на половину головы, концы его перекрещивают под подбородком и спускают на спину (см. рис. 30, е).

Головной убор эски, характерный только для элечек Ходжамбасского района, состоит из тюбетейки (калпак), красного (у молодых) или белого (у средних лет женщин) лечека (эски), узкой цветной, чаще синей, налобной повязки и двух платков. Один (башданни) сложен в полосу и повязан чуть выше синей повязки, другой цветной платок (арка яглык) накинут сзади вроспуск и завязан двумя верхними концами чуть выше первого.

Головной убор карс мукринок Керкинского и Чаршангинского районов отличается от всех предыдущих тем, что он состоит из вышитой или простой тюбетейки (кештели калпак), куса белой ткани длиной 3—4 м, намотанной наподобие чалмы, и наброшенного сверху сложенного по диагонали цветного платка (кизыл яглык), концы которого спускаются на спину. Такой головной убор сходен с убором узбеков, киргизок и казахов⁷⁷.

Головной убор хатабок, называемый, как и у мукринок, карс, состоит из простой тюбетейки (тайха) и большого (в два кулач, т. е. почти в 1,5 м длиной) белого платка. Этим платком, сложенным на угол, покрывают тайху и, перекрестив концы на затылке, правый конец обматывают вокруг головы и заправляют за складки, а левый спускают на спину. Некоторые хатабки средних лет теперь большим платком покрывают тайху и, завязав концы на затылке, спускают их на спину. Такой формы карс сходен с головным убором персиянок Гюргена. Это подтверждает сведения информаторов о том, что в состав хатабцев вошли инациональные, в частности иранские, компоненты. Видимо, поэтому в прошлом окружающее население нередко называло хатабцев «кулхатаб», т. е. нечистокровные хатабцы.

Оламки Ходжамбасского и Керкинского районов носят головной убор хасаба. Он состоит из небольшой, стеганой на вате тюбетейки (тайха) с накосником (культепешек), черной узкой

(до 3—4 см) полосы (культе), украшенной серебряными бляшками (хунжи) и бисером (карамонжик). Культe проходит под подбородком и прикрепляется к твердому высокому (14—18 см) каркасу, задрапированному тканью и украшенному вышитой полоской (жэхек) с серебряными украшениями (хатырмы) и узорчатой пластинкой (меретхал). Между жэхек и меретхал наматывается кусок белой ткани в 3—4 м длиной. Сверху повязываются еще один-два платка. Эта хасаба (оромок) некоторыми деталями сходна с головным убором (баш) узбеков конград и кара-конград Кишка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей Узбекистана (рис. 30, г). Полоска культуе сходна с алкын чанне головного убора туркменок-нохурли.

В целом второй комплекс национальной одежды туркменок южных районов Средней Аму-Дарьи, особенно эрсаринок, сакарок, несмотря на отмеченные особенности, однотипен с первым комплексом, бытующим у туркменок Мургаба, Теджена, отчасти йомуток Северного Туркменистана. Вместе с тем отдельные его элементы характерны, с одной стороны, для одежды туркменок северных районов Средней Аму-Дарьи, а с другой — для узбеков Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи.

Третий локальный комплекс современной женской одежды туркменок Чарджоуского, Дейнауского, Фарабского, отчасти Дарган-Атинского и Саятского районов состоит из рубахи, штанов, нательного белья, жакета, легкого халата или кемзола, зимнего халата, а местами пальто, тюбетейки с накосником, головного покрывала-платка, фабричной обуви. Для туркменок группы ата и арабачи характерны серебряные украшения. Здесь рубахи-платья, как и во втором комплексе, бытуют двух типов. Отметим три разновидности рубах первого типа. Для пожилых женщин характерна широкая и длинная (до щиколоток) рубаха туникообразного покроя, со слегка скошенными, расширяющимися книзу боками и почти прямыми широкими рукавами, закрывающими всю кисть руки, с небольшим стоячим воротником и разрезом на груди (см. рис. 26, б). Вторая разновидность отличается от первой высоким стоячим воротником, застегивающимся спереди на пуговицы (см. рис. 26, в). Третья разновидность сходна с рубахой первого комплекса, ее шьют из кустарного шелка и украшают на груди машинной вышивкой. Второй тип — это рубаха-платье на кокетке (рис. 30, ж). Штаны (балак) такие же, как и во втором комплексе, обшитые внизу пестрым жэхеком, а у пожилых туркменок просто тесьмой (см. рис. 26, е). Верхней одеждой молодых и средних лет туркменок служит короткий, чуть ниже талии, жилет, халат, кемзол (см. рис. 26, г).

В досоветское время здесь широко бытовала паранджа⁷⁸.

⁷⁷ О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 304—305; И. В. Захарова и Р. Л. Ходжаева. Указ. соч., стр. 126—127.

⁷⁸ Ношение паранджи туркменками северных районов Средней Аму-Дарьи явилось следствием, с одной стороны, влияния узбекского городского насе-

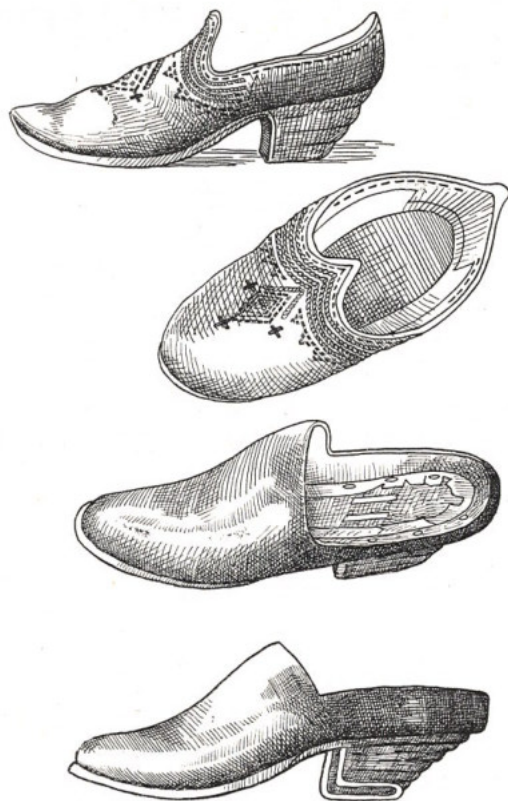

Рис. 34. Старинная женская обувь

Головной убор туркменок баят, хыдыр-эли, чандыр, салыр, саятли и некоторых других групп состоит из тюбетейки (простой шапочки) с накосником (культепешек), белого, чаще марлевого, лечека, сложенного по диагонали в неширокую полоску и накинутого поверх тюбетейки у пожилых белого, а у средних лет — цветного платка (*ромал*), завязанного узлом сзади. Такой головной убор сходен с головным убором узбечек Бухарской и Кашка-Дарьинской областей Узбекистана. Молодые и средних лет туркменки теперь носят тюбетейку (кэкче, тайха, калпак, топы), покрывая ее большим цветным платком, который завязывают сзади, а концы спускают на спину. Другая разновидность их головного убора состоит из тюбетейки и цветного, с не-

ления и узбекской феодальной знати и, с другой, — вхождением в состав туркмен узбекских этнических компонентов.

большими кистями платка, который повязывают вокруг тюбетейки так, чтобы его концы торчали кверху на 2—3 см.

Головной убор (калпак) сакарок — потомков племенных подразделений гарамахмуд, хожайнбек и сыядагсакар в основе сходен с бориком или келепошем арабашинок, атинок и отчасти с бовмаком эрсаринок. Только в него входят белый лечек и три цветных платка: чекмек, кизыл яглык и елкен.

Рис. 35. Костюмы девушек:

а — гокленск; б — алилинок; в — эрсаринок

Калпак сакарок племенного подразделения гызанмейре состоит из тюбетейки (тайха), красного лечека, намного большего, чем у сакарок других подразделений, цветного платка, сложенного в полоску шириной 8—10 см и завязанного узлом сзади, и второго большого белого платка (хаса), покрывающего калпак так, чтобы концы спускались на спину. Теперь молодые эрсаринки, сакарки, эскинки нередко носят такой же головной убор, как туркменки-баят, хыдыр-эли, чандыр, салырки и туркменки других групп северных районов Средней Аму-Дарьи. Здесь молодые и средних лет туркменки, а нередко и девушки, набросив платок на тюбетейку, перекрещивают его концы на затылке и затем завязывают их спереди узлом. Во время полевых работ платок, сложенный по диагонали, спускают козырьком на лоб, а концы перекрещивают под подбородком и завязывают сзади на шее.

Среди арабачинок Дейнау, Фараба и других районов распространены борик, состоящий из тюбетейки (келепош), желтого лечека и завязанного узлом сзади большого цветного платка, концы которого спускаются на спину.

Головной убор атинок Дейнау, как и атинок Серахса, состоит из тюбетейки (*келепош, топы*), повязанного вокруг нее сложенного в полоску шириной 12—15 см цветного платка (яглык, ромал, в Дарган-Ата — башатар) и второго цветного платка, повязанного поверх яглыка. Атинки Дарган-Ата вместо башатара носят платок алын даны, обернутый дважды вокруг головы и завязанный на затылке узлом, один его конец некоторыми используется как яшмак. Этот головной убор по форме сходен с алын даны йомуток Северного и Юго-Западного Туркменистана⁷⁹, отчасти с бориком текинок, алилинок, арабачинок и некоторых других групп туркмен.

В довоенные годы преобладала национальная обувь (рис. 34), а теперь фабричная.

В современном костюме туркменок северных районов Средней Аму-Дарьи, за исключением костюма атинок и арабачинок Дейнауского и Фарабского районов, встречаются элементы, характерные для национальной одежды узбеков Бухарской области Узбекистана, с которыми туркмены имели длительное время тесные этнические, экономические и культурные связи. Костюм атинок и арабачинок сходен в основном с костюмом туркменок Мургаба и других районов Южного Туркменистана.

Современный костюм туркменских девушек в основном однотипен с женским. Рубахи у них ярких расцветок, такого же туникообразного покроя, как и у молодых женщин (см. рис. 35, а, б), но иногда с горизонтальным разрезом ворота, обычно более нарядно отороченного цветной вышивкой⁸⁰. Штаны (балак) с

⁷⁹ А. Д ж и к и е в. Указ. соч., стр. 103.

⁸⁰ Девушки и девочки в прошлом верхней теплой одежды не имели. По обычаю старины, они не должны были надолго отлучаться из жилого по-

широким шагом и суживающимися у щиколотки вышитыми шелковыми нитками штанинами, плотно обтягивающими икры (см. рис. 26, д), а в большинстве районов Средней Аму-Дарьи штанины широкие, присборенные и обшитые внизу цветной тесьмой цветков (см. рис. 26, е). Девичьи тюбетейки вышиты шелковыми цветными нитками и украшены куполообразной серебряной бляхой и множеством других видов серебряных украшений (рис. 36). Девушки носят также нагрудные украшения *гульяка*. Серебряные украшения в сочетании с вышивкой придают девичьему головному убору и всему костюму нарядный вид.

Теперь девушки, учащаяся молодежь, сельская интеллигенция чаще носят рубаху-платье современного покроя с вышивкой на воротнике и груди или платье на кокетке с отложным воротником, кемзол в талию или пальто городского образца. Их головной убор состоит из тюбетейки или просто цветного платка либо тюбетейки и цветного шелкового или шерстяного платка.

Излюбленным цветом тканей для платья у туркменок по-прежнему остаются коричнево-красный, реже лилово-синий, зеленый. Только туркменки приморских районов и районов, граничащих с Узбекистаном, часто шьют платья из пестрых тканей.

* * *

Детская одежда еще в 20-е годы была одинаковой для мальчиков и девочек до 5—6 лет и такого же старинного туникообразного покроя, как и у взрослых. Рубахи мальчиков отличались от рубашек девочек лишь длиной, иногда цветом ткани и меньшим количеством металлических украшений. В послевоенные годы на детский костюм стали обращать больше внимания, чем раньше; если раньше для детей шили рубахи из более простой и дешевой ткани, а для грудных — из старых женских рубашек, то теперь детям шьют одежду из новых добротных тканей, главным образом хлопчатобумажных, реже полушелковых, шелковых и даже шерстяных. Нередко детей одевают в теплые трикотажные костюмчики, свитера и другие покупные вещи. В костюме девочек и школьниц младших классов прослеживаются новые элементы — шерстяная или трикотажная кофта, джемпер, пальто, обувь, чулки фабричного производства. Наиболее нарядными элементами детского костюма были и остаются головной убор — тюбетейка (рис. 37, а) и халатик прямого покроя (рис. 37, б, г).

Низ и рукава детских рубашонков (*койнежики*) и стеганых на вате халатиков (*куртежики, пагталы курте, ала-елек, елек, овселик* и др.) до рождения второго ребенка или до двух лет первого часто не подшивали, это показывало, что родители ждут следующего ребенка. По поверью неподшитая одежда способствует нормальному росту ребенка, а сплетенные из черных, серых

нужно; при крайней необходимости они надевали халат матери или молодой женщины из своей семьи или занимали его у соседки.

Рис. 36. Девичьи тибетейки с украшениями

Рис. 37. Детская одежда:

а — тибетейки; б — халат-накидка; в — рубаха; г — халатики

и белых шерстяных ниток завязки (бажик) для ворота вместе с амулетами предохраняют детей от злых духов и сглаза.

Разновидностью верхней детской одежды и теперь часто служит стеганая на вате накидка с вырезом для головы и завязками под мышками (рис. 37, б) или безрукавный халатик-накидка (*кирлик*). Его характерная особенность — нашитые спереди и на спине из ткани разного цвета небольшие (5×5 см) квадратики. Теперь это воспринимается как украшение (*яршиклык учун*) или старинная мода (*коне пасон*), но пожилые туркменки считают, что разноцветные квадратики служат оберегом. Первый тип накидки отличается от второго не только треугольной формой стана спереди и сзади или наплечниками (*кирлык гулагы*) длиной до 8—10 см, но и несколько иным расположением разноцветных квадратов и треугольников, цветной вышивкой и обшивкой краев. Оба типа *керлик*, как и *койнек*, почти всегда и везде украшены ракушками (*илан баши*) и различными по форме и количеству металлическими подвесками, бубенчиками, двух-трехъярусными небольшими кистями (*хотоз*) из цветных ниток.

Одежда детей украшается также мелкими серебряными подвесками и погремушками типа бубенчиков (*юза* или *думе*), нередко бусами из цветного стекла, бисера, белыми пуговицами, бляшками, различными амулетами с целью оберега от сглаза. Наиболее нарядны *тюбетейки* девочек (см. рис. 36). На верху *тюбетейки* — куполообразное серебряное украшение (*гунба*), вокруг которого укрепляют различные бляшки с ромбовидными подвесками (*руппе*) или просто серебряные монеты (*краны*). В настоящее время в комплексе детской одежды, как и в одежде взрослых, наряду с традиционными элементами можно встретить различные предметы одежды городского типа, а многие уже одевают детей по-современному, покупая готовые рубашки, штаны, трусы, шерстяные или хлопчатобумажные костюмчики, нулки, пальто, фабричную обувь.

Украшения у туркмен, как и у других народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Кавказа, были непременным элементом одежды, головных уборов, обуви и некоторых предметов быта. Ношение различных видов украшений зависело от пола, возраста, социального и семейного положения.

Некоторые предметы национальной одежды, отдельные виды головных уборов и обуви по-прежнему украшаются только вышивкой, другие — ювелирными изделиями, а большая часть — и тем и другим.

Вышивкой издавна украшают мужские, женские и детские *тюбетейки*, ворот женского платья, низ женских, реже мужских штанов (*балак*), халаты-накидки, ворот, полы, боковые разрезы халатов, платки, пояса, женскую обувь и некоторые другие предметы народного костюма.

Старинные и современные вышитые изделия туркменок отличаются богатством орнамента и безупречной техникой исполнения. Особенно тонко, нарядно и искусно вышивается *тюбетейка*, реже *галстук* и некоторые другие мелкие предметы для жениха. Изготавливая свадебные подарки, невеста вкладывает в них все свое умение, стремится наиболее изящными узорами заполнить всю поверхность вышиваемого предмета. Фоном служит обычно красная ткань местной выделки; нитки для вышивания используются преимущественно ярких цветов.

Умение создавать выразительную цветовую гамму — одна из особенностей художественного творчества туркменок⁸¹. В орнаменте преобладают геометрические мотивы: различные сочетания ромбов, прямоугольник, восьмиугольник, круг и другие фигуры. Почти такие же элементы узоров широко применяются в вышивках таджиков, каракалпачек, узбечек, киргизок, удмурток, башкирок⁸².

В вышивках, как и в ковроделии, сложились определенные технические приемы и композиции орнамента, характеризующие как общий для туркмен национальный стиль, так и специфические особенности, отличающие стиль отдельных племенных (территориальных) групп.

Туркменки используют в вышивках в основном четыре вида шва: *акгайма*, *коджиме*, *ильме* и *басма*.

Акгайма — мелкий, почти точечный шов — наиболее характерен для туркмен-текинцев, сарыков, гокленов, мурчалинцев, атинцев, нохурли, арабачинцев, сакарского подразделения *гызанмейре* и некоторых других групп Северного Туркменистана. Выяснить происхождение этого шва и найти этнографические параллели пока не удалось. Небезынтересно отметить, что туркменки названных племенных групп, создавая вышивки в основном швом *акгайма*, в той или иной степени применяют и остальные три вида шва.

Коджиме — стежковый шов — издавна бытует почти во всех районах Туркменистана; встречается он также в вышивке киргизов и башкир. О древности его происхождения свидетельствуют фрагменты вышивки на ткани из Ноин-Улинского могильника⁸³.

⁸¹ А. Н. Пиркулиева. Народное декоративное искусство туркмен Средней Аму-Дарьи конца XIX — начала XX века. «Изв. АН Туркменской ССР». Серия общ. наук, 1964, № 4, стр. 25.

⁸² С. П. Русайкина. Указ. соч., стр. 207; Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпачков, стр. 401, 412, табл. XII—XIV; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964, стр. 87—96.

⁸³ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 110; Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа, стр. 92; С. И. Руденко. Башкиры. М.—Л., 1955, стр. 292.

Ильме — тамбурный шов — также известен туркменам, как и многим народам Средней Азии и Поволжья, еще с древнейших времен⁸⁴.

Басма — стебельчатый шов — характерен для южных районов Средней Аму-Дарьи и западных областей Узбекистана.

Локальность стиля особенно ярко проявляется на тюбетейках, которые по характеру вышивки и отчасти по форме можно разделить на семь разновидностей.

К первой из них относятся тюбетейки текинцев, сарыков, гокленов, нохурли, йомутов, алилинцев, атинцев, серахских салыров, саятских сакаров (подразделение гызанмейре) и некоторых других групп туркмен. Их тюбетейки, как и некоторые элементы одежды, расшиты мелким, почти точечным швом. Узоры геометрические, очень мелкие, называемые *акгайма* или *сары гайма*, *беи кеште*, *тегвент*, *аладжа* и др. Они состоят (рис. 25, а) из прямоугольников, треугольников, ромбов, прямых и зигзагообразных линий, сетки.

Ко второй разновидности относятся старинные образцы эрсаринских тюбетеек (см. рис. 25, рис. 36, б), вышитые тамбуром с довольно ярким многокрасочным орнаментом, в котором преобладают мотивы *бугдай богум* (колос пшеницы), *бэгуль кеште* — стилизованная роза, *секиз кеште*, *эгремли алгам* (косовидный) и др.

Третью разновидность составляют тюбетейки *антхой калпак*. Они вышиты гладью по ребристым полоскам, образованным от вставленных между стежками фитилей из ваты. Антхой калпак состоит из трех различных по размерам секторов, разделенных цветными полосками; каждый сектор расчленен на восемь равных частей, вышитых разными узорами с повторяющимися композициями⁸⁵. Такие тюбетейки наиболее характерны для туркмен-эрсари Керкинского, Ходжамбасского, Чаршангинского и Карабекаульского районов. Аналогичные тюбетейки с ребристой поверхностью, вышитые гладью, носят узбеки Самаркандской и Сурхан-Дарьинской областей Узбекистана и таджики горных районов Таджикистана⁸⁶.

Тюбетейки четвертой разновидности характерны для эрсаринок Карабекаула (см. рис. 36). На них вышиты узоры, расположенные в следующем порядке, начиная сверху: *гочанок* (рогообразный), *гыяк* (косая линия), *аладжа* (рябенькое), *пейкам* (железный наконечник стрелы), *говача гель* (цветок хлопка), *хатмоз*, *гыяк*, *ок гоzi*, *гоша аладжа* или *бугдай богум*, а ниже идет отделка тесьмой из черных ниток (*гара жэхек*).

⁸⁴ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 111 и 114; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 68—69.

⁸⁵ А. Н. Пиркулиева. Указ. соч., стр. 26.

⁸⁶ О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 351.

Пятую разновидность составляют тюбетейки с бархатным или плюшевым верхом и вышитым околышем (*жэхек*) шириной в 2—3 см. Они характерны для туркмен северных районов Средней Аму-Дарьи. Подобные этому околышу вышитые полосы, называемые *зи*, используются также для отделки ворота, пол, разреза халата, низа штанов. Такие полосы довольно часто можно видеть на тюбетейках таджиков и узбеков⁸⁷.

Шестая разновидность — тюбетейки *нохурли* с вышитыми разноцветными нитками узорами, состоящими из небольших ромбов, оканчивающихся по углам завитками. Такой орнамент широко бытует у текинцев и других групп ахальских туркмен⁸⁸.

Седьмую разновидность составляют заимствованные от узбеков и таджиков чустские тюбетейки (*узбек калпак*) с черным фоном и белой вышивкой в виде стручка перца. Такие тюбетейки носят туркмены и узбеки северных районов Средней Аму-Дарьи.

В вышивках на рукавах, вороте, разрезах халата чередуются обычно следующие мотивы орнамента: *гульжэхек*, *хатмоз* (кубики), *жудур* (ряд цветных треугольников), *ок гоzi*, *дортхатар жудур* (четыре ряда угольников), *хатмоз* и др. Благодаря умелому подбору цветов даже при повторении рисунка разными нитками создается впечатление разнообразия орнаментальных мотивов.

Такое же чередование мотивов характерно и для оторочек ворота женского и девичьего платья. Несколько разнообразнее мотивы орнамента на нижней части женских штанов у текинок (см. рис. 28).

Попытки выявить принадлежность того или иного мотива орнамента или узора определенной этнической группе населения не дала положительного результата, так как они повторяются у разных групп туркмен и у соседних народов. Это указывает не только на этническое родство и историко-культурные связи, например, текинцев, сарыков, салыров Серахса, гокленов, йомутов, сакаров, эрсари и некоторых других групп туркмен, но и говорит о культурном взаимовлиянии с соседними народами — узбеками, каракалпаками, казахами.

Теперь ручная вышивка на некоторых предметах одежды — женских рубахах, кемзоле, женских штанах — часто заменяется машинной.

Установить историю развития туркменского орнамента пока очень трудно. Необходимо большое накопление фактического материала. Изученный нами материал позволяет утверждать, что некоторые элементы туркменской орнаментики имеют древ-

⁸⁷ С. П. Русаякина. Указ. соч., стр. 168—169; рис. 10; Н. А. Белинская. Декоративное искусство горного Таджикистана. Душанбе. 1965, рис. 32—39.

⁸⁸ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 167.

нее происхождение, так как они встречаются на древнепарфянском одеянии, о котором дают представление терракотовые фигурки первых веков н. э. из Мерва⁸⁹.

Украшения составляют необходимую принадлежность праздничного костюма. Ювелирные (серебряные с позолотой) украшения туркмен по способу ношения и назначению можно подразделить на четыре группы: 1) головные; 2) накосные, ушные и носовые; 3) шейные и нагрудные и 4) наручные.

Из головных ювелирных украшений следует прежде всего отметить очень красивые ажурные изделия: *алкын тепечер*, сунсуле нескольких разновидностей (рис. 31), различные подвески — *кумыш бибишек*, *илдергич*, *эме* — продолговатый четырехугольник, сплошь орнаментированный и украшенный глазками из драгоценных камней или небольшие, скрепленные в один или два ряда цепочки четырехугольных орнаментированных пластин. У туркменок группы олам Ходжамбасского и Керкинского районов широко бытовало украшение хасабы, называемое *сарайна*.

Из накосных украшений наибольшее распространение имеют небольшие сердцевидные орнаментированные пластинки на цепочках (*асык*), различные по форме медальоны, бубенчики и др. Их носили попеременно с разноцветными кистями из шелковых или шерстяных крученых ниток (хотоз; см. рис. 33, б).

В настоящее время украшения для кос почти вышли из употребления. Только пожилые туркменки нередко прикрепляют к косам плетеные из шерсти тесемки с нашитыми на них монетками и подвязанным к ним ключом. Девушки, учащая молодежь вплетают в косы обычные ленты.

Ушные украшения бытуют двух разновидностей: различной формы *гулак халка* и *кумыш бибишек* с сердоликовыми или бирюзовыми глазками и орнаментированные подвески. Оба эти украшения зацепляются крючком за складки головного убора или за сунсуле и спускаются по обе стороны лица.

Излюбленными видами ушных украшений туркменок приамударьинских районов до сих пор остаются разнообразные по форме серьги (*ысырга*) (рис. 38, а). Они носят также носовую серьгу — *иребек* (рис. 38, б), продеваемую обычно в правую ноздрю. Наиболее широкое распространение имеют удлиненные с простым узором серьги и серьги, сделанные из серебряной проволоки в форме незамкнутого круга, заполненного сеткой, выполненной техникой филигрании с чернью.

Серьги и накосники характерны и для женщин Западного Узбекистана⁹⁰ и Таджикистана, откуда они, очевидно, и заимствованы. Некоторые аналогии таким видам серег, как и некото-

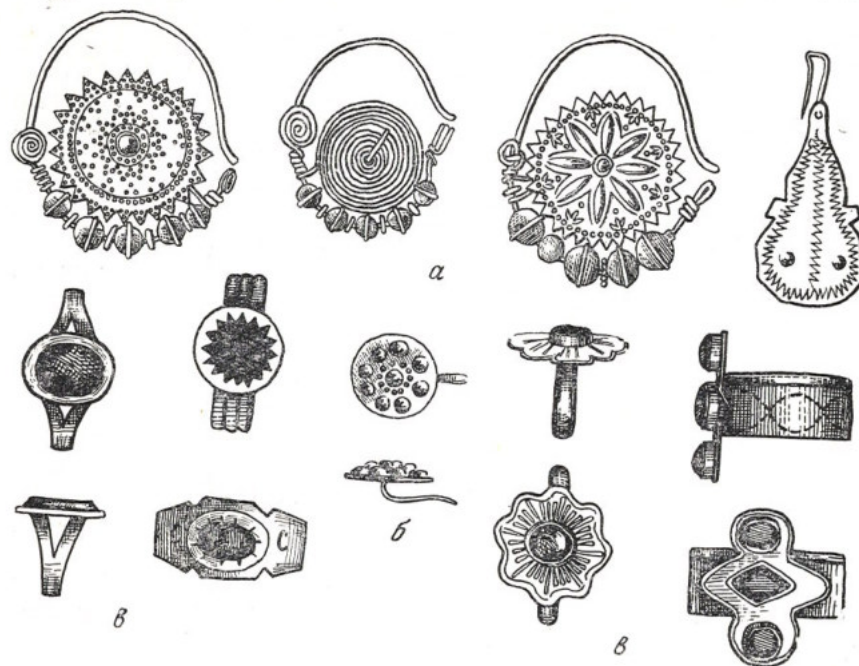

Рис. 38. Украшения:
а — серьги ушные; б — серьги носовые; в — кольца

рым другим предметам, можно встретить среди металлических украшений у киргизок, удмурток и башкирок⁹¹.

Из шейных украшений отметим прежде всего серебряное *кумыш таук*. У салырок, баяток, хыдыр-элинок, чандырок, эрсаринок и туркменок некоторых других групп Средней Аму-Дарьи бытуют, видимо, заимствованные от узбечек и таджичек шейные украшения из мелкого цветного бисера (*боюнча*). Реже встречается нагрудное украшение *хапаванд*. Почти идентичные украшения носят узбечки Бухарской и Сурхан-Дарьинской областей Узбекистана и таджички⁹². Широко распространены во многих районах Туркменистана такие шейные и нагрудные серебряные с позолотой украшения, как *дагдан* (см. рис. 32, б), *буковганжик*, *сагачар* или *пилте*, *сарайна* (см. рис. 32, а), *тумар*, *гурсакча* и др. Кроме того, туркменки нашивают на платье монеты или металлические бляшки с припаянными ушками (*аппасы*, *япрак*;

⁸⁹ Г. А. Пугаченкова, Л. Я. Елкович. Очерки по истории искусства Туркменистана. Ашхабад, 1955, стр. 85.

⁹⁰ «Народное декоративное искусство Советского Узбекистана». М., 1955, стр. 151—153; К. Шаниязов. Указ. соч., стр. 123, 124.

⁹¹ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 264—265, рис. 157; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 190, 191.

⁹² «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 96; С. П. Русаякина. Указ. соч., стр. 199, рис. 22.

см. рис. 27). Некоторые пожилые туркменки Мургаба и Ахала носят через плечо кожаные сумочки (*хейкель*) с множеством прикрепленных к ним серебряных орнаментированных пластин.

Среди украшений для рук наибольшей популярностью пользуются своеобразные массивные, широкие из дутого серебра браслеты (*билезик*) с несомкнутыми зубчатыми концами (рис. 39), похожие на казахские, отчасти башкирские⁹³. В Туркмении, как и в Западном Казахстане, бытовали своеобразные гарнитуры — широкие браслеты, соединенные цепочками с пятью кольцами. Браслеты из дутого серебра встречаются повсеместно, их трудно связать с какой-либо определенной родоплеменной группой туркмен. Плоские билезик бытуют в основном у туркменок приамударьинских районов. Эти браслеты по форме и во многом по орнаментике сходны с браслетами узбеков, каракалпаков, казахов, киргизов, башкир и некоторых других тюркоязычных народов⁹⁴. К широко распространенным или любимым предметам украшений принадлежат кольца (*йузук* или *юзик*). Они просты (см. рис. 38, в). Больше всего пользуются спросом плоские кольца.

К украшениям можно отнести и ювелирной работы амулеты (*тумор*, *тумарча*), чаще всего это были изготовленные из серебра футлярчики с ушками и цепочками, в которых хранились тексты из Корана.

Названные ювелирные украшения далеко не исчерпывают всего их разнообразия.

Многие ювелирные изделия туркмен довольно своеобразны по форме, орнаменту и характеру отделки. Будучи сходными у многих туркменских племен, они, за редким исключением, не находят аналогий среди украшений других народов Средней Азии. В то же время легко обнаруживаются аналогии им при анализе древнего парфянского одеяния — увешанного накладными бляшками узкого платья и тиары, которые изображены на терракотовых фигурках первых веков н. э. из Мерва. Этническая преемственность туркмен от древних ираноязычных обитателей западной территории Средней Азии подтверждается и аналогиями туркменских украшений с небольшими фигурными бляшками (II в. до н. э. — III в. н. э.) из золота, серебра и бронзы, украшавших грудь женской и мужской одежды парфян⁹⁵. Такие бляшки во множестве были найдены при раскопках Старой и Новой Нисы (вблизи г. Ашхабада, Южная Туркмения).

⁹³ «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 124; С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 187, табл. XXIX.

⁹⁴ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 266, рис. 158; И. В. Захарова и Р. Д. Ходжаева. Указ. соч., стр. 142, рис. 44.

⁹⁵ Р. Д. Пугаченкова, Л. Я. Елкович. Указ. соч., стр. 32, 85, Г. П. Васильева. Этнографические данные о происхождении туркменского народа, стр. 90—91.

Рис. 39. Браслеты

Нельзя не отметить и значительного сходства украшений девичьих тубетеек башкир и туркмен. У тех и других на тубетейках куполообразная бляха «гупба» с монетами и ромбовидными подвесками. Сходны по форме и орнаментике гуляка и некоторые другие украшения туркменок с фибулами «тооноч» южных киргизов⁹⁶.

⁹⁶ С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 205—206; К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 263, рис. 156.

Изложенный выше материал показывает, что традиционная одежда различных племенных подразделений туркмен имеет много общих черт, а нередко и прямое сходство или однотипность форм⁹⁷. Это обусловлено единством происхождения большинства туркменских племен, вхождением в их состав одних и тех же небольших по численности этнических компонентов, изменением хозяйственных занятий, общением с соседними народами, все возрастающей связью с городом и т. д. Так, многие элементы одежды и украшений, бытующие у эрсаринцев, сакар и других групп туркмен Средней Аму-Дарьи, встречаются у текинцев, сарыков Мургаба, салыров Серахса, йомутов, арабачинцев и других туркменских групп Хорезма. В этом мы видим еще одно доказательство общности происхождения названных групп и наличия между ними длительных тесных культурно-экономических и этнических связей.

Сравнение эрсаринской, сакарской, атинской традиционной одежды с сарыкской, текинской, йомутской, а последних с гокленской, нохурлинской, мурчалинской дает возможность отметить еще одну интересную закономерность. В типе туркменского костюма, особенно женского, у этих групп имеется общая, можно сказать, национальная основа, проявляющаяся не только в его покрое, цвете ткани, украшениях, но и в деталях отдельных частей одежды вплоть до настоящего времени.

В одежде туркмен-баят, хыдыр-эли, чандыр, всех подразделений салыров, живущих в бассейне Средней Аму-Дарьи к северу от Старого Чарджоу (ныне Комсомольска), наблюдаются не племенные, а локальные различия. Это объясняется тем, что в результате миграций родоплеменные общности здесь постепенно заменялись территориальными. Процесс этот происходил не везде одинаково. Наиболее развит он был среди баятов, хыдыр-эли, салыров и соседних с ними небольших групп туркменского населения. Их костюм отражает, с одной стороны, утрату племенных различий, а с другой — сложение форм, в которых заметно прослеживается сходство с национальной одеждой узбекского населения как результат того, что, начиная с XVII в. и до наших дней, эти группы туркмен поддерживают оживленные связи с жителями Бухарской, Сурхан-Дарьинской, Хорезмской и других областей Узбекистана. У этих групп общими элементами в комплексе мужской одежды являются распахная одежда туникооб-

⁹⁷ Учитывая былую замкнутость, экономическую отсталость, низкий культурный уровень и консервативность быта туркмен в прошлом, можно с достаточной долей вероятности предполагать, что сохранившаяся у старшего поколения традиционная одежда довольно полно характеризует формы народного костюма XIX — начала XX в. Анализ этих наглядных образцов традиционной одежды и давал нам возможность выявлять отражение прежних племенных и локальных различий в современной одежде.

разного покроя, легкий халат вместо рубахи и в качестве головного убора — тюбетейка с чалмой, реже с шапкой в форме конуса, отороченного мехом.

Для женского наряда характерен однородный головной убор, состоящий из простой тюбетейки с накосником (культепешек), белого лечека и платков. Такой вид головного убора самобытен, и его следует рассматривать как наиболее старинную форму. Широко бытовал здесь и обычай ношения паранджи.

Девичья тюбетейка у этих групп туркмен без куполообразного и других видов серебряных украшений, большинство называет ее калпак.

Для определения сходства и различия традиционного наряда многих туркменских групп чрезвычайно показательны головные уборы, а также вышивка тюбетеек, рубах, женских штанов, халатов, виды ювелирных украшений.

Несмотря на наличие племенных и локальных различий в одежде отдельных групп туркмен, все варианты традиционного костюма имеют единую общетуркменскую национальную основу.

В одежде современных туркмен, слившихся в единую социалистическую нацию, прежние племенные и локальные различия в значительной мере стусеваны. Для современной туркменской одежды характерно сочетание в ней традиционных национальных и современных форм. Развитие общественного хозяйства приближает условия жизни колхозников к городскому быту. Применительно к новым условиям меняется и их костюм, постепенно вбирая элементы городской одежды. В то же время устойчиво сохраняются некоторые традиционные формы, как более приспособленные к местным условиям. В частности, зной туркестанского лета гораздо легче переносится в свободной, широкой одежде, чем в плотно прилегающей.

В распространении наиболее рациональных форм местной одежды и совершенствовании их благодаря использованию отдельных элементов национальной одежды соседних народов большую роль играют фабрики, комбинаты и промысловые артели, производящие предметы современной одежды и ткани излюбленных расцветок. Так, например, свободное женское платье туникообразного покроя с оторочкой ворота и разреза на груди цветной вышивкой, изготавливаемое на фабриках Туркменистана, получило широкое распространение во всех районах республики. Широко бытует в приамударьинских районах и в городах платье на кокетке узбеко-таджикской формы с отложным воротником и рукавами с обшлагами, а также кемзол. Сложение межнациональных форм — характерное явление в процессе развития современной одежды.

Усиленный процесс проникновения в одежду сельского населения Туркменистана городских элементов не дает возможности полностью отобразить все разнообразие ее современных ком-

плексов. У старшего поколения в основном сохраняется одежда традиционного типа, но и в этот комплекс входят некоторые элементы одежды фабричного производства или домашнего пошива из фабричных материалов.

Для повседневной мужской одежды характерно разнообразное сочетание предметов городского и традиционного типа, сшитых из фабричной или кустарной ткани. Праздничный мужской костюм, особенно колхозной молодежи и сельской интеллигенции, включает наряду с городского типа пиджаком, брюками и пальто национальный халат гырмызы дон из шелковой кустарной ткани, вышитую тюбетейку и гушак, т. е. наиболее красочные и нарядные элементы традиционной одежды.

Среди женщин многие стали носить одежду городского типа. Но большинство придерживается традиционных форм. Богат и красочен праздничный женский наряд. Платье и верхнюю одежду женщины или покупают в готовом виде, или шьют из красивых и дорогих тканей, чаще всего из цветного шелка, крепдешина, бархата либо из тонких шерстяных тканей яркой расцветки. Особенно наряден головной убор, включающий вышитую тюбетейку, несколько шелковых цветных платков, серебряные с позолотой украшения.

Дополняют костюм различные нагрудные украшения, браслеты, кольца, ожерелья, серьги. В праздники и в дни семейных торжеств девушки и молодые женщины носят лаковые или расшитые цветными нитками туфли и чулки.

Следует отметить, что теперь стираются былые различия в одежде девушек и молодых замужних женщин. Большая часть их одевается хорошо. Даже выходя в поле на работу, они надевают свободное платье из дорогой ткани ярких расцветок, на голове — изящно вышитая тюбетейка и цветные платки.

Важным элементом в одежде, характеризующим повышение культуры быта, является ношение нательного белья, которого раньше туркмены не знали. Кроме того, в прошлом туркменки лишь изредка стирали, но никогда не гладили платье. Его носили до тех пор, пока оно не придет в полную негодность. В настоящее время каждый член семьи имеет несколько комплектов белья, повседневную и выходную одежду. Белье и повседневную легкую одежду периодически стирают и гладят. Раньше туркмены не пользовались и постельным бельем. Теперь постельное белье прочно вошло в быт сельской интеллигенции и с каждым годом все шире распространяется в быту колхозников, особенно в тех семьях, где имеется молодежь.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что бытующая в настоящее время среди сельских жителей Туркменистана одежда, не теряя национального колорита, пополняется новыми формами, отвечающими современному уровню их культурного развития. Она по своим фасонам и материалам хотя и

сближается с городской, но еще сохраняет значительные различия, объясняющиеся как этнической (былой, родоплеменной) особенностью, так и спецификой не только сельскохозяйственного труда и быта, но и влиянием социально-экономических и природных условий. Ликвидация за годы Советской власти родоплеменной организации привела к стиранию многих локальных особенностей в одежде. Новые социально-экономические и культурные условия жизни привели к сложению единообразных форм в одежде туркмен, особенно молодежи, сельской интеллигенции и школьников. Их комплексы костюмов по своему составу, по материалу, по покрою и характеру бытования сближаются с костюмом городских жителей. Современная одежда городских жителей, как и другие составные элементы материальной культуры, по своей сущности интернациональна. Национальные формы культуры в советском социалистическом обществе не окостеневают, а видоизменяются, совершенствуются и сближаются между собой. Сближение национальных культур происходит на основе социалистического содержания, путем все более полного выявления, дальнейшего развития и обогащения всего ценного, прогрессивного, что есть в каждой национальной культуре. Все это является важной социальной проблемой, неотъемлемой частью происходящего закономерного процесса этнического и культурного сближения социалистических наций и народностей нашей советской страны.

ПИЦЦА

Туркменская кулинария отличается большим разнообразием национальных блюд, приготовленных из продуктов земледелия и животноводства. В прошлом, вплоть до победы Октябрьской социалистической революции, а местами до коллективизации сельского хозяйства, относительно полный ассортимент традиционных блюд имела только богатая часть туркменского аула. Основная же масса дайханства питалась однообразно и бедно. Повседневная его пища целиком зависела от направления хозяйства, обусловленного в известной мере природно-географическими условиями. Так, в пище туркмен земледельческих оазисов преобладали продукты земледелия и животноводства своего натурального или полунатурального хозяйства, в пище жителей пустынь и полупустынь, где основным занятием было скотоводство, преобладали мясные и молочные продукты. Хлеб, по рассказам стариков, большинство скотоводов употребляли в очень ограниченном количестве.

Низкий жизненный уровень абсолютного большинства туркмен, постоянная нехватка продуктов питания вынуждала их соблюдать строгую экономию и жить впроголодь. Хозяйственная

Рис. 40. Печи для выпечки хлеба (а); очаг (б); кувшин для воды (в); котел (г); горшок для масла (д)

и кухонная утварь была тогда немногочисленна и примитивна (рис. 40).

Великая Октябрьская социалистическая революция и осуществленные за годы Советской власти социалистические преобразования в народном хозяйстве республики необыкновенно повысили материальное благосостояние и культуру туркменского народа, что привело к огромным изменениям и в его пище.

В настоящее время пища туркмен очень разнообразна и высококалорийна. Теперь основу их питания составляют хлеб, кондитерские изделия, изделия и блюда, включающие молочные, мясные, рыбные и овощные продукты. Существенно изменилось и детское питание. За советское время туркменская кухня обогатилась новыми блюдами, приготовлению которых туркмены научились у представителей других народов нашей страны — русских, узбеков и др.

Значительные перемены произошли в хозяйственной и кухонной утвари. Сейчас жители туркменского села вместо глиняной и деревянной посуды употребляют эмалированную, алюминиевую, фарфоровую, различные кастрюли, чашки, чайники, тарелки и др. Нередко в быту колхозников можно видеть керосинки, примуса, газовые плиты, электроприборы.

В каждом колхозе и совхозе имеются теперь столовые и чайные; организовано общественное питание на полевых станциях и фермах, бесплатное питание детей в колхозных яслях, детских садах и школах-интернатах. В дни праздников Великого Октября, 1 Мая и других организуются на общественных началах массовые угощения.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

ДАЙХАНСКАЯ СЕМЬЯ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

У туркмен до середины, а местами и до конца XIX в. наиболее характерной формой была большая патриархальная и ее позднейший вариант — неразделенная семья¹. Она, по определению Ф. Энгельса, «...охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе одним двором, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода»².

Неразделенные семьи туркмен в прошлом состояли из родителей или одного из них с неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми, двумя-тремя женатыми сыновьями с их женами и детьми, а иногда и внуками. Большие семьи основывались на близком кровном родстве и неограниченной власти отца — главы семьи. Женатые сыновья при его жизни, как правило, не выделялись из хозяйства и были во всем от него зависимы. По данным информаторов приамударьинских районов, у туркмен, как и у узбеков, женитьба внука главы семьи давала право отцу на отпочкование его семьи из состава большой или неразделенной семьи.

Приведем несколько примеров большой и неразделенной семьи, относящихся к районам Средней Аму-Дарьи. Так, 113-летний Рахманбаба Кандымов и его жена в возрасте 110 лет из кишлака (арыка) Ислам (ныне один из поселков Винсовхоза) Карабекаульского района рассказывали, что в состав семьи отца Рахманбаба в 70-х годах XIX в. входили родители, три женатых

сына, 19 их детей и три правнука; всего в семье было 30 человек³.

По рассказам 102-летней Розыгуль Хыдыровой из кишлака (арыка) Салагай туркмен-эски (ныне территория колхоза «Совет Туркменистаны» Саятского района), их семья насчитывала 32 человека. Глава семьи Хыдыр имел двух жен, двух неженатых сыновей, трех незамужних дочерей, трех женатых сыновей с их детьми и престарелого брата⁴.

Житель кишлака (арыка) Чохчинаут (ныне территория колхоза им. Халтурина Чарджоуского района) 90-летний Хамрабаба Байлиев, когда ему было 12—13 лет, жил в семье деда, где, кроме его отца, матери и пятерых детей, жили два дяди со своими детьми; вся семья состояла из 29 человек⁵. Большие, или неразделенные, семьи, насчитывавшие от 10 до 20 человек близких родственников, по словам многих пожилых информаторов, встречались довольно часто. В неразделенных семьях каждая брачная пара с их неженатыми детьми занимала, как правило, отдельное жилое помещение (*лайтам*, *гуммез-кепбе*, *кепбе* или *юрту*), расположенное на общей усадьбе (*ховлы*); все трудоспособные члены семьи работали в общем хозяйстве, питались и одевались за счет общих доходов.

Наиболее многолюдные неразделенные семьи чаще всего встречались среди зажиточной части населения (байства, родоплеменной знати, духовенства). По рассказам информаторов, особенно многолюдную семью имел Джомарт Сютхор, крупнейший эрсаринский богач в Чох-Петта Керкинского бекства. У него было четыре жены, и он жил общей семьей со своими женатыми сыновьями и их детьми. Для его семьи и наемного персонала ежедневно готовили пищу на 70—80, а иногда и на 100 человек.

Неразделенные и малые индивидуальные семьи второй половины XIX — начала XX в. в смысле взаимоотношений членов семьи и внутрисемейного уклада ничем не отличались от больших патриархальных семей более раннего времени.

Во главе неразделенной семьи стоял старший по возрасту мужчина — дед или отец. Иногда формально главой семьи считалась мать, но фактически хозяином был старший мужчина или наиболее авторитетный член семьи. Взаимоотношения всех членов семьи основывались на неограниченной власти отца — главы семьи, на полном подчинении младших старшим. Экономической основой их была общая собственность на землю, воду и другие средства производства, находившиеся в распоряжении главы семьи. В этой связи нельзя не отметить, что во всех при-

¹ К. Овезбердыев. Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX — начале XX в. «Исследования по этнографии туркмен». Ашхабад, 1965, стр. 100—101; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», I. М., 1954, стр. 187; А. Джикиев. Семья и брак у туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX—XX вв. «Изв. АН Туркменской ССР», № 2, 1958, стр. 62, 63; «Народы Средней Азии и Казахстана», II. М., 1963, стр. 102—103.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 62.

³ Полевые записи автора 1957 г., № 169.

⁴ Там же, № 126.

⁵ Там же, 1960, № 9.

амударьинских и некоторых других районах Туркмении сохранялась неделимость земельного владения при жизни отца — главы семьи. В случаях отделения от отца женатый сын получал обычно небольшую долю имущества и продовольствия; земля и орудия производства всегда оставались во владении главы семьи, и он по своему усмотрению ежегодно выделял отдельно живущим сыновьям, но продолжавшим совместно работать на его земле, небольшую долю собранного урожая. Следовательно, выделившиеся сыновья фактически оставались в зависимости от главы семьи и нередко продолжали жить с ним в одной усадьбе (ховлы).

Невозможность получения новых земельных наделов вынуждала малоземельные, но многолюдные семьи, состоявшие из нескольких брачных пар, вести одно общее хозяйство. Дробление имевшегося в их пользовании небольшого земельного владения приводило к окончательному разорению и без того малообеспеченное хозяйство⁶. Многолюдные малоземельные семьи не могли занять в своем хозяйстве всю имеющуюся у них рабочую силу.

Чтобы прокормить семью, они прибегали к аренде земли у богачей на кабальных условиях или некоторые из трудоспособных членов семьи, в основном мужчины, поступали в батраки. Доходы от аренды земли и от батрачества, а после присоединения Средней Азии к России и от отходничества поступали в распоряжение главы семьи.

Случаи отделения женатых сыновей при жизни отца — главы семьи наши информаторы — Рахманбаба Кандымов из Карабекаульского винсовхоза, Сеиднияз Атанов из колхоза им. К. Маркса Саятского района, Муратага Назаров, житель сельсовета Чекир Керкинского района, и некоторые другие — объясняли постоянными разногласиями среди женщин, и в первую очередь между свекровью и невестками.

Однако изучение нами этого вопроса показало, что главной причиной отделения женатых сыновей являлись не женские раздоры, хотя и они оказывали известное влияние, а развитие частнособственнических стремлений в результате проникновения в крестьянскую среду интенсивно развивавшихся во второй половине XIX — начале XX в. товарно-денежных отношений. Возникновение с развитием капитализма таких кустарно-промышленных предприятий, как хлопкоочистительные заводы, предприятия по первичной переработке продукции сельского хозяйства, а также постройка железной дороги и развитие водного транспорта на Аму-Дарье создали благоприятные условия для отходничества. Дополнительные заработки порождали стремление к накоплению частной собственности другими трудоспособными

членами неразделенной семьи. Это обостряло внутрисемейные отношения и приводило к разделу многолюдных семей.

По словам информаторов — Новрузбаба Абдыева из колхоза «Москва» Дейнауского района, Курбана Непесова и Ширага Курбанова, жителей селения «Победа» Керкинского района, Аннамурада Ахмедова из колхоза «Комсомол» Серахского района⁷ и некоторых других, в первую очередь стали делиться семьи женатых братьев, а с развитием отходничества начали выделяться при жизни отца и женатые сыновья, работавшие по найму.

Однако наибольшее развитие этот процесс получил в первые годы Советской власти, особенно в периоды проведения земельной реформы (1920—1921 гг. и 1925—1927 гг.) и последовавшего вскоре сплошного землеустройства. Стремление безземельных и малоземельных дайхан получить в порядке земельно-водной реформы или землеустройства лишней надел земли, а многоземельных (байских хозяйств) сохранить в своем владении больше земли приводило к делению семьи на более мелкие семьи, состоявшие из супружеских пар с неженатыми детьми. Дробление семей происходило и при коллективизации, что было вызвано стремлением получить лишней приусадебный участок и больше иметь в личном пользовании продуктивного скота.

Среди наших информаторов было много выделившихся из больших семей именно в эти периоды. По их рассказам, число дайханских хозяйств (дворов), получивших при земельно-водной реформе или землеустройстве земельные наделы, как и число колхозных хозяйств (семей), получивших приусадебные участки, не совпадало с фактическим количеством дворов (семей), живших в одной усадьбе и имевших общее хозяйство, бюджет и стол⁸.

Повсеместный, иногда фиктивный раздел семей не встречал тогда препятствий со стороны местных советских, партийных и сельскохозяйственных органов. По данным сельскохозяйственной переписи 1920 г., средний размер семьи туркмен в Туркменской области составлял 5,4 человека⁹. Примерно то же показали и данные Всесоюзной переписи 1926 г. Так, средний размер семьи туркмен салыров, хыдыр-эли, чандыр и некоторых других групп в Дейнауском районе был 5,5 человека, у туркмен салыров, баят, сакар и других групп в Чарджоуском районе 5,2 человека, у туркмен-эрсари, мукры, хатаб, каркын, олам, обитавших в южных районах Средней Аму-Дарьи, — 4,8 человека¹⁰. Только среди

⁶ ЦГА ТССР, ф. 67, оп. 1, д. 152, л. 103—104.

⁷ Полевые записи автора 1957 г., № 31, № 86, № 169; 1958 г., № 1, № 127; 1960 г., № 9, 1965 г., № 44.

⁸ Там же, 1957 г., № 30, № 78; 1958 г., № 91, № 134; 1965 г., № 45, № 53, и др.

⁹ «Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Поселенные итоги Туркменской области». Ташкент, 1922, стр. 12.

¹⁰ «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XVII. М., 1928, стр. 3.

зажиточной части туркменского населения средний размер семьи достигал 7 человек ¹¹.

Семьи состояли из двух-трех поколений: отца с матерью, одного, реже двух женатых сыновей и их детей. Встречались иногда неразделенные семьи, состоявшие из трех, реже четырех поколений. Изредка такие семьи встречались и в годы социалистического строительства, а некоторые сохранились и до наших дней. Так, остатки большесемейных коллективов Г. П. Васильева ¹² наблюдала в 1945 г. среди нохурцев, А. Джикиев в 1955—1957 гг. — среди туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря, Д. М. Овезов — у туркмен-мурчали, автор данной работы — у туркмен Мургаба, Теджена и других оазисов и областей.

Данные нашего анкетного обследования в колхозах им. Жданова Керкинского района и им. Халтурина Чарджоуского района показали, что еще и теперь встречаются семьи, где женатые сыновья ведут общее хозяйство с родителями или одним из них. Например, семья Рахманкули Ходжакулиева в колхозе им. Жданова Керкинского района летом 1963 г. состояла из 21 человека: матери — главы семьи, трех незамужних дочерей и трех женатых сыновей с детьми ¹³.

В таких семьях блюстителями старой традиции выступают старики, а их женатые сыновья из уважения к старшим продолжают жить вместе. Встречаются и семьи, где два-три женатых брата ведут общее хозяйство. Например, общей семьей живут братья Ходжакули, Италмаз и Рахимкули Кутлыевы из того же колхоза им. Жданова. В этой семье насчитывается 13 человек. Такого рода семьи хотя и ведут общее хозяйство, но условия совместного жительства у них иные, чем были в неразделенных семьях дореволюционного времени. Здесь ведение общего хозяйства основано на добровольных началах, все взрослые члены семьи определенную долю зарабатываемых ими денег вносят в общий бюджет, а остальную тратят по своему усмотрению на свои личные нужды.

В советское время, особенно в годы коллективизации, были преодолены экономические и социальные причины, мешавшие брачным парам обзаводиться своим хозяйством. Земля и другие средства производства стали общенародной собственностью, работа обеспечивает каждому трудоспособному колхознику или рабочему совхоза устойчивые и достаточные заработки. Выделяющимся супругам колхоз предоставляет приусадебный участок, родители, братья и ближайшие родственники повсеместно оказывают помощь им в строительстве дома, в обзаведении про-

дуктивным скотом, инвентарем и домашней утварью. Благодаря этому вновь образованные семьи могут сразу вести самостоятельное хозяйство. Обычай родственной взаимопомощи по традиции передается из поколения в поколение.

Хотя в первое десятилетие Советской власти индивидуальная малая семья и занимала в Туркменистане господствующее положение, но в силу сохранения в семейном быту пережитков прошлого она в значительной степени еще оставалась патриархальной с соответствующими экономическими и нравственными устоями, порядками и традициями. Довольно ярко это проявлялось во взаимоотношениях членов семьи, и прежде всего в отношении к женщине. Глава семьи распоряжался всем хозяйством и судьбой каждого члена семьи. В его присутствии и при посторонних мужчинах младшие по возрасту не могли громко разговаривать и смеяться, им не разрешалось обращаться к старшим с вопросами. Жена главы семьи, будучи хозяйкой над всем женским составом семьи и младшими детьми, тем не менее была связана целым рядом ограничений.

С организацией колхозов и вовлечением женщин в общественно-производственную работу эти пережитки патриархального быта стали исчезать. Большое значение имела и широкая культурно-просветительная работа, которую неустанно вели с первых дней установления Советской власти все советские, партийные, комсомольские и общественные организации, разъясняя вред и несовместимость многих патриархальных устоев быта с достоинством советского человека.

В прошлом, заплатив *калым* (выкуп) за жену родителям, реже родственникам жены, муж считал себя ее владельцем, жена становилась его собственностью. После смерти мужа жена, по старым туркменским обычаям *дакылма* (*левират*), как вещь, переходила в собственность родного или двоюродного брата покойного. В случае отсутствия братьев родственники мужа перепродавали вдову другому мужчине своего родового подразделения. Этот обычай объяснялся «нежеланием терять купленный товар» ¹⁴. Женщина и сама была вынуждена идти на такой унижающий ее брак, лишь бы не расставаться со своими детьми, так как по адату туркмен дети после смерти отца принадлежали не оставшейся в живых матери, а ближайшим родственникам ее покойного мужа.

У туркмен йомутов, огурджали и некоторых других племенных групп в среде богачей иногда молодой вдове, не имеющей детей, удавалось через 2—3 месяца после смерти мужа вернуться в семью своих родителей. Но родители снова выдавали ее замуж, получая *калым*.

¹⁴ Д. Г. Иомудская - Бурунова. Женщина в старой Туркмении. Ашхабад, 1931, стр. 55.

¹¹ ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 81, л. 6—7.

¹² Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 187.

¹³ Полевые записи автора 1963 г., № 13.

Приниженное положение молодой женщины не только у туркмен, но и у всех народов Средней Азии, Казахстана и многих других мусульманских стран узаконивалось нормами ислама, реже шариата и обычного права. Жена обязана была покорно обслуживать всех членов семьи и безропотно переносить оскорбления, побои и унижение от мужа, свекрови и даже от старших по возрасту близких родственников мужа. По рассказам пожилых женщин, свекровь очень грубо обращалась с невестками и за каждую «провинность» сурово их наказывала. Под ее влиянием складывались крайне ненормальные взаимоотношения сыновей с женами. Унижало достоинство женщины и укоренившееся, преимущественно в среде богачей, многоженство. Помимо мужа, свекрови и свекра, над молодой женщиной в туркменской семье тяготела зависимость от старшей жены.

В дореволюционном кишлаке долины Средней Аму-Дарьи, как и во всей Туркмении, кроме повседневных домашних дел (уход за детьми, приготовление пищи, ручной размол зерна на муку, выпечка хлеба, уборка жилья, заготовка топлива, стирка), женщины еще шили одежду для членов семьи, вышивали тюбетейки, вязали шерстяные орнаментированные чулки, готовили пряжу для ткани и ковровых изделий, изготавливали ткани, паласы, ковры. В летние месяцы женщины занимались разведением и кормлением шелковичных червей, а также сбором хлопка.

Но, несмотря на участие туркменки в хозяйстве, ее рассматривали как существо низшее, лишенное самых элементарных прав.

Туркменки в Бухарском ханстве, в отличие от женщин других областей Туркмении, имели право на недвижимое имущество в своей семье. Однако это право в большинстве случаев фактически не реализовалось. По шариату в случае смерти главы семьи движимое и недвижимое имущество могло делиться между всеми ее членами. Но доля каждого сына в два раза превышала долю дочери. Мать семейства получала лишь одну восьмую наследства. В тех случаях, когда умерший имел две жены или больше, все они могли получить только $\frac{1}{8}$ наследства. Фактически же при распределении наследства у туркмен Средней Аму-Дарьи, как и у таджиков¹⁵, узбеков Ферганы¹⁶ и некоторых других народов Средней Азии и Северного Кавказа¹⁷, действовало обычное право (адат), согласно которому семья старшего женатого сына, выделившегося из семьи, получала свою долю земли скота и имущества, а усадьба и большая часть землевладения и скота переходила во владение женатого сына, чаще всего младшего, в семье которого обычно жили мать-вдова и младшие члены семьи.

¹⁵ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959, стр. 69.

¹⁶ «Прошлое и настоящее селения Айкыран». Ташкент, 1955, стр. 174.

¹⁷ Я. С. Смирнов. Изменение положения женщины у народов Северного Кавказа за годы Советской власти, М., 1964, стр. 1.

Если между братьями возникали ссоры из-за раздела земли и движимого имущества, прибегали к посредничеству аксакалов и духовенства. Были случаи передачи отцовской усадьбы старшему сыну или одному из наиболее трудоспособных и энергичных. Остальные сыновья получали положенную по шариату и адату долю.

Для сохранения полученного по наследству земельного владения оставшийся во главе хозяйства сын, по рассказам стариков, стремился по возможности раньше выдать замуж своих малолетних сестер и получить за них калым. В таких случаях за счет положенной по шариату доли земли сестре якобы увеличивался размер приданого. Если по выходе замуж сестра по настоянию мужа пыталась потребовать положенную ей долю земли, это вызывало всеобщее осуждение и считалось проявлением неуважения к умершему отцу и семье брата или братьев.

Калым, многоженство, выдача замуж несовершеннолетних и разные другие обычаи, унижавшие человеческое достоинство женщины, поддерживались установлениями шариата и обычным правом. Для девочек допускалось вступление в брак с 9 лет, для мальчиков — с 10—12 лет. Но у туркмен, как и у некоторых других народов Востока, существовал также обычай обручать детей с колыбели¹⁸. Чаще всего в малолетнем возрасте браки заключались среди материально обеспеченных туркмен, и прежде всего среди текинцев Мургаба, Теджена, Копет-Дага, салыров Серакса и сарыков Пендинского оазиса. Это было связано со стремлением получить при общинном (санашиковом) землепользовании дополнительный пай воды и земли (ника-сув).

Размер калыма определялся в зависимости от имущественного и социального положения родителей жениха и невесты, их происхождения, личных качеств невесты (внешность, работоспособность, мастерство и т. д.). За невесту из бедной семьи или семьи нечистокровной (*гул*) у туркмен всех племенных групп размер калыма был ниже, чем за невесту из семьи чистокровной (*иг*). Чистокровными туркменами, т. е. иг, считались те, у родителей которых отцы и предки не имели жен иноплеменного происхождения. Потомки от смешанных браков, например эрсаринца с женщиной из туркмен олам или курама, а особенно с женщиной инонационального, и прежде всего иранского, происхождения, считались гул, т. е. нечистокровными.

Уплата калыма представляла серьезную проблему не только для бедняцких семей, но и для хозяйств среднего достатка. Калым, будучи значительным по размерам, вместе с расходами на подарки и устройство свадьбы ложился тяжелым бременем на хозяйство семьи жениха, а нередко приводил ее к разорению.

¹⁸ А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад, 1958, стр. 124; К. Овезбердыев. Указ. соч., стр. 157.

Не удивительно поэтому, что накопление средств для калыма тянулось по 10 лет и дольше. Туркмены из неимущих слоев населения часто не могли жениться до среднего возраста, и это явление было массовым. Неженатые же люди в районах Мургаба, Теджена и Копет-Дага, как указывалось, не имели права на воду и землю.

Среди туркмен эрсари, сакар, ата, теке, сарык и большинства других племен наиболее распространенными были браки между лицами родовых подразделений (*тире*) одного и того же племени (*тайпа*). Поощрялись браки и внутри своего подразделения и даже между сравнительно близкими родственниками: двоюродными братьями и сестрами¹⁹. В районах расселения эрсаринцев, сакар бытовала не только ярко выраженная племенная эндогамия, но нередко прослеживались пережитки родовой эндогамии. Старики рассказывали, что туркмены из крупных *тире* (групп) эрсаринцев, например улуг-тепе, не допускали браков с эрсаринками гюнеш, бекаул или кара, а гарамхмудцы из племени сакар — с гызанмейре, объясняя это территориальной разобщенностью.

У туркмен баят, хыдыр-эли, чандыр, саятли, ходжа-йли и некоторых других племен, обитавших в северных районах долины Средней Аму-Дарьи, эндогамные ограничения в начале XX в. почти не соблюдались. Но здесь, как и у текинцев, сарыков Мургаба и почти во всех других районах дореволюционной Туркмении, нередко заключались браки «гарша», при которых две родственные семьи или даже иногда соседи из одного и того же племенного подразделения одновременно обменивались невестами без выплаты калыма.

При заключении брака туркмены эрсари, теке, сарыки и большинство других групп, особенно атинцы, шихи и ходжа, кроме родственных и племенных связей, учитывали также происхождение и социально-имущественное положение сторон. При господстве патриархальных отношений брак в большинстве случаев представлял собой сделку, преследующую материальные интересы. Выбор невесты для юноши зависел от воли родителей, главным образом от отца и старших мужчин.

Жених и невеста обычно узнавали о предстоящем браке последними; если же случайно им становилось известно о сватовстве, они делали вид, что ничего не знают. Часто вступавшие в брак почти до окончания свадебных торжеств и до совершения муллой обряда венчания (*никах*) не видели друг друга. Невеста

из своего племенного подразделения, особенно «чистокровная», притом из богатой семьи, расценивалась всегда дороже других девушек. У разных родоплеменных групп туркмен размер калыма во второй половине XIX — начале XX в. был различный и довольно высокий — от 300 до 3000 руб. и более.

Что же касается свадебной обрядности, то основные ее моменты были почти едины во всей Туркмении. Свадьба всегда отмечалась торжественно. В этом убеждает сравнение наших полевых материалов с известными в этнографической литературе описаниями обрядов и церемоний, входивших в свадебный цикл²⁰.

После свадьбы молодая, часто несовершеннолетняя, попадала в очень сложные и тяжелые экономические и бытовые условия, особенно в семьях бедняков. Деспотическая власть мужа и старших членов семьи усугублялась всякого рода запретами по отношению к старшим родственникам мужа, вне зависимости от их возраста и пола. Невестка обязана была закрывать себе рот концом головного платка (*яшмак*), скрывать свое лицо и фигуру большой шалью, реже халатом-накидкой. Она в присутствии старших членов семьи могла говорить только шопотом. Ей запрещалось также обращаться непосредственно к родственникам мужа — особенно к свекру, при крайней необходимости обращалась к ним через мальчика-подростка.

В первые два-три месяца новобрачная сидела в отведенном углу, закрывшись платком или халатом, и молча занималась какой-либо работой: вышивала, разматывала нитки, прядла и т. д. Из дома она выходила с закрытым лицом и обязательно в сопровождении женщины или девочек. В дальнейшем молодая туркменка выполняла многочисленные хозяйственные домашние дела: готовила пищу, ухаживала за детьми, за домашним скотом, изготавливала пряжу, ткала, шила и многое другое.

Тяжелым бременем, унижающим достоинство молодой женщины, у туркмен Мургаба, Теджена, Копет-Дага и некоторых других мест, как установлено нашим исследованием и явствует из работ С. П. Толстова, Д. Г. Иомудской-Буруновой, Г. П. Васильевой, А. С. Морозовой, был обычай *кайтарма*, т. е. возвращение молодых в дом родителей через 5—15, а местами и 25 дней после свадьбы. Этот обычай использовался родителями или род-

¹⁹ Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 193—194; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 122—124; он же. Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX — начале XX века. «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. VII. Ашхабад, 1963, стр. 152—155; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 110.

²⁰ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли, стр. 188—204; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан... «Среднеазиатский этнографический сборник», I. М., 1954, стр. 63—65; К. Овезбердыев. Указ. соч., стр. 153—164; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, стр. 119—130; он же. Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX — начале XX в., стр. 151—170; III. Аннаклычев. Современные свадебные обряды туркменских рабочих. «Исследования по этнографии туркмен». Ашхабад, 1965, стр. 134—163; Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина в старой Туркмении, стр. 29—30; «Народы Средней Азии и Казахстана», II, стр. 103—112.

ственниками молодой женщины для скорейшего получения оставшейся части калыма. По туркменскому обычаю брак вступал в силу после уплаты большей части обусловленного калыма. Используя кайтарму, родители держали молодую женщину взаперти до полного получения калыма. И это тянулось нередко до десяти и более лет, в течение которых мужу строго запрещалось встречаться со своей женой.

Другим обычаем бесправного положения туркменки был обычай дакылма (левират). После смерти мужа вдову стремились выдать замуж — родители или родственники умершего мужа — за родного или двоюродного брата мужа, а родители вдовы — за постороннего человека, чтобы вторично получить калым. Туркменка-вдова, имеющая детей, обычно соглашалась на брак по левирату, только бы не разлучаться с детьми, так как по адату в случае ухода из семьи покойного мужа дети оставались у родных отца.

Пожилые колхозницы вспоминают теперь о горькой доле туркменской женщины в прошлом, как о тяжелом кошмаре. Вот что рассказывала нам 102-летняя Розыгуль Хыдырова из колхоза «Совет Туркменистаны» Саятского района: «Мой отец имел семью в 16 человек, жил бедно, меня, двенадцатилетнюю девочку, отдали за долги в жены 39-летнему туркмену родового подразделения абагузар. Я, будучи второй женой, в течение многих лет дни и ночи выполняла самую тяжелую домашнюю работу: пряла пряжу, ткала паласы, ткань для одежды, ухаживала за детьми. Часто переносила побои и оскорбление мужа, его первой жены, свекрови и всех старших родственников мужа. О моей молодой жизни сохранились очень тяжелые воспоминания»²¹.

БОРЬБА ЗА РАСКРЕПОЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ И СОВРЕМЕННОЕ ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Новая жизнь туркменки началась с победой Великой Октябрьской революции. «Советская власть более всех других, самых передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправность женщины. Повторяю, ни одно государство и ни одно демократическое законодательство не сделало для женщины и половины того, что сделала Советская власть в первые же месяцы своего существования»²².

В Средней Азии, в частности в Туркменистане, Советская власть прежде всего отменила патриархально-феодалные установления адата и мусульманского религиозного права (шариата), средневековые законы, определявшие неравноправное,

угнетенное и рабское положение женщин. Однако юридическое равноправие женщин требовало превращения в фактическое. В. И. Ленин в связи с этим указывал на одну из важнейших задач Советской власти — на необходимость того, чтобы «женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником»²³. «Для полного освобождения женщины и для действительного равенства ее с мужчиной, — писал также В. И. Ленин, — нужно, чтобы было общественное хозяйство и чтобы женщина участвовала в общем производительном труде»²⁴.

Руководствуясь этими ленинскими указаниями, Коммунистическая партия и правительство Туркменской ССР с первых дней своего существования уделяли исключительное внимание женскому вопросу. Это внимание нашло отражение в декретах I Всетуркменского съезда Советов (февраль 1925 г.) и в решениях созданного 8 марта 1925 г. Первого республиканского съезда женщин, на котором присутствовали 200 делегатов-туркменок. Характерно, что в силу патриархальных традиций мужья преобладающего большинства делегатов сопровождали их на съезд. Эти съезды явились важным этапом в развертывании агитационно-пропагандистской работы по раскрепощению туркменки и сыграли огромную роль в популяризации прав женщины, предоставленных ей Советской властью.

В соответствии с их решениями развернулась работа по созданию широкой сети специальных промысловых, преимущественно ковровых и ткацких, артелей, организации школ, пунктов ликбеза, медицинских учреждений с особыми отделениями для женщин. Уже в 1927 г. 74 коврово-ткацкие артели объединяли 1780 ковровщиц, в том числе в приамударьинских районах 303 туркменки²⁵. Более тысячи туркменских женщин вступили в ткацкие артели, где изготовляли местные сорта ткани. Кроме того, около 12 тыс. туркменок по договорам с промкооперацией на дому ткали ковры и другие ковровые изделия²⁶.

Важную роль в деле фактического раскрепощения женщин сыграла проведенная в 1925—1927 гг. земельно-водная реформа, в результате которой хозяйства, во главе которых стояли женщины, были наделены землей и водой наравне с теми, во главе которых стояли мужчины. Всем таким хозяйствам был выдан кредит и оказана помощь рабочим скотом, инвентарем и семенами.

Юридическое оформление туркменских женщин в качестве полноправных земле-водопользователей, членов кустарно-произ-

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 157.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 201.

²⁵ Архив Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 16, л. 38.

²⁶ Гос. архив Чарджоуской обл., ф. 277/91 с, оп. 1, д. 54, л. 55; д. 52, л. 95.

²¹ Полевые записи автора 1957 г., № 126.

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 201.

водственных и ковровых артелей, а также мероприятия по культурному строительству и здравоохранению утверждали равноправное положение женщин в обществе, будили активность туркменских женщин в борьбе за фактическое раскрепощение. Однако пережитки прежней зависимости еще крепко держались в домашнем, семейном быту, что крайне затрудняло выход туркменки на арену общественной деятельности, мешало ей принимать активное участие в социалистическом строительстве. Почти повсюду еще господствовали старые формы семейных отношений. В частности, уплата калыма, как отмечала в 1926 г. третья сессия ЦИК Туркменской ССР, фактически практиковалась во многих районах республики. В значительной степени сохранялись многоженство, левират, выдача несовершеннолетних девушек замуж, обычаи кайтармы и др. В этих условиях раскрепощение туркменок, вовлечение их в социалистическое строительство и в общественно-политическую жизнь было связано с рядом трудностей и требовало особого подхода при осуществлении этих задач. Именно поэтому третья сессия ЦИК Туркменской ССР, признавая, что калым является грубейшим нарушением свободы женщины и сводит ее на положение предмета купли и продажи, объявила его незаконной сделкой²⁷.

Важнейшее историческое значение имело решение III съезда Коммунистической партии Туркменистана (январь 1927 г.) «Об итогах и перспективах работ по фактическому раскрепощению женщин в Туркменистане», а также декреты второй сессии ЦИК Туркменской ССР (второго созыва, ноябрь 1927 г.) о запрещении калыма, многоженства, о повышении брачного возраста и др.

В соответствии с этими декретами были организованы женотделы в составе партийных органов и комиссии по улучшению труда и быта женщин в составе Советов.

Эти организации, проводя большую культурно-просветительную и пропагандистскую работу, все больше и больше вовлекали женщин в производственную и общественную жизнь, в активную борьбу за преодоление пережитков прошлого. В результате проведенных мероприятий численность женщин в рядах рабочих и служащих с 1925 по 1936 г. увеличилась на 27,5 тыс. человек²⁸, а численность туркменок в коврово-ткацких артелях с 1,8 тыс. в 1927 г. возросла до 24 тыс. человек в 1940 г.²⁹

Коллективизация, организационно-хозяйственное укрепление колхозов и всестороннее развитие артельного хозяйства значительно способствовали успешной борьбе за полное раскрепо-

щение женщин-туркменок. В процессе колхозного строительства с ломкой старой экономики изменялся быт трудящегося дайханства, иной становилась их психология, возрастал культурный уровень, изживались предрассудки, мешавшие широкому вовлечению туркменских женщин в сельскохозяйственное производство. Уже весной 1931 г. на колхозных полях работало почти 16 тыс. женщин, а летом на обработке хлопчатника — 27 300 женщин. В 1932 г. только в Марыйском районе на колхозных полях работало 18 тыс. колхозниц. В Фарабском районе 2666 туркменок, или 90% от общего их числа, весной 1931 г., когда более 90% мужчин было занято на хошарных работах, не только обеспечили выполнение плана посева хлопка и других культур на 107%, но и оказали помощь соседнему отстававшему тогда Чарджоускому району³⁰.

В 1933 г. почти 120 тыс. туркменок были членами колхозов, около 80 тыс. женщин — членами артелей ковровщиц³¹.

Вступлению туркменок в колхозы и различные кооперативные организации, вовлечению их в общественное производство и активному участию в социалистическом строительстве предшествовала огромная работа в области поднятия политического и культурного уровня туркменских женщин. В этих условиях были организованы культурно-просветительные учреждения по охране материнства и младенчества, женские медицинские учреждения, женские школы-ликбезы, женские красные уголки, где систематически проводились лекции и беседы, которые помогли туркменкам расширить свой кругозор, обучиться грамоте.

Успешному привлечению туркменок к общественному производству, росту их активности способствовало культурно-бытовое строительство — организация постоянных и сезонных детских садов и яслей.

Систематическое проведение в жизнь комплекса практических мер, направленных на улучшение экономического и культурно-бытового положения туркменок, обуславливало постоянное, хотя и медленное, увеличение числа женщин, которые включались в общественную жизнь и наравне с мужчинами становились активными участниками строительства социализма. Благодаря трудовым успехам, быстрому овладению различными профессиями женщины, занятые общественно полезной работой в колхозах и промысловых артелях, приобретали все больший авторитет в обществе и добивались фактического раскрепощения в семье.

²⁷ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 1, д. 432, л. 98.

²⁸ «15 лет Туркменской ССР». Статистический сборник. Ашхабад, 1939, стр. 87.

²⁹ Архив Туркменского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 16, л. 38.

³⁰ Б. Пальванова. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и раскрепощение женщин-туркменок. Ашхабад, 1957, стр. 95—96.

³¹ К. Г. Алиева. Женщины Советского Туркменистана. Ашхабад, 1950, стр. 26.

Важным фактором, свидетельствующим о раскрепощении туркменских женщин и их политической активности, является участие женщин в выборах в Советы депутатов трудящихся. Если в 1927 г. в выборах участвовало только 6,2% женщин, а в 1928 г. — 12% туркменок, то в 1939 г. в них уже принимало участие 98,8% женщин. В первые годы после установления Советской власти женщины-депутаты были единицами. В 1939 г. женщины среди депутатов областных и районных Советов составляли около 28%, аульных Советов — немногим более 34%³².

Все эти данные — яркое доказательство культурно-политического роста освобожденных от рабского положения женщин Туркменистана, они являются блестящим подтверждением предвидения В. И. Ленина о том, что «большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире»³³.

Фактическое раскрепощение туркменских женщин происходило в напряженной борьбе с байством, духовенством и другими враждебными элементами. Классовые враги, выступая против раскрепощения туркменок, использовали различные методы и средства. Они старались закрепить старые порядки и поддерживать взгляды на женщину как на существо, призванное по шариату и адату беспрекословно подчиняться мужу и старшим по возрасту его родственникам. Широкое участие туркменок в общественной и культурной жизни расценивалось и преподносилось отсталым массам как величайший грех.

Распространяя различные небылицы о женщинах, вступивших на путь борьбы за свое освобождение, духовенство и байство сеяли возмущение против них среди наиболее отсталых слоев населения, а в отдельных случаях прибегали к террору и убийству активисток. Такой жертвой стала, например, Огульнияз Райхим-кызы, одна из первых активисток аула Култак Ходжамбасского района Туркменской ССР. Несмотря на систематические побои, издевательства и угрозы мужа и его родственников, Огульнияз продолжала учебу в школе, активно участвовала в общественной жизни своего аула. За это в 1928 г. она была убита мужем при участии его брата³⁴.

Еще раньше, накануне зарождения республики, в Безмине врагами Советской власти была зверски убита Аман Дурсун за то, что осмелилась потребовать развод от мужа — деспота и многоженца, а в апреле 1925 г. убита Аннаджемал Хидыр-кызы³⁵ — первая заведующая женским отделом Геок-Тепинского районного комитета партии.

³² ЦГА ТССР, ф. 376, оп. 2, а, д. 31, л. 6—7.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 369.

³⁴ ЦГА ТССР, ф. 152, оп. 1, д. 130, л. 200—203.

³⁵ С. Любимова. В первые годы. М., 1958, стр. 38.

Убийства активисток, как и самоубийства некоторых молодых туркменских женщин, не выдержавших систематического издевательства и невыносимых условий жизни, были не единичны. В бывш. Ашхабадском, Мервском и Чарджоуском (Ленинском) округах за 1925—1926 гг. было возбуждено 30 дел об убийствах туркменок³⁶.

По данным органов юстиции и прокуратуры в Чарджоуской области, например, в 1940 г. было привлечено к уголовной ответственности за бытовые преступления и феодально-байское отношение к женщинам более 270 человек³⁷. Борьба с феодально-байскими пережитками в семейном быту затруднялась тем, что случаи грубого нарушения советского законодательства — рабское положение женщин в семье, насильственная выдача замуж с получением калыма — тщательно маскировались; сами же женщины и девушки, запуганные родителями и близкими родственниками, сплошь и рядом безропотно переносили такого рода унижения.

Коммунистическая партия и Советская власть вели долгую и упорную борьбу за фактическое раскрепощение туркменок. Победа пришла в результате все большего вовлечения туркменских женщин и девушек в общественное производство, в управление страной, в культурно-массовые мероприятия. Особенно широкое распространение женский труд получил в хлопководстве. Эта наиболее важная отрасль производства туркменских колхозов, как и многие другие, последовательно приобщая туркменок к общественно полезному труду и социалистическим его методам, обусловила активное их участие в социалистическом преобразовании и развитии артельного хозяйства, в приобретении многими из них организаторских навыков.

Все эти качества туркменских женщин с особенной силой проявились в годы Великой Отечественной войны. Стремясь обеспечить фронт и тыл всем необходимым, колхозницы Туркменистана не щадили себя, работали так, как требовала этого Родина. Их трудовое напряжение обеспечивало успех работы колхозов, так как именно женщины были тогда основной рабочей силой. Колхозницы Туркменистана, будучи в годы войны основной рабочей силой в сельском хозяйстве, смогли взять на себя выполнение основных работ в поле, на ферме, а в ряде мест сыграли организаторскую и руководящую роль в ведении сложного, механизированного общественного производства. В эти годы необходимо было осуществить целый комплекс мероприятий: подготовку кадров (преимущественно из женщин, школьников и женской молодежи) взамен ушедших на фронт мужчин; ремонт тракторов и других сельскохозяйственных машин, рестав-

³⁶ Там же, стр. 48.

³⁷ Партархив Чарджоуской области, ф. 1, оп. 1, д. 213, 109, 301, 302.

рацию и ремонт запасных частей, подготовку живого тягла и соответствующего инвентаря, гужевого и вьючного транспорта, заготовку и внесение удобрений, привлечение и правильное использование трудовых ресурсов, повышение трудовой дисциплины, производительности труда и т. п.

Проведение этих и многих других мер дало возможность увеличить поставки государству продукции сельского хозяйства.

Среди передовых колхозов того времени, ежегодно перевыполнявших план сдачи продукции государству, повышавших общие доходы и оплату колхозникам трудодней, достаточно назвать колхоз им. Халтурина Чарджоуского района, сельхозартели им. Буденного Туркмен-Калинского района, «Интернационал» Байрам-Алийского района, им. Тельмана Ленинского района³⁸.

Успехи тружеников села за 1943 г. обусловили сдачу государству зерна и овощей в 2 раза больше, чем в 1941 г., перевыполнение плана сдачи государству мяса, молока, шерсти, кожсырья и другой продукции животноводства.

В 1944 г. поставки государству хлопка увеличились по сравнению с 1943 г. на 42 тыс. т. За перевыполнение норм по урожайности хлопчатника только колхозы Марыйской области получили 18 млн. руб. премий-надбавок³⁹.

В конце 1944 г. в связи с 20-летием республики проводился сбор средств в помощь фронту, давший 20 млн. руб. на строительство боевых самолетов и танков имени 20-летия Туркменской ССР⁴⁰. Так, колхозницы колхоза им. Андреева Геок-Тепинского района внесли 150 тыс. руб., а колхозница Садап Ниязова из колхоза им. Свердлова Ашхабадского района — 60 тыс. руб., 82 кг позолоченного серебра (в виде фамильных украшений) сдали колхозницы колхоза «Кызыл-Кошун» Тахта-Базарского района.

Все это явилось значительным вкладом колхозников и колхозниц Туркменистана в общий фонд обороны страны, ярким свидетельством высокой их сознательности и патриотизма, дружного и самоотверженного труда для блага всех народов многонационального Советского Союза.

За самоотверженный труд и помощь фронту около 40 тыс. женщин Туркменистана награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Кроме того, большая группа туркменских патриотов была награждена орденами и медалями Советского Союза. 25 славных дочерей туркменского народа за их замечательные успехи в труде были удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда⁴¹.

³⁸ «История Туркменской ССР», т. II. Ашхабад, 1957, стр. 535—536, 549.

³⁹ «X сессия Верховного Совета Туркменской ССР», Стенографический отчет. Ашхабад, 1946, стр. 24.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ К. Г. Алиева. Указ. соч., стр. 36, 37, 46.

К туркменским женщинам вполне применимы слова М. И. Калинина: «Только колхозное хозяйство поставило женщину в лучшие условия. Мы сейчас видим воочию, как развернулись организаторские и хозяйственные способности советских колхозниц, как богато наряду с этим проявились их душевные и моральные качества»⁴².

В послевоенные годы, когда развернулось всенародное движение за претворение в жизнь пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР, туркменский народ, и в том числе туркменки, добиваются еще более высоких производственных успехов.

«Механизация тяжелых работ и развитие сети детских садов, яслей и других культурно-бытовых учреждений,— говорится в постановлении ЦК КП(б) Туркменистана от 12 сентября 1949 г. «О двадцатипятилети Туркменской Советской Социалистической Республики»,— дали возможность женщине-туркменке производительно работать на предприятиях, на полях колхозов и совхозов.

В настоящее время 43 процента работающих на предприятиях промышленности и транспорта — женщины, в колхозах они составляют решающую силу. 10 830 женщин-туркменок работают звеньевыми, бригадирами, заведующими животноводческими фермами и председателями колхозов»⁴³.

Огромное стимулирующее значение для дальнейшего развития народного хозяйства, повышения производительности труда, активизации общественной жизни, роста культуры и улучшения быта туркменок имели решения областных и республиканских съездов женской молодежи, республиканских съездов женщин Туркменистана, а также вновь созданные в обкомах и райкомах отделы по работе среди женщин, а на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах — женские советы. Эти женские советы под руководством отделов по работе среди женщин провели огромную работу в борьбе за повышение культуры труда, за преобразование по-новому производственного и домашнего быта.

Решения XX—XXII съездов КПСС, новая Программа партии, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о порядке назначения и выплаты государственных пособий и предоставлении льгот беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям определили практическую деятельность всех партийных, советских, комсомольских органов, а также тружеников сельского хозяйства в борьбе за дальнейший подъем экономики, расцвет культуры, преобразование быта на новой, социалистической основе.

⁴² М. И. Калинин. О колхозном строе и колхозницах. Курск, 1945, стр. 7.

⁴³ «Туркменская искра», 14 сентября 1949 г.

Всенародное социалистическое соревнование выдвинуло из среды тружеников села большую армию мастеров высоких урожаев и показало огромные возможности социалистического земледелия в деле повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. Огромных успехов добились в этом отношении и туркменки. Об этом свидетельствуют многочисленные факты из повседневной жизни туркменок, например, колхоза им. Халтурина, «Москва», им. Жданова и др.

Колхозница Анна Момотдурдыева из колхоза им. Жданова Керкинского района добилась высоких показателей в шелководстве, в 1965 г. получив с 1 коробки грены 110 кг коконов. Тов. Сендова из колхоза «Москва» Чарджоуского района собрала 125 кг⁴⁴ коконов с 1 коробки грены.

В 1965 г. колхозницы, участвуя в социалистическом соревновании и применяя опыт передовиков по сокращенной выкормке шелкопряда, добились еще более высокой производительности труда. Так, активный член женского совета в колхозе им. Жданова Керкинского района Хуир Шаммиева получила и продала государству 154 кг коконов с выкормки 1 коробки грены⁴⁵. Тач Курбанова в колхозе «Правда» Ходжамбасского района — 213 кг коконов⁴⁶.

В колхозе им. Калинина Керкинского района, который возглавляет депутат Верховного Совета СССР Герой Социалистического Труда Огульгельды Джумаева, из года в год повышается урожайность хлопчатника, доходность общественного хозяйства, улучшается благосостояние колхозников.

Далеко за пределами республики известно имя механизатора, ныне Героя Социалистического Труда Дурсыгуль Одэевой из колхоза им. Халтурина Чарджоуского района, Оглай Эвезовой из колхоза «Коммунизм» Керкинского района⁴⁷. Умело руководит культурно-массовой работой в колхозе им. Жданова Акбике Ачилова, в колхозе «Коммунизм» — А. Аллабергенова, в колхозе им. Калинина Керкинского района — Тоус Давранова, в колхозе им. Кирова Чарджоуского района — Г. Ходжамбердыева, в колхозе «Социализм» Ашхабадского района — Г. Караева, в колхозе «Зарпчи» Марыйского района Герой Социалистического Труда — Курбандурсун Клычева.

Массовое участие туркменок в государственном управлении — один из важнейших показателей фактического раскрепощения женщин. Так, в 1967 г. 6448 женщин были депутатами районных и сельских Советов, 100 — депутатами Верховного Совета Туркменской ССР, 10 — депутатами Верховного Совета СССР,

320 женщин работали председателями исполкомов местных Советов, 714 — секретарями горкомов, райкомов и первичных партийных организаций⁴⁸.

В настоящее время среди тружеников сельского хозяйства женщин 52%. Свыше 3 тыс. женщин находится на руководящей работе в республике. Среди них 134 директора и главных инженера предприятий, около 300 председателей и заместителей председателей правлений колхозов, более 2,5 тыс. — бригадиры, заведующие фермами, счетные работники и звеньевые, сотни женщин работают механизаторами⁴⁹. Среди учителей и медработников — свыше 45% женщин.

Более 700 женщин-туркменок работают в научных учреждениях республики. Более 100 женщин — доктора и кандидаты наук. Зулейха Мухамедова — член-корреспондент АН ТССР, Б. Пальванова — доктор исторических наук, Аннагуль Языкова — кандидат геолого-минералогических наук, Мая Языкова и Анна Николаевна Пиркулиева — кандидаты исторических наук и многие другие. А. Языкова и А. Н. Пиркулиева, лишившись в раннем детстве родителей, воспитывались в детдоме. Закончив среднюю школу, они поступили в высшие учебные заведения, окончили аспирантуру и успешно защитили диссертации. Все сказанное далеко не исчерпывает замечательные примеры творческих способностей и организаторских талантов туркменских женщин.

За доблестный и самоотверженный труд 55 женщин удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда, тысячи туркменок награждены орденами и медалями Советского Союза.

Равноправие женщин закреплено Советской Конституцией. «Женщине в Туркменской ССР, — говорится в 99-й статье Конституции, — предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни»⁵⁰.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов. Так, число женских и детских консультаций в районах республики со 106 в 1940 г. возросло до 157 в 1966 г., а число колхозных детских садов и яслей с 320, обслуживающих 7855 детей в 1940 г., увеличилось до 412, обслуживающих в 1966 г.

⁴⁴ «Туркменская искра», 15 марта 1966 г.

⁴⁵ Полевая запись автора 1965 г., № 12, № 27.

⁴⁶ «Туркменская искра», 1 июня 1965 г.

⁴⁷ «Туркменская искра», 15 марта 1966 г.

⁴⁸ «Туркменская искра», 8 марта 1967 г.

⁴⁹ «Туркменская искра», 4 декабря 1968 г.

⁵⁰ «Конституция Туркменской ССР». Ашхабад, 1963, стр. 21—22.

22 870 ребят⁵¹. В летний период ежегодно организуются временные детские ясли и площадки, которые обслуживают тысячи детей.

Приведенные выше данные массового и активного участия туркменских женщин в управлении страной, в хозяйственном и культурном строительстве, роста их культурно-политического уровня свидетельствуют о фактическом раскрепощении туркменок. Утверждение нового положения женщин в обществе неизбежно связано с формированием новых семейных взаимоотношений, новых принципов организации семейного быта, более полным использованием женщинами своих прав, знаний, талантов во всех сферах общественной деятельности.

Изучение степени занятости туркменских женщин в колхозах им. Жданова Керкинского района, им. Халтурина Чарджоуского района показало, что они трудятся во всех областях хозяйства, кроме отгонного животноводства, наравне с мужчинами, особенно по возделыванию ведущей культуры — хлопчатника. В домашнем хозяйстве женщины-туркменки затрачивают больше труда, чем мужчины. При этом много времени уходит на приготовление пищи и уход за детьми. Во многих колхозных семьях мужчины, по старой традиции, еще мало помогают женщинам в домашнем хозяйстве. Преодоление этого пережитка прошлого и дальнейшее развитие сети детских учреждений обеспечат дальнейшее высвобождение времени туркменок для занятия производительным трудом и участия в общественной жизни.

Много сделано в этом отношении, например, в колхозах им. Халтурина и им. Кирова Чарджоуского района, им. Жданова и «Коммунизм» Керкинского района, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района, «Москва» Марыйского района, «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района, им. Кирова Каахкинского района. В этих колхозах хорошо налажено обслуживание детей дошкольного возраста и обращается большое внимание на производственное обучение женщин.

Как известно, ведущую роль в современном сельском хозяйстве Туркменистана играют механизаторы. Число их возрастает. Между тем механизаторские профессии больше осваивают мужчины. Заслуженный механизатор Туркменской ССР коммунистка Оглай Овезова из колхоза «Коммунизм» первой организовала женские курсы механизаторов широкого профиля. По ее почину много девушек последовало призыву Турсуны Ахундовой, узбекской зачинательницы движения женщин за овладение техникой. Но все же и в настоящее время колхозы и совхозы республики еще слабо готовят механизаторов из числа женщин и девушек, а многие подготовленные не используются по специальности.

В 1960 г. в Дейнауском районе из 219 девушек-механизаторов на машинах работало только 22. В колхозе «Большевик» этого же района из 10 окончивших курсы механизаторов ни одна не работала по специальности.

Между тем повышение квалификации колхозниц является важнейшей задачей для обеспечения успешной работы на базе передовой техники. Возрастающий с каждым годом уровень общеобразовательной подготовки женской молодежи обеспечивает благоприятные условия для дальнейшей учебы и приобретения специальных знаний.

Обучение женщин и девушек новым профессиям проводится в Туркменистане тем же методом, что и обучение мужчин. Это, с нашей точки зрения, правильно. Но для обеспечения более активного участия женщин в общественном хозяйстве необходимо дальнейшее, как уже отмечалось, развитие сети детских учреждений и дальнейшее улучшение обслуживания детей.

В некоторых колхозах республики внутрисемейные отношения, старые обычаи, традиции и религиозные пережитки, к сожалению, еще сдерживают общественно-политическую и производственную активность туркменок. Бывают иногда случаи, когда взрослым девушкам запрещают посещать школу, не разрешают учиться на курсах механизаторов, заставляют придерживаться устаревших традиционных норм поведения в общественных местах и в домашнем быту. Еще встречаются туркменские семьи, где женщины не участвуют в приеме гостей, не садятся за общий стол с мужчинами. Старые традиции сохраняются пока в семейном быту тех туркмен, в семьях которых имеются старики.

Массовое участие женщин в социалистическом строительстве ведет к изменению старых взглядов и косных традиций, унижающих человеческое достоинство женщины. Включаясь в общественно полезную трудовую деятельность, туркменки приобретают экономическую самостоятельность, что способствует утверждению их личной независимости и повышению авторитета в семье. Трудовые успехи обуславливают им фактически равные с мужчинами права и положение в обществе.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ У ТУРКМЕНСКИХ КОЛХОЗНИКОВ

Семья, по определению Ф. Энгельса, как историческое явление, как продукт определенных форм общественных отношений и строя, развивается по мере того, как развивается общество и должна изменяться по мере того, как изменяется общество⁵². Формирование и развитие новой туркменской семьи происходит под воздействием целой совокупности новых условий: установле-

⁵¹ «Туркменистан за годы Советской власти». Ашхабад, 1967, стр. 131.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 85.

ние Советской власти, ликвидация частной и утверждение социалистической собственности, установление равноправия женщин и вовлечение ее в сферу общественного производства, в управление страной, активное участие всех членов семьи⁵³ в общественном хозяйстве, общественной и культурной жизни села, в общей борьбе за создание материально-технической базы коммунизма.

Культурное строительство, победа колхозного строя, постоянное повышение уровня механизации сельскохозяйственного производства обусловили коренные преобразования производственной, экономической и культурной жизни всего сельского населения республики. В связи с этим у колхозников Туркменистана складывалось новое, социалистическое отношение к общественным средствам производства и к труду, изменялась психология, утверждалось новое отношение к женщине, все более завоевывавшей авторитет в хозяйственной и общественной жизни. Все это вело за собой и изменения в семейном быту и расшатывало его традиционные устои. Сложение и укрепление современной семьи колхозного крестьянства, построенной на равенстве всех ее членов, сопровождалось ломкой старых семейных отношений.

Современная семья сельских жителей Туркменистана — это малая моногамная семья. О численном ее составе дают представление данные переписи населения 1959 г. и результаты нашего анкетного обследования 1960 г., приведенные в табл. VII.

Из этой таблицы следует, что небольшие семьи в 2—3 человека составляют 28,5% по отношению к общему числу семей сельского населения Туркменской ССР. Если в Туркмении эта группа семей за 20 лет (с 1939 по 1959 г.) сократилась на 2,6%, то в среднем СССР она увеличилась с 37,2 до 48,2%⁵⁴. Относительно большие семьи, состоящие из 6 и более человек, т. е. численно превышающие среднюю величину, с 31,4% в 1939 г. увеличились до 36,9%, в том числе в колхозе им. Жданова составляют 27,1%⁵⁵, а в колхозе им. Халтурина — 53%⁵⁶. В среднем по СССР удельный вес таких семей сократился с 23,3 до 16,3%⁵⁷, а средняя величина семьи по СССР меньше, чем в Туркменистане. В СССР средняя величина семьи на селе, по данным переписи 1939 г., составила 4,3, а по переписи 1959 г. — 3,9 человека, среди русских — 3,7 человека. В Туркменской ССР она с 4,8 человека в 1939 г. увеличилась до 5 человек в 1959 г.,

⁵³ Молодежь, как правило, в свободное от учебы время, подростки принимают активное участие в общественном производстве либо в общественной жизни школы, библиотеки, клуба, спортивной, комсомольской и пионерской организаций.

⁵⁴ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, стр. 248.

⁵⁵ Годовой отчет колхоза им. Жданова за 1959 г.

⁵⁶ Годовой отчет колхоза им. Халтурина за 1959 г.

⁵⁷ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, стр. 248

ТАБЛИЦА VII. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ СЕМЕЙ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

Число членов семьи	В целом по республике, %	По колхозу им. Халтурина Чарджоуского района				По колхозу им. Жданова Керкинского района				По Дарханам
		число семей	%	глава семьи		число семей	%	глава семьи		
				муж- чина	жен- щина			муж- чина	жен- щина	
2	13,0	27	10,1	17	10	54	19,2	32	22	14,0
3	15,5	27	10,1	19	8	50	17,8	35	15	17,5
4	17,3	39	14,6	29	10	56	19,9	45	11	17,5
5	17,3	32	12,0	26	6	45	16,0	35	10	19,3
6	14,9	26	9,7	22	4	32	11,4	27	5	11,6
7	9,1	49	18,3	42	7	21	7,5	18	3	8,4
8	5,6	36	13,5	30	6	10	3,6	8	2	5,8
9	3,1	17	6,5	15	2	4	1,4	4	—	2,9
10	4,2	7	2,6	6	1	4	1,4	3	1	1,5
11	—	3	1,1	2	1	2	0,7	2	—	1,1
12	—	2	0,7	2	—	2	0,7	2	—	0,2
13	—	1	0,4	1	—	—	—	—	—	—
14	—	1	0,4	1	—	—	—	—	—	0,2
21	—	—	—	—	—	1	0,4	1	—	—
Итого	100,0*	267	100,0	212	55	281	100,0	212	69	100,0**

*Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, стр. 242—243.

** «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан». М., 1958, стр. 213.

в том числе чисто туркменская семья составляет в среднем 5,1 человека.

Эта тенденция постепенного, хотя и незначительного, увеличения численности современной семьи колхозников Туркменистана обусловлена снижением детской смертности и относительной стабильностью рождаемости. Число детей в семьях туркмен зависит главным образом от возраста супругов и таких социально-экономических факторов, как уровень благосостояния и культуры сельского населения, национальные, религиозные традиции. Для туркмен характерен относительно ранний возраст вступления девушки в брак. Так, по переписи 1959 г. из 1000 туркменок в возрасте 16—19 лет состояли в браке 320, а русских только 102; в возрасте 20—24 лет — соответственно 894 и 493⁵⁸. В Туркменистане средний размер семьи выше на 21,7%, чем в целом по СССР. Это явление объясняется в основном националь-

⁵⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР». М., 1963, стр. 138.

ными традициями. Результаты нашего анкетного обследования и данные выборочной 5% разработки переписи населения 1959 г. показывают, что небольшие семьи в 2—3 человека составляют у туркмен 30%, а у русских около 50%, семей в 8 и более человек — у туркмен немногим более 13, а у русских лишь около 2%⁵⁹.

В настоящее время во всех районах республики прослеживается тенденция вновь возникших семей выделиться в самостоятельное хозяйство. Объясняется эта тенденция многими причинами, и прежде всего тем, что равноправное участие в колхозном производстве обеспечивает им материальную независимость.

Взаимный выбор и обоюдное согласие вступающих в брак с оформлением его в загсе — обязательное и повсеместное явление. Это надо рассматривать как огромный положительный факт в развитии туркменской семьи. Не менее характерным для современной молодежи является серьезный и вдумчивый подход к выбору себе спутника жизни.

Во многих современных семьях, особенно колхозного актива и сельской интеллигенции, родители при решении вопроса о браке детей, и особенно о выборе супруга для дочери, выступают в роли советчиков⁶⁰. Они ограничиваются лишь предложением кандидатуры, предоставляя окончательное решение самой невесте. Теперь нередко девушки сами ставят в известность своих родных о том, что скоро придут сваты (*хада*) для переговоров о свадьбе.

Важнейшее значение в преобразовании семьи и семейных отношений населения Туркменистана на новой, социалистической основе имела социалистическая реконструкция народного хозяйства, коллективизация и общее развитие производительных сил республики. Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целины, развитие всех видов транспорта усиливают национальное смешение населения.

Межнациональные браки — один из показателей преобразования национальных отношений, повышения культуры и изменения быта, а также сближения народов в общегосударственном масштабе. В прошлом, до победы Великого Октября, этому препятствовали социальные факторы, религия, родоплеменная и национальная обособленность. Согласно религиозным установлениям ислама, мусульманское духовенство веками воспитывало у туркмен убеждение в том, что браки с другими народами нарушают шариат, осуждаются и преследуются им.

⁵⁹ А. Г. Волков. Величина семей в республиках Средней Азии и некоторые факторы ее изменения. «Доклады, представленные на научную конференцию по проблемам народонаселения Средней Азии». М., 1965, стр. 120.

⁶⁰ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 196, 197.

Прогрессивность смешанных в национальном отношении браков проявляется в первую очередь в том, что они оказали благоприятное влияние на коренное преобразование таких трудно поддающихся изменениям сфер жизни, как семья, быт, традиции, обряды, нравы.

Как известно, появление и постепенное возрастание смешанных в национальном отношении браков началось еще в годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Однако только за послевоенные годы наблюдается заметное увеличение смешанных в родоплеменном и национальном отношении браков. Данные Всесоюзной переписи населения 1959 г. и результаты нашего этнографического изучения туркменской семьи показывают, что чаще всего встречаются туркмено-узбекские, туркмено-татарские и туркмено-русские семьи; нередко можно встретить теперь узбеко-туркменские, туркмено-башкирские и русско-туркменские семьи. Например, туркмен Джора Алашев из колхоза им. Халтурина Чарджоуского района 14 лет назад женился на русской девушке Валентине. Эту семью почти все колхозники считают образцовой не только по сложившимся в ней отношениям, полному равенству, дружбе между супругами и детьми, но и по воспитанию детей, культуре быта, участию в производственной и общественной жизни.

Другим хорошим примером может служить семья Алексея Тикаева, русского, имеющего и туркменское имя Арип Ягмыров, из колхоза им. Жданова Керкинского района. Шесть лет назад он женился по взаимной любви на туркменской девушке Огульгельды. Интересно отметить, что если в семье Алашева всем детям даны русские имена — Вова, Витя, Коля, то в семье Тикаева дочь получила туркменское имя — Хюрсултан.

В с. Букры сельсовета Векиль Базар Марыйского района Мерет Байрамов женился на русской женщине с тремя детьми от первого брака. Когда ее две дочери достигли совершеннолетия, они вышли замуж за колхозников-туркмен, а сын женился на туркменской девушке Дурсунджамал⁶¹.

Очень интересна история появления в Тедженском районе туркменской семьи Иванова. Среди туркмен чисто русские фамилии никогда не встречались. В годы гражданской войны туркмен по имени Бекмурад в память о погибшем в Теджене командире отряда Иване Коробейникове назвал одного из своих сыновей Иваном. Иван Бекмурадов вырос, женился на туркменке и имел пятерых детей. Одного из сыновей после смерти отца, т. е. Бекмурада, он и его супруга называли Иваном. Но поскольку у туркмен фамилией является имя отца, то таким образом среди туркмен появился Иван Иванов.

⁶¹ К. Овезбердыев. Современная семья и семейные отношения у туркмен Мургабского и Тедженского оазисов. М., 1964, стр. 5—6.

В колхозе им. Халтурина Чарджоуского района можно назвать и еще несколько семей, возникших в результате смешанного брака. Так, туркмен Чары Сабыров женат на узбечке Розыхал, узбек Режеп Раимов — на туркменке Рурбигуль, туркмен Джалгасбаев — на башкирке Файрузовой. Любопытно, что в туркмено-башкирской семье детям даны русские имена: Лидия, Леонид, Илья. В колхозе им. Кирова Каахкинского района более десяти смешанных в национальном отношении семей: туркмен Аннаев Баба женат на чувашке, имеет троих детей, туркмен Аннадурды Сапаров женат на русской по имени Женя, и у них уже трое детей. Смешанные в национальном отношении семьи встречаются почти во всех колхозах республики, но пока они еще единичны. Наибольшее их число встречается в селениях совхозов и особенно в городах. Только в одном Небит-Даге в течение 1957—1960 гг. зарегистрировано 106 смешанных браков, а по г. Чарджоу 316, или 36,4% к общему числу заключенных в 1967 г. браков⁶². В последние годы, особенно среди учащихся вузов, увеличилось число браков туркменских девушек с русскими, азербайджанцами, узбеками, татарами.

Хотя в целом по республике смешанные браки пока занимают небольшой удельный вес, но главное состоит в том, что их число постепенно возрастает.

Наши наблюдения, относящиеся к некоторым смешанным семьям у туркмен Средней Аму-Дарьи и Мургаба, совпадают с данными других этнографов, изучающих быт народов Средней Азии и Казахстана⁶³; эти данные свидетельствуют о том, что такие семьи обычно дружны, супруги живут счастливо, относятся с уважением друг к другу, уделяя много заботы и внимания детям. В смешанных семьях, как правило, дети часто владеют языком отца и матери. В туркменских семьях, где хозяйка — русская женщина либо украинка, татарка, в большинстве своем сохраняется привычный этим женщинам образ жизни, но постепенно усваиваются и бытовые навыки мужа, его родных и соседей. В домашнем быту таких семей заметны местные национальные особенности, но преобладают городские черты. Русские, украинские женщины обычно сохраняют свою привычную одежду. Несмотря на загруженность работой в общественном хозяйстве, в домашнем быту они всегда сохраняют порядок, чистоту и уют.

⁶² Ш. Аннаклычев. Изменение общественно-бытового уклада туркмен в связи с индустриализацией республики. М., 1964, стр. 8; архив Горзагса Чарджоу. 1967 г.

⁶³ М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959, стр. 113—114; С. М. Абрамзон. Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. «Сов. этнография», 1962, № 3, стр. 18—33; Т. А. Жданко. Быт колхозников рыболовецких артелей на островах Южного Арала. «Сов. этнография», 1961, № 5, стр. 42—43.

Сказанное о смешанных в национальном отношении браках дает основание говорить о том, что это явление в современной жизни туркменского села имеет прогрессивное значение. Смешанные в национальном отношении семьи, как отмечалось выше, способствуют сближению социалистических наций и народностей, оказывают положительное влияние на скорейшее преобразование семьи и домашнего быта на новых, социалистических основах. Более того, такие семьи являются проводниками новых отношений между членами семьи.

Структуру современной семьи колхозников, по данным посемейного анкетного обследования 1960 и частично 1963 гг. пяти колхозных селений Октябрьского сельсовета Чарджоуского района и двух поселков в сельсовете Эсенменгли Керкинского района, может характеризовать табл. VIII.

ТАБЛИЦА VIII. СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ КОЛХОЗНОЙ СЕМЬИ

Число членов семьи	Октябрьский сельсовет					Эсенменглинский сельсовет				
	всего семей	число поколений				всего семей	число поколений			
		1	2	3	4		1	2	3	4
2	27	14	13	—	—	54	32	22	—	—
3	27	—	26	1	—	50	1	48	1	—
4	39	—	30	9	—	56	—	46	10	—
5	32	—	19	13	—	45	—	11	34	—
6	26	—	9	17	—	32	—	22	10	—
7	49	—	21	28	—	21	—	16	5	—
8	36	—	12	23	1	10	—	8	2	—
9	17	—	6	11	—	4	—	1	3	—
10	7	—	—	7	—	4	—	2	1	1
11	3	—	1	2	—	2	—	1	1	—
12	2	—	—	2	—	2	—	—	2	—
13	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
14	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
21	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—
Итого	267	14	137	115	1	281	33	177	70	1
% к общему итогу	100	5,2	51,3	43,2	0,3	100	11,8	63,0	24,9	0,3

Из данных этой таблицы видно, что преобладают семьи в два поколения — 51,3 и 63%. Они состоят из супругов (или одного из них) и их детей. Семьи в три поколения в селениях

Октябрьского сельсовета составляют 43,2%, а в селениях сельсовета Эсенменгли — 24,9%.

Из 339 обследованных семей на территории сельсовета Эсенменгли 58 оказались одиночками. В преобладающем большинстве это женщины-вдовы в возрасте 55—60 лет и старше, мужья которых погибли в годы Великой Отечественной войны или умерли в послевоенный период. Из 58 семей-одиночек около 70% имеют взрослых, отдельно живущих детей, в том числе замужних дочерей. Отдельное проживание вдов можно объяснить стремлением к самостоятельности, желанием получить второй приусадебный участок и увеличить поголовье скота личного пользования. Играют роль и пережитки прошлого, сохраняющиеся в сознании некоторой части мужчин, считающих по старой традиции, что проживание в одной семье зятя и тещи ущемляет достоинство мужчины как самостоятельного хозяина. В Эсенменгли и некоторых других сельских Советах раздельное проживание вдов и взрослых детей объясняют раздорами стариков с молодежью на почве ломки старых семейно-бытовых отношений и стремлением стариков сохранить свою независимость.

В настоящее время, в отличие от доколхозного периода, деление молодых семей происходит главным образом из-за желания строить свой быт по-новому, беря за образец быт сельской интеллигенции или знакомых горожан. Желание это развивается благодаря частым встречам молодежи села с жителями районных и городских центров. Кроме того, общественное хозяйство колхозов дает возможность каждому колхознику иметь работу по способности и устойчивые, высокие заработки, обеспечивающие молодым семьям материальную независимость.

Совместное проживание родителей или одного из них с женатым сыном и его детьми, реже с замужней дочерью или женатыми братьями вместе со своими детьми и стариками родителями по традиции еще сохраняется (от 20 до 40%, а местами и более). Однако такие семьи резко отличаются от старых патриархальных. В современной семье колхозников нет уже деспотического своевластия главы семьи и беспрекословного господства старших по возрасту мужчин над женщинами. В настоящее время для большинства семей, состоящих из трех поколений, характерна общность взглядов на трудовое участие в общественном производстве, единство убеждений, взаимное уважение, искренность и чуткость, коллективизм. Формирование нового отношения родителей к детям явилось следствием общего роста культуры населения, тесной связи родителей со школой и общественными организациями колхозного села, которые проявляют постоянную заботу о правильной воспитании детей в школе и семье.

Для современной семьи тружеников села стали характерны дружественные отношения свекрови и невестки. В каждом колхозе немало семей, в которых старики, особенно свекровь, берут

на себя все домашние дела, давая возможность молодежи, в том числе невестке, наряду с работой в колхозном производстве активно участвовать в общественной жизни и культурных мероприятиях.

Так, в семье знатных механизаторов Дурсыгуль Одэевой и Джора Шукурова из колхоза им. Халтурина Чарджоуского района между стариками и всеми другими членами семьи, по рассказам колхозной общественности и соседей, сложились такие дружественные отношения, которые служат примером для всех жителей села. Свекровь Курбан-мама готовит пищу, убирает дом, присматривает за детьми, т. е. выполняет все то, что в прошлом входило в обязанности невестки. Свекор Шукур Нарбаев обрабатывает приусадебный участок, ухаживает за скотом личного хозяйства, выполняет ряд других дел по дому и, кроме того, по мере сил принимает участие в колхозном производстве. В семье Рахманкули Ходжамкулиева живут вместе четыре женатых сына со своими детьми. Семья эта в 1963 г. состояла из 21 человека. Главой семьи считается отец, Рахманкули, фактически же эту роль выполняет старший женатый сын — Саттар, а хозяйкой в доме является мать. Изменилось и обращение невесток к свекру, свекрови и братьям мужа. Теперь нередко невестки называют свекра отцом (*ата, кака*), а свекровь матерью (*эне*).

Такие же хорошие взаимоотношения сложились между женой бригадира Бабакулы Жораева — Ягшигуль — и ее свекровью Бахар Жумаевой. Ягшигуль всецело занята работой в общественном хозяйстве колхоза. Все домашние дела выполняет свекровь.

Не менее дружественные отношения невестки со свекровью наблюдаются и в семьях учителя Пирназара Широга, тракториста Бешима Омарова и многих других членов колхоза им. Жданова Керкинского района. В колхозах все трудоспособные призваны активно участвовать в общественном производстве, все освобожденные по возрасту, болезни или многодетности от работы в общественном хозяйстве колхозов, естественно, выполняют домашние дела, включая присмотр за детьми и нередко обработку приусадебного участка. Такое разделение труда стало нормальным явлением и не вызывает каких-либо семейных неполадок.

Равноправное положение мужа и жены в общественном и домашнем быту сделало возможным образование таких семей, в которых с замужней дочерью живут ее родители. Например, семья бригадира хлопководческой бригады Огул Жумаевой из колхоза им. Халтурина Чарджоуского района состоит из ее мужа — Адбы Сейлиева, их пятерых детей, отца и матери. Таких семей, где вместе с зятями живут родители жены или один из них, в колхозе им. Халтурина насчитывалось девять, или около

5%, а в колхозе им. Жданова Керкинского района — около 4%. Это совершенно новое явление наблюдается почти во всех других колхозах республики. В настоящее время это не вызывает осуждения, тогда как в прошлом проживание в одной семье зятя и тещи, по словам стариков, считалось позорным для мужчины.

В семье Огул Жумаевой молодые супруги наравне с родителями решают все важные хозяйственные и семейные дела.

В семьях, где вместе с родителями, а особенно с матерью, живут молодые супруги, разногласия между молодыми и стариками возникают чаще всего не на почве неправильного расходования денежных средств, а из-за перестройки быта семьи и воспитания детей по-новому. Обычно в хозяйственных вопросах решающим считается мнение матери или свекрови, но в отношении устройства быта и воспитания детей осуществляется, как правило, желание молодых супругов.

В семье туркменских колхозников, состоящих из двух поколений, где оба супруга заняты в колхозном производстве, детей отдают в детские сады или ясли, реже в школы-интернаты или в школы с продленным днем. Совершенно изменилось поведение мужчин в доме. Муж часто теперь выполняет многие домашние работы и присматривает за детьми. Раньше это вызывало всеобщее осуждение даже со стороны женской части населения, но теперь такое явление встречается сплошь и рядом и уже стало характерной чертой быта малых семей.

Совместная работа в колхозе, активное участие в общественной и культурной жизни села сближают интересы членов семьи. Газеты, журналы, книги, радио, кино повышают их культурный уровень и вместе с тем способствуют сложению общих взглядов, лучшего взаимопонимания, укрепляющего равноправие и дружбу между супругами и детьми. Отчетливо прослеживаются перемены в отношении взрослых детей к родителям и родителей к детям и внукам.

Характерной особенностью многих современных молодых супружеских пар является высокий уровень культуры. Оба супруга получили образование, занимают равное положение в обществе и держатся на равной основе дома. Их объединяют не только семейные, но и общественные интересы. Вот один из наиболее характерных примеров. Выпускник Туркменского государственного университета Алламурад Мурадов работает учителем школы № 19 колхоза им. Ленина Мургабского района. Он женат на студентке Туркменского госуниверситета. Жена, приезжая на каникулы домой, включается в дела, которыми повседневно занят ее муж. Он — агитатор, один из лучших лекторов на селе и способный артист художественной самодеятельности.

Другой пример. В колхозе им. Куйбышева того же района работает фельдшером Какабай Аллакулиев. Жена его Биби — учительница. Они оба хорошо справляются со своими служеб-

ными делами, активно участвуют и в общественной жизни села: выступают с лекциями перед колхозниками, помогают организовать работу кружков, часто как агитаторы проводят беседы на различные темы.

Большим уважением пользуется в этом же колхозе семья учителя 8-летней школы № 2 Какаджана Агаева. Муж и жена систематически повышают уровень своих знаний, много читают и всем, что знают, щедро делятся с односельчанами.

Теперь стало обычным явлением, что супруги и их учащиеся дети обсуждают услышанные по радио новости, просмотренные кинофильмы.

Основным источником существования семей колхозников и рабочих совхозов является ныне работа в общественном производстве. Об этом свидетельствуют приведенные выше статистические данные за последнее десятилетие, взятые из годовых отчетов колхозов им. Жданова Керкинского района, им. Халтурина Чарджоуского района, «Москва» Дейнауского района, а также показатели, полученные в результате опроса отдельных колхозников из названных и некоторых других колхозов и совхозов республики. Особый интерес представляют типичные бюджеты трех семей колхозников из колхоза им. Халтурина (каждая семья состоит из двух человек при одном трудоспособном), составившие в 1962 г. в среднем по 1297 руб., а также бюджеты четырех семей (по четыре человека в каждой при 2,5 трудоспособного), которые в среднем составляют 2654 руб. Средний же размер бюджета каждой из 14 обследованных семей — 1773 руб., из них около 79% — это заработки в общественном хозяйстве (Чарджоуский Госгорархив, ф. 257, оп. 2, № 282, 283, 284). Личное хозяйство колхозников дает не более 6—20% и лишь в отдельных случаях 20—26% дополнительного дохода, получаемого от продажи собранного с приусадебного участка урожая, а также продукции, получаемой от домашнего скота и птицы. Размер приусадебного участка, согласно уставу сельхозартели, равен 0,15 га. На участке обычно небольшой фруктовый сад, виноградник, огород, где выращивают дыни, овощи (морковь, лук, помидоры и т. п.), сеют люцерну, а нередко и зерновые. Почти каждое хозяйство имеет корову, нескольких овец и коз, кур. Приплод овец режут на каракуль или выращивают на мясо. Шерсть используют главным образом в своем хозяйстве для изготовления кошм и других предметов домашнего быта.

Денежные доходы от общественного хозяйства в обследованных семьях составляли 66,5—89,7% (в среднем 78,8%) общего бюджета; стоимость натуральной части 1,9—16,3% (в среднем 8,6%); доходы от личного подсобного хозяйства 4,3—18,6% (в среднем 6,8%).

Если в прошлом большая часть бюджета дайка (60—75%) шла на уплату за аренду земли, взнос налогов и различные по-

боры, то в настоящее время заработки семьи в колхозе позволяют не только хорошо питаться, но и нарядно одеваться, приобретать дорогую одежду и обувь. Кроме того, значительная часть доходов семьи идет на удовлетворение культурных запросов ее членов — приобретение музыкальных инструментов, радиоприемников, выпуск газет, журналов, покупку книг и т. д.

Большая доля расходов в семьях колхозников падает на приобретение промышленных товаров — от 23,2 до 46,3% (в среднем 42,3%), в том числе на одежду 11,1% и на обувь от 2 до 7,8% (в среднем — 3,5%). Значительную долю — от 21 до 41% (в среднем — 30,4%) — составляют расходы на приобретение продовольствия (мяса, жиров, круп, кондитерских изделий, сахара и т. д.). На удовлетворение культурно-бытовых потребностей расходуется в среднем до 4,3% бюджета. В современной рабочей семье расходы на питание составляют 45,3% бюджета, затраты на одежду и обувь — 17,8% и на культурно-просветительные цели — 4,1%⁶⁴, а по данным «Сто семейных бюджетов» — до 3,4%, не считая расходов государства и общественных организаций на бесплатное устройство вечеров художественной самодеятельности, концертов, кино и театров, музеев, выставок. Большой интерес представляют и сведения о посещениях кино, театров, лекций и докладов. В среднем на каждую из ста семей приходилось в 1961 г. 5,4 посещения кино, 1,2 посещения театров и концертов⁶⁵. По свидетельству многих наших информаторов, колхозники посещают кино и концерты несколько меньше, а доклады и лекции значительно больше. Некоторое уменьшение затрат на питание у семей колхозников по сравнению с затратами рабочих семей объясняется наличием у колхозников приусадебного участка. В целом это сравнение свидетельствует, с одной стороны, о высоком материальном и культурном уровне жизни трудящихся Советской страны, и с другой — о наличии многих общих черт в характере и структуре повседневного потребления материальных благ колхозниками и рабочими совхозов. Некоторые различия в размерах заработка колхозников в общественном хозяйстве колхозов обуславливаются существующими особенностями колхозного строя, в системе которого оплата труда определяется не только степенью участия членов артели в колхозном производстве, но и общими размерами его доходов.

Постоянное увеличение денежных доходов колхозов повышает и материальное благосостояние колхозников. Оно в семьях колхозников, как и у рабочих промышленных предприятий, зависит от соотношения трудоспособных членов и иждивенцев, от квалификации работающих и степени их участия в обществен-

ном производстве. Чем больше в семье работающих по отношению к иждивенцам, чем выше их квалификация и производительная активность, тем лучше материальная обеспеченность семьи, и, наоборот, семьи, имеющие одного трудоспособного при нескольких иждивенцах, материально обеспечены слабее.

Уровень материального благосостояния колхозников определяется не только результатами их производственной деятельности в общественном и личном хозяйстве, но и такими видами материального обеспечения со стороны Советского государства, как бесплатное медицинское обслуживание колхозников и членов их семей, выдача пенсий инвалидам Отечественной войны и семьям погибших воинов, пособия многодетным и одиноким матерям. Кроме того, колхозы оплачивают отпуска колхозниц по беременности, оказывают помощь инвалидам труда, престарелым и временно нетрудоспособным. Начиная с 1965 г., в соответствии с законом о пенсионном обеспечении колхозников и колхозниц, в Туркменистане получали пенсии по старости и инвалидности около 60 тыс. человек, а к началу 1968 года 78 тыс.; им в 1967 году было выплачено около 16 млн. рублей⁶⁶.

Если в прежнее время и даже еще в 1930-х годах средствами семьи распоряжался в основном старший по возрасту мужчина — глава семьи, то в современной туркменской семье распоряжаются бюджетом муж и жена вместе. Зарботки всех членов семьи за исключением небольшой части, остающейся на личные нужды, поступают в общее распоряжение и хранятся хозяйкой дома. Женщина — хозяйка дома — играет теперь большую роль в хозяйственно-семейных делах, без ее участия и согласия не проводится в жизнь ни одно более или менее существенное для семьи мероприятие.

Оразгуль — дочь рядового колхозника Амандуры Ниязова — с 1953 г. возглавляет звено четвертой хлопководческой бригады колхоза им. Халтурина. В семье она — главный работник, на ее иждивении мать-старуха, двое детей — школьного и дошкольного возраста. Она своим трудолюбием, умением организовать работу членов звена, добросовестным отношением к своим производственным и общественным обязанностям снискала всеобщее уважение. Она избрана депутатом Октябрьского сельского Совета.

По-новому сложились взаимоотношения в семье коммуниста Ереш Джораева из колхоза им. Халтурина. Его жена Сонявапа — равноправный, уважаемый член семьи. В 1963 г. Сонявапа выработала в колхозе 259 трудодней и получила на них, кроме натуроплаты, 863 руб. Будучи хранительницей общесемейной кассы, она наравне с мужем участвует в решении вопросов, свя-

⁶⁴ А. Г. Харчев. Семья и брак в СССР. М., 1964, стр. 251.

⁶⁵ «Известия», 6 января 1964 г.

⁶⁶ «Туркменская искра», 23 февраля 1965 г., 14 мая 1968 г.

занных с распределением средств, а нередко и сама делает в колхозном магазине необходимые покупки. В старой, дореволюционной туркменской семье такие взаимоотношения были абсолютно исключены, не было ни одного случая, чтобы туркменка сама ходила на базар и производила необходимые покупки.

Немало престарелых родителей или один из них находятся на иждивении своих детей и даже снох, которые, работая в общественном производстве, материально обеспечивают семью. Это в советское время стало обычным и нормальным, но было немыслимым в патриархальной туркменской семье дореволюционного прошлого.

В семьях, состоящих из женатых братьев и их детей (например, семья братьев Кутлиевых в колхозе им. Жданова Керкинского района), или в семьях, где один из женатых братьев живет со взрослыми неженатыми братьями и незамужними сестрами (например, семья Джора Шукурова в колхозе им. Халтурина), как правило, взаимоотношения основаны на принципе полноправия всех взрослых членов. Сознание, что ни один из членов семьи не занимает привилегированного положения и что запросы и желания каждого удовлетворяются из общих средств по дружественному согласию, стимулирует укрепление семейных взаимоотношений.

В семьях, состоящих из трех поколений, а таких семей, как уже отмечалось выше, насчитывается от 20 до 40%, новые взаимоотношения складываются труднее. В этой группе еще немало семей, в которых старшее и наиболее отсталое в культурном отношении поколение, не освободившееся от прежних понятий, традиций и религиозных предрассудков, пытается законсервировать унаследованные от прошлого быта семейные порядки, старые обычаи и обряды. Авторитет стариков и старух в семейных делах уже пошатнулся, однако традиционный уклад быта в основном из-за нежелания обидеть старших разрушается с трудом. В некоторых семьях не только рядовых колхозников, а иногда и колхозного актива и сельской интеллигенции представители среднего поколения и даже молодежь, не желая «оскорбить» стариков и навлечь на себя их порицание, отказываются от применения в семейном быту при жизни стариков своих передовых взглядов.

Такое примиренческое отношение к отсталым взглядам тормозит перестройку быта, развитие новых взаимоотношений в семье. Старики, опираясь на свой былой авторитет, пытаются сохранить прежнее влияние путем отрицательного отношения ко всяким новшествам, порождаемым современными условиями жизни, социалистическими преобразованиями экономики и культуры.

Общественное мнение в прошлом складывалось и распространялось в основном под влиянием родоплеменной знати, му-

сульманского духовенства, аксакалов и старшин племенных подразделений. В годы социалистического и культурного строительства, особенно в послевоенные годы, современное общественное мнение складывалось и развивалось на основе новой идеологии, политической и культурно-массовой пропаганды и агитации, высказываний на собраниях советских, партийно-комсомольских организаций, на общих собраниях колхозников, различных производственных совещаниях и заседаниях. Главными проводниками и носителями коммунистических идей являются коммунисты и комсомольцы, советский актив, передовики и организаторы колхозного производства, сельская интеллигенция и учащаяся молодежь, а также депутаты местных Советов, члены женских советов, советов старейшин и др. Все они занимаются и вопросами укрепления семьи, повышения культуры в быту, идейного воспитания колхозных масс, внедрения современных норм поведения, борьбы с пережитками и т. д.

Во время полевых этнографических исследований мы неоднократно наблюдали, как в результате практической деятельности депутатов сельсовета, членов женсовета или совета старейшин были улучшены взаимоотношения на производстве или в той или иной семье.

Степень усвоения достижений передовой культуры в разных местах различна, она во многом определяется тем, на каком уровне находится политическая и массово-просветительная работа среди населения. В отдельных семьях это зависит также от соотношения в составе семьи молодежи, лиц среднего поколения и стариков, уровня образования членов семьи, общественного положения наиболее влиятельного из них.

Наши наблюдения быта туркмен показывают, что, несмотря на живучесть отдельных предрассудков, в процессе политических, экономических и культурных преобразований целостность системы прежних отсталых взглядов повсеместно нарушена. Благодаря усвоению передовыми представителями туркменского общества современной идеологии и активной пропаганде ее среди широких масс населения в основном преодолены религиозные представления, культ мусульманских святых, многие отсталые и вредные традиции и обычаи в быту и семейно-брачных отношениях.

Из поколения в поколение сохраняется среди сельских жителей обычай уважения к старшим, родственная взаимопомощь и гостеприимство. Однако теперешнее уважение к старшим нельзя отождествлять с патриархальной традицией безусловно-го подчинения воле и авторитету старшего. Теперь обычно пользуются заслуженным авторитетом только те старики, которые идут в ногу с передовиками колхозного производства, общественной и культурной жизни, в частности с сельской интеллигенцией и колхозным активом.

Как уже было сказано, равноправие мужчины и женщины, родственные и дружественные отношения, как и родственная взаимосвязь, являлись важным фактором сплочения и культурного развития современной семьи колхозника и рабочего совхоза. Близкородственные отношения семьи не ограничиваются рамками своего селения и колхоза. Многие сельские жители поддерживают постоянную связь со своими близкими и дальними родственниками, живущими не только в ближайших селениях и городах, но и в отдаленных районах республики. Связь поддерживается как поездками в гости, так и путем переписки и различных передач через попутчиков. В зимние месяцы колхозники часто ездят в районы и города, чтобы повидать своих, посетить культурно-бытовые учреждения и приобрести необходимые вещи и подарки для членов семьи. В таких поездках принимают участие не только мужчины, но и женщины, тогда как в прошлом жизнь женщины ограничивалась только кругом своей семьи и соседей по дому.

Городские жители чаще приезжают в гости к своим родственникам, а иногда к односельчанам в летне-осенние месяцы, т. е. в период созревания фруктов, винограда и дынь. Такого рода встречи способствуют проникновению в быт колхозников более передовых форм культуры, новых взаимоотношений между членами семьи и т. п.

Родственная взаимопомощь ныне приобрела совершенно иной характер. В прошлом главная помощь родственников всех степеней и односельчан была связана с накоплением средств на выплату калыма за невесту. Теперь, как уже отмечалось, родственники оказывают помощь молодоженам в строительстве жилья, обзаведении современной домашней обстановкой, реже продуктивным скотом. Раньше во взаимопомощи участвовали только родственники по мужской линии. Теперь же очень развита помощь брата сестре и ее мужу. Постоянной помощью родственников со стороны отца и матери пользуется молодежь, учащаяся в высших и средних специальных учебных заведениях.

Как новое в быту туркменских колхозников следует отметить тесную сплоченность с трудовым коллективом, который проявляет заботливое отношение к семейным интересам и нуждам своих членов. Надо думать, что это закономерное явление, порожденное социалистическим строем. Такое же явление наблюдали Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева у колхозников Калининской области. Эти авторы пишут: «При совместной работе в колхозе родственные отношения между людьми обогащаются, смыкаясь с общественно-производственными. Это способствует разрушению замкнутости семейного быта и дает возможность сельской общественности активно воздействовать на него. Такое воздействие может быть оказано через наиболее уважаемых родственников, каковыми являются, как уже говорилось, хорошие

производственники, передовые общественники. Не раз приходилось слышать, как председатель колхоза, бригадир или секретарь колхозной парторганизации силой своего авторитета сумел повлиять на родственников, борясь с пьянством, грубостью, недобросовестным отношением к труду, к колхозной собственности и т. д.

Совместная работа в одном колхозе, в одной бригаде, в одном звене, на одной ферме способствует сближению людей, не связанных узами родства»⁶⁷.

Действительно, активное участие в колхозном производстве и в общественной жизни объединяет людей, развивает между ними дружбу и взаимопомощь, так как они объединены общими интересами — добиться повышения доходов колхоза и самих колхозников. Эта дружба и взаимопомощь из сферы общественно-производственных отношений проникает и в область семейного быта. Теперь нередко, приглашая гостей на семейные торжества, преимущество отдают не родственникам, а товарищам по работе или учебе. Яркими примерами таких явлений могут служить комсомольские свадьбы, устройство в бригадах угощений и развлечений в дни праздников и т. п.

Такие явления — а они все шире распространяются, приобретая форму обычаев, — особенно наглядно свидетельствуют о том, что с переходом от мелкого частнособственнического хозяйства к крупному коллективному, даже при сохранении обусловленного уставом сельхозартели личного хозяйства, быт сельского населения туркмен утратил былую замкнутость.

На развитие новых черт в семейном быту большое влияние оказывает рост среди членов семей колхозников интеллигенции, ряды которой постоянно пополняются молодежью, оканчивающей общеобразовательные школы, средние специальные и высшие учебные заведения.

Развитие общественного хозяйства колхозов вело к постепенному сокращению личного хозяйства колхозников и связанных с ним работ, отнимавших в прошлом много времени у членов семьи, особенно у женщин. В настоящее время колхозы республики уделяют большое внимание благоустройству жилищ, организации общественного питания и культурно-бытового обслуживания колхозников.

Распорядок дня в семьях целиком подчинен графику занятости их членов в общественном производстве. От этого зависит и характер домашнего быта.

Трудовой день колхозников начинается рано, особенно летом, в напряженный период возделывания и уборки сельскохозяйственных культур. В обеденный перерыв мало кто возвраща-

⁶⁷ Л. А. Анохина и М. Н. Шмелева. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964, стр. 200—201.

ется домой, так как на каждом полевом стане организовано общественное питание и созданы все условия для культурного отдыха. Только вечером к ужину собирается вся семья домой. Вечером обычно читают вслух газеты, журналы, слушают радио. В семьях, где есть представители интеллигенции, колхозного актива, учащиеся или где высок общий культурный уровень членов семьи, досуг проводится разнообразнее и содержательнее.

Результаты нашего этнографического изучения показывают, что туркменские колхозники успешно преодолевают существовавшую века косность семейно-бытовых традиций. Советский быт теперь уже характерен для семей не только передовиков сельского колхозного производства, но и рядовых колхозников. В семьях из трех поколений старики еще пытаются держаться старых традиций, однако благодаря росту культурного уровня людей среднего возраста и распространению передовых взглядов учащейся молодежью влияние в семьях старшего поколения неуклонно ослабевает.

БРАК, СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ, СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Произведенные Советской властью изменения правовых норм брака — установление равноправия женщины, запрещение многоженства, насильственной выдачи замуж девушек-туркменок, отмен калыма и другое — обусловили в процессе социальных, экономических и культурно-бытовых преобразований жизни туркмен коренную ломку прежних семейно-брачных отношений и связанной с ними обрядности.

Если в прошлом заключение брака целиком зависело от сговора родителей и размера калыма, ныне решающим условием для вступления в брак является полюбовное согласие между женихом и невестой.

Другой характерной особенностью современности является повышение среднего брачного возраста и его выравнивание в отношении полов. В прошлом, например, по переписи населения 1897 г., браки несовершеннолетних девушек в Закаспийской области составляли около 10% от общего числа. В настоящее время такие явления единичны.

Обряды, связанные с заключением брака, свадебные торжества у туркмен долины Средней Аму-Дарьи мало отличаются от обрядов других локальных групп туркмен, описанных в работах Г. П. Васильевой, автора настоящей монографии, А. Джикеева, К. Овезбердыева, Ш. Аннаклычева и др.⁶³ Поэтому, не

вдаваясь в подробности, отметим лишь характерные сдвиги, обусловленные современной действительностью. Прежде всего теперь не соблюдается былой эндогамии. Молодежь совместно учится в школе, работает в общественном хозяйстве, часто встречается в клубе, кино, и это позволяет заранее узнать друг друга и договориться о совместной жизни независимо от былой принадлежности к тому или иному родоплеменному подразделению. Нередко, однако, престарелые родители делают попытки заключить брак по своим соображениям, но в большинстве случаев такие попытки не имеют успеха.

Нельзя не отметить, что понятие о калыме в современных условиях различно. В этом мы убедились, изучая семью и семейные отношения туркмен долины Средней Аму-Дарьи, Мургаба и Копет-Дага. Раньше девушку рассматривали как предмет купли-продажи, а получение калыма считали источником обогащения или улучшения семейного благополучия. Теперь же в районах Средней Аму-Дарьи заранее обусловленные, по старой традиции, подарки числом *докуз*, т. е. девять различных видов, предназначаются в основном невесте. Невеста или ее родители в свою очередь вручают подарки жениху и его родным.

Круг лиц, которым по традиции вручаются подарки, значительно сократился, но зато в перечень подарков стали входить такие дорогие предметы, как золотые часы, радиоприемник, велосипед, костюм или отрез на костюм, пальто и т. д. В целом сторона жениха несет более значительные расходы, чем родители невесты.

Интересно отметить, что с ростом благосостояния колхозников и равноправного положения девушек в семье все шире стал входить обычай, когда невеста приносит в дом мужа много хороших вещей, среди которых нередко можно видеть современную мебель, ковры, различные предметы убранства жилья, постельные принадлежности, одежду, платки и т. п. В южных районах Средней Аму-Дарьи, особенно среди эрсаринцев, все эти вещи во время и после свадьбы выставляются напоказ, и каждый желающий может осмотреть их. Каждая девушка старается, чтобы привозимое в дом мужа имущество было не хуже, а лучше, чем у ее подруг, вышедших замуж раньше.

Свадьба у туркмен всегда отмечается особенно торжественно, с проведением множества различных традиционных увеселе-

го побережья Каспийского моря, стр. 118—132; он же. Свадебные обряды у туркмен-салыров..., стр. 119—134; К. Овезбердыев. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского оазиса... «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР». т. VI. Ашхабад, 1960, стр. 153—164; Ш. Аннаклычев. Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага (Историко-этнографический очерк). Ашхабад, 1961, стр. 103—107; М. Д. Овезов. Туркмены-мурчали «Тр. Южнотуркм. арх. компл. эксп.», т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 251—266.

⁶³ Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 183—205; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, стр. 62—75; Ата Джикеев. Туркмены юго-восточно-

ний. Свадебная обрядность значительно упростилась, однако основной ритуал сохраняется, хотя он также стал проще и приобрел новые черты. Например, в ряде районов Средней Аму-Дарьи на свадьбах передовой молодежи и сельской интеллигенции можно встретить не только родственников, но и друзей и товарищей по работе или учебе как со стороны жениха, так и со стороны невесты. Особенно это часто встречается там, где жених и невеста из одного колхозного села. Друзья преподносят теперь жениху и невесте ценные подарки. Они же организуют нередко концерты художественной самодеятельности, выступления артистов, музыкантов, певцов, танцоров, а иногда и демонстрацию веселых кинофильмов. На некоторых свадебных или просто семейных торжествах передовых колхозников участники из числа мужской и женской молодежи поют туркменские, русские и другие песни, исполняют народные танцы.

Небезынтересным представляется нам возникновение таких отмеченных Ш. Аннакчиевым явлений, как подготовка и рассылка специальных приглажительных билетов на свадьбу с фотографиями жениха и невесты и указанием места и времени свадебного торжества. Заслуживают внимания и такие факты, как участие девушек в свадебном поезде⁶⁹. Все это ново и особенно важно для сельских жителей, и позволяет прийти к выводу, что, несмотря на существование еще пережиточных явлений, все более четко прослеживается тенденция отхода широких масс от таких старых отживающих свой век обычаев, как бросание камней и палок в участников свадебного поезда, козлодранье, совершение по мусульманскому обычаю бракосочетания и другие.

Одной из основных причин сохранения ряда моментов из старой свадебной обрядности, видимо, является то, что еще не сложились общетуркменские новые свадебные традиции, соответствующие развитию современных семейных отношений. Надо помочь молодежи отобрать и творчески переосмыслить из народного наследия все то, что соответствует запросам современности, и в этом неотложная задача этнографов республики.

В Туркменистане с каждым годом все чаще стали проводиться комсомольские свадьбы. Так, в колхозе им. Жданова Керкинского района в первой половине 1963 г. было справлено четыре такие свадьбы, а в 1965 г. — шесть, в колхозе «Коммунизм» того же района — девять, в колхозе им. Кирова Каахкинского района — десять. Все чаще отмечает молодежь свой брак комсомольской свадьбой в колхозах им. Халтурина, им. XX партсъезда, им. Жданова, им. Кирова, «Искра» Чарджоуского рай-

она, «Москва» и «Победа» Марыйского района. Утверждается новая обрядность и в других колхозах республики.

В организации и проведении комсомольских свадеб большое участие принимает колхозная общественность и сельская интеллигенция⁷⁰. В день регистрации брака в сельсовете семья устраивает обильное угощение родным, друзьям, товарищам по работе, учебе, по участию в общественной и культурной жизни, организует с помощью колхозной общественности массовые народные игры, выступления артистов, музыкантов (*бахши*), борцов. На торжественном *тое* за свадебным столом выступают представители партийного, комсомольского и советского актива, друзья и родственники молодоженов с пожеланиями им счастливой и радостной жизни. Так, например, отмечалась комсомольская свадьба тракториста Дурды Зораева и доярки Огулкурбан Амановой в колхозе «Победа» Марыйского района. Их поздравляли почти все жители колхозного села. Правление колхоза подарило им большой текинский ковер.

Комсомольские свадьбы пока не получили массового распространения, тем не менее проведение их оказывает огромное воздействие на формирование новых традиций в быту туркмен, так как в таких молодых семьях сразу устанавливается независимое положение невестки.

Новые традиции, соответствующие современной действительности, возникают в результате роста социалистического самосознания, развития чувства гражданственности, так как в основе этих традиций лежит тесное слияние интересов отдельной семьи с общегражданскими интересами. Так, комсомольские свадьбы, например, воспитывают понятие о том, что возникновение новой семьи — это не только частное дело вступающих в брак, но и общегражданское явление создания новой ячейки социалистического общества, призванной жить его интересами.

На этом переплетении частных интересов с общегражданскими основана и прочно утвердившаяся традиция отмечать трудовыми победами общенародные советские праздники, крупные общественные явления — годовщину Великого Октября, 1-е Мая, Новый год, женский день 8 Марта, день выборов в Советы, открытие съезда Коммунистической партии и др.

Характерной чертой новых современных праздников является, во-первых, то, что они служат средством преодоления религиозных пережитков в быту и одновременно отражают стремление советских людей сделать жизнь красивой и разнообразной. Во-вторых, они служат целям политического, морального и эстетического воспитания. В-третьих, они часто прославляют труд. В-четвертых, они отличаются массовостью. Их популяр-

⁶⁹ Ш. Аннакчиев. Тэзе дэплер гин орнашсын. «Совет Туркменистаны», 7 июля 1965 г.; он же. Изменение общественно-бытового уклада туркмен в связи с индустриализацией республики. М., 1964, стр. 9.

⁷⁰ Абды Таганов. Утверждая новое в человеке. «Агитатор», 1964, № 14, стр. 34.

зируют огромная армия культпросветработников, советская интеллигенция, советско-партийные и комсомольские организации. В-пятых, общественное и воспитательное значение праздников, рожденных революционной борьбой и связанными с ними традициями, велико; они окрыляют и зовут людей на новые трудовые подвиги. В-шестых, они служат средством формирования интернациональной основы культур и традиций народов Советского Союза, средством сближения и укрепления дружбы между различными национальностями.

В колхозных селах республики, не говоря уже о городах, с каждым годом все большее число семей организует торжественные проводы призванных в Советскую Армию и встречи возвращающихся из армии, празднование успешного окончания высшего или среднего специального учебного заведения, вселения в новый дом, рождения ребенка, особенно первенца-сына, дней рождения взрослых членов семьи. Жители долины Средней Аму-Дарьи стали отмечать и день успешного завершения выкормки шелкопряда, день урожая и др. Такие явления имеют широкое распространение.

Круг приглашенных на такого рода семейные торжества, как и на свадьбы, бывает довольно велик. Среди гостей, как уже отмечалось выше, — близкие родственники, соседи, товарищи по совместной работе, учебе, общественной и культурной жизни. За праздничным столом туркмен часто можно видеть узбеков, русских, азербайджанцев, каракалпаков, татар и представителей других народов. Дружественные интернациональные связи на производстве и в общественной жизни отражаются и в домашнем быту. Частым явлением становятся семейные вечера, на которые собираются колхозники и рабочие совхозов, соседи, чтобы за чашкой чая поговорить и обменяться мыслями по различным волнующим вопросам.

В июне 1964 г. партийная организация и правление колхоза им. Горького Саятского района, учитывая большие заслуги Эреш Базарова, Худайберы Мурадова и Аннанияза Джумаева, в торжественной обстановке с участием не только друзей юбиляров, но и их смены — комсомольцев и пионеров, гостей из соседних колхозов отметили их 80-летие и сделали это событие днем рождения новой традиции общественного чествования ветеранов колхозного производства. Торжественно отмечались трудовые подвиги Героя Социалистического Труда Аннали Сапарова в колхозе «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района, а в начале 1965 г. общественность колхоза «Социализм» Ашхабадского района организовала торжественные проводы на пенсию Экке Аллаклычева, Хабиби Аннанурова, колхозницы Айсултан Сарыевой и еще 128 колхозников⁷¹.

Прекрасны народные традиции проведения в дни общественных и семейных торжеств игр, состязаний в стрельбе и других соревнований с присуждением приза тому, кто окажется более сильным и ловким.

Традиционный характер приобрел в республике проводимый во всех районах смотр художественной самодеятельности. Он по своему существу превратился в народный праздник с массовыми гуляньями, народными играми и спортивными соревнованиями.

Гостеприимство, которым отличается туркменский народ, его готовность принять гостя, оказать ему помощь и внимание — неписаный, но повсеместно бытующий закон прошлого и современного быта. Однако в условиях социалистического строя этот обычай так же, как и обычай уважения к старшим, наполнился новым содержанием. В прошлом обычай гостеприимства ложился на бедняка-дайханина тяжелым бременем. Совершенно по-иному к обычаю гостеприимства относятся туркмены в настоящее время. Изменения прослеживаются прежде всего в том, что предпочтение отдается хорошо знакомым людям или лицам, командированным на село советско-партийными организациями.

По отношению к такой категории гостей колхозники и местные должностные лица или активисты проявляют положенные обычаям знаки внимания и уважения.

Как бы ни были отрадны те новые явления в современном семейном быту, о которых говорилось выше, необходимо со всей ясностью подчеркнуть, что дальнейшее их развитие нуждается в постоянной поддержке, так как упорочение их сопряжено с необходимостью преодоления вредных традиций и старых обрядов, особенно связанных с религиозными пережитками прошлого.

В настоящее время люди в своей массе повсеместно отошли от религии и различных верований. Однако отношение к религии не одинаково среди людей разного возраста и пола. Возьмем к примеру молодежь и людей в возрасте до 45 лет. Все они росли в советское время, учились в советской школе, грамотны, работают в общественном, социалистическом хозяйстве и, как показали наши длительные наблюдения, не знают религии, не верят в бога и различные приметы и, что очень важно, не проявляют к этим вопросам интереса, относятся к религиозной обрядности как к явлениям прошлого. Если же отдельные люди из числа молодежи и людей среднего возраста принимают участие в совершении некоторой обрядности, например, при свадьбе, похоронах, поминках умершего (*худой елы*) или первой стрижке волос (*сач той*), то делают это под влиянием старшего поколения, не желая навлечь на себя их осуждение. Но и это редкие случаи. Именно по этой причине некоторые жители туркменского

⁷¹ «Туркменская искра», 23 февраля 1965 г.

села по старой традиции совершают такие, например, действия, как религиозный жест руками после еды, делая это по старой привычке, чтобы не обидеть стариков. Старики, особенно старики, будучи неграмотными или малограмотными, больше загруженные семейными заботами и почти не участвующие в современной общественной жизни села, сохраняют в некоторой степени религиозные обычаи и различные верования. Однако и они уже допускают отступления от религиозных канонов и нарушают их. Тем не менее религиозные пережитки, сохраняющиеся по привычке старые обычаи и традиции, тормозят в какой-то степени преобразование семейного быта на новой, социалистической основе.

Среди традиций прошлого наиболее стойко сохраняется похоронная обрядность с многократными поминками (худой елы) по умершим (после похорон, на третий, седьмой, сороковой день и в годовщину).

В Чарджоуском, Дейнауском, частью Саятском и Ходжамбасском районах, где в прошлом в большей степени, чем в других районах Туркмении, сказывалось влияние духовенства Бухары, более заметна живучесть религиозных предрассудков. Приверженцы старых обрядов несут обременительные для хозяйства расходы, связанные с соблюдением религиозных праздников — «курбан-байрам», поста «ураза», торжества по случаю обрезания (*суннет*), посещением с жертвоприношениями таких «святых мест» и мазаров, как гробницы Астан-Баба в Керкинском районе, Ших Билал в Дейнауском, Овезжан Ходжа в Чарджоуском, Парау-Биби (около Кызыл-Арвата), Эзбер-Баба в Куня-Ургенчском, мавзолея Меана-Баба в Каахкинском районе.

Среди некоторых представителей старшего и преклонного возраста, а иногда и среднего поколения, особенно женщин, распространены отсталые доисламские верования в злых духов, в душу умерших родственников. Для защиты против сглаза и козней злых духов применяются различные амулеты и талисманы (*догдан*, *дага*, *дага-тумар*, *догажик* и т. д.) — треугольной, крестообразной с различным узором формы, гладкие и обшитые разноцветной тканью. Их носят на шнурке из черной, белой или серой шерсти, надевая на шею, прикрепляя к косе, головному убору, одежде, а нередко такие амулеты вешают и на предметах домашнего обихода. В качестве магических предметов, защищающих от сглаза и действия злых духов, употребляют омытые дождями и высушенные солнцем черепа (*келле*) лошади или барана, рога горного или степного козла, скорлупу яиц, пуговицы, различные бусины и некоторые растения. Но число религиозных людей с каждым годом все уменьшается.

При сопоставлении народных поверий, распространенных у жителей долины Средней Аму-Дарьи и других районов Туркме-

нистана⁷² и соседних народов⁷³, нетрудно заметить и общие черты, обусловленные, с нашей точки зрения, степенью влияния религии, культурной отсталостью и спецификой быта.

Живучесть пережитков прошлого объясняется частично слабостью и неконкретностью антирелигиозной пропаганды в отдельных районах, частично нежеланием молодежи огорчить старших по возрасту яшули, но и бытованием ошибочной теории о том, что многие пережитки и верования постепенно сами по себе отходят в область преданий по мере сокращения числа их носителей — неграмотных или малограмотных, наиболее отсталых людей старшего и преклонного возраста, особенно женщин.

В процессе полевых этнографических работ в районах долины Средней Аму-Дарьи, Мургаба и Копет-Дага мы постоянно наблюдали, что передовики колхозного производства и сельская интеллигенция давно отошли от религии, а молодежь вовсе незнакома с религиозными догмами и различными верованиями. Однако встречались и такие случаи, когда некоторые пережитки продолжают сохраняться, не встречая со стороны общественности постоянной борьбы за их преодоление. Объясняется это тем, что в отдельных местах колхозная общественность за огромными успехами в области экономики и культуры не видит необходимости постоянно вести разъяснительную работу в борьбе с пережитками. Поэтому необходимо дальнейшее более углубленное изучение этой стороны быта с дифференцированным подходом к различным этническим, возрастным и половым группам населения. Особое внимание следует уделить не только религиозности некоторой части населения, но и пассивному отношению части молодежи к общей культурно-воспитательной работе. А именно: вся молодежь и среднее поколение должны быть в первых рядах активных борцов за новое, в борьбе с пережитками старого семейного быта, с пренебрежительным отношением к женщине и др.

Борьба с отсталыми взглядами и со всякого рода пережитками в сознании людей является сложным, длительным и в определенных условиях противоречивым процессом. Практические

⁷² Г. П. Васильева. Указ. соч., стр. 205—213; Недир Кулиев. Антиная сущность ислама и задачи атеистического воспитания трудящихся в условиях Советского Туркменистана. Ашхабад, 1960, стр. 95—104; С. М. Демидов. К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований у юго-западных туркмен. «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР», т. VI. Ашхабад, 1960, стр. 185—219 и др.

⁷³ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 391, 441, 454 и др.; С. Камалов. Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпачков. «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959, стр. 122—127; Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. «Сов. этнография», 1957, № 2, стр. 60—72.

мероприятий и научно-атеистическая работа — это дело широкой советско-партийной и комсомольской общественности. «Чем выше сознательность членов общества, — говорится в Программе КПСС, — тем полнее и шире разворачивается их творческая активность в создании материально-технической базы коммунизма, в развитии коммунистических форм труда и новых отношений между людьми...»⁷⁴ Социалистический уклад жизни сельского населения Туркменистана и всего Советского Союза, успехи, в труде, в культуре, широкое проникновение достижений современной науки в его труд и в быт являются основой преодоления пережитков прошлого и общего отставания от прогресса современной экономики и дальнейшего, существенного подъема материального и культурного уровня жизни народа⁷⁵.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

У туркмен, как и у других народов Средней Азии и Казахстана, Поволжья и Кавказа, многодетные семьи в прошлом и теперь пользуются всеобщим уважением.

Многодетные матери (их в Туркменистане в конце 1967 г. насчитывалось более 114 тыс., в том числе 1724 удостоены почетного звания «Мать-героиня») окружены в колхозах и совхозах республики, как и во всей стране, вниманием и заботой. Всем им только в 1967 г. по линии государства было выдано пособий более 15 млн. руб. Это в полтора раза больше, чем в 1960 г., и в три раза больше, чем в 1954 г.⁷⁶ Больше в туркменской семье детей — больше счастья. Рождение мальчика вызывало в прошлом больше радости в семье и у близких родственников. Первый известивший отца о рождении сына получал подарок — *сейюнджи*. В честь новорожденного мальчика устраивалось семейное торжество (*огул той*) с обильным угощением односельчан, а в богатых семьях проводились различного рода состязания: скачки, борьба, стрельба. Рождение девочки никак не отмечалось, если не считать посещения роженицы самыми близкими ей женщинами. Разное правовое и экономическое положение мужчины и женщины сказывалось и на воспитании детей. Мальчикам с детства внушалась мысль о привилегированном положении их по сравнению с девочками. С малых лет девочки обязаны были помогать по хозяйству и постепенно осваивать все процессы домашних работ. Девочку иногда с колыбели обручали, а в 10—12 лет выдавали замуж с получением калыма.

В условиях советского социалистического строя по мере формирования новых взаимоотношений в туркменской семье меня-

лись и взгляды на воспитание детей. В советские годы, особенно в послевоенные, родители всех своих детей — и мальчиков и девочек — воспитывают в одинаковых условиях. Дети с первых дней рождения в каждой семье колхозника и рабочего совхоза и промышленного предприятия окружены постоянной заботой не только родителей и всех членов семьи, но и общественности. Современные колхозные и совхозные селения нельзя представить себе теперь без детских садов и яслей, родильного дома и медпункта. В них с каждым годом улучшаются условия для воспитания детей. Да и в современной семье сельских жителей произошли в этом отношении коренные изменения. Теперь воспитание детей стало делом не только матери, как было раньше, но и отца и всех взрослых членов семьи. Возросшее материальное благосостояние колхозников позволяет им обеспечивать детей всем необходимым. Сейчас много тратится средств на продукты детского питания, на покупку одежды, белья, книг и игрушек. Дети дошкольного возраста повсеместно имеют гуттаперчевые и резиновые игрушки, мячи, детские машины и велосипеды.

Большую помощь семьям колхозников в деле воспитания детей оказывают местные медицинские и детские учреждения. Они способствуют повышению культуры быта, внедрению санитарно-гигиенических навыков. Почти все дети дошкольного возраста посещают постоянные или сезонные детские сады и ясли, которые полностью содержатся за счет колхозов. Однако еще не все дошкольные детские учреждения обеспечены необходимым оборудованием, достаточным количеством постельного и носильного белья, а также квалифицированным обслуживанием.

В передовых же колхозах республики — «Коммунизм» Керкинского района, «Совет Туркменистаны», «Мир» Ашхабадского, им. Калинина Тедженского, им. Кирова Каахкинского района, «Зарпчи» Марыйского, «Красный Октябрь» Туркмен-Калинского, им. Жданова Чарджоуского, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района и многих других, где руководители колхозов постоянно наблюдают за работой детских учреждений, действительно проявляется большая забота о малышах, досуг которых наполнен интересными и полезными занятиями. Здесь постоянно прививают детям культурные навыки, правила санитарии и гигиены, учат пользоваться современной домашней утварью, зубной щеткой, мылом т. п. В старших группах воспитательницы знакомят детей с азбукой и написанием слов и цифр.

Все дети школьного возраста учатся в школе, воспитываются в школах-интернатах, группах продленного дня, посещают тематические кружки и различные другие внеклассные занятия.

Эта система общественного воспитания вместе с заботливым отношением родителей обеспечивает детям всестороннее (трудовое, идейное, нравственное, физическое, эстетическое) развитие, вырабатывает коллективизм, новые навыки и привычки.

⁷⁴ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 408.

⁷⁵ «Резолюция XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу ЦК КПСС». М., 1966, стр. 15.

⁷⁶ «Туркменская искра», 4 марта, 29 августа 1964 г., 14 мая, 4 декабря 1968 г.

Общественное воспитание детей никоим образом не принижает и не ограничивает роли родителей и семьи в целом. Оно проводится во взаимосвязи с семьей и представляет собой огромное по своему значению социально-культурное явление. Заботливое отношение родителей к детям проявляется повсеместно не только в создании хороших условий для школьных и внешкольных занятий или в обеспечении детей хорошей одеждой, книгами и другими учебными пособиями, но и в стремлении дать своим детям среднее, а нередко высшее и среднее специальное образование. Родители, взрослые члены семьи и особенно старшие школьники, студенты постоянно помогают младшим в учебе.

Нельзя забывать, что семья в современных условиях — это важнейшая ячейка советского общества, тот очаг, где происходит первичная закладка и формирование нравственных устоев, чувств, мыслей, характера, привычек человека. Изучая семейный быт туркмен, мы всюду обнаруживали самую тесную связь семьи с производством, с общественной жизнью. Весь уклад семьи даже в мелочах неизбежно оказывает влияние на формирование характера и поведение детей. Дети видят и то, как их родители трудятся, и то, как они выполняют общественные обязанности, и то, как относятся к общественному и личному хозяйству.

С раннего детства родители вырабатывают у детей привычку к труду, как к физическому, так и умственному, прививают необходимые для этого умение и навыки. Довольно часто незаметно, без принуждения родители вовлекают детей в посильные работы по дому или по хозяйству, а чаще всего по присмотру за малышами. За это их хвалят, ласкают и поощряют. Все это приводит к тому, что у детей, а особенно у школьников, рано начинает вырабатываться привычка принимать участие в домашней работе семьи, а затем и в колхозном производстве. Большинство школьников старших классов не только в каникулы, но и в период хлопкоуборки регулярно, причем многие очень активно, работают на колхозных полях.

«Участие в труде, — как справедливо свидетельствуют О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова, — вырабатывает в детях колхозников положительные черты: сознание своего долга по отношению к семье, к своим обязанностям, к учебе, к труду, тесно связанному с жизнью колхоза. Дети постоянно видят, как трудятся их родные, соседи-колхозники, и у них самих зарождается любовь к труду»⁷⁷. Работа в колхозе расширяет круг интересов детей, дает им производственные знания, вырабатывает сознательность. Все это, как многие другие новые черты в современной туркменской семье, чаще и наиболее отчетливо наблюдается в семьях передовых колхозников и сельской интеллигенции.

⁷⁷ О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова. Указ. соч., стр. 222.

Для иллюстрации назовем семью Розыгуль Давлетовой из колхоза «Красный Октябрь» Керкинского района. «В моей, — рассказывает она, — как люди говорят, большой семье — десять человек. Живут дружно. В Советской стране многодетным матерям помогает государство. У меня одно большое желание — вырастить всех детей хорошими, полезными нашей стране людьми. Это желание, я бы сказала, уже постепенно сбывается. Сын Рахмед окончил училище механизации сельского хозяйства и работает в нашем колхозе трактористом. Дочка Огулджан заканчивает школу. Сын Курбангельды учится на экскаваторщика в Ашхабаде. Остальные пятеро учатся в школе, а самые маленькие — Муратгельды и Огулькетик — ходят в колхозный детский сад. За них я тоже спокойна, в свое время в школу пойдут, выучатся на кого понравится. Жить будет хорошо...»⁷⁸

Конечно, еще встречаются семьи, где дети, особенно школьники младших классов, в период напряженных полевых работ предоставлены сами себе или опекаются стариками и старухами — основными хранителями и носителями пережитков прошлого. Встречаются также семьи, в которых родители вовсе не занимаются воспитанием детей или своим дурным примером отрицательно влияют на них, они терпимо относятся к фактам недисциплинированности и хулиганства своих детей, остаются безучастными к тревожным сигналам школы и общественности.

Педагогический коллектив, комсомольская и пионерская организации каждой школы постоянно ведут борьбу с проявлениями недисциплинированности и небрежного отношения к школьным занятиям, регулярно посещают отстающих учеников на дому, помогают им в учебе, проверяют бытовые условия, проводят беседы с родителями, разъясняют им важность ежедневного посещения школы, проверки приготовленных уроков (если позволяют их знания), а также необходимость трудового воспитания. Правильное воспитание детей — дело сложное, требующее неуклонного внимания. Оно успешнее осуществляется в тех селениях, где школа и общественные организации ведут неустанную разъяснительную работу, показывая несостоятельность религиозных верований, старых привычек, обычаев и обрядов.

Огромное значение имеет личный пример родителей и других членов семьи. Так, в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района заслуженным уважением пользуются семьи коммунистов Худайназар Хаджиева, Овеца Керимова, Ягмура Ходжиева, механизаторов Ереша Джорыева, Дурсыгуль Одаевой, в колхозе им. Жданова Керкинского района — семьи Таган Чолиева, Оразмурат Досова, Беги Сеидова, механизатора Маметдурды Астанкулова, бригадира Сапара Мавлямова, колхозницы Оглай Нуровой, в колхозе «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района — семья

⁷⁸ «Туркменская искра», 26 января 1965 г.

Аннали Сапарова, в колхозе «Зарпчи» Марыйского района — семья Бешима Эсенова, в колхозе им. М. Горького Кара-Калинского района — семья Аты Абаева, в колхозе им. Кирова Каахкинского района — семья Огульдурсын Бабаевой. В этих семьях все взрослые добросовестно трудятся в колхозном производстве, активно участвуют в общественной жизни, проявляют заботу о детях, стараются дать им образование, привить им сознательное отношение к своим обязанностям, развить в них чувство долга к своей семье, своему колхозу, любовь к Родине.

Огромную роль в деле воспитания детей играют сельская школа и сельская интеллигенция. Сельская школа в борьбе за культуру, за преобразование семейного быта прошла длинный и трудный путь, но, как показали наши полевые исследования, уже в первые два десятилетия культурного строительства завоевала признание и уважение трудового населения Туркменистана. Огромная армия учителей сельских школ продолжает играть важную роль в культурном переустройстве села и формировании нового, современного семейного быта туркмен. Учителя — это не только педагоги и воспитатели детей, но и лекторы, пропагандисты, агитаторы, организаторы политико-воспитательной и культурно-массовой работы, в деле преобразования семьи на современной, социалистической основе. И надо сказать, что в этом отношении достигнуты такие успехи, что никакие сравнения с дореволюционным прошлым просто не уместны.

Современная сельская молодежь Туркменистана благодаря работам Партии и Советского правительства образованна и всесторонне подготовлена к трудовой деятельности. Она сочетает в себе высокое духовное богатство, моральную чистоту, хорошие эстетические вкусы и гармоничное физическое развитие. Она вносит в семейный быт новые, прогрессивные начала.

В подавляющем большинстве юноши и девушки, оканчивающие общеобразовательную школу, воспитаны в духе высокой ответственности перед партией и народом, уважения к труду и людям труда, к правилам социалистического общежития. Для них характерны стремления к знаниям, пытливость и любознательность, желание понять окружающую действительность, выработать свой взгляд на вещи, факты и события. Большинство детей школьного возраста стремятся к учебе, любят посещать детские киносеансы и постановки художественной самодеятельности, слушают радиопередачи, посещают библиотеки.

Таким образом, комплекс социалистических преобразований в области экономики, идеологии, народного образования, культуры и т. д. оказал огромное влияние на сложение новой, современной семьи сельских жителей, их семейного быта и внутрисемейных отношений. Это совершенно новые явления, невозможные в прошлом для полностью неграмотного населения, каким был до революции туркменский народ.

ГЛАВА V

КУЛЬТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОСВЕЩЕНИЕ

План построения социализма в СССР, разработанный Лениным, предусматривал индустриализацию страны, социалистическое переустройство сельского хозяйства, осуществление культурной революции.

«Культурная революция,— говорится в тезисах к 150-летию со дня рождения Карла Маркса,— включает: всеобщее распространение грамотности, а затем и научных знаний среди трудящихся, критическое освоение культурного наследия, накопленного человечеством, и создание более высокой культуры — национальной по форме и социалистической по содержанию; изменение духовного облика людей, утверждение в сознании масс социалистической идеологии, создание новой интеллигенции, преданной делу социализма»¹. Ярким примером осуществления культурной революции является Туркменистан, где в конце XIX — начале XX в. на каждую тысячу человек населения приходилось лишь семь грамотных, а на селе и того меньше — двое.

Царское правительство не проявляло заботы о повышении грамотности населения Туркмении. Красноречивым документом в этом отношении является докладная записка начальника Закаспийской области генерала Евреинова, адресованная начальнику Туркестанского края. «Три имеющиеся туземные школы и восемь русско-туземных вполне отвечают потребностям туркмен, а потому, если бы и были средства на открытие новых школ, то я бы затруднился дать согласие на открытие новых школ. В России уже столько очагов, самими нами созданных, где ведется всякого рода пропаганда в ущерб государственному строю, причем пропаганда совершенно ускользает от нашего взгляда, что создавать еще самим очаг в среде туркменского населения будет совсем неосторожно...»² В 1914 г. в 26 начальных школах

¹ «Правда», 7 апреля 1968 г.

² ЦГА ТССР. ф. 1, оп. 2, л. 7278, л. 9—10; И. Репин. Расцвет культуры Советского Туркменистана. Ашхабад, 1957, стр. 13.

(мектебы) при мечетях обучалось 1,4 тыс. мальчиков³ из зажиточных семей. Занятия вели полуграмотные муллы. По описанию очевидца, класс «помещается обычно в совершенно пустом здании, вроде сарая. Ученики располагаются вдоль стен подобного сарая прямо на глиняном полу, рядом, тесно друг к другу — деревянными дощечками в руках, сидят, поджав под себя ноги и мерно раскачиваясь, все разом бесконечное число раз выкрикивают в такт одни и те же слова и фразы, сливающиеся в один общий гам. В мектебе царит мрак, ибо свет едва проникает через отверстия, закрытые вместо стекол бумагой. Невообразимый крик на фоне этого мрака, раскачивающиеся фигуры детей, их тупое утомленное выражение подавляют нас. У свежего человека голова начинает кружиться, мысли теряют нить. Не выходишь, а выбегаешь из подобной ямы»⁴.

Обучение в таких мектебах состояло в заучивании наизусть Корана, написанного на арабском языке, которого ни учителя, ни ученики не знали. Ученики зазубривали одну его суру за другой, причем часто в искаженном, бессмысленном виде, так как сами преподаватели — муллы — плохо разбирались в том, что читали. Оттого нередко, проучившись в такой школе три — пять лет, а иногда и больше, многие оставались по существу неграмотными.

На таком же низком уровне находилось и здравоохранение. Царское правительство не заботилось о санитарно-гигиенических условиях жизни трудовых масс. По определению Ленина, трудящиеся России «...были ограблены в смысле образования, света и знания...»⁵

«Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, — подчеркивал В. И. Ленин на II Всероссийском съезде политпросветработников, — о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке»⁶. Это ленинское указание наряду с социалистической реконструкцией народного хозяйства, индустриализацией и коллективизацией явилось первой задачей Коммунистической партии и Советского правительства. Практическое претворение в жизнь этих задач началось в Туркмении, как и во всей Средней Азии, с первых дней установления Советской власти.

На первом этапе культурного строительства доминирующее место заняли работы в области развития народного образования, ликвидации неграмотности и преодоления вековой отсталости.

На пути осуществления этих задач в беспокойной обстановке первых лет Советской власти, когда шла гражданская война, велась борьба с басмачеством, встретились серьезные трудности — полное отсутствие школьных помещений, огромный недостаток преподавательских кадров, учебных пособий, школьного оборудования. Затруднено было само комплектование школ учениками — под влиянием злобной пропаганды феодально-байских элементов и духовенства, а также многовековой традиции родители запрещали детям, особенно девочкам, посещать школы. Особенно враждебно встречалось совместное обучение девочек и мальчиков.

Говоря о преодолении этих трудностей, следует отметить, что Советское государство прежде всего приступило к подготовке педагогических кадров из рабочих и дайхан. Основная масса учителей на первых порах получала подготовку на краткосрочных (4—6-месячных) курсах, комплектовавшихся их лиц, окончивших в основном школы ликвидации неграмотности⁷, и мобилизованных на педагогическую работу мало-мальски грамотных комсомольцев⁸. Позже, в годы первой пятилетки, подготовка учителей велась на одно-двухгодичных курсах и в педагогических техникумах, где в летние месяцы проходили переподготовку уже работавшие в школе учителя. Кроме того, состав преподавателей в школах пополнялся учителями из братских национальных республик. Так, за годы первой пятилетки в Туркменистан прибыло 1720 учителей, владевших туркменским языком⁹. Это были в основном татары, башкиры, узбеки, казахи.

Большое внимание было уделено и размещению школ в более или менее приспособленных для школьных занятий помещениях — в конфискованных у баев домах, мечетях; местами использовались и юрты.

Крупные ежегодные ассигнования правительства республики на мероприятия культурного строительства обусловили дальнейшее развитие школьной сети, рост педагогических кадров и полное вытеснение советской школой старых конфессиональных — мектебов и медресе.

В дореволюционные годы расходы на образование в Туркмении на душу населения составляли только 5 коп., а в 1927/28 г. — 5 руб., в 1932/33 г. — 46 руб.¹⁰

Напряженной идеологической работы потребовало привлечение к школьному обучению девочек-туркменок. Были созданы специальные женские школы. В 1928/29 г. учащиеся девочки-туркменки составляли немногим более 10% от общего числа

³ «Туркменистан за годы Советской власти». Ашхабад, 1967, стр. 121.

⁴ «Русский Туркестан», 27 февраля 1902 г.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 174.

⁷ ЦГА ТССР, ф. 317, оп. 1, д. 350, л. 7.

⁸ «Семь лет Туркменской ССР». Ашхабад, 1931, стр. 102.

¹⁰ ЦГА ТССР, ф. 375, оп. II, д. 220, л. 186.

школьников, в 1931 г. — 33%¹¹, а в 1938/39 учебном году — 42,9%¹². Феодално-байские элементы, реакционное духовенство и банды басмачей оказывали ожесточенное сопротивление утверждению Советской власти и всеми средствами старались сорвать любые мероприятия советских и партийных органов. Действуя исподтишка, они стремились развалить работу школ, а иногда и поджигали школьные здания¹³.

В Эрбентском, Кизыл-Атрекском, Казанджикском районах, в Южных и Центральных Каракумах вплоть до 1932—1933 гг. оставалось немало кочевых и полукочевых групп туркменского и казахского населения. Для них были организованы передвижные школы в юртах, которые перемещались вместе со скотоводами. В таких условиях, конечно, было трудно охватить всех детей учебной, да и страдало само качество обучения. В связи с этим большое внимание стало уделяться созданию школ-интернатов для обучения детей животноводов в скотоводческих районах.

Повсеместно была развернута работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Для усиления этой работы по решению III съезда Советов Туркменской ССР были мобилизованы и направлены в аулы учителя, учащиеся средних школ и техникумов, а также специалисты сельского хозяйства, врачи, служащие советских учреждений.

В 1929/30 учебном году в республике работало 2300 школ по ликвидации неграмотности и малограмотности; к концу этого года их окончило 61 445 человек, среди них 17 146 женщин. В это число школ входило и 1793 аульные школы, в которых обучалось 46 219 дайхан и сельскохозяйственных рабочих. В следующем 1930/31 учебном году число школ по ликвидации неграмотности и малограмотности возросло до 5760. Только за эти два года в республике было обучено грамоте свыше 180 тыс. человек, главным образом сельских жителей¹⁴.

В результате этих мероприятий грамотность населения к концу 1928 г. повысилась до 10% ко всему населению республики, в том числе на селе до 4,6%, а в приамударьинских районах грамотных было менее 2%¹⁵.

К 1930 г. общая грамотность населения республики повысилась до 24,4% и к 1933 г. до 30%¹⁶.

¹¹ «Семь лет Туркменской ССР», стр. 102.

¹² «15 лет Туркменской ССР». Статистический сборник. Ашхабад, 1939, стр. 90.

¹³ Ш. А. Атаклычев. Борьба за осуществление всеобщего обязательного начального обучения в Туркменской ССР. «Изв. АН Туркменской ССР». Серия общ. наук, 1960, № 5, стр. 37.

¹⁴ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 371.

¹⁵ «Бюллетень ЦСУ ТССР», № 12. Ашхабад, 1928, стр. 13.

¹⁶ Т. Б. Бердыев. 40 лет культурного строительства в Советском Туркменистане. «Изв. АН Туркменской ССР». Серия общ. наук, 1964, № 5, стр. 26.

Важным этапом в культурном строительстве была проведенная в 1929 г. замена трудно усваиваемой арабской графики латинским алфавитом. В обращении правительства Туркменистана к трудящимся и туркменской интеллигенции подчеркивалось, что переход на латинскую графику является началом замены исламской культуры новой, социалистической культурой.

С 1930 г. по всему СССР дальнейший ход культурного строительства определялся директивами XVI съезда ВКП(б) о всеобщем начальном обучении и ликвидации неграмотности.

Наряду со школами росла сеть культурно-просветительных учреждений на селе. Так, число клубов и кибиток-читален увеличилось с 60 в 1927 г. до 245 в 1932 г. и до 493 в 1937 г., а стационарных и передвижных киноустановок — с 47 до 230¹⁷.

Во всех или почти во всех этих учреждениях проводилась большая работа по политическому воспитанию и культурно-бытовому обслуживанию тружеников села. В клубах, кибитках-читальнях, в женских красных уголках, медицинских учреждениях читались лекции и проводились беседы, работали различные кружки, организовывались киносеансы, выступления артистов, музыкантов, культбригад, а местами коллективов художественной самодеятельности.

В культурно-просветительных учреждениях применяли, кроме того, наглядную агитацию — лозунги, плакаты, фотомонтажи, выставки, доски почета, стенные газеты, боевые листки.

Успехи в социалистическом строительстве в довоенное время, культурно-организационная и воспитательная деятельность Коммунистической партии, советских и хозяйственных организаций в этот исторически короткий период обусловили не только становление и развитие социалистической культуры, но и победу культурной революции в Туркменской ССР.

Культурная революция привела к зарождению в селах местной интеллигенции, с помощью которой значительно облегчилась задача проведения всеобщего начального обучения и полной ликвидации неграмотности взрослого населения. По данным переписи 1939 г., общая грамотность населения республики повысилась до 77,7%¹⁸. Начавшийся общий рост культурного уровня населения приводил к коренной ломке старого патриархального уклада быта туркмен.

В 1940/41 учебном году в 29 районах республики было введено всеобщее обязательное семилетнее обучение¹⁹. К этому времени в республике были уже многочисленные квалифицированные педагогические кадры из туркмен. Учительский персонал систематически повышал свои знания, проходя летние курсы пе-

¹⁷ «15 лет Туркменской ССР», стр. 80, 81.

¹⁸ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР». М., 1962, стр. 89.

¹⁹ «Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана», стр. 472.

реподготовки, обучаясь в институте усовершенствования учителей и на заочных отделениях вузов и техникумов.

Большое значение в развитии народного образования, науки, литературы и искусства имела замена в 1940 г. латинизированного алфавита, в свое время сыгравшего положительную роль в развитии туркменского языка, новым, основанным на русской графике. В новом алфавите нашли отражение все звуки современного туркменского языка. Это позволило туркменам более правильно произносить и писать интернациональные, научно-технические и другие термины. Это создало лучшие условия для приобщения к передовой культуре русского народа и дальнейшего развития социалистической культуры в Туркменской ССР.

ТАБЛИЦА IX · ЧИСЛЕННОСТЬ ШКОЛ, УЧАЩИХСЯ
И УЧИТЕЛЕЙ НА СЕЛЕ *

Учебный год **	Всего школ	В том числе				Всего учителей	Всего учащихся, тыс. человек	В начальных школах, тыс. чел.	В семилетних школах, тыс. чел.	В восьмилетних школах, тыс. чел.	В средних шко- лах, тыс. чел.
		начальных	семилетних	восьмилетних	средних						
1924/25	118	118	—	—	—	156	4,5	4,5	—	—	—
1928/29	472	472	—	—	—	598	16,3	16,3	—	—	—
1932/33	1929	1875	54	—	—	2 639	79,9	77,3	2,6	—	—
1937/38	1287	1012	156	—	3	4 103	126,8	86,8	38,8	—	1,2
1940/41	1075	390	656	—	28	6 022	170,7	26,7	132,0	—	11,8
1945/46	1013	250	616	—	64	7 281	128,0	13,1	97,0	—	18,6
1950/51	1016	334	649	—	33	7 354	141,8	19,2	109,3	—	13,3
1950/61	985	313	409	59	204	9 133	144,6	12,9	56,4	11,3	64,0
1966/67	1076	309	—	430	337	12 758	235,2	13,0	—	79,0	143,2
1967/68	1091	305	—	401	385	13 682	255,4	13,1	—	74,8	167,5

* «Культурное строительство Туркменской ССР», стр. 34—35.

** «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 124—122: архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

О развитии народного образования в сельских местностях Туркменистана в годы предвоенных пятилеток дает представление табл. IX. Добавим к этому, что в вузах республики к 1941 г. было 2990 студентов, а в специальных средних учебных заведениях училось 7681 человек²⁰, а в 1967 г. соответственно — 22 671 и 25 259 человек²¹.

²⁰ «Культурное строительство Туркменской ССР». Статистический сборник, Ашхабад, 1960, стр. 93.

²¹ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 125.

Но росло не только число школ, учителей и учащихся. Постоянно повышалось качество и содержание учебной работы, улучшались программы, воспитательная и методическая работа, повышалась квалификация учителей и их авторитет, укреплялась и дисциплина среди учащихся. Наряду с этим получили широкое распространение различные кружки — литературные, технические, физкультурные, музыкальные, художественной самодеятельности и другие, сыгравшие огромную роль в развитии культуры и творческой самодеятельности школьников.

С победой колхозного строя в сельских местностях начало развиваться производственно-техническое обучение, подобное практикуемому в заводских коллективах в городах. Поступавшая на поля новая техника требовала квалифицированного обслуживания. МТС организовывали подготовку необходимых им кадров механиков. В связи с внедрением новых методов ведения хозяйства, основанных на достижениях передовой науки, специалисты — агрономы, зоотехники — систематически стали проводить производственные занятия с колхозниками для повышения их квалификации.

Вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков на Советский Союз нарушило высокие темпы культурного строительства. Много квалифицированных учителей ушло в ряды действующей армии, а учащиеся старших классов во многих случаях, покинув школу, заменили призванных на фронт отцов и братьев. Все работники народного образования, а равно и учащаяся молодежь Туркменистана проделали в годы войны большую работу, направив все свои силы и возможности на помощь Родине в ее борьбе с фашистскими захватчиками.

После окончания Великой Отечественной войны туркменский народ, как и все народы Советского Союза, воодушевленный победой, с еще большей энергией принялся за выполнение народнохозяйственных планов и дальнейшее развитие культурного строительства. Успехи, достигнутые в области народного образования, показывают данные табл. IX.

Сельские школы Ашхабадского, Марыйского, Керкинского, Чарджоуского и многих других районов республики размещаются теперь в специальных зданиях со светлыми классами (см. рис. 10), полностью оборудованных хорошей мебелью, необходимыми учебными пособиями. При каждой школе имеются библиотека, специальное, хорошо оформленное помещение для пионерской работы, спортивная площадка, цветник перед школой, пришкольный участок с фруктовым садом и опытными делянками. Для производственного обучения оборудованы мастерские, организованы курсы трактористов, шоферов, механизаторов широкого профиля, а для девочек созданы кружки домоводства, ковроделия и др. Весной, летом и осенью учащиеся старших классов под руководством педагогов проходят производственную практику

в общественном хозяйстве колхозов или совхозов. Им помогают специалисты сельского хозяйства. Все это способствует развитию у школьников трудовых навыков, воспитанию интереса к той или иной специальности. За выполненные школьниками работы колхозы начисляют трудодни.

К сожалению, местами наблюдается еще отсев девушек-туркменок из старших классов общеобразовательных школ, небольшой процент девушек живет и в интернатах. Относительно мало девушек учится в высших и специальных средних учебных заведениях²². Подобного рода факты не остаются без внимания, они предаются гласности через местную печать и осуждаются общественностью. Но все это уже единичные явления, ничуть не характерные для современного туркменского общества, где женщина ныне прочно заняла равноправное с мужчинами место в семье, на производстве и в общественной жизни.

Как важный этап в развитии народного образования следует отметить претворение в жизнь закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». К 1965/66 учебному году осуществлено всеобщее обязательное восьмилетнее обучение. Наряду с этим в школах проводилось трудовое воспитание, создавались учебно-опытные участки, мастерские и ученические производственные бригады. В школах, в том числе и в школах-интернатах, стали готовить механизаторов, полеводов, овощеводов, садоводов, шелководов, животноводов.

Работа школы-интерната № 2 в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района и работа многих других школ-интернатов республики, показывает, как в них по-новому организовано обучение и быт школьников. В общежитии выработан наиболее рациональный распорядок дня, обязательный для всех учащихся. За его неуклонным выполнением, за дисциплиной и чистотой, а главным образом за приготовлением уроков и внешкольными занятиями следят воспитатели. Они же организуют и отдых учащихся. Воспитанники в определенные часы гуляют во дворе, в школьном саду, ходят на экскурсии, занимаются спортом. Воспитанникам прививаются навыки правильного планирования своего времени, соблюдения требований санитарии и гигиены, у них воспитывается чувство товарищества и ответственности перед школой и преподавателями. При каждой школе-интернате организованы различные мастерские, где воспитанники приобретают специальные трудовые навыки, а на школьных приусадебных участках они знакомятся с основами агротехники и механизации сельского хозяйства. Система нового общественного воспитания в школах, школах-интернатах и группах с продлен-

ным днем и в других школьных и дошкольных учреждениях дает детям не только общее современное образование, но и всестороннее (трудовое, идейное, эстетическое, физическое, нравственное) воспитание. Как мы наблюдали в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района, им. Жданова Керкинского, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского, «Зарпчи» Марыйского и во многих других колхозах и районах республики, учителя, помимо учебно-воспитательной работы в школах, большое внимание уделяют массово-просветительной работе среди населения. Школьники, особенно старших классов, усваивая в школе культурные навыки, закрепляют их в своей семье. Нельзя в этой связи не отметить положительную роль общественности, школьных коллективов учителей и воспитателей. Разнообразная по формам и методам воспитательная работа общественности обуславливала повышение успеваемости учащихся, улучшала дисциплину и оказывала большое влияние на их семью, родителей.

Опыт воспитательной работы общественности с молодежью, например, в колхозе им. Халтурина Чарджоуского района и многих других подтверждает прогрессивность и действенность этого социального фактора. С каждым годом содержание и формы деятельности общественности развиваются и обогащаются, а ее роль в процессе формирования новых, социалистических норм поведения личности возрастает. Диалектика этого процесса явилась закономерным следствием развития советского общества.

Как показали результаты анкетного этнографического изучения населения колхоза им. Халтурина Чарджоуского и им. Жданова Керкинского района, большинство колхозников в возрасте от 16 до 50 лет имеют семи- и десятилетнее образование, а некоторые окончили среднее специальное или высшее учебное заведение. Многие совмещают работу на производстве с учебой в вечерних школах или на курсах, посещают университеты культуры, университеты сельскохозяйственных знаний или учатся заочно в вузах и техникумах республики.

В целом по республике число лиц, имеющих неполное среднее, среднее и высшее образование, на 1000 человек трудоспособного населения возросло с 29 человек в 1939 г. до 482 человек в 1959 г.²³

Молодежь в большинстве колхозов занимает в настоящее время достойное место в рядах передовой части колхозных тружеников, становясь активным участником новой формы социалистического соревнования — борьбы за звание ударников, звеньев и бригад коммунистического труда.

Все возрастающая техническая база, повышение интенсификации всех отраслей сельского хозяйства настоятельно требуют

²² «Туркменская искра», 24 июля 1965 г.; «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 7 января 1965 г.

²³ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Туркменская ССР». М., 1963, стр. 34.

постоянного повышения знаний, освоения новых профессий, творческого отношения к труду, умения управлять современной техникой и совершенствовать ее. Развивающееся движение широкой массы колхозников и рабочих совхозов за коммунистический труд представляет собой одно из высших проявлений тех общественных отношений в процессе производства, которые характеризуют постепенное перерастание социалистического сознания трудящихся в коммунистическое.

Огромную массово-воспитательную и культурно-просветительную работу среди учащихся ведут комсомольские и пионерские организации — верные помощники партии. Почти 40% республиканской комсомольской организации составляли в начале 1965 г. комсомольцы-школьники²⁴. В школе № 45 колхоза им. Жданова Керкинского района, например, комсомольцы составляют около 99% учащихся старших классов. Пионерская прослойка этой школы, как и почти всех других школ республики, достигла 100% по отношению к общему числу школьников пионерского возраста. Комсомольско-пионерская работа в этой и во многих других школах разнообразна и интересна: регулярно проводятся комсомольские и пионерские тематические вечера и сборы, массовые игры и т. д. Многие школы Чарджоуского, Керкинского, Ашхабадского, Марыйского, Байрам-Алийского и других районов Туркменистана организуют туристические походы по историческим местам республики, знакомятся с памятниками древней культуры.

Интересна и содержательна работа литературных кружков и кружков юных географов. Наряду с обязательным школьным физическим воспитанием широкое распространение получили и такие ранее неизвестные в Туркменистане виды спорта, как футбол, волейбол, легкая атлетика, бокс, туризм, велоспорт. По-прежнему в республике бытуют и национальные виды спорта: конные скачки, вольная борьба, перетягивание и некоторые другие. Все более входят в обычай соревнования спортсменов по многим видам спорта как своего села, школы, так и соседних колхозов, совхозов и районов. Спортивные соревнования привлекают большое количество зрителей, среди которых немало бывает стариков и женщин.

Центрами культурно-воспитательной работы на селе являются клубы, дома культуры, красные уголки, библиотеки. К началу 1968 года в сельских местностях Туркмении функционировало 522 клуба и 1110 библиотек с книжными фондами в 5896 тыс. экз.²⁵

При клубах работают различные кружки — художественной самодеятельности, агрозоотехнические, физкультурные и

др. В клубах постоянно проводятся лекции, семинары, консультации по различным вопросам колхозного производства и общественно-политической жизни. Выездные бригады клубов обслуживают полевые станы и отдаленные животноводческие фермы.

Формы культурно-просветительной работы, проводимой в клубах, весьма разнообразны. Например, в клубах колхозов им. Жданова и «Коммунизм» Керкинского района, им. Кирова Чарджоуского района, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района, «Мир» и «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района, «Ленинизм» Марыйского района и в Доме культуры Бахарденского района, помимо лекций и бесед на различные производственные и культурно-бытовые темы, при деятельном участии сельской интеллигенции проводятся вечера вопросов и ответов. Так, клуб Байрам-Алийского колхоза «Тезе-Ел» известен в республике как подлинный центр культурно-массовой работы, а его директор Реджеп Караев — как энтузиаст своего дела. Здесь постоянно ищут лучшие формы работы, и в результате клуб все больше привлекает внимание колхозников.

Однажды, например, по местному радио в колхозе «Тезе-Ел» было передано такое сообщение: «Дорогие колхозники и колхозницы, хлопкоробы, механизаторы и доярки! Через несколько минут в здании колхозного клуба слушайте устный журнал. Торопитесь, товарищи!» Далее диктор сообщил, каким вопросам будут посвящены страницы этого журнала. Ждать не пришлось. Вскоре после передачи объявления все места в клубе были заняты. Учитель Б. Худайназаров рассказал собравшимся о международном положении — «Что интересно в мире». Агроном и парторг А. Беков сообщил итоги работ и подробно остановился на задачах сельскохозяйственного производства. Затем началась демонстрация звукоцветовой газеты «За высокий урожай» — колхозная фотохроника, заснятая клубными активистами. Сидящие в зале видят на экране себя, своих друзей и товарищей по труду. Каждый кадр рассказывает об опыте работы. Звук записан на магнитофон. Был в газете и сатирический раздел, в котором запечатлены те, кто работал непроизводительно или уклонялся от работы, механизаторы, затянувшие ремонт, и т. д. Закончился вечер концертом художественной самодеятельности.

Большое положительное влияние на повышение общего уровня сельского населения оказывает все возрастающая сеть библиотек со специальными читальными комнатами при сельсоветах, школах, полевых станах, фермах. Ежегодно растет книжный фонд библиотек, все более широкий размах приобретает торговля книгами на селе, увеличивается подписка на различные периодические издания и газеты.

Годовой тираж журналов и других периодических изданий на родном языке составлял в конце 1966 г. 4491 тыс. экз., а ра-

²⁴ «Туркменская искра», 24 февраля 1965 г.

²⁵ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 126, 127; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

зовый тираж газет — 524 тыс. экз.²⁶ Для детей и юношества с 1925 г. в Туркменской ССР издаются газеты «Яш коммунист» и «Мыдам таяр», а с 1952 г. журнал «Пионер».

«В мире нет ни одной страны, — говорил М. И. Калинин, — где бы роль печати росла столь быстро, как у нас. И это естественно — рост грамотности, культуры, коллективности во всех сферах общественной деятельности вызывает у населения все большие потребности в печати... Она формирует воззрения людей, прививает им соответствующие привычки, создает общественное мнение по тому или иному вопросу, она организует усилия масс на выполнение как государственных, так и общественных задач»²⁷.

Знакомство с работой сельских библиотек в Чарджоуском, Керкинском, Саятском, Дейнауском, Байрам-Алийском, Марыйском, Тедженском районах показало, что круг читателей из года в год растет. Больше всего пользуются библиотеками учащаяся молодежь, сельская интеллигенция и колхозный актив. Лучше всего, с нашей точки зрения, организована работа библиотеки Октябрьского сельсовета Чарджоуского района, которой уже около 15 лет заведует Муса Ибрагимов. В этой библиотеке и ее читальном зале вечерами всегда многолюдно.

Хорошо организована также работа библиотек и читален в школе-интернате № 2 колхоза им. Халтурина Чарджоуского района (директор Рахметов), в средней школе № 45 села Эсенменгли Керкинского района (директор Тувус Таирова), в колхозе «Бирлешик» Сакар-Чагинского района (библиотекарь Ася Мадиярова), в сельхозартели «Ленинизм» Каахкинского района (библиотекарь — Аннакурбан Аннакуров), в колхозе им. Тельмана Ленинского района (библиотекарь Баба-Еллыев). Перечисленные работники этих библиотек хорошо знают своих читателей, организуют читательские конференции. Не только эти, но и другие библиотеки во время напряженных полевых работ выделяют передвижной фонд и выезжают на полевые станы.

Печатная продукция проникает теперь в самые отдаленные уголки республики. В настоящее время каждая семья сельского жителя выписывает в среднем одну или две газеты, а руководящие работники, колхозный актив, сельская интеллигенция, передовики-общественники, кроме двух-трех газет, получают также несколько журналов.

Через почтовые отделения при Октябрьском сельсовете Чарджоуского района в 1968 г. 665 семьям колхозников и служащих колхоза им. Халтурина доставляется 1167 экз. газет и 562 экз. журналов, а через почтовое отделение при сельсовете Эсенмен-

гли Керкинского района, обслуживающее колхоз им. Жданова (934 семьи колхозников), колхозники получали 1305 экз. газет и 789 экз. различных журналов²⁸.

Население дореволюционной Туркмении, будучи почти поголовно неграмотным, имело довольно смутное представление о газете и книге. В настоящее же время чтение газет, журналов, как и слушание радио, стало постоянной потребностью трудящихся села. Ныне села в основном радиофицированы, а многие семьи, кроме того, имеют радиоприемники. У туркмен некоторых районов республики наибольшей популярностью пользуются радиопередачи Ашхабада, Москвы, Баку, а в Чарджоуском, Дейнауском, Ташаузском районах чаще слушают Ташкент, чем Ашхабад. Объясняется это давними культурными связями населения этих районов с узбеками Бухары и Хорезма.

В колхозах им. Халтурина Чарджоуского района, «Коммунизм» Керкинского, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского, «Зарпчи», «Москва», «Правда» Марыйского района и целом ряде других колхозов республики уже много лет работают свои радиотрансляционные узлы, используемые для служебно-производственных и культурно-просветительных целей. По ним ведутся передачи о передовых и отстающих бригадах, звеньях и отдельных колхозниках, об успеваемости школьников, о роли учителей и родителей в воспитании и о режиме дня детей и т. д. Все такие передачи становятся предметом обсуждения в бригадах и звеньях, на животноводческих фермах, в школах и, что очень важно, в семьях колхозников.

Все больше стали проникать в быт сельских жителей телевидение, телефонизация. Ныне каждый сельский совет в колхозе имеет телефонную связь с районом и центром республики. Колхозы — «Зарпчи», «Москва» Марыйского района, «Коммунизм» Керкинского, «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района и многие другие колхозы республики — установили свои коммутаторы, обеспечив телефонной связью служебно-производственные участки и квартиры руководящих работников колхоза, а нередко и дома колхозников. Массовое использование сельским населением различных электробытовых приборов и аппаратов, телевизоров, радиоприемников, холодильников, стиральных машин существенно улучшает условия жизни тружеников села.

Важнейшим проводником современной культуры является кино. Сеть киноустановок, как и численность кинопередвижек, растет из года в год. Так, на начало 1968 г. в сельских местностях республики функционировало 646 киноустановок против 184 в 1940 г.²⁹ Во многих колхозах республики — им. Хал-

²⁶ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 128; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

²⁷ «Правда», 5 мая 1936 г.

²⁸ Полевые записи автора 1968 г. № 2.

²⁹ «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 127; архив ЦСУ Туркменской ССР. 1967 г.

турина, им. Кирова Чарджоуского района, «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района, «Коммунизм», «Красный Октябрь» Керкинского района и других — кинокартины демонстрируются почти ежедневно, в ряде других — 3—5 раз в неделю, местами 2—3 раза; однако в отдаленных от центра колхозах кинофильмы идут всего 4—5 раз в месяц. Больше всего посещают киносеансы мужчины, особенно молодежь. Довольно часто демонстрируются детские кинофильмы. Их посещает и старшее поколение.

Наибольшей популярностью пользуются, как мы много раз наблюдали, концерты и театральные постановки областных и республиканских театральных коллективов, а также коллективов художественной самодеятельности. В колхозы приезжают передвижные колхозный и кукольный театры, коллективы артистов с концертами, народные певцы, музыканты областного и республиканского театров и радиокомитета. Содержание просмотренных кинофильмов, концертов и постановок обсуждается и пересказывается зрителями, особенно школьной молодежью.

Таким образом, коллективное хозяйство, социалистические общественные отношения стали основой изменения не только производственного быта и материальной культуры, но и духовной жизни колхозных масс. Исследование произошедших и происходящих изменений в этой области обнаруживает закономерную тенденцию сближения духовной жизни рабочих совхозов и колхозников, общность многих их культурно-бытовых потребностей.

В целом работа сельских культурно-бытовых учреждений республики характеризуется большим разнообразием методов и форм борьбы за повышение культурного уровня людей, внедрением в их быт новых, социалистических норм поведения, преодолением пережитков прошлого.

Расширение кругозора сельских жителей Советского Туркменистана достигается путем лекционной пропаганды и постоянной работы агитколлективов. Возьмем, например, работу агитколлектива колхоза им. Халтурина Чарджоуского района. Этот коллектив насчитывает около 40 постоянно работающих активистов. В обеденный перерыв почти на каждом полевом стане можно видеть агитатора. Например, на полевом стане первой бригады этого колхоза заслуженной славой пользуется агитатор Максат Мамедкулиева. У нее, как и у преобладающего большинства агитаторов, не общие призывы — трудиться хорошо и жить культурно, а конкретные примеры, расчеты, заставляющие колхозников и колхозниц задуматься, искать правильный путь для достижения поставленной цели.

Очень важно, что агитаторы сами являются передовиками производства и убеждают не только словом, но и личным примером. Труженики полей узнают от них и о новых победах советского народа, и о важнейших событиях международной жизни,

и о передовом опыте и достижениях науки. На каждом полеваном стане вывешены обязательства бригады и колхоза, конкретные призывы, стенная газета или «боевой листок».

Немало положительного и в деятельности агитколлективов колхозов «Ленинизм» и «Зарпчи» Марыйского района, «Победа» и «Коммунист» Иолотанского района, им. Кирова Каахкинского района, «Коммунизм» Туркмен-Калинского района, им. Калинина Теджинского района. Агитаторы этих колхозов заботятся и о том, чтобы колхозники хорошо отдыхали после трудового дня. Наряду с лекциями, беседами организуются концерты, встречи с интересными людьми.

Лекции и беседы систематически проводит и Всесоюзное общество «Знание», имеющее свои филиалы в каждом колхозе, совхозе. Членами его в основном являются учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства.

За 1965 г. и четыре первых месяца 1966 г. для трудящихся республики только по линии общества «Знание» было прочитано более 96 тыс. лекций³⁰. Тематика лекционной пропаганды и агитации разнообразна. Много уделяется внимания международному и внутреннему положению, вопросам сельскохозяйственного производства, культуре труда и быта, общественной жизни, атеизму, борьбе с пережитками прошлого, с вредными традициями и обычаями и т. д.

Атеистическая пропаганда среди населения ведется в самых различных формах в зависимости от местных условий и состава слушателей. Народам «необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, — писал В. И. Ленин, — знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами...»³¹

Заслуживает внимания в этом отношении лекционная пропаганда, проводимая среди женщин Советом по атеизму и отделением общества «Знание» Керкинского района. В лекциях (их было прочитано в 1965 г. более 170) и беседах с колхозницами рассказывалось о производственных успехах, общественной работе и быте таких передовых туркменок, как Огульдурды Джумаева из колхоза им. Калинина, Оглай Овезовой из колхоза «Коммунизм», Товус Ашировой из колхоза им. Махтумкули и др. На конкретных примерах разъяснялось, как одурманивали шейхи паломников, идущих к историческому памятнику — мечети Астан-Баба, вымогали скот для жертвоприношения и подарки.

В настоящее время с лекциями по атеизму наряду с представителями районных и республиканских организаций выступ-

³⁰ «Туркменская искра», 26 июня 1966 г.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

пают сельская интеллигенция, передовики и организаторы сельского хозяйства. Это новое, прогрессивное явление в общественной жизни села. Оно свидетельствует об огромном росте общеобразовательной и политической подготовки сельского актива и колхозных кадров, о широком кругозоре передовиков производства. Так, в 1965 г., проводя этнографические исследования в колхозе им. Халтурина, им. XX партсъезда Чарджоуского района, мы не раз присутствовали на специализированных совещаниях по вопросам повышения урожайности сельхозкультур, снижения себестоимости продукции, повышения уровня механизации, химизации и производительности труда, дальнейшего развития животноводства и т. д., а также на беседах по атеизму и преодолению пережитков. Докладчики из числа передовиков и организаторов общественного хозяйства приводили интересные примеры не только из жизни своего колхоза, района и республики, но и передовых бригад и колхозов Узбекистана и Таджикистана, добившихся высокой производительности и культуры труда. Для подкрепления своих тезисов докладчики и выступавшие участники совещаний использовали сведения из республиканских газет, журналов, радиопередач и сообщений делегаций взаимопроверочных бригад о ходе выполнения социалистических обязательств.

Успехи культурного развития, которых добились туркмены, как и другие народы Советского Союза, при Советской власти, трудно переоценить. Вспомним для контраста слова прогрессивного русского писателя Г. И. Успенского о царской России: «...идея большого и малого явления, совершающегося в общей жизни государства, никогда не доходила до деревни, сюда являются только какие-то дребезги, если можно так выразиться, этой идеи, не дающие о ней никакого понятия, — деревня никогда не знает даже о причинах, влияющих прямо на ее экономическое положение, ее карман»³².

Важнейшая роль в культурном развитии и идейном воспитании трудящихся принадлежит сети партийного просвещения. Ежегодно политзанятия посещают тысячи коммунистов, комсомольцев и беспартийных, которые изучают не только историю партии, политическую экономию, диалектический и исторический материализм, но и различные организационно-хозяйственные, культурно-массовые проблемы, тесно связанные с международной и внутренней жизнью нашей страны.

В ходе развернутого строительства коммунизма возникли народные университеты, оказывающие самое благотворное влияние на подъем политического, технического и культурного уровня советских людей. В Туркменистане в 1967—1968 гг. общественных началах работало 14 университетов сельскохозяйственных

знаний, столько же университетов технического прогресса, 46 университетов культуры и здоровья, а всего 106 университетов, из них большинство в сельских местностях. В этих университетах — свыше 15 тыс. слушателей³³. Заслуживают внимания, например, университеты сельскохозяйственных знаний Каахкинского, Чарджоуского и Геок-Тепинского районов. Слушатели этих университетов изучают важнейшие вопросы земледелия и животноводства, знакомятся с новейшими достижениями сельскохозяйственной науки и передовой практики методами организации производства. Учебные планы, кроме специальных хозяйственных проблем, включают ряд лекций о культуре и быте населения, о связи школы с производством, о здравоохранении, об атеизме и т. д. Занятия нередко проводятся непосредственно в колхозах с наглядным показом достижений передовиков колхозно-совхозного производства. Популярность народных университетов очень велика.

В колхозе «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района в начале 1965 г. открыт первый университет культуры с двумя факультетами — музыки и драмы.

За успехи в постановке учебно-воспитательной работы, широкое развитие общественных начал и активное участие во Всесоюзном смотре 1964/65 учебного года оргкомитет смотра наградил дипломом первой степени Ашхабадский народный университет культуры и Геок-Тепинский университет сельскохозяйственных знаний, дипломом второй степени — университет научных знаний при Туркменском государственном университете, третьей степени — университеты при колхозе им. Халтурина, им. Жданова Чарджоуского района. Кроме того, оргкомитет смотра отметил почетной грамотой 57 преподавателей народных университетов³⁴.

Огромная заслуга в культурном развитии тружеников села принадлежит сельской интеллигенции, круг которой постоянно расширяется благодаря притоку специалистов с высшим и средним специальным образованием.

Огромное влияние на повышение культуры сельских жителей, как и всего туркменского народа, оказывает развитие родного языка, обогащение его заимствованными из русского языка и других языков словами. Широкое распространение русского языка делает возможным познать богатства русской и мировой культуры. Русский язык стал средством общения между народами Советской страны и постепенно становится вторым родным языком, способствующим взаимообогащению национальных культур и особенно формированию общесоветской культуры. Во время

³² Г. И. Успенский. Соч., т. 5, 1940, стр. 39—40.

³³ «Краткие статистические сведения о деятельности общества «Знание» Туркменской ССР (1964—1968 гг.). Ашхабад, 1968, стр. 5.

³⁴ «Туркменская искра», 2 декабря 1965 г.

проведения переписи 1959 г. многие представители нерусских народов показали своим родным языком русский. Например, 6533 туркмена при переписи 1959 г. назвали своим родным языком русский³⁵.

За 1946—1962 гг. с туркменского языка переведено на русский 75,6% всех изданных книг, с узбекского — 63,1% книг, с таджикского — 64,7%³⁶ и т. д. В 1961 г. по сравнению с 1956 г. количество переводных книг, например, с туркменского языка увеличилось с 3 до 9 языков, с узбекского — с 6 до 17 языков и киргизского — с 2 до 15³⁷. В дореволюционные годы на языках этих народов книги и журналы не издавались. Переводы и издания лучших художественных, научно-технических и других произведений одних народов на языки других — важный показатель крепнущих связей между советскими народами.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Большую роль в подъеме культуры туркменского народа сыграло здравоохранение. Успехи советского здравоохранения в Туркменистане особо показательны при сравнении с прошлым. В дореволюционные годы на территории Туркмении насчитывалось лишь 13 больниц, в которых работало 57 врачей. В этих больницах было 290 коек, из них 13 для беременных женщин и рожениц³⁸. Все они находились в городах; сельское население медицинскими учреждениями почти не обслуживалось. Тяжелые социально-экономические условия, культурная отсталость населения, нищета, плохие бытовые условия и отсутствие элементарных навыков гигиены были причиной широкого распространения среди туркмен различного рода заболеваний, высокой смертности, особенно в детском возрасте. Наиболее распространенными были глазные болезни (в частности, трахома), заболевания органов пищеварения, малярия, сифилис, дизентерия, корь, скарлатина, дифтерия. Царскую администрацию это не беспокоило. Начальник бывш. Закаспийской области на рапорте начальника Мервского уезда от 21 июня 1906 г. за № 11125 по поводу приглашения врача для городской больницы написал резолюцию: «...раздвигание штатов, не вижу нужды», — а на рапорте от 20 января 1909 г. за № 952 резолюция гласила: «Люди мощные, здоровые — не болеют, они живут и умирают. Для эпидемии же, сколько бы ни держать, никогда не будет довольно»³⁹. «Лекарями» были *табибы* — знахари и знахарки, которые не лечили,

³⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР», стр. 184.

³⁶ К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальных языков в СССР. Ташкент, 1963, стр. 210.

³⁷ «Печать в СССР в 1961 г.». М., 1962, стр. 22.

³⁸ «15 лет Туркменской ССР», стр. 67.

³⁹ К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. СПб., 1910, стр. 260.

а калечили людей и нередко способствовали еще более широкому распространению эпидемических заболеваний, приводивших в ряде случаев к вымиранию значительной части сельского населения, особенно детей⁴⁰. Наряду с невежественными табибами от всех болезней «лечило» молитвами духовенство, применявшее различного рода заклинания. Большинство болезней объяснялось сглазом, порчей или действием злых сил.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции здравоохранение стало общенародным, государственным делом. Появилось много медицинских учреждений как в городе, так и в сельских районах.

Развитие сети медицинских учреждений и рост числа врачей показаны в табл. X.

ТАБЛИЦА X. ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

	1926 г.*	1940 г.**	1959 г.**	1960 г.**	1966 г. 1967 г.**
Число больничных учреждений . .	30	99	154	313	257
Число больничных коек (в тыс.)	1,1	5,6	7,5	13,5	18,8
Число коек (врачебных и акушерских) для беременных женщин и рожениц	Нет сведений	788	887	1 638	2 069
Число женских консультаций и поликлиник	То же	106	85	136	157
Число врачей (включая зубных)	206	1019	1640	3 035	4 310
Число среднего медицинского персонала	412	4736	5363	10 635	14 556

* «15 лет Туркменской ССР», стр. 66—67.

** «Туркменистан за годы Советской власти», стр. 130; архив ЦСУ Туркменской ССР, 1967 г.

Большинство работающих в республике врачей и специалистов со средним медицинским образованием было выпущено Туркменским медицинским институтом, который за 30 с лишним лет своего существования подготовил около 5 тыс. врачей, из них 1613 туркмен, а также четырем средними медицинскими учебными заведениями, подготовившими свыше 9 тыс. медицинских работников, среди которых значительный процент составляют туркмены.

Большая забота проявляется о матери и ребенке. С каждым годом расширяется сеть женских и детских консультаций, уве-

⁴⁰ Л. Курбанов, Г. И. Карпов. Прошлое и настоящее туркменского народа. Ашхабад, 1942, стр. 25.

личивается количество родильных домов, коек в них, растет число постоянных и сезонных детских садов и яслей. Врач, фельдшер, акушерка, медицинская сестра и другие работники здравоохранения пользуются заслуженным авторитетом среди широкой массы сельского населения, к ним постоянно обращаются больные и роженицы.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Современного колхозника, как и рабочих совхозов и предприятий местной промышленности, характеризует высокая политическая сознательность, дисциплинированность и большая активность в производственной и общественной жизни.

Во время наших длительных этнографических работ в Чарджоуском (колхоз им. Халтурина), Керкинском (колхоз им. Жданова), Марыйском (колхоз «Зарпчи»), Байрам-Алийском (колхоз «Тезе-Ел»), Саятском (колхоз «Москва») и Дейнауском (колхоз «Москва») районах мы постоянно наблюдали деловое общение колхозников между собой не только в процессе работы, но и вечерами после трудового дня. Члены бригад собираются для обсуждения итогов работ или для того, чтобы послушать агитатора. На заседаниях правления колхоза, сельского совета или его комиссий часто присутствуют не только те, кому это требуется по должности, но и колхозники-активисты. В этом нельзя не видеть подлинного проявления советской демократии.

В результате бесед с колхозниками у нас сложилось убеждение, что абсолютное большинство тружеников села хорошо разбирается в политике, знает и правильно оценивает происходящие события, активно участвует в обсуждении вопросов развития общественного хозяйства, использования средств производства, трудовых ресурсов, внедрения передовых методов труда, планирования и распределения доходов, культурного строительства.

Направляющей и организующей силой всей производственной и общественной жизни сельского населения являются сельские Советы, партийно-комсомольские, общественные и хозяйственные организации, правления колхозов, культурно-просветительные учреждения. В состав местных Советов и правлений колхозов избираются, как правило, передовики колхозного и совхозного производства, представители сельской интеллигенции, рабочие. Так, в составе Октябрьского сельского совета Чарджоуского района большинство депутатов (78%) — колхозники, 17% составляет сельская интеллигенция и 5% — рабочие и служащие. Среди депутатов 60% — члены и кандидаты партии, комсомольцы. 26% депутатов этого сельсовета имеют 3—4-классное образование, 44% — 7-классное, 18% — среднее и 12% — высшее образование.

Исполнительный комитет этого сельсовета с 1952 по 1964 г. возглавляла Огулдурды Хыдырова, снискавшая всеобщее уважение своей организаторской деятельностью, вниманием к избирателям и к их запросам.

Депутат сельсовета Раджеп Рахмедов, коммунист, директор средней школы-интерната № 2 колхоза им. Халтурина, работая председателем постоянной комиссии по благоустройству, здравоохранению, культурно-просветительной и воспитательной работе, вместе с депутатом, главным врачом участковой больницы Джумаевым ведут большую и важную работу по улучшению быта, повышению культурного уровня сельского населения.

Активно работает комиссия сельсовета по сельскому хозяйству (председатель — депутат Аманов). В центре ее внимания находятся вопросы дальнейшего всестороннего развития общественного хозяйства, увеличения производства хлопка, хлеба, мяса, молока и других видов сельскохозяйственной продукции, снижения ее себестоимости. По инициативе этой комиссии было проведено несколько производственно-технических совещаний по вопросам обмена передовым опытом, переподготовке колхозных кадров, увеличению производства отдельных видов продукции земледелия и животноводства.

Из проведенных в 1967 г. 7 сессий сельского Совета на трех из них обсуждались (подготовленные этой комиссией) вопросы сельского хозяйства, дважды — вопросы улучшения быта и повышения культурного уровня населения.

В работе постоянных комиссий, как и сельсовета в целом, принимает участие большой актив села, и прежде всего передовые колхозники, учителя, медработники, механизаторы, специалисты сельского хозяйства, работники связи, клубов, библиотек, государственных и кооперативных учреждений. В их числе нельзя не отметить главного врача депутата тов. Джумаева. Его рабочий день не нормирован. Он ведет амбулаторный прием, посещает больных на дому (иногда и ночью), наблюдает за родильным домом и, несмотря на необычайную перегруженность, находит время для активного участия в общественной жизни, чтения лекций, проведения бесед по санитарии, гигиене и другим вопросам.

В тесном контакте с правлением колхоза работает и Чох-Петтинский сельский совет Керкинского района, возглавляемый Э. Джомартовым. Сельский совет в своей практической работе опирается на постоянные комиссии и многочисленный актив.

Большинство (из 52) депутатов Совета закреплено за определенными участками хозяйственной и общественной работы. Каждый из них имеет свои задачи, подсказанные наказами избирателей. В Чох-Петте и в колхозе «Коммунизм» успешно ведется борьба с религиозными и другими видами пережитков прошлого, настойчиво внедряется в быт новое, передовое.

Деятельными инициативными зарекомендовали себя и такие сельсоветы, как «Ясы-Депе» Чарджоуского района, «Медениет» Мургабского, «Багир» Ашхабадского, «Геокча II» Марыйского района, «Октябрь» Тахтинского района⁴¹. Все они накопили хороший опыт организаторской и воспитательной работы, активно содействуют росту общественного хозяйства, повышению культуры и улучшению быта населения.

Особенно многочисленный актив из коммунистов, комсомольцев и беспартийных создается вокруг Советов в период подготовки и проведения выборов в местные и верховные органы Советской власти и в народные суды. Предвыборные политикомассовые мероприятия включают публичные отчеты депутатов перед избирателями, проведение собраний по выдвижению кандидатов в депутаты, встречи этих кандидатов с избирателями и т. д. Сами выборы проходят в праздничной обстановке. Избиратели после голосования обычно вместе с членами своих семей смотрят кинофильмы или концерты художественной самодеятельности, слушают радиопередачи.

Изучение в течение нескольких лет практической работы Октябрьского сельского совета Чарджоуского района, Эсенменгли Керкинского, Мюльк-Учрук Марыйского и некоторых других показало все возрастающую активность депутатов и значительной части избирателей.

Каждый сельсовет республики уже много лет участвует в социалистическом соревновании за лучшие показатели по производству продукции сельского хозяйства, улучшению быта, повышению культуры и т. д.

Ход и итоги соревнования два-три раза в год проверяются представителями соревнующихся сельсоветов с участием представителя райсовета. Результаты обсуждаются на заседаниях исполкомов, освещаются в стенных и районных газетах, а иногда и в республиканских газетах «Совет Туркменистаны» и «Туркменская искра».

Важнейшая роль в постоянном улучшении работы местных Советов и правлений колхозов, в повышении политической и общественной активности жителей села принадлежит партийно-комсомольским организациям, численный состав которых за последнее десятилетие, особенно в связи с приходом в колхозы механизаторов, возрос более чем в 2 раза.

Коммунисты и комсомольцы, работая на самых ответственных участках общественного производства, принимают активное участие в руководстве сложной хозяйственной, общественной и культурной жизнью тружеников села, организуют социалистическое соревнование среди колхозников и вместе с беспартийным активом, обществом «Знание», женскими советами, совета-

ми стариков и другими проводят большую организаторскую и агитационно-массовую работу.

Знакомство с работой партийных комитетов и комсомольских организаций колхоза им. Халтурина Чарджоуского района, им. Жданова Керкинского района, «Москва» Дейнауского района показало разностороннюю их деятельность и глубокую заинтересованность в судьбе своего колхоза, совхоза, сельсовета. На собраниях таких организаций анализируются недостатки в работе отдельных участков, называются виновники упущений, даются деловые конкретные предложения. В последние годы на полях колхозов и совхозов республики успешно работают свыше тысячи комсомольско-молодежных бригад, в том числе более 150 тракторно-полевых бригад и бригад комплексной механизации⁴², например комсомольско-молодежная бригада Д. Абдулаева в колхозе «Коммунизм» Керкинского района, бригада Джумагельды Астанова в колхозе им. Кирова Чарджоуского района и многие другие, достигшие рекордных показателей.

Активными помощниками партийных организаций по внедрению нового быта являются работающие на общественных началах женские советы. Возглавляют эти советы, как правило, заместители председателей правлений колхозов по культуре. Обычно это учителя, врачи, агрономы, зоотехники и т. д.

Женские советы не только контролируют работу культурно-бытовых и детских учреждений, но и заботятся об улучшении бытового обслуживания и отдыха колхозников и колхозниц, организуют досуг детей и подростков, помогают матерям-работницам в воспитании детей, принимают деятельное участие в преодолении религиозных пережитков и полном изживании феодально-байского отношения к женщине. Так, заместитель председателя колхоза им. Кирова Чарджоуского района — заслуженная учительница республики Г. Ходжамбердыева — создала в своем колхозе лекторскую группу, постоянно действующую группу агитаторов; Г. Ходжамбердыева ведет интересные передачи по колхозному радио, руководит художественной самодеятельностью, проводит атеистические вечера и беседы, мобилизуя колхозный актив на борьбу с вредными пережитками прошлого. Она систематически проверяет санитарное состояние не только в общественных местах, но и в домах колхозников.

Женский совет в колхозе «Правда» Тахтинского района (председатель Г. Курбанова) регулярно ведет работу по выдвижению женщин на руководящую работу. В этом колхозе заместителем председателя колхоза работает Б. Шалыева, заведующей фермой Ч. Бердыева, на должность бригадира выдвинута Акджагуль Какышева, много женщин среди звеньевых. Благодаря ус-

⁴¹ «Известия Советов депутатов трудящихся СССР», 25 июня 1965 г.

⁴² Е. Г. Кривских. К коммунистическому самоуправлению. Ашхабад, 1963, стр. 8.

пешной деятельности женсовета многие девушки, оканчивающие среднюю школу, продолжают учебу в средних специальных и высших учебных заведениях⁴³.

Нельзя не отметить и успешную работу членов женсовета К. Непесовой, А. Яздумаевой, Г. Курмакаевой и др. в колхозе «Москва» Мургабского района. По их предложению, при клубе организована детская комната, в которой оставляют детей на время демонстрации кинофильмов или выступления коллективов художественной самодеятельности, для надзора за ними установлено дежурство нянь и воспитательниц⁴⁴.

Хорошо работают женсоветы в колхозах им. Жданова Ашхабадского района, им. Махтумкули и им. Кирова Каахкинского района.

Возникновение таких общественных организаций, как женские советы, ставящих своей целью борьбу за дальнейшее улучшение быта, повышение культуры, является ценной и важной инициативой. Она подсказана самой жизнью, продиктована благородным стремлением сельской интеллигенции и широкого советского и партийного актива развивать у населения общественные интересы, помогать ему в перестройке быта на новой, социалистической основе.

Назовем несколько имен женщин — заместителей председателей правлений колхозов, которые ведут большую общественно-воспитательную работу среди населения. Это Акбике Ачилова (колхоз им. Жданова Керкинского района), А. Аллаханова (колхоз «Коммунизм» Керкинского района), Язджемал Армедова (колхоз «Совет Туркменистаны» Ашхабадского района), Н. Розиева (колхоз им. Жданова Чарджоуского района), Курбандурсун Клычева (колхоз «Зарпчи» Марыйского района). В повседневной своей работе они показали умение организовывать, убеждать, воспитывать людей.

Положительную роль в подъеме общественного производства колхозов, в повышении культуры и перестройке быта колхозников стали играть и советы старейшин. У туркмен, как и у других народов Востока, пожилые люди, как известно, пользуются большим уважением и авторитетом.

В состав каждого совета старейшин входят старейшие мужчины и женщины, пользующиеся авторитетом жителей колхозного села, а также уважаемые всеми передовики и организаторы колхозного производства, учителя, медработники и др. Деятельность этих советов многообразна. Они наблюдают за производственной деятельностью бригад и звеньев, животноводческих ферм, за трудовой дисциплиной, за работой культурно-

бытовых учреждений села, интересуются устройством домашнего быта отдельных семей колхозников, помогают им воспитывать детей⁴⁵.

В колхозе «Москва» Калининского района совет старейшин ведет настойчивую разъяснительную работу по поводу нелепости ношения традиционного яшмака — символа молчания — туркменскими женщинами, которые получили все права, равные с мужчинами, и человеческое достоинство которых охраняется государственными законами. Почтенная Биби Изылова — член совета старейшин — первая сбросила яшмак. Ее примеру последовали многие женщины села.

В колхозе им. Халтурина (председатель Мамедкули Керимов) Чарджоуского района, где члены совета старейшин ведут постоянные беседы на атеистические темы, осуждая религиозные верования, суеверия и вредные обряды, прослеживается заметный отход от различных суеверий и религии.

Большое значение для подъема общественного хозяйства колхозов, преобразования производственного быта и всего уклада жизни тружеников села имеет широкое развитие общественного контроля. Колхозники и рабочие отдельных звеньев, бригад, животноводческой фермы, колхоза и совхоза или сельсовета и района в целом, включаясь в социалистическое соревнование, берут конкретные обязательства. Колхозники следят за их выполнением, коллективно обсуждают и освещают в печати результаты такой проверки. Все это оказывает огромную помощь в выполнении взятых обязательств, помогает выявить и устранить недостатки.

Большую роль играют созданные в колхозах и совхозах республики группы содействия комитетам народного контроля, работающие под руководством партийных организаций. Они систематически следят за своевременным и высококачественным выполнением в каждом колхозе, совхозе, бригаде, ферме заданий по производству продукции, экономии материалов и денежных средств, снижению себестоимости, вскрывают и устраняют недостатки в культурно-бытовом и медицинском обслуживании трудящихся, ведут борьбу с хищениями общественной собственности, нарушениями трудовой дисциплины и другими антиобщественными проступками.

Важной чертой производственного быта является широкий обмен опытом и распространение достижений новаторов. «Партия, — гласит Программа Коммунистической партии, — исходит из марксистско-ленинского положения: народ — творец истории, построение коммунизма — дело рук народа, его энергии, его разума»⁴⁶.

⁴³ И. Кадыров. Деятельность общественных организаций в колхозах Туркменистана в период развернутого строительства коммунизма. «Изв. АН Туркменской ССР». Серия общ. наук, 1965, № 1, стр. 97.

⁴⁴ «Новая жизнь и пережитки прошлого». Ашхабад, 1963, стр. 196.

⁴⁵ И. Кадыров. Указ. соч., стр. 97.

⁴⁶ «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 428.

Советским людям свойственно совершенно новое отношение к труду, к общественной собственности, коллективу. Колхозники Туркменистана, как и все советские люди, постоянно проявляют творческую инициативу в труде, самоотверженно борются за общее дело. Замечательные начинания новаторов, сила их примера, порожденная глубоко осознанным общественным долгом, умножают успехи всех отраслей народного хозяйства. Инициатива, например, передовиков-колхозников, механизаторов и организаторов сельского хозяйства Керкинского района в борьбе за комплексную механизацию и интенсификацию хлопководства, умелое применение и использование всего комплекса машин оказали большое влияние на увеличение производства хлопка, коконов, каракуля, мяса, молока и других видов сельскохозяйственной продукции.

Новаторы не держат в тайне свои методы работы, а передают их молодым колхозникам и колхозницам, рабочим совхозов, добиваясь общего подъема хозяйства.

В колхозе «Коммунизм» Керкинского района, например, тракторно-полеводческая бригада, руководимая Абдуллаевым, постоянно помогает отстающим бригадам устранять недостатки в их работе и добиваться высоких производственных показателей при возделывании хлопчатника.

Советские, партийные, комсомольские и хозяйственные организации колхозов, совхозов и районов распространяют опыт передовиков и организаторов сельского хозяйства, внедряют в производство достижения науки и техники и передового опыта.

Наглядной агитацией служат боевые листки, плакаты, диаграммы, схемы, выставки, доски почета с фотографиями и показателями работы передовиков колхозного производства и культурно-массовых мероприятий.

В колхозе им. Жданова Керкинского района только за 1967 г. было организовано 7 выставок, выпущено 14 стенных газет, свыше 100 боевых листов, в которых рассказывалось о новых методах работы новаторов и передовиков, критиковались недостатки. Большую роль в наглядной агитации играют лозунги, призывающие колхозников и колхозниц к повышению производительности труда, к образцовому выполнению и перевыполнению социалистических обязательств. Нельзя не отметить деятельности кабинета пропаганды передового опыта при доме культуры колхоза «40 лет СССР» Ташаузского района. Его посещают не только свои колхозники и сельская интеллигенция, но и труженики села из других колхозов: полеводы и животноводы, бригады и председатели правлений, лекторы общества «Знание», пропагандисты и агитаторы. В этом доме культуры немало наглядных пособий — плакатов, брошюр, книг, красочно оформленных диаграмм с показателями роста экономики колхозов Ташаузского района.

Кабинет пропаганды организует устные консультации специалистов по различным отраслям знаний, а также дважды в неделю передает по радио журнал «Наши маяки». В этих передачах рассказывается об опыте передовиков колхозного строительства. Например, одна из передач была посвящена работе лучшей доярки колхоза «Коммунизм» Ташаузского района Шураджан Артыковой.

Большое оживление в общественную жизнь вносят выступления участников художественной самодеятельности. Важной особенностью является ее подлинная народность. В начале 1966 г. в сельской местности республики было более 1800 коллективов художественной самодеятельности, в которых принимало участие около 25 тыс. человек⁴⁷. Концерты, выступления участников художественной самодеятельности перед тружениками села стали обычным явлением. Колхозники, как мы наблюдали, с большим вниманием и удовольствием слушают песни, музыку, смотрят танцы, драматические сценки.

Большой популярностью пользуются коллективы художественной самодеятельности колхоза «Тезе-Ел» Байрам-Алийского района, колхоза им. Жданова Керкинского района. Их драматический, хоровой и инструментальный кружки славятся не только в своем селе, районе, но и за его пределами. Самые добрые отзывы мы слышали от колхозников сельхозартели «Коммунизм» Мургабского района, им. Халтурина Чарджоуского района, «Мир» Ашхабадского района о работе художественной самодеятельности их колхозов.

Большую популярность среди тружеников села завоевали концерты, исполняемые на национальных инструментах — туй-дуках, дутарах, гиджиках.

В 1966—1967 гг. был проведен республиканский смотр сельской художественной самодеятельности, которому предшествовала огромная подготовительная работа и смотр на местах.

На республиканском смотре выступили: в первом туре свыше 3-х тыс. коллективов художественной самодеятельности, насчитывавших около 40 тыс. участников, в том числе 17 тыс. девушек-туркменок; во втором туре участвовало 504 коллектива и более 10 тыс. исполнителей, и в третьем туре выступало 123 коллектива и свыше 5 тыс. лучших исполнителей. В заключительном смотре фестиваля школьной самодеятельности участвовало более 600 школьников и школьниц.

Жюри фестиваля наградило дипломом 1-й степени 41 коллектив и 90 участников-исполнителей, дипломом 2-й степени — 32 коллектива и 71 исполнитель и дипломом 3-й степени — 24 коллектива и 39 исполнителей. Кроме того, 41 коллективу и 122

⁴⁷ «Туркменская искра», 5 марта 1966 г.

самодельными артистам были вручены медали⁴⁸. Многие талантливые участники художественной самодеятельности стали профессиональными артистами народных театров, танцевальных и музыкальных коллективов. Так, А. Рустамова стала артисткой кино, Дурдыева — профессиональной артисткой в Ташаузском областном драматическом театре.

Фестиваль вместе с тем способствовал дальнейшему развитию художественной самодеятельности, вовлечению новых сил в ряды ее участников, выявлению талантов, повышению культуры, идейно-художественного уровня населения и развитию всех видов самодеятельного искусства туркменского народа.

С каждым годом все чаще мастера искусств и творческие коллективы Туркменистана и соседних республик, в частности Узбекистана, выступают в сельских клубах, на полевых станах, фермах, дают там спектакли и концерты.

Замечательной традицией как по всей стране, так и в Туркменистане, стало проведение декад литературы и искусства братских народов. Эти декады помогают трудящимся лучше познакомиться с культурными достижениями других народов. Так, за последние годы успешно прошли декады туркменской литературы и искусства в Российской Федерации, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, Казахстане и других республиках. Гостеприимно принимал туркменский народ гостей и у себя.

Такой культурный обмен между советскими народами ведет к укреплению дружбы и интернациональной связи, к дальнейшему сближению народов. Современная советская культура во всем многообразии ее национальных форм основана на идейной общности, проникнута пафосом борьбы за мир и дружбу между народами, за дело коммунизма.

Под знаменем марксизма-ленинизма туркменский народ прошел величественный путь от феодального строя к социалистическому строю, строю, не знающему эксплуатации, от политического бесправия трудящихся к социалистической демократии, от национального угнетения к свободе и равенству, дружбе и взаимопомощи, от технико-экономической отсталости к передовой индустрии и высокомеханизированному коллективному сельскому хозяйству, от неграмотности к невиданному росту народного образования, науки и культуры.

В. И. Ленин подчеркивал, что «раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием»⁴⁹. И действительно, в Туркменистане и во всей нашей стране все

богатства принадлежат народу. В республике создана многоотраслевая индустрия, оснащенная новой сельскохозяйственной техникой. Повзрослел общий культурный и технический уровень колхозников. Например, нынешний труженик туркменского села — это тракторист, комбайнер, шофер, механизатор широкого профиля, человек с определенными техническими и организационными знаниями.

Расцвет национальных культур советских народов, и в частности туркменского народа, не означает одностороннего развития только национального, специфического, он включает и развитие интернациональных элементов в национальном. Взаимосвязь национального и интернационального характеризует собой одну из главных черт и закономерностей в развитии и сближении культур социалистических наций и народностей. Постепенное стирание национальных различий и их специфики — это объективная закономерность, являющаяся характерной чертой развития новой, социалистической культуры, которая воплощает в себе все многообразие и богатство духовной жизни советских людей, высокую их идейность и гуманизм. Это в условиях советского социалистического строя осуществляется на основе общности политических, экономических и духовных интересов, расширения экономических и культурных связей. «Экономические и культурные связи народов СССР», — говорил с трибуны XXIII съезда КПСС Л. И. Брежнев, — «становятся все более тесными и многообразными. Идет великий процесс сближения народов, укрепления нерасторжимых уз их дружбы и братства, единства и сплоченности»⁵⁰.

⁵⁰ «Материалы XXIII съезда КПСС». М., 1966, стр. 88.

⁴⁸ Архив Министерства культуры Туркменской ССР. 1967 г.

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Туркменский народ прошел длительный путь исторического развития. До Великой Октябрьской социалистической революции туркмены имели довольно сложную и разветвленную родоплеменную структуру, которая постоянно видоизменялась. Одни родоплеменные группы укрупнялись, другие дробились и теряли свою самостоятельность и обособленность, часть их вливалась в более крупные, образуя подразделения в новых границах обитания.

Такие племенные группы туркмен, как эрсари, сакар, хыдыр-эли, салыр, теке, йомут, гоклен, представляли собой не родственные по происхождению племена, а территориальные объединения, сложившиеся из различных этнических компонентов. Лишь в народных преданиях и легендах они выступают как генеалогически родственные племена.

Чрезвычайно большая сложность и пестрота родоплеменного состава туркмен, разнообразие диалектов их языка указывают и на то, что в процессе исторического развития предки современных туркмен входили в соприкосновение с различными этническими группами и народами Средней Азии, Казахстана, Ирана, которые оказывали влияние на язык, культуру и быт туркмен и принимали участие в их формировании.

Победа Великого Октября и образование Туркменской ССР, индустриализация и социалистическое преобразование всех отраслей сельского хозяйства, сопровождавшееся земле-водоустройством, обусловили изживание родоплеменного деления туркмен.

С победой социализма в Туркменистане завершилась национальная консолидация туркменского народа и формирование туркменской социалистической нации.

В разные периоды истории и в разных историко-этнографических областях земледелие и скотоводство в зависимости от уровня развития каждой из этих отраслей определяли основные занятия и общий тип хозяйства.

В целом оно было отсталым, полунатуральным, малопродуктивным. Система ирригации, техника земледелия и орудия труда у них были примитивными.

Господство амляковых и вакуфных форм землевладения усиливало феодальную эксплуатацию трудового дайханства, обрекая его на нищенское существование.

За годы Советской власти произошло коренное переустройство всего народного хозяйства Туркменской ССР. Основу этих преобразований составляло осуществление ленинской национальной политики в области ускоренного промышленного и культурного развития Туркменистана.

Туркменский народ в исторически короткий срок решил одну из важнейших задач социалистического строительства — коллективизацию сельского хозяйства. В результате социалистическая система стала единственной формой ведения сельского хозяйства республики. Коренная реконструкция технически несовершенной старой системы орошения и строительство новых ирригационных систем и регулирующих гидротехнических сооружений, а также усиление материально-технической базы решили в основном проблему орошения земледельческих районов республики и обводнения значительной территории пастбищ. Особенно важную роль в этом отношении сыграл Каракумский канал.

Победа социализма в сельском хозяйстве обусловила вместе с тем и полное преобразование всего уклада хозяйственной, общественной и духовной жизни трудящегося дайханства Туркменистана. На смену десяткам тысяч мелких индивидуальных дайханских хозяйств с примитивной техникой и орудиями труда, замкнутых в рамках родоплеменных и территориальных общин, пришли новые трудовые коллективы. «Переход советской деревни к крупному социалистическому хозяйству, — говорится в Программе КПСС, — означал великую революцию в экономических отношениях, во всем укладе жизни крестьянства»¹.

Жизнь, практика, научные исследования показали, что в ходе социалистического строительства росло новое общественное сознание тружеников туркменского села, утверждалось идейное их единство, марксистско-ленинская идеология, ставшая могучей движущей силой социального прогресса, важным фактором «...всестороннего развития человеческой личности, этой высшей ценности в мире»². В Туркменистане на основе глубоких социально-экономических и культурных преобразований сформировались новые, прогрессивные особенности производственного и материального быта, семейных и общественных отношений, возникли новые традиции и обряды, изменились взгляды, мораль,

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 328.

² «Коммунист», 1968, № 6, стр. 17.

а главное, сложилось социально-политическое и идейное единство народа, его высокая общественная и трудовая активность, советский патриотизм и интернационализм, дружба и взаимопомощь.

Ныне в общественном хозяйстве колхозов и совхозов трудятся колхозники и колхозницы, рабочие и работники, практически и теоретически освоившие или осваивающие современную технику. Для повышения технической грамотности в каждом колхозе и совхозе созданы необходимые условия. Так, во многих колхозах и совхозах организованы школы передового опыта и народные университеты, пополняющие сельскохозяйственные знания и повышающие общее культурное развитие тружеников села.

Овладение техническими знаниями при высокой механизации порождает творческое отношение к труду, что служит основой для развития процесса стирания существенных различий между умственным и физическим трудом. Зачатки этого явления уже отчетливо прослеживаются в передовых колхозах Туркменистана, особенно в бригадах коммунистического труда. Движение за коммунистический труд свидетельствует о формировании нового сознания у тружеников села, для передовых представителей которых социалистическое соревнование, борьба за повышение производительности и культуры труда, переустройство быта становится нормой повседневной жизни.

Победа колхозного строя, непрерывный рост материального благосостояния колхозных масс обусловили коренные изменения в характере расселения. Появились новые колхозные и совхозные поселки социалистического типа, развитие которых идет по линии дальнейшего благоустройства и превращения их в современные культурные центры.

Чрезвычайно показательны и те изменения, которые произошли в развитии жилища сельских жителей и его убранстве. Характерной особенностью современных поселений является застройка их по типовым проектам и благоустройство. В типовых проектах, разрабатываемых с учетом специфики быта, находят отражение наиболее ценные архитектурные традиции, отвечающие вкусам народа.

Одежда туркменского народа благодаря росту его культуры и материального благосостояния за советское время сильно изменилась. Теперь для всего сельского населения республики характерно сочетание элементов городского костюма с традиционными формами одежды, наличие нескольких комплектов повседневной и праздничной одежды, белья, обуви. Сохранение некоторых традиционных форм повседневной одежды, как наиболее приспособленных к местным условиям, вполне закономерно.

Равноправие женщин в производственной и общественной деятельности привело к коренной ломке старого семейно-быто-

вого уклада и сложению малой моногамной семьи. Теперь малая семья является господствующей формой. Отношения между всеми членами семьи строятся на основе равенства и взаимопомощи. Обычно супруги, занятые в общественном производстве, совместно выполняют домашние работы и ухаживают за детьми. Существенно изменилась и форма заключения брака, свадебная обрядность, семейно-бытовые традиции. Из года в год увеличивается число комсомольских свадеб, смешанных в национальном отношении браков, оказывающих большое влияние на развитие новой семьи. В межнациональных семьях, как и в многонациональных колхозах и совхозах, в совместном труде наиболее интенсивно и непосредственно осуществляется взаимовлияние и взаимообогащение людей различных национальностей, формирование у них коммунистических взаимоотношений, а также интернациональное воспитание. Все эти явления, наблюдаемые в жизни туркменского и других советских народов, характеризуют собой социалистический интернационализм в действии, одну из важных сторон сближения социалистических наций и народностей. «Сближение социалистических наций,— говорил с трибуны XXIII съезда КПСС тов. Рашидов,— идет через всесторонний расцвет каждой из них. В условиях социализма расцвет наций достигается благодаря их сближению, а сближение происходит благодаря их расцвету»³, что полностью соответствует интересам каждой нации и народности Советского Союза. Этот многогранный процесс будет продолжаться и в дальнейшем ходе коммунистического строительства.

«В процессе строительства коммунизма,— говорится в тезисах к 150-летию со дня рождения Карла Маркса,— ускоряется выравнивание уровня развития всех сторон экономической и культурной жизни народов СССР, происходит сближение и взаимообогащение социалистических наций, непрерывно развиваются общие черты в их культуре, духовном облике. Наряду с этим все полнее разворачиваются жизненные силы и способности каждой нации и народности, развивается их экономика, расцветает их культура»⁴. Культура, как показывают приведенные в книге материалы, национальная по форме, социалистическая по содержанию, будет развиваться на новой, советской интернациональной основе. Расцвет культуры обеспечивается неуклонным проведением в жизнь генеральной линии Коммунистической партии и героическим трудом всех народов Советского Союза.

³ «Правда», 31 марта 1966 г.

⁴ «Коммунист», 1968, № 6, стр. 17.

ОГЛАВЛЕНИЕ

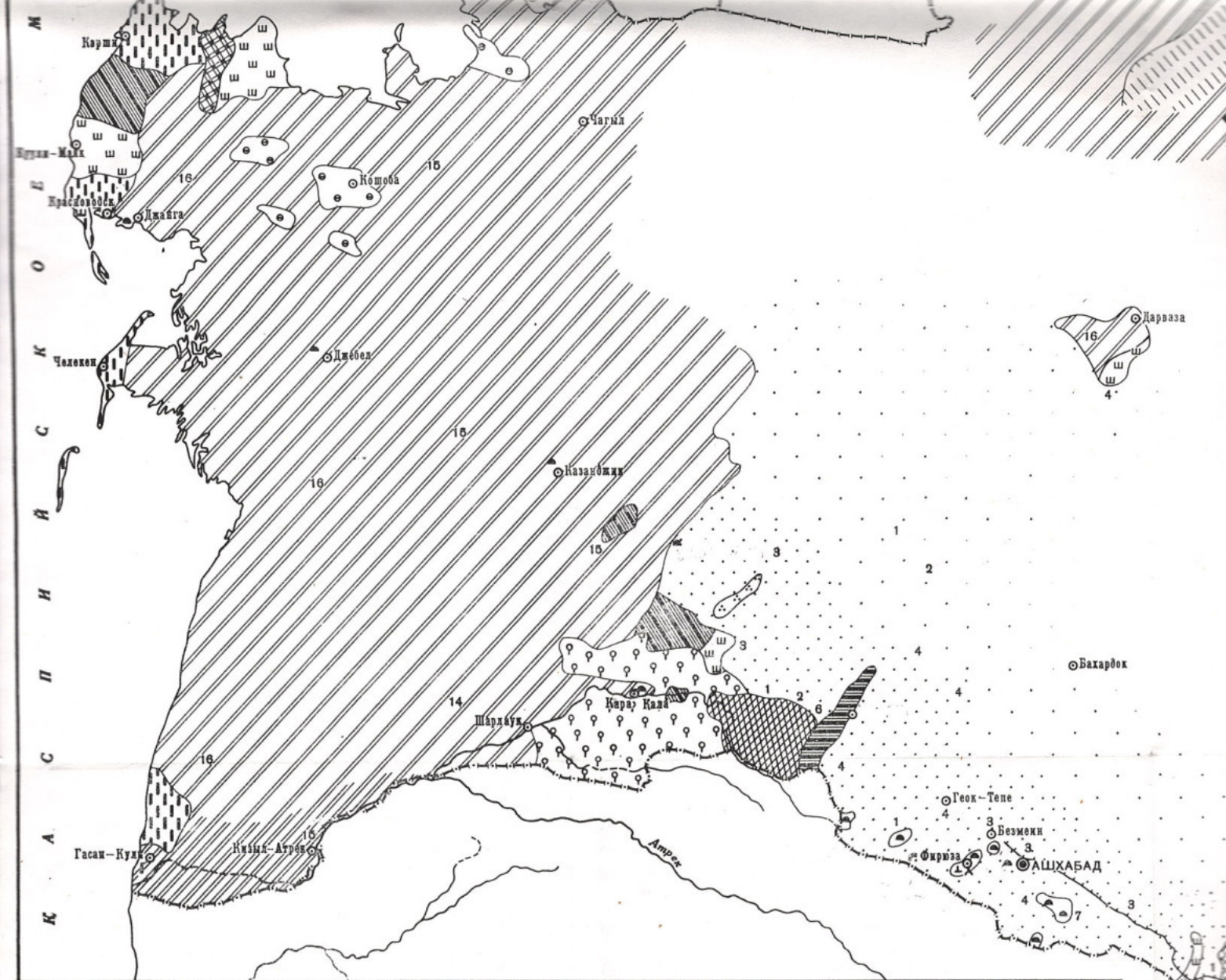
ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I	
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ	20
Родоплеменной и национальный состав населения Туркменистана во второй половине XIX — начале XX в.	20
Современные этнические процессы	57
Глава II	
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОИЗВОДСТВЕННОГО БЫТА	68
Общее направление хозяйства в прошлом и настоящем	63
Способы орошения и техника земледелия	75
Скотоводство	80
Шелководство	85
Социально-экономические и аграрные отношения	86
Социалистическая реконструкция сельского хозяйства	105
Переустройство ирригации	106
Становление социалистических форм хозяйства	103
Организационно-хозяйственное укрепление колхозов	115
Многоотраслевое общественное хозяйство колхозов и производственный быт колхозников	124
Глава III	
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	142
Поселения и жилище	143
Транспорт и связь	177
Одежда и украшения	178
Пища	225
Глава IV	
СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	228
Дайханская семья во второй половине XIX — начале XX в.	228
Борьба за раскрепощение женщины и современное ее положение	238
Современная семья у туркменских колхозников	249
Брак, свадебная обрядность, семейно-бытовые традиции	266
Воспитание детей	274
Глава V	
КУЛЬТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ	279
Народное образование и просвещение	279
Здравоохранение	296
Общественный быт	298
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	303

ОПЕЧАТКИ

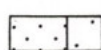
Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
58	9 стр.	3,1	37,2
94	13 стр.	туркменский	туркестанский
191	7 стр.	рис. 2	рис. 3

Я. Р. Винников

У С Л О В Н Ы Е   О Б О З Н А Ч Е Н И Я

Текинцы: 1-бағш, 2-сычмаз, 3-беқ, 4-векил, 5-мехенли, 6-сунчали, 7-аннаули, 8-буркозли, 9-неджеур

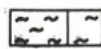
Эрсари: 10-кара, 11-бекаул, 12-улуг-депе, 13-гюнеш

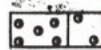
Йомуды: 14-байрам-шалы, 15-чоннатабай, 16-шериф джафарбай, 17-дуюджи

Огурджали

Салым

Човдур

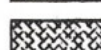
Голлены вил. корент

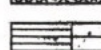
Нохурли

Мурчали

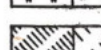
Алили (али-эли)

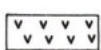
Сарыки

Сангары

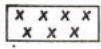
Эсмет

Керадашлы

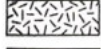
Чандыр

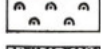
Бахты: 19-агар, 20-ув

Арабачи

Хыдыр-эли: 21-ходжайли, 22-кутчи

Эски

Каркын

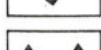
Мукры

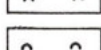
Хатаб

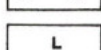
Олан

Святли

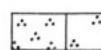
Несенли

Элеч

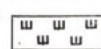
Аймак, намакчи

Ата

Ходжа

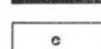
Ших

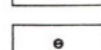
Сенд

Бужаклы

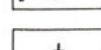
Узбеки

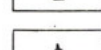
Казахи

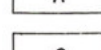
Каракалпани

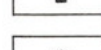
Курды

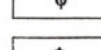
Персы (ираны)

Русские

Немцы

Арабы

